

Д. Рогов

80

ЖУРНАЛЬ
ГРАЖДАНСКАГО И УГОЛОВНАГО
ПРАВА

ИЗДАНИЕ С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ГОДЪ ТРИНАДЦАТЫЙ

1883

КНИГА ПЯТАЯ

МАЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА
1883

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

1) Авторамъ присылаемыхъ рукописей, редакція проситъ озаботиться о ясномъ и четкомъ письмѣ текста, особенно иностраннаго, а равно и цитатъ, такъ какъ иногда приходится отказывать въ помѣщеніи статьи—по неразборчивости почерка. Рукописи, неудобныя къ печатанію, не возвращаются, но могутъ быть получены въ редакціи авторами или уполномоченными ими лицами. По истеченіи года со дня полученія, рукописи, невзятые обратно—уничтожаются.

2) Гонораръ, въ установившемся размѣрѣ, получается въ редакціи самими авторами; иногороднымъ онъ высылается съ вычетомъ почтовыхъ расходовъ. Статьи, получаемыя безъ заявленія о вознагражденіи, считаются безплатными. Авторскіе оттиски заготавлиются лишь въ томъ случаѣ, когда объ этомъ будетъ заявлено заблаговременно.

3) Статьи не должны превышать *трехъ печатныхъ листовъ*. Статьи, превышающія этотъ размѣръ, печатаются по особому соглашенію съ редакціею, а при отсутствіи особаго соглашенія, по усмотрѣнію редакціи.

4) Всѣ принятые для напечатанія статьи, въ случаѣ надобности, подлежатъ сокращенію и исправленію.

5) Лицъ, желающихъ видѣть скорѣйшій разборъ ихъ трудовъ, редакція проситъ, въ обоюдномъ интересѣ, доставлять свои сочиненія *въ двухъ экземплярахъ*, тотчасъ по выходѣ ихъ въ свѣтъ.

6) Объявленія печатаются: для періодическихъ изданій *безплатно*, при условіи взаимности; для всѣхъ прочихъ—по 5 руб. за страницу и 30 к. за строку. За размѣлку объявленій при журналѣ, взимается по 5 р. съ тысячи.

7) **О перемѣнѣ адреса** сообщается редакціи своевременно, до сдачи книги на почту; при невозможности же исполнить это, слѣдуетъ сообщить мѣстной почтовой конторѣ свой новый адресъ и извѣстить редакцію о перемѣнѣ адреса, для высылки слѣдующихъ книжекъ журнала, причемъ слѣдуетъ обозначить мѣсто прежняго отправленія журнала и съ какого нумера высылать журналъ по новому адресу.

См. на оборотѣ

80

ЖУРНАЛЪ
ГРАЖДАНСКАГО И УГОЛОВНАГО
ПРАВА

ИЗДАНИЕ С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ГОДЪ ТРИНАДЦАТЫЙ

1883

КНИГА ПЯТАЯ

МАЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА
1883

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Для гг. подписчиковъ на кассационныя рѣшенія.

1) Сданы на почту 4 мая: Рѣш. гр. кас. деп. 1882 г. листы 15—17.

2) Въ устраненіе недоразумѣній, редакція заявляетъ, что жалобы гг. подписчиковъ на неполученіе отдѣльныхъ листовъ кас. рѣшеній, принимаются лишь *въ теченіи мѣсяца* со дня выхода той книги журнала, въ которой указаны сроки сдачи листовъ на почту.—Жалобы, заявленныя по истеченіи мѣсяца, по ограниченному числу экземпляровъ кас. рѣш., которыми располагаетъ редакція и по невозможности повѣрки причинъ недоставленія отдѣльныхъ листовъ почтою, удовлетворяемы быть не могутъ.

3) Въ виду недоумѣній, возбуждаемыхъ существующею системою изданія кас. рѣш.—со стороны новыхъ подписчиковъ,—редакція имѣетъ честь объяснить, что по установившемуся порядку изданія рѣшеній Сенатскою типографіею, какъ въ типографіи, такъ и при журналѣ, подписка принимается не на рѣшенія даннаго года, а на рѣшенія, которыя будутъ отпечатаны типографіею въ данномъ году, съ 1-го по 1-е января.

Rec. May 13, 1905.

СОДЕРЖАНІЕ ПЯТОЙ КНИГИ.

	<i>стр.</i>
I. Узакононенія и распоряженія правительства. . .	XLIII-LXIV.
II. Личный составъ	1 — 2.
III. Протоколы уголовного отдѣленія спб. юридическаго общества: XLVI. Засѣданіе 5 февраля (разсмотрѣніе проекта общей части уголовного уложенія ст. 20—30).	33 — 48.
IV. По поводу проекта общей части русскаго уголовного уложенія. <i>В. Палаузова</i>	1 — 16.
V. О нашемъ безприсяжномъ судѣ (наблюденія практика) <i>Д. Маркова</i>	17 — 54.
VI. О вознагражденіи невинно къ суду уголовному привлекаемыхъ <i>И. Фойницкаго</i>	55 — 86.
VII. О недостаткахъ нашихъ гражданскихъ законовъ (второй раздѣлъ 1 ч. X т.) <i>К. Змирлова</i>	87 — 136.
VIII. Нѣсколько отдѣльных замѣчаній по проекту общей части уголовного уложенія гг. <i>О. Лихтенштадта, А. Эмменбогена и В. Микляшевскаго</i>	137—162.
IX. Краткія замѣчанія на проектъ общей части русскаго уголовного уложенія <i>Франца фонъ-Гольцендорфа</i> , проф. мюнхенскаго унив. (переводъ съ оригинала <i>С. Латышева</i>).	162—168
X. Замѣтки:	
1) Дѣло г. Савицкаго (апелляціонная жалоба; рѣчь <i>В. Д. Спасовича</i> ; приговоръ сената).	1 — 58.
2) О значеніи фиктивныхъ банковыхъ операцій, проводимыхъ съ цѣлью маскированія растратъ. <i>Я. Городыскаго</i>	58 — 88.
3) Опрежденіе сената по дѣлу о ксендзѣ <i>Осипѣ Бѣлявскомъ</i>	89 — 101.
XI. Объявленія	I — VII.

Приложенія

XII. Движеніе русскаго гражданского процесса, изложенное на одномъ примѣрѣ. <i>Соч. Г. Вербловскаго</i>	209—240.
---	----------

УЗАКОНЕНІЯ И РАСПОРЯЖЕНІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

(съ 15-го Марта по 15-е Апрѣля).

ОТДѢЛЪ I.

А. Высочайшія повелѣнія.

31) *Объ обязанности присутственных мѣстъ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ принимать прошенія, писанныя на русскомъ языкѣ или на мѣстныхъ нарѣчіяхъ.*

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ законовъ и гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ опредѣленіе общаго собранія первыхъ трехъ департаментовъ и департамента герольдіи правительствующаго сената по вопросу о томъ, обязаны-ли судебныя мѣста Остзейскихъ губерній принимать прошенія, поступающія отъ жителей этихъ губерній на русскомъ языкѣ, принявъ во вниманіе, что проектированное сенатомъ измѣненіе дѣйствующаго закона, обезпечивая жителямъ Прибалтійскихъ губерній право подачи въ тамошнія судебныя мѣста прошеній какъ на русскомъ, такъ и на нѣмецкомъ языкахъ, даетъ поводъ къ предположенію, что означенныя учрежденія не обязаны принимать подаваемые частными лицами бумаги, которыя будутъ писаны на существующихъ въ этомъ краѣ мѣстныхъ нарѣчіяхъ (эстонскомъ и латышскомъ). При недостаточномъ, вообще говоря, знакомствѣ съ русскою рѣчью кореннаго въ губерніяхъ Эстляндской, Лифляндской и Курляндской населенія, приведенное ограниченіе могло-бы имѣть своимъ послѣдствіемъ то, что просьбы и заявленія, подаваемые эстами и латышами судебнымъ властямъ, излагались-бы, нерѣдко, можетъ быть, вопреки желанію самихъ просителей,—на языкѣ нѣмецкомъ, для нихъ непонятномъ. Между тѣмъ, такой результатъ, который создавалъ-бы преимущество нѣ-

ж. гр. и уг. пр. кн. v 1883 г.

мецкой рѣчи не только предъ употребляемыми въ краѣ мѣстными нарѣчіями, но и предъ языкомъ обще-государственнымъ, очевидно не соотвѣтствовалъ-бы видамъ правительства, тѣмъ болѣе, что изданными въ послѣднее время узаконеніями признана равноправность сихъ нарѣчій съ языкомъ нѣмецкимъ. При томъ, даже прежній законъ, въ измѣненіе котораго предлагается проектированное правительствующимъ сенатомъ правило, допускаетъ присылку въ судебныя мѣста Прибалтійскихъ губерній бумагъ, составленныхъ на другихъ, кромѣ русскаго и нѣмецкаго, языкахъ, если просители имѣютъ жительство во внутреннихъ губерніяхъ имперіи. Отмѣнять это право въ настоящее время, при сохраненіи гражданства за нѣмецкимъ языкомъ, было-бы неудобно и едва ли справедливо.

Во вниманіе къ этому надлежитъ, по мнѣнію государственнаго совѣта, измѣнить предначертанное постановленіе въ смыслѣ возложенія на судебныя учрежденія названнаго края обязанности принимать прошенія также на эстонскомъ и латышскомъ нарѣчіяхъ.

Остановливаясь на такомъ заключеніи, государственный совѣтъ не могъ не замѣтить, что такъ какъ статья 122 ч. 1 свод. мѣстн. узак. Остз. относится лишь до судебныхъ установленій, то всѣ прочія присутственныя мѣста будутъ имѣть возможность, руководствуясь точнымъ смысломъ статьи 121 той-же части свода, возвращать прошенія, подаваемые на русскомъ языкѣ. Между тѣмъ, къ опредѣленію двойственнаго въ семъ отношеніи порядка не усматривается достаточныхъ основаній, тѣмъ болѣе, что многія изъ сихъ мѣстъ имѣютъ смѣшанный судебно-административный характеръ. Вслѣдствіе того возникаетъ вопросъ: не слѣдуетъ-ли издаваемому закону придать болѣе общее значеніе, распространивъ оный на всѣ вообще присутственныя мѣста Прибалтійскихъ губерній?

Въ отношеніи къ сему вопросу, главноуправляющій кодификаціоннымъ отдѣломъ при государственномъ совѣтѣ объяснилъ, что статья 121 подверглась уже въ изготовляемомъ нынѣ продолженіи къ своду Остзейскихъ узаконеній значительнымъ измѣненіямъ, на основаніи изданныхъ съ 1845 года постановленій относительно употребленія русскаго и нѣмецкаго языковъ въ дѣлопроизводствѣ присутственныхъ мѣстъ Прибалтійскаго края, а равно въ перепискѣ ихъ какъ между собою, такъ и съ прочими правительственными учреждениями имперіи.

Усматривая изъ сего объясненія, что въ настоящее время

весьма затруднительно было-бы изложить съ точностью самую редакцію статей 121 и 122 свода Остзейскихъ учреждений, государственный совѣтъ призналъ возможнымъ ограничиться въ обсуждаемомъ случаѣ изданіемъ правила, дополняющаго и разъясняющаго, въ указанномъ выше смыслѣ, статьи свода мѣстныхъ Остзейскихъ узаконеній, относящихся къ указанному предмету.

Согласно всѣмъ изложеннымъ соображеніямъ, государственный совѣтъ *мнѣніемъ положилъ*:

Въ дополненіе и разъясненіе подлежащихъ статей части первой свода мѣстныхъ узаконеній Остзейскихъ губерній, постановить:

„Судебныя и другія присутственныя мѣста губерній Остзейскихъ, не исключая и тѣхъ, которыя производятъ дѣла на нѣмецкомъ языкѣ, обязаны принимать прошенія и другія бумаги, писанныя на русскомъ языкѣ или на одномъ изъ мѣстныхъ (эстонскомъ и латышскомъ) нарѣчій. Прошенія и инымъ бумагамъ, составленнымъ на означенныхъ языкѣ или нарѣчіяхъ, дѣлается, въ случаѣ надобности, по распоряженію присутственнаго мѣста, точный переводъ на нѣмецкій языкъ, для дальнѣйшаго производства.“

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе государственнаго совѣта Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить (№ 286).

32) *О правѣ на возведеніе въ личное почетное гражданство сыновей нижнихъ и рабочихъ чиновъ, которые подвергались штрафу.*

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ законовъ и гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ опредѣленіе общаго собранія первыхъ трехъ департаментовъ и департамента герольдіи правительствующаго сената, по вопросу о правѣ на возведеніе въ личное почетное гражданство сыновей офицеровъ и чиновниковъ, подвергшихся на службѣ општрафованію, со внесеніемъ штрафовъ въ послужные списки, не встрѣтилъ препятствія согласиться, въ существѣ, съ заключеніемъ правительствующаго сената. Вмѣстѣ съ тѣмъ, принимая во вниманіе, что ходатайствовать о личномъ причисленіи къ почетному гражданству могутъ, по закону, сыновья бывшихъ нижнихъ чиновъ не только военнаго вѣдомства, но и служившихъ по вѣдомствамъ путей сообщенія, горному, монетному, соляному и на горныхъ за-

нодахъ, а равно сыновья рабочихъ чиновъ, дослужившихся до офицерскаго званія, государственный совѣтъ счелъ необходимымъ распространить проектированное правило, въ одинаковой мѣрѣ, на всѣхъ указанныхъ лицъ.

Вслѣдствіе сего, государственный совѣтъ *мнѣніемъ положилъ*:

Въ дополненіе пункта 29 статьи 506 законовъ о состояніяхъ (свод. зак. т. IX, изд. 1876 года), постановить:

„Означенные въ семъ пунктѣ сыновья нижнихъ и рабочихъ чиновъ, подвергшіеся, во время состоянія въ нижнемъ званіи, штрафамъ, лишающимъ права на производство въ офицерскій или классный чинъ, со внесеніемъ сихъ штрафовъ въ формулярные списки, могутъ быть возводимы въ личное почетное гражданство не прежде, какъ по испрошеніи подлежащимъ начальствомъ Высочайшаго соизволенія на то, чтобы понесенное такимъ лицомъ взысканіе не считалось препятствіемъ къ полученію наградъ, установленныхъ за безпорочную службу.“

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе государственнаго совѣта Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить (№ 287).

33) *Объ усыновленіи священнослужителями и церковными причетниками православнаго исповѣданія.*

Государственный совѣтъ *мнѣніемъ положилъ*:

Въ дополненіе подлежащихъ статей законовъ гражданскихъ (свод. зак. т. X ч. I), постановить:

1) Священнослужителямъ и церковнымъ причетникамъ (дьякамъ, пономарямъ и псаломщикамъ) православнаго исповѣданія, предоставляется усыновлять, съ тѣмъ, чтобы при этомъ соблюдались: а) относительно тѣхъ изъ означенныхъ лицъ, которыя принадлежать къ дворянству, правила, установленныя для сего состоянія; б) относительно не принадлежащихъ къ дворянству: священнослужителей — узаконенія объ усыновленіи личными дворянами, а церковныхъ причетниковъ постановленія объ усыновленіи почетными гражданами.

2) Независимо отъ документовъ, которые должны быть прилагаемы при прошеніяхъ объ усыновленіи, упомянутые священнослужители и церковные причетники представляютъ также свидетельства о разрѣшеніи онаго епархіальнымъ архіереемъ.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе государственнаго совѣта Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить (№ 290).

34) *О предоставленіи министру юстиціи права утверждать уставы вспомогательныхъ и ссудо-сберегательныхъ кассъ для служащихъ по вѣдомству министерства юстиціи.*

Государь Императоръ, по положенію комитета министровъ, вслѣдствіе представленія министра юстиціи, въ 18-й день февраля 1883 года, Высочайше соизволилъ на предоставленіе министру юстиціи права утверждать уставы вспомогательныхъ и ссудо-сберегательныхъ кассъ для служащихъ по вѣдомству министерства юстиціи, по надлежащемъ сношеніи относительно кредитныхъ операцій кассъ съ министромъ финансовъ (№ 298).

35) *Объ отмѣнѣ закона, по силѣ котораго доказывающіе дворянство малороссіане обязаны представлять свидѣтельство о несостояніи въ подушномъ окладѣ.*

Государственный совѣтъ въ соединенныхъ департаментахъ законовъ и гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ опредѣленіе общаго собранія первыхъ трехъ департаментовъ и департамента герольдіи правительствующаго сената по вопросу о затрудненіяхъ при примѣненіи статьи 71 законовъ о состояніяхъ (изд. 1857 года), призналъ воплѣть правильнымъ состоявшееся въ правительствующемъ сенатѣ заключеніе объ отмѣнѣ закона, по силѣ котораго малороссіане, доказывающіе свое дворянское происхожденіе, должны, независимо отъ другихъ удостовѣряющихъ отыскиваемыя права документовъ, представлять свидѣтельства казенныхъ палатъ о томъ, что ни сами просители, ни предки ихъ, не состояли въ подушномъ окладѣ. Устраненіе такого требованія по мнѣнію государственнаго совѣта, тѣмъ болѣе возможно, что послѣднее давно уже утратило свое значеніе. Изъ соображенія статьи 67 законовъ о состояніяхъ (изд. 1876 г.) со статьею 336 этой части свода оказывается, что приведенное правило было установлено въ видѣ льготной мѣры, имѣвшей цѣлію предупредить записку отыскивающихъ дворянское достоинство жителей малороссіи въ податныя сословія, такъ какъ, по общему закону, возбужденіе ходатайства о возстановленіи въ правахъ дворянства не освобождаетъ просителя, впредь до утвержденія въ ономъ, ни

отъ внесенія въ ревизію, ни отъ платежа государственныхъ повинностей (зак. о сост. ст. 336) Но льгота эта прекратилась съ 1-го января 1839 года, при чемъ непредставившіе, до истеченія сего срока, доказательствъ на потомственное дворянство и непріобрѣвшіе по гражданскимъ чинамъ дворянства личнаго обращены были тогда-же въ казачье сословіе и обложены всѣми лежавшими на немъ повинностями, съ запрещеніемъ именоваться дворами, но съ сохраненіемъ права доказывать принадлежность къ оному установленнымъ порядкомъ. Такимъ образомъ, изложенное въ пунктѣ 2 статьи 67 тома IX постановленіе, при обременительности его выполненія для правительственныхъ учрежденій, является нынѣ безцѣльнымъ и излишнимъ.

Вслѣдствіе вышеизложеннаго, государственный совѣтъ *мнѣніемъ положилъ*:

Пунктъ 2 статьи 67 законовъ о состояніяхъ (свод. зак. т. IX изд. 1876 года) отмѣнить.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе государственнаго совѣта Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить (№ 335).

33) Объ источникахъ удовлетворенія расходовъ по производству квартирныхъ денегъ судебнымъ слѣдователямъ въ округъ Варшавской судебной палаты.

Государственный совѣтъ, *мнѣніемъ положилъ*:

1) Производство квартирныхъ денегъ судебнымъ слѣдователямъ въ губерніяхъ Царства Польскаго, удовлетворять въ 1883 г. изъ квартирнаго въ помянутыхъ губерніяхъ сбора, причемъ внесенную въ ст. 1 § 5 смѣты министерства юстиціи 1883 г. къ условному отпуску сумму на означенный предметъ, 33,500 р., причислить къ свободнымъ ресурсамъ государственнаго казначейства;

и 2) Предоставить министру юстиціи, по сношеніи съ кѣмъ слѣдуетъ, войти въ соображеніе о возможности покрывать объясненные расходы изъ того же источника и на будущее время, въ связи съ условіями примѣненія къ губерніямъ Царства Польскаго положенія о квартирной повинности 1874 г., и предположенія свои по сему предмету внести на разрѣшеніе государственнаго совѣта ко времени разсмотрѣнія въ совѣтѣ финансовыхъ смѣтъ на будущій 1884 г.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе государственнаго совѣта, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить (№ 366).

32) О дополненіи и разъясненіи положенія о обязательномъ выкупѣ крестьянскихъ надѣловъ въ великороссійскихъ и малороссійскихъ губерніяхъ.

Государственный совѣтъ мнѣніемъ положилъ:

Въ дополнение и разъясненіе Высочайше утвержденного 28 декабря 1881 г. положенія о выкупѣ надѣловъ, остающимися въ обязательныхъ отношеніяхъ къ помѣщикамъ крестьянами въ губерніяхъ, состоящихъ на великороссійскомъ и малороссійскомъ мѣстныхъ положеніяхъ (собр. узак. 1882 г. ст. № 1), постановить слѣдующія правила:

1) Установленная статьею 3 сего положенія выдача помѣщикамъ изъ казны положеннаго по уставнымъ грамотамъ оброка, послѣ 1 января 1883 г., до назначенія выкупныхъ ссудъ, производится по полугодно (съ 1 января по 30 іюня и съ 1 іюля по 31 декабря) впередъ, если въ уставной грамотѣ содержится условіе объ уплатѣ крестьянами оброка также за полгода впередъ; въ противномъ случаѣ, означенная выдача производится по истеченіи каждаго полугодія.

2) Если послѣ введенія въ дѣйствіе уставной грамоты въ составѣ отведеннаго сельскому обществу надѣла или въ размѣрѣ опредѣленнаго за пользованіе онымъ оброка произошли перемѣны, то упомянутый оброкъ выдается, послѣ 1 января 1883 г., изъ казны въ размѣрѣ, соотвѣтствующемъ происшедшей перемѣнѣ, съ надлежащею, смотря по обстоятельствамъ дѣла, скидкою или безъ оной (полож. 28 декабря 1881 г. ст. 3).

3) Содѣйствіе правительства къ выкупу крестьянскихъ надѣловъ распространяется и на такія имѣнія, въ которыхъ крестьяне получили въ надѣлъ однѣ усадебныя земли безъ полевыхъ угодій. Размѣръ выкупной ссуды по такимъ имѣніямъ опредѣляется посредствомъ шестипроцентной капитализаціи положеннаго за усадебный надѣлъ оброка, съ соблюденіемъ при этомъ правилъ, установленныхъ относительно размѣра ссудъ при выкупѣ усадебъ вмѣстѣ съ полевымъ надѣломъ (свод. зак. т IX, особ. прил. изд. 1876 г., полож. о выкупѣ ст. 66 и 67).

4) Предоставленное сельскимъ обществамъ статьями 124 и 134 Высочайше утвержденного 19 февраля 1861 г. мѣстнаго положенія о поземельномъ устройствѣ крестьянъ въ губерніяхъ великороссійскихъ, новороссійскихъ и бѣлорусскихъ право отказываться навсегда отъ части мірской полевой земли, съ соотвѣтственнымъ уменьшеніемъ повинностей, въ тѣхъ случаяхъ, когда число душъ въ обществѣ сократится на одну пятую часть или болѣе (не отъ увольненія крестьянъ самимъ обществомъ, а по какимъ-либо инымъ причинамъ), сохраняется за сельскими обществами и послѣ 1 января 1883 г. до дня предъявленія имъ выкупнаго акта по положенію, Высочайше утвержденному 28 декабря 1881 г.

5) Заявленія крестьянъ объ отказѣ отъ всего надѣла, послѣдовавшія, на основаніи Высочайше утвержденного 26 февраля 1871 года положенія главнаго комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія, до 1 января 1883 г., признаются дѣйствительными и получаютъ дальнѣйшій ходъ въ установленномъ порядкѣ: заявленія же, дѣлаемые по прошествіи сего срока, оставляются безъ послѣдствій.

6) Въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ крестьянамъ, заявившимъ до 1 января 1883 г. желаніе отказаться отъ надѣла, назначены были, по силѣ Высочайше утвержденного 25 ноября 1879 г. положенія главнаго комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія, сроки для выполненія условій отказа, сроки сіи сохраняютъ свою силу до полнаго ихъ истеченія. При этомъ оброки за означенныхъ крестьянъ могутъ быть выдаваемы помѣщикамъ изъ казны лишь по прошествіи упомянутыхъ сроковъ и при томъ, только тогда, когда къ этому времени условія отказа не будутъ крестьянами выполнены.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе государственнаго совѣта, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить (№ 383).

38) *Объ устройствѣ поселянъ, водворенныхъ въ Закавказскомъ краѣ на земляхъ лицъ, неимѣющихъ права владѣть населенными мѣстностями.*

Государственный совѣтъ. *мнѣніемъ положилъ*

I Дѣйствіе Высочайше утвержденныхъ 5 сентября 1877 года правилъ о поземельномъ устройствѣ государственныхъ поселянъ, водворенныхъ на земляхъ лицъ, не принадлежащихъ къ высшему мусульманскому сословію въ Эриванской губерніи и въ Ахалцихскомъ уѣздѣ Тифлисской губерніи, распространить на всѣ населен-

ныя имѣнія въ губерніяхъ Закавказскаго края (за исключеніемъ Кубинскаго уѣзда. Бакинской губерніи), перешедшія, до 22 февраля 1879 г., во владѣніе лицъ, неимѣющихъ, по закону, права владѣть населенными имѣніями.

II. Утвержденное 10 января 1877 г. Его Императорскимъ Высочествомъ бывшимъ Намѣстникомъ Кавказскимъ положеніе о по-земельномъ устройствѣ государственныхъ поселянъ, водворенныхъ на земляхъ лицъ высшаго мусульманскаго сословія въ Кубинскомъ уѣздѣ, Бакинской губерніи, примѣнить къ поселянамъ, водвореннымъ въ имѣніяхъ, принадлежащимъ лицамъ не изъ упомянутаго сословія, съ соблюденіемъ при томъ слѣдующихъ измѣненій и дополненій:

1) Означеннымъ поселянамъ предоставляется въ собственность усадебная ихъ осѣдность, въ томъ составѣ, какъ она опредѣлена ст. 9 положенія 10 января 1877 г. и примѣчаніемъ къ оной.

2) Размѣръ и составъ существующаго поселенскаго надѣла не могутъ подлежать, безъ согласія поселянъ, никакому измѣненію. Но въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ въ пользованіи поселянъ окажется земли (со включеніемъ усадебной осѣдности) менѣе пяти десятинъ на каждую душу мужскаго пола, поселяне имѣютъ право, если по мѣстнымъ условіямъ окажется возможнымъ, требовать прирѣзки до размѣра пяти десятинъ изъ свободныхъ земель владѣльца остающихся въ его распоряженіи.

3) Взиманіе сборовъ съ предметовъ хозяйства и промышленно-сти, какъ то: скота, птицы, масла, сыра и т. п., а равно отбываніе обязательныхъ рабочихъ дней, тамъ, гдѣ сіи повинности доселѣ существовали, отиѣняются навсегда.

4) Отдѣльный поселянскій дымъ, въ случаѣ отказа, на основаніи ст. 26 и 27 положенія 10 января 1877 г., отъ пользованія полевымъ надѣломъ, можетъ оставить за собою принадлежащую ему въ собственность усадьбу, съ находящимися на ней постройками, или иначе распорядиться ею, по своему усмотрѣнію.

5) Относительно имѣній общаго владѣнія лицъ, принадлежащихъ и не принадлежащихъ къ высшему сословію, соблюдаются слѣдующія правила: а) уставныя грамоты составляются на цѣлое селеніе, съ обозначеніемъ, какая доля доходовъ имѣнія причитается каждому изъ совладѣльцевъ, и б) распредѣленіе дагъека и другихъ повинностей между владѣльцами предоставляется ихъ взаимному между собою соглашенію, а если его не послѣдуетъ, то распре-

дѣленіе сіе производится мировымъ посредникомъ соотвѣтственно поземельнымъ правамъ владѣльцевъ и долямъ ихъ участія въ доходахъ имѣнія, причемъ причитающаяся каждому владѣльцу часть повинностей обозначается въ уставной грамотѣ.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе государственнаго совѣта, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить (№ 385).

39) *Объ ассигнованіи суммъ на содержаніе канцелярій Правительствующаго Сената и Московскаго архива министерства юстиціи.*

Государственный совѣтъ, мнѣніемъ положилъ:

I. Продолжить еще на три года, т. е. до 1 января 1886 года, отпускъ суммъ, исчислявшихся до нынѣ по смѣтамъ министерства юстиціи на содержаніе канцелярій правительствующаго сената и Московскаго архива министерства юстиціи, въ размѣръ *четыре-сотъ одиннадцати тысячъ четырехсотъ сорока четырехъ рублей въ годъ.*

II. Предоставить министру юстиціи, ко времени истеченія узаконнаго въ предыдущей статьѣ срока, т. е. не позднѣе осени 1885 г. внести на разсмотрѣніе государственнаго совѣта предложенія о размѣрѣ кредита, который окажется необходимымъ въ будущемъ на содержаніе канцелярій правительствующаго сената и Московскаго архива министерства юстиціи.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе государственнаго совѣта Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить (№ 387).

40) *Объ образованіи, временно, въ первопрестольномъ градѣ Москвѣ присутствій перваго департамента Правительствующаго Сената, а также общаго сената собранія. (Указъ Правительствующему Сенату).*

Признавъ за благо на время коронованія Нашего призвать правительствующій сенатъ къ присутствованію въ первопрестольномъ градѣ Нашемъ Москвѣ, повелѣваемъ:

I. Образовать временно въ первопрестольномъ градѣ Москвѣ присутствія: Перваго департамента правительствующаго сената, а также общаго сената собранія изъ первоприсутствующихъ въ департаментахъ, общихъ ихъ собраніяхъ и учрежденныхъ въ составѣ

сената особыхъ присутствіяхъ, съ присоединеніемъ къ нимъ сенаторовъ 1-го департамента сената.

II. Упомянутымъ присутствіямъ предоставить отправленіе согласно учрежденію правительствующаго сената, обязанностей по обнародованію манифестовъ, указовъ и повелѣній. Нашихъ, а равно производство текущихъ дѣлъ.

III. Исполненіе обязанностей оберъ-прокурора и канцеляріи означенныхъ присутствій возложить на оберъ-прокурора 1-го департамента правительствующаго сената и чиновъ канцелярій сената, имѣющихъ быть командированными въ Москву, въ потребномъ числѣ, по распоряженію министра юстиціи.

Правительствующій сенатъ къ исполненію сего не оставитъ учинить благовременно надлежащее распоряженіе.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

Въ Гатчинѣ,

«АЛЕКСАНДРЪ».

13-го апрѣля 1883 года.

(№ 390).

Ч1) *О порядкѣ совершенія крѣпостныхъ актовъ на покупку земельныхъ участковъ, приобретаемыхъ при содѣйствіи крестьянскаго поземельнаго банка.*

Государственный совѣтъ *мнѣніемъ положилъ:*

Въ дополненіе Высочайше утвержденнаго 18-го мая 1882 года положенія о крестьянскомъ поземельномъ банкѣ, а также въ измѣненіе и дополненіе подлежащихъ статей свода законовъ постановить, относительно совершенія крѣпостныхъ актовъ на покупку земельныхъ участковъ, приобретаемыхъ съ содѣйствіемъ сего учрежденія, слѣдующія правила:

1) Крестьяне, желающіе воспользоваться ссудой изъ крестьянскаго поземельнаго банка для покупки приторгованной ими земли, обращаются въ этотъ банкъ или въ мѣстное, по состоянію имуществъ, его отдѣленіе съ заявленіемъ, въ которомъ обозначаются размѣръ и срокъ погашенія испрашиваемой ссуды, а если проситель желаетъ, чтобы о разрѣшеніи оной было сообщено непосредственно нотаріусу, у котораго покупщикъ и продавецъ условились совершить купчую крѣпость, то указываются также фамилія сего нотаріуса и мѣсто нахожденія его конторы. При заявленіи должны быть представлены независимо стѣ документовъ, означенныхъ въ статьѣ 19 положенія о крестьянскомъ поземельномъ банкѣ, также деньги для припечатанія въ сенатскихъ объявленіяхъ запрещенія на приобретаемую землю.

2) Если состоявшееся между покупщиком и продавцом предварительное условіе о продажѣ земли (полож. о крест. позем. банк. ст. 19) обеспечивается задаткомъ, то покупщику предоставляется такой задатокъ внести въ мѣстное отдѣленіе банка, которое выдаетъ его продавцу при окончательномъ расчетѣ (ст. 13).

3) Отдѣленіе банка, по разсмотрѣніи поступившаго заявленія и находящихся при немъ приложений (ст. 1), входитъ въ совѣтъ крестьянскаго поземельнаго банка съ представленіемъ о разрѣшеніи испрашиваемой ссуды. Въ случаѣ недостаточности представленных документовъ, отдѣленіе банка имѣетъ право потребовать отъ просителя необходимыхъ въ дополненіе къ нимъ актовъ

4) Получивъ отъ совѣта банка увѣдомленіе о разрѣшеніи ссуды, отдѣленіе выдаетъ или высылаетъ просителю надлежащее о томъ удостовѣреніе, съ указаніемъ въ немъ размѣра и срока разрѣшенной ссуды, а въ случаѣ заявленнаго симъ лицомъ желанія—препроводжаетъ такое же удостовѣреніе и указанному имъ нотаріусу (ст. 1).

5) Нотаріусъ, совершивъ купчую крѣпость на общемъ основаніи, препровождаетъ выписъ изъ актовой книги непосредственно отъ себя къ старшему нотаріусу, съ приложеніемъ указаннаго въ статьѣ 4 удостовѣренія.

6) Въ утвержденіи купчей крѣпости старшій нотаріусъ руководствуется дѣйствующими постановленіями относительно утвержденія актовъ, коими устанавливаются права на недвижимое имущество, съ соблюденіемъ при томъ правилъ, изложенныхъ въ статьяхъ 7—12 настоящаго узаконенія.

7) Запрещенія, лежащія на покупаемой землѣ въ обезпеченіе долговъ и взысканій, не служатъ препятствіемъ къ утвержденію купчей на нее крѣпости, если общая сумма долговъ по всѣмъ симъ запрещеніямъ въ совокупности не превышаетъ назначенной ссуды и слѣдующей къ ней доплаты наличными деньгами. Въ такомъ случаѣ, доплачиваемая сумма вносится старшему нотаріусу, который отсылаетъ ее въ мѣстное отдѣленіе банка.

8) О встрѣченныхъ законныхъ препятствіяхъ къ утвержденію купчей крѣпости старшій нотаріусъ безотлагательно сообщаетъ тому отдѣленію крестьянскаго поземельнаго банка, изъ котораго испрашивалась ссуда.

9) Объ оказавшемся на продаваемой землѣ спорѣ, хотя бы спорное имущество и не состояло подъ запрещеніемъ (зак. гражд.

ст. 1392), старшій нотаріусъ сообщаетъ также подлежащему отдѣленію крестьянскаго поземельнаго банка и затѣмъ утверждаетъ купчую крѣпость только тогда, когда со стороны совѣта банка извѣлено будетъ согласіе на принятіе этой земли въ обезпеченіе ссуды.

10) Послѣ утвержденія купчей крѣпости и внесенія ея въ крѣпостную книгу, выписъ акта не выдается участвующимъ въ немъ сторонамъ, но отсылается въ мѣстное отдѣленіе крестьянскаго поземельнаго банка. За изготовленіе выписи и приложеніе къ ней печати никакой платы не взимается.

11) Въмѣстѣ съ отсылкою выписи акта въ отдѣленіе банка (ст. 10), старшій нотаріусъ извѣщаетъ его о суммахъ, которыя слѣдуютъ къ удержанію изъ продажной цѣны въ обезпеченіе исковъ, по коимъ числятся на продаваемой землѣ запрещенія (зак. гражд. ст. 775, 1388, 1456—1458), сообщая при этомъ, куда именно каждая изъ удержанныхъ суммъ должна быть передана.

12) Объявленія о совершеніи купчихъ крѣпостей (зак. гражд. ст. 761) на земли цѣною не свыше *трехсотъ* рублей, приобретаемыя при содѣйствіи крестьянскаго поземельнаго банка, печатаются въ сенатскихъ объявленіяхъ бесплатно.

13) Въ тѣхъ случаяхъ, когда продавцу причитается одна только ссуда безъ всякихъ приплатъ отъ покупателя, отдѣленіе, по полученіи выписи утвержденной купчей крѣпости, доноситъ о томъ совѣту банка, который, одновременно съ назначеніемъ ссуды, сообщаетъ въ сенатскую типографію о наложеніи запрещенія на проданную землю. Слѣдующія продавцу деньги выдаются ему, по явкѣ въ отдѣленіе, или высылаются по указанному имъ мѣсту жительства, причемъ удерживается сумма, подлежащая, по сообщенію старшаго нотаріуса, отчисленію на обезпеченіе исковъ, означенныхъ въ ст. 11 настоящаго узаконенія. Когда же, сверхъ ссуды со стороны покупателя должна быть произведена доплата, то упомянутыя распоряженія дѣлаются не прежде, какъ по представленіи покупщикомъ слѣдующихъ въ доплату денегъ или, въ замѣнъ оныхъ, акта, которымъ продавецъ обязался отсрочить либо разсрочить доплату. Для сего покупатель извѣщается отдѣленіемъ о послѣдовавшемъ доставленіи въ оное утвержденной старшимъ нотаріусомъ купчей. Если, въ теченіе трехъ мѣсяцевъ со дня полученія означеннаго извѣщенія, покупатель не представитъ слѣдующихъ съ него денегъ или упомянутаго акта, то купчая крѣпость признается

несостоявшеюся, о чемъ отдѣленіе банка сообщаетъ старшему нотаріусу и нотаріусу, совершившему актъ, а также доносить совѣту банка.

14) Утвержденную старшимъ нотаріусомъ (купчую крѣпость отдѣленіе банка выдаетъ покупщику или, въ случаѣ его отсутствія, препровождаетъ къ мировому судѣ того участка, гдѣ находится купленная земля, для выдачи покупщику и для ввода его во владѣніе приобрѣтеннымъ имуществомъ.

15) Вводъ во владѣніе совершается мировымъ судьей, въ присутствіи приобрѣтателя и свидѣтелей, съ соблюденіемъ правилъ изложенныхъ въ статьяхъ 1427 — 1434, 1436 и 1437 устава гражданского судопроизводства (свод. зак. т. X ч. II кн. 1, изд. 1876 г.).

16) Въ мѣстностяхъ, гдѣ не введено въ дѣйствіе положеніе о нотаріальной части, отдѣленіе крестьянскаго поземельнаго банка сообщаетъ о послѣдовавшемъ разрѣшеніи ссуды (ст. 4) тому изъ имѣющихъ право совершать крѣпостные акты учреждений (зак. гражд. ст. 729), которое будетъ указано покупщикомъ. Учрежденіе сіе совершаетъ купчую крѣпость на установленномъ для него основаніи, съ соблюденіемъ правилъ, изложенныхъ въ статьяхъ 8, 9, 11 и 12 настоящаго узаконенія, а равно нижеслѣдующаго:

а) при совершеніи купчей, означенное учрежденіе удостовѣряется въ томъ, что предполагаемое къ продажѣ имущество дѣйствительно принадлежитъ отчуждающему, истребованіемъ отъ него доказательствъ на принадлежность имущества, согласно съ правилами, въ законахъ гражданскихъ опредѣленными;

б) по вписаніи купчей въ книгу, на основаніи ст. 822 законовъ гражданскихъ, актъ не выдается сторонамъ, но отсылается въ то отдѣленіе банка, въ которое поступило заявленіе о желаніи получить ссуду.

17) Въ указанныхъ статьею 16 мѣстностяхъ, купчая крѣпость выдается отдѣленіемъ банка находящемуся на лицо приобрѣтателю, а въ случаѣ его отсутствія — отсылается, для выдачи по принадлежности и для распоряженія о вводѣ во владѣніе, въ то учрежденіе, которое совершило этотъ актъ.

18) Объявленія о вводѣ во владѣніе (зак. гражд. ст. 1524, уст. гражд. судопр. ст. 1431) земельными участками цѣною не выше *трехсотъ* рублей, печатаются въ сенатскихъ объявленіяхъ безплатно.

19) На деньги, назначенныя къ выдачѣ въ ссуду изъ крестьянскаго поземельнаго банка, а равно на суммы, поступившія въ банкъ отъ крестьянъ, въ видѣ задатка за купленную землю или въ доплату къ ссудѣ, не могутъ быть обращены никакія производимыя съ покупателя земли взысканія.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе государственнаго совѣта Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить (№ 392).

42) О преобразованіи учрежденія капитула орденовъ.

Въ виду уничтоженія коллегіальнаго начала въ учрежденіяхъ министерства Императорскаго двора, Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу канцлера россійскихъ Императорскихъ и Царскихъ орденовъ, въ 1-й день декабря 1882 года, Высочайше повелѣть соизволилъ мѣру эту распространить и на капитулы орденовъ и съ этой цѣлю, упразднивъ присутствіе капитула, преобразовать капитулы на слѣдующихъ главныхъ основаніяхъ:

1) Капитулы орденовъ состоятъ подъ главнымъ начальствомъ канцлера россійскихъ Императорскихъ и Царскихъ орденовъ, который есть вмѣстѣ министр Императорскаго двора.

2) Въ составъ капитула орденовъ входятъ: оберъ-церемоніймейстеръ орденовъ (онъ же оберъ-церемоніймейстеръ Высочайшаго двора) управляющій дѣлами капитула и канцелярія.

3) Подписаніе грамотъ на орденъ, золотое оружіе съ надписью „за храбрость“ и другіе знаки отличія, подлежащихъ къ выдачѣ пожалованнымъ лицамъ отъ капитула, возлагается на оберъ-церемоніймейстера орденовъ и управляющаго дѣлами капитула, за отсутствіемъ же оберъ-церемоніймейстера орденовъ грамоты подписываются управляющимъ дѣлами капитула и скрѣпляются начальникомъ орденскаго отдѣленія канцеляріи капитула.

4) Управляющій дѣлами капитула орденовъ завѣдуетъ личнымъ составомъ и дѣлопроизводствомъ капитула на томъ же основаніи, какъ и упраздняемое присутствіе капитула (св. учр. орд. I тома св. зак. изд. 1876 г. статьи 7, 8, 11, 29, 30, 31, 32, 33, 35, 43, 102, 104 и 106). (№ 393).

43) О правилахъ для предупрежденія случаевъ вторичнаго пожалованія однихъ и тѣхъ же наградъ по благотворительнымъ и общепользнымъ учрежденіямъ.

Во избѣжаніе случаевъ вторичнаго пожалованія однихъ и тѣхъ же наградъ по благотворительнымъ и общепольнымъ учрежденіямъ, наградныя ходатайства по коимъ подносятся на Монаршее воззрѣніе чрезъ собственную Его Императорскаго Величества канцелярію, Государь Императоръ, въ 24-й день февраля 1883 года, Высочайше повелѣтъ соизвоилъ: 1) чтобы всѣ управленія и канцеляріи благотворительныхъ и общепольныхъ учреждений въ своихъ сношеніяхъ съ прочими вѣдомствами и отдѣльными управленіями, а также съ мѣстными губернаторами, купеческими и ремесленными управами, по предмету доставленія свѣдѣній о неимѣніи препятствій къ испрошенію награжденій, всегда сообщали имъ съ точностію, какія именно награды предположено испросить представляемымъ къ нимъ лицамъ; 2) чтобы, вмѣстѣ съ тѣмъ, означенныя управленія и канцеляріи просили подлежащія вѣдомства, а равно начальниковъ губерній, о присовокупленіи, въ отвѣтныхъ своихъ отзывахъ, ближайшихъ свѣдѣній и указаній, не представлено ли уже данное лицо къ предположенной для испрошенія награды за предъидущую его службу въ томъ или другомъ вѣдомствѣ, или за исполненіе въ одномъ изъ нихъ какихъ либо порученій и командировокъ, и 3) чтобы отъ купеческихъ и ремесленныхъ управъ, на кои возложена обязанность веденія списковъ о купцахъ и ремесленникахъ, требовались свѣдѣнія о томъ, не состоитъ ли представляемое къ наградѣ лицо купческаго и ремесленного званія членомъ или сотрудникомъ еще въ какомъ либо благотворительномъ или общепольномъ учрежденіи, не сдѣлало ли оно какихъ либо пожертвованій, или не производило ли построекъ церковныхъ, городскихъ или общественныхъ и не представлено ли за оныя къ наградѣ и къ какой именно. № 394).

№ 394) Объ учрежденіи при собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи постоянной комисіи для разсмотрѣнія въ оной представленій о наградахъ по благотворительнымъ и общепольнымъ учрежденіямъ.

24 марта 1883 года, Государь Императоръ Высочайше повелѣтъ извоилъ учредить при Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи постоянную комисію для разсмотрѣнія въ оной представленій о наградахъ по тѣмъ благотворительнымъ и общепольнымъ учрежденіямъ ходатайства по коимъ, на основаніи 2

примѣч. къ ст. 667 т. III-св. зак. 1876 г., подносятся на Монаршее воззрѣніе чрезъ управляющаго означенною канцелярію.

Съ тѣмъ вмѣстѣ Его Императорскому Величеству благоугодно было повелѣть, чтобы вновь учреждаемая коммисія состояла подъ предсѣдательствомъ управляющаго собственною Его Императорскаго Величества канцелярію, изъ членовъ: товарища предсѣдателя главнаго управленія російскаго общества краснаго креста, сенатора генерала отъ инфантеріи Геденова, тайныхъ совѣтниковъ: статсъ-секретаря, сенатора Ренненкампа, секретаря Ея Величества, почетнаго опекуна Оома, предсѣдательствующаго въ совѣтѣ дома призрѣнія и ремесленнаго образованія бѣдныхъ дѣтей въ С.-Петербургѣ Ермакова и помощника старшаго чиновника собственной Его Величества канцеляріи, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Бѣляева. (№ 395).

В. Распоряженія правительства.

Министра Финансовъ.

1) О временномъ разграниченіи преобразованныхъ таможенныхъ округовъ.

На основаніи п. 2 Высочайше утвержденнаго 8-го февраля 1873 года мнѣнія государственнаго совѣта, о сокращеніи числа таможенныхъ округовъ, министръ финансовъ донесъ правительствующему сенату о сдѣланномъ имъ временномъ разграниченіи преобразованныхъ таможенныхъ округовъ:

1) *Вержболовскій*—въ предѣлахъ прежняго Вержболовскаго и Таурогенскаго таможенныхъ округовъ;

2) *Камшскій*—изъ прежнихъ округовъ Александровскаго и Калишскаго;

3) *Радзивиловскій*—въ границахъ прежнихъ округовъ Завихостскаго и Радзивиловскаго;

4) *Бессарабскій*—въ составѣ прежнихъ округовъ Скулиискаго и Измаильскаго,

и 5) *Южный*—изъ прежнихъ округовъ Крымскаго и Азовскаго.

Что же касается округовъ: 6) *С.-Петербургскаго*, 7) *Рижскаго*, 8) *Кутаисскаго* и 9) *Бакинскаго*, то таковыя оставлены въ прежнихъ границахъ. (№ 303).

Министра Юстиціи.

5) О назначеніи срока измѣненій въ штатахъ Варшавской и Кіевской судебныхъ палатъ.

Высочайше утвержденнымъ 11 го января 1883 года мнѣніемъ государственнаго совѣта постановлено:

I. Въ варшавской судебной палатѣ упразднить одну изъ положенныхъ по штату оной должностей товарищей прокурора.

II. Высочайше утвержденный 19-го іюня (1-го іюля) 1877 года временный штатъ кіевской судебной палаты усилить добавленіемъ къ оному одной должности товарища прокурора, обративъ на покрытіе вызываемаго учрежденіемъ сей должности новаго расхода, сумму, остающуюся свободною отъ указаннаго въ статьи I сокращенія штата варшавской судебной палаты.

III. Означенныя измѣненія въ штатахъ судебныхъ палатъ осуществить одновременно въ срокъ, который будетъ опредѣленъ министромъ юстиціи

Во исполненіе приведеннаго Высочайшаго повелѣнія, назначивъ 1-е марта 1883 г. срокомъ указанныхъ выше измѣненій въ штатахъ варшавской и кіевской судебныхъ палатъ, министръ юстиціи предложилъ о семъ правительствующему сенату (№ 307).

6) Объ увеличеніи для гор. Казани и его уѣзда комплекта очередныхъ и запасныхъ присяжныхъ засѣдателей.

На основаніи ст. 983 т. II ч. 1 св. зак. изд. 1876 года, министру юстиціи предоставлено разрѣшать, по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, ходатайства земскимъ собраніямъ и городскихъ думъ объ увеличеніи опредѣленнаго ст. 980 и 982 тѣхъ же тома и части комплекта очередныхъ и запасныхъ присяжныхъ засѣдателей, но съ тѣмъ, чтобы увеличеніе это не превышало тройнаго ихъ числа, опредѣленнаго въ законѣ для каждой мѣстности.

Нынѣ Казанскій губернаторъ довелъ до свѣдѣнія министра юстиціи, что казанское уѣздное земское собраніе, по предварительномъ сношеніи съ предсѣдателемъ мѣстнаго окружнаго суда, ходатайствуетъ объ увеличеніи опредѣленнаго для города Казани и его уѣзда комплекта очередныхъ присяжныхъ засѣдателей до 800 и запасныхъ— до 120.

Признавъ, по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, помянутое ходатайство Казанскаго уѣзднаго земскаго собранія за-

служащимъ уваженія и не встрѣтивъ препятствія къ разрѣшенію вносить на будущее время въ списки присяжныхъ засѣдатель по гор. Казани и его уѣзду по 800 очередныхъ засѣдатель и по 120 запасныхъ, министръ юстиціи предложилъ объ этомъ правительствующему сенату (№ 334).

Министра Внутреннихъ Дѣлъ.

1) *О платѣ за храненіе арестованнаго имущества и о вознагражденіи свидущихъ людей за оцѣнку имущества въ девяти округахъ судебныхъ палатъ.*

Министръ внутреннихъ дѣлъ представилъ въ правительствующій сенатъ засвидѣтельствованную копию съ утвержденныхъ имъ, по соглашенію съ министрами финансовъ и юстиціи, на трехлѣтіе съ 1883—1885 г., правилъ о платѣ за храненіе арестованнаго имущества и о вознагражденіи свидущихъ людей за оцѣнку имущества въ округахъ судебныхъ палатъ: С.-Петербургской, Московской, Харьковской, Кіевской, Казанской, Одесской, Саратовской, Варшавской и Тифлисской.

На подлинныхъ написано: «Утверждаю.»

22-го Января 1883 года. Подписалъ: Министръ Внутреннихъ Дѣлъ Гр. Д. Толстой.

П Р А В И Л А

О ПЛАТѢ ЗА ХРАНЕНІЕ АРЕСТОВАННАГО ИМУЩЕСТВА И О ВОЗНАГРАЖДЕНІИ СВИДУЩИХЪ ЛЮДЕЙ ЗА ОЦѢНКУ ИМУЩЕСТВЪ ВЪ ОКРУГАХЪ СУДЕБНЫХЪ ПАЛАТЪ: С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ, МОСКОВСКОЙ, ХАРЬКОВСКОЙ, КІЕВСКОЙ, КАЗАНСКОЙ, ОДЕССКОЙ, САРАТОВСКОЙ, ВАРШАВСКОЙ И ТИФЛИССКОЙ.

ГЛАВА I.

О платѣ за храненіе арестованнаго имущества (ст. 1014 и 1015 уст. гр. суд. изд. 1876 г.).

1) Плата за храненіе арестованнаго имущества, когда о размѣрѣ оной не послѣдуетъ соглашенія между должникомъ и взыскателемъ назначается: а) за время не свыше шести недѣль, при продажѣ имущества на сумму не свыше ста рублей—по 5⁰/₁₀₀ съ рубля; при продажѣ на большую сумму прибавляется 1⁰/₁₀₀ на каждый пере-

вырученный рубль и 6) за время свыше шести недѣль—къ платѣ, означенной въ пунктѣ а, прибавляется за каждыя послѣдующія шесть недѣль по 1⁰/о со всей вырученной суммы.

2) За храненіе вещей изъ золота, серебра и платины, а равно драгоценныхъ камней, плата назначается за все время храненія въ размѣрѣ 1⁰/о стоимости оныхъ.

3) За храненіе животныхъ плата назначается вдвое противъ платы, опредѣленной въ 1 статьѣ, сообразно правиламъ этой статьи.

4) При продажѣ имущества за цѣну, ниже оцѣночной, равно какъ и въ томъ случаѣ, когда, продажа не состоится, плата за храненіе въ указанныхъ выше размѣрахъ назначается съ оцѣночной суммы имущества.

5) Если для храненія имущества необходимо нанять особое помѣщеніе, или особыхъ смотрителей, либо караульщиковъ, то хранителю возвращаются и расходы на наемъ оныхъ.

6) Сумма расходовъ на указанные въ предъидущей статьѣ предметы опредѣляется судебнымъ приставомъ, сообразно сроку храненія и мѣстнымъ цѣнамъ, при самой отдачѣ имущества на храненіе, съ отмѣткою о томъ въ роспискѣ хранителя, на подлинной описи въ принятіи имущества и на выдаваемой хранителю копіи (ст. 1013 уст. гр. суд.).

7) На указанныхъ въ двухъ предъидущихъ статьяхъ основаніяхъ, возвращаются хранителю и издержки по сбереженію имущества, подлежащихъ храненію внѣ жилыхъ помѣщеній, какъ-то: судовъ, лѣсныхъ матеріаловъ и т. п.

8) При необходимости перемѣщенія имущества изъ мѣста ареста въ мѣсто храненія, расходы на перемѣщеніе возвращаются въ размѣрѣ, не превышающемъ мѣстныхъ справочныхъ цѣнъ на перевозку или переноску тяжестей.

9) Издержки на прокормъ отданныхъ на храненіе животныхъ возвращаются въ размѣрѣ, не превышающемъ мѣстныхъ по этому предмету справочныхъ цѣнъ.

10) Въ счетъ издержекъ на прокормъ животныхъ можетъ быть зачитываема сумма той приносимой животными прибыли, въ которой хранитель, по ст. 1018 уст. гр. суд., обязанъ дать отчетъ.

11) Означенные въ 1—9 ст. расходы возмѣщаются на основаніи 1060 и 1066 ст. уст. гр. суд. изд. 1876 года.

ГЛАВА II.

О вознагражденіи свѣдущихъ людей за оцѣнку имущества (ст. 1006 и 1094 уст. гр. суд. 1876 г. и ст. 179 Высочайше утвержденного 19-го февраля 1875 г. Положенія о примѣненіи судебныхъ уставовъ къ Варшавскому судебному округу).

1) Вознагражденіе свѣдущихъ людей за оцѣнку имущества, какъ движимыхъ, такъ и недвижимыхъ, назначается каждому въ размѣрѣ одного рубля, если оцѣнка продолжалась не болѣе шести часовъ въ сутки, въ противномъ случаѣ—въ размѣрѣ двухъ рублей въ сутки.

Примѣчаніе. Правила, изложенныя въ сей (II) главѣ, примѣняются въ губерніяхъ: Эстляндской, Лифляндской и Курляндской лишь по отношенію къ движимымъ имуществамъ.

2) Означенное въ 1 ст. вознагражденіе увеличивается на 50 коп. въ столицахъ и городахъ: Казани, Саратовѣ, Варшавѣ, Ревелѣ, Ригѣ, Дерптѣ и Митавѣ.

3) Цѣновщики, вызываемые изъ мѣстъ ихъ жительства въѣзды въ черту города, или приглашаемые за черту города, получаютъ, сверхъ означеннаго въ 1 и 2 ст. вознагражденія, прогонныя деньги на двѣ лошади въ оба пути по почтовому въ каждой губерніи положенію, или при возможности проѣзда по желѣзной дорогѣ—плату за мѣсто 2 класса туда и обратно.

4) Время, употребленное цѣновщиками на проѣздъ, зачитается въ срокъ оцѣнки (ст. 1 и 2), при чемъ поверстный срокъ на поѣздку исчисляется по линіямъ желѣзныхъ дорогъ—по триста верстъ въ сутки.

5) Прогонныя деньги (ст. 3), равно какъ и причитающіяся цѣновщикамъ, на основаніи 1, 2 и 3 ст., деньги за время поѣздки въ оба пути, выдаются цѣновщикамъ впередъ, по представленіи оныхъ судебному приставу лицомъ, потребовавшимъ приглашенія цѣновщиковъ (ст. 1001 уст. гр. суд.).

6) Остальное, за указаннымъ въ 5 ст., вознагражденіе цѣновщиковъ производится немедленно по окончаніи оцѣнки изъ той суммы, которая должна быть представлена судебному приставу при самомъ требованіи о приглашеніи цѣновщиковъ, и размѣръ коей опредѣляется приставомъ по приблизительному расчету времени оцѣнки (№ 332).

ОТДѢЛЪ II

Л И Ч Н Ы Й С О С Т А В Ъ

Высочайшіе приказы

По Министерству Юстиціи.

НАЗНАЧАЮТСЯ: Товарищъ прокурора Харьковской судебной палаты, Статскій Совѣтникъ Филипповъ—Предсѣдателемъ Уманскаго окружнаго суда; товарищъ прокурора Варшавской судебной палаты, Коллежскій Совѣтникъ Делинъ—Товарищемъ прокурора Кіевской судебной палаты, съ 1 го Марта 1883 года. Отставной Надворный Совѣтникъ Родзянко—Товарищемъ Прокурора Харьковской судебной палаты. Членъ Московскаго окружнаго суда, Надворный Совѣтникъ Нейдгардтъ—Членомъ Кіевской судебной палаты, съ производствомъ, за выслугу лѣтъ и отличіе по службѣ, въ Дѣйствительные Статскіе Совѣтники. Членъ Московскаго окружнаго суда, Губернскій Секретарь Давыдовъ—Членомъ Московской судебной палаты. Исправляющіе должности судебныхъ слѣдователей окружныхъ судовъ: Кіевскаго—6-го участка гор. Кіева, Титулярный Совѣтникъ Опарро, Московскаго—4-го участка Московскаго уѣзда, Титулярный Совѣтникъ Корженевскій, Камѣнецъ-Подольскаго: 3-го участка Балтскаго уѣзда, Титулярный Совѣтникъ Молчановскій, 2-го участка проскурowskaго уѣзда, Титулярный Совѣтникъ Стаховскій, 1-го участка Винницкаго уѣзда, Титулярный Совѣтникъ Троцкій, 1-го участка Ольгопольскаго уѣзда, Титулярный Совѣтникъ Козловъ, 2-го участка Летицкаго уѣзда, Коллежскій Секретарь Кучинскій, 1-го участка Балтскаго уѣзда, Коллежскій Секретарь Орленко, 1-го участка Ушицкаго уѣзда, Коллежскій Секретарь Рихтеръ, 1-го участка Могилевскаго уѣзда, Губернскій, Секретарь Веселовскій и состоящіе при департаментѣ Министерства Юстиціи, командированные къ исправленію должностей судебныхъ слѣдователей въ округахъ окружныхъ судовъ: Московскаго 13-го участка гор. Москвы, Титулярный Совѣтникъ Жулковскій, 8-го участка гор. Москвы, Титулярный Совѣтникъ Побѣдинскій, 9-го участка гор. Москвы, Коллежскій Секретарь Пейжо; Кіевскаго, 2-го участка гор. Кіева, Титулярный Совѣтникъ Валединскій, 2-го участка Чигиринскаго уѣзда, Титулярный Совѣтникъ Вацкевичъ, 3-го участка Черкаскаго уѣзда, Титулярный Совѣтникъ Рыжовъ, 1-го

участка Черкасского уѣзда, Титулярный Совѣтникъ Деркачевъ, 7-го участка гор. Кіева, Коллежскій Секретарь Осиповъ, 6-го участка гор. Кіева, Коллежскій Секретарь Рейхнау, и Саратовскаго, 2-го участка Сердобскаго уѣзда, Титулярный Совѣтникъ Найденовъ, 2-го участка Камышинскаго уѣзда, Титулярный Совѣтникъ Герхенъ, 3-го участка Царицынскаго уѣзда, Коллежскій Секретарь Віонтковский, 2-го участка Кузнецкаго уѣзда, Коллежскій Секретарь Лебединскій, 1-го участка Новоузенскаго уѣзда, Коллежскій Секретарь Смолдовскій—Судебными Слѣдователями въ округахъ тѣхъ же оружныхъ судовъ. Членъ Луцкаго окружнаго суда, Коллежскій Ассесоръ Незабитовскій—Членомъ Кіевскаго окружнаго суда. Члены оружныхъ судовъ: Владикавскаго, Коллежскій Секретарь Качауновъ и Елисаветпольскаго, Коллежскій Секретарь Кужинъ—Членами Тифлисскаго окружнаго суда. Секретарь Варшавской судебной палаты, Коллежскій Ассесоръ Стеблинъ Камѣнскій—Членомъ Калишскаго окружнаго суда. Товарищъ Предсѣдателя Плоцкаго окружнаго суда Павловскій—Членомъ Варшавской судебной палаты. Членъ Одесскаго окружнаго суда, Надворный Совѣтникъ Вармалеевъ—Прокуроромъ Вятскаго окружнаго суда. Товарищъ Прокурора Варшавскаго окружнаго суда, Статскій Совѣтникъ Помяновскій—Товарищемъ Предсѣдателя Плоцкаго окружнаго суда. Товарищъ Прокурора Елецкаго окружнаго суда, Коллежскій Совѣтникъ Тимарцевъ—Членомъ Елецкаго окружнаго суда. Исправляющій должность судебного слѣдователя по важнѣйшимъ дѣламъ округа Симбирскаго окружнаго суда, Коллежскій Секретарь Степенко—Судебнымъ Слѣдователемъ Симбирскаго окружнаго суда. Исправляющій должность судебного слѣдователя 7-го участка Кілевскаго окружнаго суда, Титулярный Совѣтникъ Невельскій—судебнымъ слѣдователемъ Елецкаго окружнаго суда.

УВОЛЬНЯЮТСЯ *отъ службы*: Членъ Тифлисскаго окружнаго суда, Губернскій Секретарь Полторацкій, согласно прошенію, съ мундиромъ, должности члена окружнаго суда присвоеннымъ; Члены оружныхъ судовъ Московскаго Губернскій Секретарь Зилонъ, и Пензенскаго, Коллежскій Совѣтникъ Сперанскій, изъ нихъ послѣдній за болѣзнію.

УМЕРШІЕ *исключаются изъ списковъ*: Членъ Консулѳаціи, при Министерствѣ Юстиціи учрежденной, Вице-Директоръ Департамента Министерства Юстиціи, въ званіи Камаргера Высочайшаго Двора, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Бекендорфъ. Прокуроръ Вятскаго окружнаго суда, Надворный Совѣтникъ Заборовскій, и Членъ Елецкаго окружнаго суда, Титулярный Совѣтникъ Агаповъ.

ПО ПОВОДУ ПРОЕКТА ОБЩЕЙ ЧАСТИ РУССКАГО УГОЛОВ- НАГО УЛОЖЕНІЯ.

Приступая къ разсмотрѣнію проекта общей части уложенія о наказаніяхъ, составленнаго редакціонной комиссіей, я долженъ, прежде всего, сдѣлать слѣдующія общія замѣчанія.

Нельзя не порадоваться тому, что, въ общемъ итогѣ, проектъ будущаго уголовного кодекса нашего стоитъ на высотѣ выработанныхъ современною европейскою жизнью и наукою началъ уголовного права, что редакторы отвергли тотъ казуистическій характеръ редакціи уголовныхъ законовъ, которымъ запечатлѣно дѣйствующее уложеніе, не только въ особенной, но и въ общей своей части. Судя по сдѣланному уже, русскій криминалистъ можетъ съ увѣренностью ожидать уголовного кодекса, неуступающаго лучшимъ изъ новѣйшихъ европейскихъ кодексовъ по тому же отдѣлу законодательства. Но преклоняясь предъ достоинствами проекта въ цѣломъ, я, тѣмъ не менѣе, считаю нужнымъ въ нижеслѣдующихъ строкахъ представить нѣсколько замѣчаній по поводу нѣкоторыхъ изъ положеній, съ которыми я не могу согласиться.

Эти замѣчанія мои группируются около *четырехъ* вопросовъ: 1) по поводу такъ называемаго *досрочнаго освобожденія* отъ нѣкоторой части опредѣленнаго приговоромъ наказанія (ст. 21 и 22 проекта); 2) касательно того вида наказанія, которому проектомъ дано названіе „*заточенія*“ (ст. 2, 27 и др.); 3) относительно такъ называемаго *покушенія съ негодными средствами и на негодный объектъ* (2 ч. 45 ст.) и наконецъ — 4) по поводу даннаго редакціонной комиссіей

опредѣленія разныхъ видовъ *участія* въ преступномъ дѣяніи (ст. 47).

I.

Относясь совершенно сочувственно къ введенію англійскаго института *досрочнаго освобожденія* въ наше право, я, тѣмъ не менѣе, не могу не обратить вниманія на конкретное осуществленіе его въ проектъ редакціонной комиссіи. Дѣло въ томъ, что для разныхъ по тяжести наказаній, проектъ предлагаетъ *два различныя* системы освобожденія: для *болѣе* тяжкихъ наказаній (каторга, заточеніе, болѣе чѣмъ на 6 лѣтъ, поселеніе) проектировано *безусловное* или, вѣрнѣе, *безвозвратное* освобожденіе отъ нѣкоторой части наказанія (ст. 21); для наказаній же *менѣе тяжкихъ* (исправительный домъ, свыше 3 лѣтъ) усвоена другая, *менѣе благоприятная* для освобождаемыхъ система—заключенные освобождаются съ тѣмъ, что если до истеченія опредѣленнаго приговоромъ срока наказанія будутъ замѣчены въ нарушеніи установленныхъ для такихъ освобожденныхъ правилъ, то *возвращаются* въ мѣста заключенія и время пребыванія на свободѣ не засчитывается имъ въ срокъ наказанія (ст. 22).

И такъ, *условія освобожденія, по своей выгодѣ для освобождаемаго, такъ сказать, обратно пропорціональны тяжести наказанія*,—явленіе, которое трудно считать нормальнымъ въ виду общаго требованія, чтобы послѣдствія наказанія были прямо соразмѣрны съ тяжестью его. Намъ кажется, необходимо было выбирать между двумя выходами: *или* и для менѣе тяжкихъ наказаній установить систему безвозвратнаго освобожденія, *или*, оставляя условное освобожденіе для исправительнаго дома, организовать такую же систему и для тяжчайшихъ каръ.

Я не вижу обстоятельствъ, препятствующихъ такому постановленію для *срочной каторги*, въ силу котораго освобожденные, за хорошее поведеніе, отъ отбыванія послѣдней трети наказанія, были бы, въ случаѣ нарушенія установленныхъ правилъ до истеченія опредѣленнаго приговоромъ срока ка-

торги, возвращаемы въ каторжныя тюрьмы, причемъ время пребыванія на поселеніи не засчитывалось-бы имъ въ срокъ главнаго наказанія. Затрудненіе является только относительно *безсрочныхъ наказаній* (безсрочная каторга и поселеніе). Но и здѣсь, для установленія пропорціональности послѣдствій наказаній, можно, мнѣ кажется, рекомендовать такую градацию: освобождая по отбытіи 15 лѣтъ каторги или 10 лѣтъ поселенія, отъ дальнѣйшаго наказанія, можно установить затѣмъ еще извѣстный *промежуточный, пробный* квантумъ времени (напр. 5 лѣтъ), до истеченія котораго освобожденный можетъ быть снова обращенъ, за нарушеніе предписанныхъ для его поведенія правилъ, къ дальнѣйшему отбыванію наказанія, отъ котораго онъ освобожденъ. И при такихъ условіяхъ нашъ законъ былъ бы гуманнѣе, напр. германскаго, незнающаго вовсе освобожденія отъ безсрочныхъ наказаній.

II.

Переходя къ разсмотрѣнію *заточенія*, я и здѣсь долженъ замѣтить, что въ основѣ этой формы наказанія лежитъ вполне раціональная идея. Идея эта состоитъ въ томъ, чтобы, параллельно съ наказаніями, полагаемыми за преступныя дѣянія, совершенныя по безчестному побужденію, создать такой видъ кары, который, соотвѣтствуя по тяжести карѣ за вышеизложенныя безчестіящія дѣянія, былъ бы наказаніемъ *непозорящимъ*, такъ сказать — *custodia honesta*, соотвѣтственно самому характеру побужденія къ преступному дѣянію. Заточеніе, такимъ образомъ, должно быть параллельно тюрьмѣ, исправительному дому и каторгѣ. Такова идея и германской *Festungshaft*. Необходимость такой формы наказанія тѣмъ настоятельнѣе съ точки зрѣнія разсматриваемаго проекта, что онъ, въ отличіе напр. отъ германскаго уложенія, не знаетъ каторги безъ лишенія почетныхъ правъ (*bürgerliche Ehrenrechte*), что, слѣдовательно, по проекту каторга всегда является наказаніемъ за дѣянія, безчестіящія виновнаго.

Если такъ, то важно изслѣдовать—насколько редакціоною комиссіей выдержана эта идея о непозорящемъ наказа-

ніи, параллельномъ тюремѣ, исправительному дому и каторгѣ.

Вопросъ этотъ долженъ быть, мнѣ кажется, разрѣшенъ отрицательно ¹⁾. Въ самомъ дѣлѣ, съ заточеніемъ на срокъ свыше 6 лѣтъ, связано тоже послѣдствіе, какъ и съ каторжными работами,—именно: лишеніе правъ, пользованіе которыми предполагаетъ *общественное довѣріе* къ ихъ субъекту (27 ст.). Такимъ образомъ, высшіе размѣры заточенія являются наказаніями, которыя, собственно говоря, могутъ быть приимѣяемы только къ преступленіямъ, совершеннымъ по *безчестному побужденію*, между тѣмъ какъ редакторы хотѣли сдѣлать вообще изъ заточенія наказаніе, предназначенное специально для преступныхъ дѣяній, совершенныхъ *не* по безчестному мотиву.

Нѣтъ сомнѣнія, что такое отступленіе отъ идеи этого наказанія не только безусловно вредно для высшихъ размѣровъ его (отъ 6 — 10 лѣтъ), но можетъ вредно отразиться и на низшихъ размѣрахъ, извращая и ихъ характеръ, какъ *custodia honesta*,— по крайней мѣрѣ въ понятіяхъ публики. Если уже заточеніе на срокъ свыше 6 лѣтъ непременно должно было, въ глазахъ редакціонной комиссіи, соединяться съ лишеніемъ правъ (чего, впрочемъ, отнюдь не видно изъ словъ, сказанныхъ на 62—63 стр. „Объясненій“), то въ такомъ случаѣ слѣдовало дать этому наказанію *другое названіе* и позаботиться о томъ, чтобы оно отбывалось въ совершенно *особыхъ мѣстахъ* отъ мѣстъ отбыванія заточенія въ собственномъ смыслѣ (не свыше 6 лѣтъ), вообще слѣдовало постараться о поддержаніи, въ средѣ общественнаго мнѣнія, *абсолютной чистоты* понятія о заточеніи, какъ о *custodia honesta*, какъ о наказаніи за небезчестныя, хотя и опасныя, вредныя дѣянія.

Въ связи съ сказаннымъ позволю себѣ отмѣтить еще одну черту, въ которой также сказывается невыдержанность основной идеи заточенія.

Въ самомъ дѣлѣ, такъ какъ по проекту каторга *оседа*

¹⁾ Такого же мнѣнія и авторъ оцѣнки проекта, помѣщенной въ «Вѣстникъ Европы» за 1882 г., декабрь, стр. 866—869.

влечетъ за собою лишеніе нѣкоторыхъ правъ, слѣдовательно *всегда* является наказаніемъ позорящимъ въ глазахъ законодателя и потому примѣняемымъ къ преступленіямъ, порожденнымъ безчестнымъ мотивомъ, то слѣдовало-бы ожидать, что, въ виду параллелизма, въ виду потребности въ равномъ по тяжести, но, такъ сказать, почетномъ по характеру наказаніи,—что въ виду этого, повторяю, проектъ установить тотъ же максимумъ срока заточенія, какой принять для каторги, т. е. санкціонировать срочное заточеніе на 15 лѣтъ и допустить *безсрочное* заточеніе, какъ это сдѣлало германское уложеніе для Festungshaft, уравнивъ максимумъ этой кары съ максимумомъ Zuchthaus'a. Я не поклонникъ вѣчныхъ наказаній, но я говорю здѣсь о *консеквентности* въ проведеніи идеи заточенія, которое, по словамъ самой же редакціонной комиссіи, *должно непосредственно примыкать къ смертной казни* (Объясненія, стр. 62). Всякій, однако, согласится, что между 10 лѣтнимъ заточеніемъ и смертной казнью — громадный промежутокъ.

И такъ, за наиболѣе тяжкія преступныя дѣянія, порожденные безчестнымъ побужденіемъ, *въ проектъ неимѣется соответствующихъ, непозоряющихъ наказаній*, ибо въ 1) заточеніе вообще не можетъ быть назначено на срокъ свыше 10 лѣтъ а во 2) заточеніе и на срокъ отъ 6—10 лѣтъ сопряжено съ такими послѣдствіями, которыя дѣлаютъ этотъ размѣръ его непригоднымъ для дѣяній, непорожденныхъ безчестнымъ побужденіемъ.

III.

Какъ видно изъ опредѣленій *приготовленія и покушенія*, данныхъ въ 44 и 46 статьяхъ проекта, редакторы не пошли за представителями субъективной теоріи, каковы, напримѣръ, Гельшнеръ, Бури и др. Редакторы разсматриваемаго проекта стоятъ, напротивъ, на почвѣ признанія различія между приготовленіемъ и покушеніемъ, различія, сказывающагося и въ *объективныхъ признакахъ*. Въ противность субъективистамъ, редакторы требуютъ для наличности покушенія *не только*

такихъ внѣшнихъ дѣйствій, изъ которыхъ можно бы заключить объ умыслѣ ¹⁾, которыя указывали бы на достаточную энергію злой воли,—нѣтъ, по справедливому мнѣнію редакторовъ, нужно еще *начало исполненія*, необходима наличность дѣйствій, которыя заключаютъ въ себѣ хоть часть такъ называемаго *состава преступленія*.

Тоже видно и изъ мотивовъ къ 44—46 ст., мотивовъ, показывающихъ, что редакторы, какъ и слѣдовало ожидать, усвоили то опредѣленіе понятія покушенія, которое считается господствующимъ въ современной наукѣ и освящено европейскими законодательствами. Не таково отношеніе редакціонной комиссіи къ другому капитальному вопросу, а именно: къ вопросу о такъ называемомъ *покушеніи съ негодными средствами и на негодный объектъ*. Здѣсь нельзя не усмотрѣть нѣкоторыхъ слѣдовъ *субъективнаго* взгляда. Такъ, на основаніи 2 ч. 45 ст., покушеніе съ негодными средствами *только тогда* ненаказуемо, если средства эти выбраны *по крайнему невѣжеству или суевѣрію* дѣйствовавшего. Такимъ образомъ, если, напримѣръ, средства были *вполнѣ негодными*, но употребленіе ихъ въ данномъ случаѣ нельзя объяснить суевѣріемъ или невѣжествомъ, то покушеніе съ такими негодными средствами будетъ, по проекту, *наказуемо*.

Прежде всего, да будетъ позволено спросить, почему редакціонная комиссія, разъ усвоивъ себѣ такую субъективную теорію, не провела ея консеквентно, а сдѣлала исключеніе для средствъ, выбранныхъ по невѣжеству или суевѣрію? Редакторы на это говорятъ (Объясненія стр. 153), что „если виновный задумалъ осуществить свое желаніе такими средствами, коихъ выборъ свидѣлствуетъ о его полномъ невѣжествѣ, суевѣріи и т. п., то при такихъ обстоятельствахъ можно говорить о преступныхъ помыслахъ, пожеланіяхъ, но

¹⁾ Такъ напр., устанавливаетъ разницу между ненаказуемыми и наказуемыми дѣйствіями, направленными на осуществленіе умысла, Бонскій проф. Гельшнеръ (Haelschner), въ новѣйшемъ своемъ сочиненіи *Das gemeine deutsche Strafrecht*, 1881, Bd. I, стр. 337 и др.

не объ опасной для общества волѣ“.—Едва ли, однако, это убѣдительное доказательство, какъ и вообще всѣ предложенныя по этому поводу въ литературѣ объясненія ¹⁾).

Въ самомъ дѣлѣ, едва ли преступное намѣреніе, проявившееся во внѣшнихъ, направленныхъ на его осуществленіе, хотя объективно нецѣлесообразныхъ дѣйствіяхъ, можно, съ точки зрѣнія субъективной теоріи, считать простымъ, голымъ помысломъ. Развѣ и *интенсивность* преступной воли и *даже* *внѣшнія дѣйствія* не могутъ быть тождественны, какъ тогда, когда дѣятель, будучи убѣжденъ въ смертоносности квасцовъ, поднесетъ ихъ лицу, которое онъ желаетъ отравить, такъ и тогда, когда онъ принявъ случайно стаканъ съ растворомъ квасцовъ за растворъ яда, подалъ этотъ стаканъ? Если здѣсь и есть въ чемъ либо разница, то только въ большей или меньшей степени техническихъ знаній, — разница, съ точки зрѣнія субъективистовъ несущественная, ибо они караютъ не знанія, а злостность дѣятеля.

Что же касается до момента *опасности* воли для общества, то *in abstracto* воля, въ обоихъ случаяхъ, едва ли не равно опасна, ибо человекъ, сегодня убѣжденный, что квасцами можно отравить и сегодня же убѣдившійся по опыту въ противномъ,—завтра можетъ поправить свою ошибку, избравъ болѣе дѣйствительное средство для совершенія задуманнаго злодѣянія. *In concreto* же, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, опасности отъ *даннаго* неудавшагося дѣянія обществу нѣтъ никакой.

Нѣкоторая непослѣдовательность усматривается еще и въ другомъ направленіи. Мы видѣли, что редакціонная комиссія *вообще* признаетъ *наказуемость* покушенія съ негодными *средствами*, за исключеніемъ *только* того случая, когда средства эти выбраны по суевѣрію или крайнему невѣжеству. Нѣсколько *иное* начало дѣйствуетъ по отношенію къ покушенію надъ негоднымъ *объектомъ*. Здѣсь проектъ считаетъ

¹⁾ Ср. Н. Meyer, Lehrbuch des deutschen Strafrechts, 3 Auflage, 1882 стр. 221, прим. 14.

ненаказуемыми и такіе случаи покушенія, въ которыхъ ошибка дѣателя относительно объекта не только не свидѣтельствуетъ о его суевѣріи или крайнемъ невѣжествѣ, но гдѣ эта ошибка была возможна или даже весьма вѣроятна со стороны *всякаго* на мѣстѣ дѣателя (ср. 2 ч. 45 ст. проекта, а также „Объясненія“, стр. 153 и слѣд.). Между тѣмъ, между средствами и объектомъ должна быть полная аналогія, такъ какъ въ сущности, съ болѣе общей точки зрѣнія, настоящимъ объектомъ преступленія является норма закона, а въ этомъ смыслѣ то, что называется объектомъ, является какъ бы средствомъ, при помощи котораго виновный осуществляетъ свою законопротивную волю.

Намъ кажется, что въ этихъ отступленіяхъ сказалась сама собою невозможность покинуть въ уголовномъ правѣ *объективную* почву ¹⁾ и слѣдовать субъективной теоріи, послѣдовательное проведеніе которой привело бы и должно было привести къ такимъ выводамъ, къ какимъ, напримѣръ, пришелъ (вѣроятно подъ вліяніемъ извѣстнаго члена высшаго германскаго суда Бури) нѣмецкій Reichsgericht въ цитированныхъ комиссіей рѣшеніяхъ. Въ этихъ рѣшеніяхъ, какъ по отношенію къ средствамъ, такъ и по отношенію къ объекту, консеквентно примѣнено начало, отъ котораго отказывается (впрочемъ, только касательно объекта) и редакціонная коммисія.

IV.

Обращаясь теперь къ разсмотрѣнію *участія* въ преступномъ дѣяніи, какъ оно организовано проектомъ въ ст. 47. Статья эта имѣетъ задачей установить какъ самое понятіе о разныхъ видахъ участія, такъ и мѣру наказанія для участниковъ.

Остановливаясь, въ порядкѣ пунктовъ самой статьи, на диспозитивной ея части, не могу не сдѣлать того общаго замѣчанія, что не только сравнительно съ дѣйствующимъ,

¹⁾ Ср. H. Meyer, Lehrbuch des deutschen Strafrechts, 1882, стр. 219 и др.

отечественнымъ уложеніемъ, но и съ новѣйшими иностранными кодексами (каковъ напримѣръ германскій), она отличается крайнею абстрактностью, отсутствіемъ ближайшихъ опредѣленій. Конечно, законодатель хорошо дѣлаетъ, если остерегается всякой *definitio periculosa*, но если наука выработала точное и полное опредѣленіе, то, мнѣ кажется, не только нѣтъ надобности избѣгать такой дефиниціи, а напротивъ, въ виду установленія единообразной судебной практики, полезно стараться о включеніи такого опредѣленія въ текстъ закона.

При разсмотрѣніи, съ этой точки зрѣнія, 47 статьи проекта, нельзя, по моему мнѣнію, обойти молчаніемъ отсутствіе во 2 ея пунктѣ ближайшаго опредѣленія *дѣятельности подстрекателя*. Я согласенъ съ комиссіей, когда она вовсе не заботится о *перечисленіи средствъ*, употребляемыхъ подстрекателемъ, когда она въ этомъ отношеніи не пошла за германскимъ уложеніемъ; ибо средства эти могутъ быть такъ разнообразны, что ихъ нельзя уложить въ какія либо законныя рамки. Но дѣятельность подстрекателя можетъ быть опредѣлена по ея *конечному результату*, состоящему, какъ это говоритъ и сама комиссія въ „Объясненіяхъ“, въ томъ, что эта дѣятельность *дѣйствительно породила* въ совершителѣ преступную рѣшимость, осуществленную послѣднимъ въ оконченномъ преступленіи или хотя бы въ покушеніи, — въ томъ, что, какъ категорично говоритъ нѣмецкое уложеніе, подстрекатель „einen Anderen zu der von demselben begangenen Strafbarer Handlung vorsätzlich *bestimmt hat*“ (ст. 48). Въ ст. 47 нашего проекта не только нѣтъ такого опредѣленія, но и самое слово „*подстрекавшіе*“, мнѣ кажется, употреблено не совсѣмъ удачно и можетъ повлечь за собою неправильныя толкованія. Дѣло въ томъ, что понятіе о подстрекателѣ выражено въ формѣ причастія *несовершеннаго* вида. Поэтому, текстъ закона допускаетъ выводъ, что для признанія кого либо подстрекателемъ, достаточно констатировать только то, что онъ прямо *подстрекалъ* другихъ соучастниковъ къ тому преступному дѣянію, покушенію или приготовленію, которыя затѣмъ

совершены, оставляя безъ разрѣшенія вопросъ о *причинной связи между дѣятельностью подстрекателя и преступнымъ намыслиемъ подстрекнутаго*. Другими словами, текстъ закона не мѣшаетъ оставленію въ сторонѣ вопроса о томъ, *дѣйствительно ли подстрекатель подстрекнулъ, въ самомъ дѣлѣ склонилъ* совершителя, который, можетъ быть и безъ того имѣлъ твердую рѣшимость на совершеніе преступления. Текстъ закона, однимъ словомъ, не даетъ достаточныхъ основъ къ правильному рѣшенію вопроса въ случаѣ, когда подстрекавшему попался т. н. *alias facturus*. На основаніи текста 47 ст. этотъ вопросъ можетъ быть разрѣшенъ въ смыслѣ простаго подведенія дѣянія такого подстрекавшаго подъ техническое понятіе подстрекателя, что, конечно, неправильно ¹⁾. Правда, изъ мотивовъ ясно, что не таково желаніе законодателя, но такіе кардинальные вопросы должны находить свое разрѣшеніе въ *текстѣ* закона, а не въ мотивахъ ²⁾.

Но кромѣ этого, такъ сказать, редакціоннаго неудобства, 47 статья, и именно тотъ же 2 ея пунктъ, представляетъ и другое, мнѣ кажется, отступленіе отъ началъ, почти общепризнанныхъ въ современной наукѣ уголовного права.

Дѣло въ томъ, что понятіе подстрекателя вторымъ пунктомъ 47 ст. разширено за предѣлы подстрекательства къ *совершенію* преступнаго дѣянія: съ этой формой вины проектъ на одну доску поставилъ и подстрекательство къ *пособничеству*. Въ самомъ дѣлѣ, п. 2 ст. 47 говоритъ: „прямо подстрекавшіе другихъ къ *соучастію* въ семь дѣяній“. Кромѣ того, въ „Объясненіяхъ“ прямо говорится, что „второй типъ составляютъ подстрекатели, умышленно склонившіе другихъ къ *какому-либо* участію въ преступномъ дѣяніи, т. е. какъ къ выполненію преступнаго дѣянія, такъ и къ *пособничеству*“.

¹⁾ Ср. Schwarze, Commentar zum Strafgesetzbuch für das Deutsche Reich, стр. 152 также Н. Meyer, Lehrbuch, 3 Auflage, стр. 258.

²⁾ О важности того или другаго выраженія закона, въ этомъ случаѣ, ср. Schwarze, Commentar стр. 156, текстъ и прим., а также цитированное здѣсь мѣсто изъ мотивовъ къ проекту германскаго уложенія.

(стр. 164). “ Между тѣмъ, современная теорія подводитъ послѣдняго рода подстрекательство подъ понятіе пособничества (интеллектуальнаго). И это, намъ кажется, совершенно логически послѣдовательно, такъ какъ въ сущности все равно—помогать ли совершителю (самостоятельно умышленному преступленію) непосредственнымъ доставленіемъ ему средствъ для преступленія или оказать ему эту помощь склоненіемъ третьяго лица, которое доставляетъ совершителю эти средства ¹⁾. Иное дѣло—подстрекатель въ собственномъ, тѣсномъ смыслѣ: онъ *порождаетъ намысленіе*, онъ является, такъ сказать, душою преступленія.

Правда, и 48 ст. германскаго уложенія дала поводъ практикѣ и комментаторамъ въ томъ же смыслѣ, какъ и нашъ проектъ, распространять понятіе подстрекательства. Но тамъ это сложеніе понятій не влечетъ за собою практическихъ неудобствъ, ибо наказаніе, установленное за дѣяніе подстрекнутаго, даетъ мѣру кары для самаго подстрекателя, почему послѣдній трактуется (по наказанію) какъ пособникъ, если онъ подстрекнулъ другаго именно къ пособничеству ²⁾. Наказаніе же за пособничество, по германскому уложенію, всегда, *caeteris paribus*, слабѣе наказанія, полагаемаго совершителю, такъ что и подстрекатель къ пособничеству наказывается слабѣе подстрекателя въ совершенію. Такого результата на почвѣ нашего проекта не всегда можно съ увѣренностью ожидать, такъ какъ на основаніи 47 ст. пособникъ, *въ общемъ правилѣ*, наказывается *наравнѣ* съ совершителемъ.

Мы коснулись другаго существеннаго пункта 47 ст., именно—*наказуемости пособничества*. Намъ кажется, что, вопреки доводамъ редакціонной комиссіи, наказаніе за пособничество всегда должно быть *менѣе* наказанія за совершительство, разумѣется *caeteris paribus*.

Разсмотримъ аргументы редакціонной комиссіи въ пользу

¹⁾ Ср. Geyer въ изд. Гольцендорфа—Handbuch des deutschen Strafrechts. II Bd., стр. 338 и 388.

²⁾ Ср. Geyer, I. c. стр. 388, прим. 2, и цитированныхъ тамъ авторовъ.

уравненія наказуемости пособниковъ и совершителей. Редакціонная коммиссія упрекаетъ нѣмецкую систему въ формализмъ и ссылается на то, что „наука до сихъ поръ не приискала какихъ—нибудь твердыхъ основаній для разграниченія главныхъ и второстепенныхъ участниковъ, ни со стороны характеристики ихъ воли, ни со стороны ихъ дѣятельности“ (Объясненія, стр. 168).—Совершенно справедливо, что на установленіи различія между пособникомъ и совершителемъ сходятся далеко не всѣ представители уголовного права. Но не нужно забывать, что подобное различіе во взглядахъ криминалистовъ проходитъ красной нитью чрезъ всѣ кардинальные пункты уголовного права, что это различіе сводится, въ концѣ концовъ, къ давней борьбѣ ученыхъ, двухъ противоположныхъ направленій—субъективистовъ и объективистовъ. Въ виду этого коммиссія и здѣсь, какъ и въ другихъ аналогическихъ случаяхъ, оставалось выбирать между двумя направленіями. Мы видѣли, что выборъ этотъ ею уже сдѣланъ по аналогическому вопросу о границахъ между приготовленіемъ и покушеніемъ. Коммиссія здѣсь не пошла за крайними субъективистами и усвоила себѣ, въ общемъ, объективную теорію. А если такъ, то и въ вопросѣ о различіи между пособникомъ и совершителемъ, коммиссія ничего болѣе не оставалось, какъ стать на сторону проводящихъ объективный взглядъ. Коммиссія такъ и сдѣлала въ *диспозитивной* части 47 ст. (ср. 1 и 4 пункты). Она стала на точку зрѣнія тѣхъ, кто между совершителемъ и пособникомъ видитъ слѣдующую разницу, въ объективномъ и субъективномъ отношеніи: въ объективномъ, т. е. со стороны дѣятельности—ту, что пособникъ только *помогаетъ* совершителю, доставляетъ ему *средства* или устраняетъ *препятствія*, и никогда не совершаетъ дѣйствій, входящихъ въ *corpus delicti*, дѣйствій, представляющихъ начало исполненія преступнаго дѣянія; ¹⁾ въ субъективномъ отношеніи, т. е. по направленію

¹ Что пособникъ не можетъ (оставаясь пособникомъ) совершить т. н. *Haupthandlung*—признать даже многіе субъективисты, между прочими—отчасти даже Бури.

воли (а не по интересу)—ту, что пособникъ не направляетъ своей рѣшимости. своего апѣшиса на выполнение, совершеніе преступнаго дѣянія, а имѣетъ намѣреніе только споспѣшествовать его совершенію другимъ лицомъ ¹⁾).

И такъ, въ общемъ, между пособникомъ и совершителемъ признается то различіе, въ объективномъ отношеніи, какое существуетъ между приготовленіемъ и началомъ исполненія преступнаго дѣянія. А если такъ, то и различить пособника отъ совершителя вообще—такъ же трудно, какъ провести грань между приготовленіемъ и покушеніемъ на преступленіе. Но вѣдь эта трудность не удержала же редакціонную комиссію отъ санкціи различія между послѣдними двумя формами осуществленія преступнаго умысла (ср. 44 и 46 ст. проекта). Напротивъ, редакторы проекта твердо стоятъ на различіи между приготовительными дѣйствіями и началомъ исполненія и именно въ томъ смыслѣ, какъ это устанавливаютъ объективисты. Мало того, редакторы стоятъ, какъ мы выше замѣтили, на почвѣ объективной теоріи даже въ своихъ опредѣленіяхъ совершительства и пособничества, въ диспозитивной части той же 47 статьи. При такихъ условіяхъ непослѣдовательно, намъ кажется, покидать объективную точку зрѣнія и переходить на почву субъективистовъ при разрѣшеніи вопроса о мѣрѣ наказанія за тѣ же формы вины. Намъ кажется, что разъ, несмотря на всѣ затрудненія, опредѣленіе этихъ двухъ формъ вины дано въ *диспозитивной* части статьи, то нельзя уже ссылаться на эти трудности въ *санкціи*.

И далѣе, если редакціонная комиссія настаиваетъ на трудности проведенія границы между такими, сравнительно *рѣзко-отличными* другъ отъ друга формами вины, какъ совершительство и пособничество, то едва ли можно давать

¹⁾ Ср. Geyer, l. e. стр. 343 и слѣд. Также Н. Meyer. Lehrbuch, 1883, стр. 262 слѣд. Гуго Мейеръ, впрочемъ, признаетъ въ нѣкоторыхъ видахъ прест. дѣяній т. н. *нейтральную* область дѣйствій, которыя, смотря по направленію воли дѣйствовавшей, являются то какъ *Ausführungs*,—то какъ *unterstützende Handlungen*, Lehrbuch стр. 248.

этою существенною санкцію другому различію, мнѣ кажется, болѣе неуловимому,—различію между ординарными пособниками и такими, „помощь коихъ была незначительна“, между *socii proximi* и *socii remoti* старыхъ итальянскихъ практиковъ.

Конечно, и новѣйшіе криминалисты и законодательства, непризнающія такой рѣзкой, какъ въ разбираемомъ проектѣ, разницы въ средѣ пособниковъ, допускаютъ, въ виду разной степени интенсивности злой воли и объема дѣятельности того или другаго пособника, различіе въ наказаніи, но въ предѣлахъ законныхъ рамокъ наказанія, установленнаго для пособниковъ. Проектъ же редакціонной комиссіи идетъ далѣе, и, значительно смягчая наказаніе для тѣхъ изъ пособниковъ, помощь коихъ была незначительна, *сравниваетъ* ординарныхъ *пособниковъ*, по наказанію, съ *совершителями* и *подстрекателями*. Вотъ съ этимъ то уравниемъ, въ принципѣ, я и не могу согласиться. Какъ бы ни была значительна помощь, оказанная совершителю *пособникомъ*, послѣдній всегда, *caeteris paribus*, остается *второстепеннымъ* лицомъ, и въ субъективномъ и въ объективномъ отношеніи: Онъ можетъ имѣть интересъ желать совершенія преступнаго дѣянія, но онъ не обнаруживаетъ *рѣшимости лично, непосредственно, выполнить дѣйствія, входящія въ составъ преступления*, и въ этомъ смыслѣ злая воля его не такъ интенсивна, не такъ опасна. Что касается примѣра, представленнаго редакціонною комиссіею для подкрѣпленія того положенія, что, въ общемъ правилѣ, пособники должны быть наказываемы наравнѣ съ совершителями и подстрекателями (Объясненія, стр. 168), то онъ, мнѣ кажется, неубѣдителенъ, именно по своей *исключительности*. Дѣло въ томъ, что въ примѣрѣ фигурируютъ участники *такого* именно преступления (поддѣлка кредитныхъ билетовъ), въ которомъ современныя законодательства обыкновенно не дѣлаютъ не только никакого различія по наказуемости между пособниками и совершителями, но и допускаютъ наказуемость *простаго приготовленія* (ср. 151 ст. герм. уложенія, также наше уложеніе, ст. 571—573 и пр.). Обобщать подобныя отступленія отъ общихъ началъ уголов-

наго права, мнѣ кажется, едва ли основательно.—Въ виду изложенныхъ соображеній можно, мнѣ кажется, съ нѣкоторою основательностью предсказать, что хотя мыслимы нѣкоторые отдѣльные случаи, когда судъ, благодаря ст. 47 проекта, будетъ не въ состояніи ¹⁾ или не пожелаетъ сдѣлать надлежащій отгѣнокъ между наказаніями ординарныхъ пособниковъ и совершителей, находящихся въ равныхъ условіяхъ, тѣмъ не менѣе, въ общемъ правилѣ, практика будетъ, мнѣ думается, склонна къ частому признанію незначительности помощи, оказанной пособникомъ, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда она, напротивъ, была значительна, или признавать пособника заслуживающимъ снисхожденія, чтобы такимъ образомъ уменьшить кару ординарному пособнику. Другими словами, практика будетъ употреблять такой же пріемъ, какой французскіе суды практикуютъ въ аналогическихъ случаяхъ, пользуясь т. н. *circumstances atténuantes* для смягченія наказанія за покушеніе и второстепенное участіе. Но едва ли такіа поправки законодателя со стороны суда желательны и цѣлесообразны. Мнѣ могутъ возразить, что практикѣ, для смягченія наказанія пособнику, сравнительно съ наказаніемъ совершителю, не зачѣмъ будетъ прибѣгать къ такимъ пріемамъ, такъ какъ, въ большинствѣ случаевъ и въ предѣлахъ наказанія, положеннаго за данное преступленіе, суду будетъ достаточно простора для такого смягченія. Но, мнѣ кажется, не нужно упускать изъ виду, что въ дѣлахъ, рѣшаемыхъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, эти послѣдніе, боясь чтобы судъ не уравниалъ по наказанію пособника съ совершителемъ, будутъ чувствовать себя вынужденными къ такому признанію незначительности помощи или вообще смягчающихъ обстоя-

¹⁾ Суду будетъ трудно сдѣлать какой либо отгѣнокъ между наказаніями существеннаго пособника и совершителя въ тѣхъ случаяхъ, когда за данное преступленіе полагается абсолютно-опредѣленное наказаніе, какъ смертная казнь, пожизненная каторга или заточеніе, поселеніе, и когда на сторонѣ пособника нѣтъ какихъ либо смягчающихъ вину обстоятельствъ, кромѣ только того, что онъ пособникъ, а не совершитель, ибо качество пособника не есть, въ глазахъ проекта, основаніе для смягченія наказанія.

тельствъ, даже тамъ, гдѣ, напротивъ, помощь была существенна и гдѣ нѣтъ на сторонѣ пособника какихъ либо особыхъ причинъ смягченія (кромѣ факта, что онъ только пособникъ, а не совершитель), гдѣ, слѣдовательно, есть именно вѣроятіе ожидать со стороны суда уравниенія наказаній пособника и совершителя. Но помимо всѣхъ вѣроятныхъ неудобствъ въ отдѣльныхъ случаяхъ, я позволю себѣ не согласиться съ этимъ, санкціонированнымъ комиссіей, положеніемъ—*съ принципа*.

В. Палаузовъ.

О НАШЕМЪ ВЕЗПРИСЯЖНОМЪ СУДѢ.

(наблюденія практика).

Тяжелое время пришлось пережить нашимъ новымъ судамъ. Едва успѣли они народиться, какъ градомъ посыпались нареканія на судебныхъ дѣятелей. Дѣло понятное: судебные уставы слишкомъ рѣзко расходились съ порядками, вошедшими въ плоть и кровь нашей общественной жизни. Неизбѣжны въ каждомъ новомъ дѣлѣ ошибки и промахи жадно подхватывались, перетолковывались на всѣ возможные лады, разростались до размѣровъ чуть не государственныхъ преступлений и служили предлогами для ожесточенныхъ нападокъ на самыя основныя начала судебныхъ уставовъ. Противники новыхъ судовъ сослужили имъ, впрочемъ, немалую службу: подѣ бдительнымъ, недоувѣрчивымъ надзоромъ, дѣятели новыхъ судовъ сплотились, привыкли строже относиться къ своимъ обязанностямъ и научились крѣпко держаться въ своихъ дѣйствіяхъ закона, на почвѣ котораго они единственно тверды и неуязвимы.

Хуже всего приходилось присяжнымъ засѣдателямъ. Напрасно было указывать противникамъ суда присяжныхъ на громадный здравый смыслъ, на замѣчательный тактъ и тонкое нравственное чутье, которые проявлялись въ массѣ рѣшеній присяжныхъ засѣдателей. Напрасно было говорить о томъ, что отдѣльныя неправильныя рѣшенія неизбежны при всякой формѣ суда; что неправильности, если и случились, завсѣли по большей части отъ многообразныхъ внѣшнихъ условий, а не отъ того обстоятельства, что въ разрѣшенію уголовныхъ

дѣлъ были призваны представители общественной совѣсти; что во многомъ вина должна падать на слѣдователей, прокуроровъ, судей и т. д., которые, не успѣвъ оглядѣться и освоиться съ новыми порядками, сами дѣлали промахи, отзывавшіеся на приговорахъ присяжныхъ; что непослушавъ дѣла и не испытавъ положенія присяжнаго, въ рукахъ котораго участь подсудимаго, трудно составить себѣ правильное понятіе о происходившемъ на судѣ и бросать камнемъ въ присяжныхъ. Фактъ несомнѣнный и замѣчательный: осужденіе приговора присяжныхъ обыкновенно тѣмъ рѣзче, чѣмъ дальше лице стоитъ отъ суда. Крайне рѣдки тѣ единичные случаи, когда лица, участвовавшія въ самомъ процессѣ, могутъ сказать, что приговоръ присяжныхъ не постановленъ ими по совѣсти и крайнему убѣжденію, что онъ несправедливъ или безнравственъ. Большинство дѣателей новыхъ судовъ, имѣвшихъ возможность наблюдать за тяжелою, ежедневною работою присяжныхъ, горячо имъ сочувствуетъ и знаетъ превосходныя качества нашего суда присяжныхъ. Суды наши многимъ обязаны именно присяжнымъ засѣдателямъ: благодаря участию послѣднихъ установилась прочная связь между обществомъ и судомъ, и утвердилось довѣріе къ суду, который въ постоянномъ общеніи съ представителями общественной совѣсти почерпаетъ жизнь и не можетъ впасть въ формализмъ и буквѣдство блаженной памяти старыхъ судовъ.

Казалось бы, тяжелое время для суда присяжныхъ миновало и борьба за существованіе окончилась. Не говоря уже о той массѣ будничныхъ, ежедневно разбираемыхъ по всей Руси процессовъ,—какой длинный рядъ дѣлъ громкихъ, выдающихся изъ этой общей, сѣрой массы, возбудившихъ общественный интересъ, незабытыхъ и теперь, судъ присяжныхъ можетъ выставить въ оправданіе своего существованія. Значеніе и нравственная сила этихъ фактовъ несомнѣнно сознаются не только образованными классами общества, но и простымъ народомъ, который крѣпко сроднился съ этою формою суда. Противники суда присяжныхъ пони-

зили голосъ. Но тѣмъ не менѣе нельзя не констатировать, что и теперь каждый единичный промахъ служить въ извѣстныхъ слояхъ общества и въ извѣстныхъ органахъ печати предлогомъ для того, чтобы глумиться надъ присяжными и требовать ихъ уничтоженія. Съ другой стороны, тѣ недостатки въ организаціи нашего присяжнаго суда, на которые указываетъ опытъ, далеко немаловажны. Въ ряду этихъ недостатковъ, на первомъ мѣстѣ несомнѣнно стоитъ—отсутствіе мѣръ для матерьяльнаго обезпеченія неимущихъ присяжныхъ. Громадное большинство нашихъ присяжныхъ—люди, которымъ дорогъ каждый рабочій день, у которыхъ на счету каждый грошъ. Между тѣмъ отправление обязанности присяжнаго не только не даетъ вознагражденія за эти, безвозвратно утраченные, драгоцѣнные рабочіе дни, но я не обезпечиваетъ прокормленія несчастнаго крестьянина, который нерѣдко приходитъ въ судъ пѣшкомъ изъ своего захолустья, не имѣетъ во время сессіи пристанища и буквально вынужденъ питаться подаеніемъ, чтобы не умереть съ голоду. И однако идутъ безропотно, эти сѣрые, неимущіе присяжные, являясь безпрекословно въ суды, голодаютъ и умираются, но свято исполняютъ долгъ принятой ими присяги. Слѣдуетъ удивляться не тому, что бывали отдѣльные случаи подкупа присяжныхъ; нужно преклониться передъ нашими присяжными, которые при такихъ невозможныхъ, невыносимыхъ условіяхъ, настолько добросовѣстно, настолько свято исполняютъ свои обязанности, что лицепріятіе и подкупъ, за рѣдкими исключеніями, пропадающими какъ капля въ морѣ, въ общей массѣ приговоровъ, безсильны оказать какое либо вліяніе и давленіе на приговоръ. Какъ бы то ни было, такое ненормальное положеніе вещей не можетъ продолжаться безнаказанно. Нашей печати приходилось неоднократно уже указывать на ту опасность, которую представляетъ въ будущемъ это полное отсутствіе матерьяльнаго обезпеченія для нашего суда присяжныхъ. Нѣтъ сомнѣнія, что пересмотръ законовъ о присяжныхъ засѣдателяхъ стоитъ на очереди, въ связи съ общимъ пересмотромъ нашего учрежденія судебныхъ

установленій,—въ смыслѣ увеличенія содержанія коронныхъ судей, устраненія обязательно коллегіальнаго разсмотрѣнія каждаго дѣла въ общихъ судебныхъ установленіяхъ, преобразованія института судебныхъ слѣдователей и прочее. При этомъ пересмотрѣ весьма вѣроятно можетъ быть затронутъ вопросъ если не объ устраненіи суда присяжныхъ, то объ ограниченіи его компетенціи. Поэтому, каждое слово, сказанное для безпристрастнаго выясненія вопроса о значеніи у насъ суда присяжныхъ, представляется умѣстнымъ и своевременнымъ. Рядомъ съ глумленіемъ и яростными нападками, которые такъ на руку крупнымъ героямъ хищенія, не безъ основанія боящимся какъ огня присяжныхъ засѣдателей; рядомъ съ преувеличенными обобщеніями тѣхъ, кто изъ за деревьевъ не видитъ лѣса, наша печать представляетъ не мало серьезныхъ указаній на тѣ недостатки, которые выяснились въ теченіи 16 лѣтняго существованія у насъ суда присяжныхъ, и которые являются помѣхою для вполнѣ правильнаго развитія этой формы суда. За послѣдніе годы, въ періодическихъ изданіяхъ, одна за другою, появляются статьи, безпристрастно указывающія и свѣтлыя стороны нашего присяжнаго суда и дѣйствительные его недостатки, устраненіе которыхъ желательно въ возможно непродолжительномъ будущемъ ¹⁾. Въ задачу мою не входитъ разборъ достоинствъ и недостатковъ суда присяжныхъ. Присоединяясь къ тому, что было высказываемо многократно защитниками нашихъ присяжныхъ, я желаю бы лишь освѣтить одну сторону вопроса, которая до сихъ поръ оставалась почти забытою.

До сихъ поръ, какъ защитники, такъ и противники присяжныхъ, не останавливались съ должнымъ вниманіемъ на дѣятельности нашихъ новыхъ судовъ въ тѣхъ случаяхъ, когда

¹⁾ Фойницкій: Оправдательныя рѣшенія присяжныхъ засѣдателей (журналъ гражд. и угол. права 1879 г., кн. 6); Кони: Спорный вопросъ нашего судопроизводства (Вѣстн. Европы, январь 1881 г.); Квачевскій: Нашъ судъ присяжныхъ (журн. гражд. и угол. права 1880 г., кн. 3); Н. Т.: По поводу оправдательныхъ рѣшеній присяжныхъ засѣдателей (Русская рѣчь, май—іюнь 1879 г.) и др.

они рѣшаютъ уголовныя дѣла безъ участія присяжныхъ засѣдателей ¹⁾. Между тѣмъ, сравненіе той и другой формы суда напрашивается само собою и можетъ доставить богатый матерьялъ для уясненія вопроса о томъ, какое вліяніе должно оказать на отправленіе правосудія устраненіе присяжныхъ засѣдателей отъ участія въ разрѣшеніи уголовныхъ дѣлъ. И въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ введены судебныя уставы въ полномъ ихъ объемѣ, можно указать на цѣлый рядъ особенностей, рядъ весьма типическихъ чертъ, характеризующихъ отправленіе суда по тѣмъ дѣламъ, которыя подсудны судьямъ короннымъ, безъ участія присяжныхъ. Слѣдя за производствомъ этихъ дѣлъ въ различныхъ судебныхъ округахъ, можно убѣдиться, что черты эти общія, свойственныя всѣмъ судамъ, что нашъ безприсяжный судъ имѣетъ свою опредѣленную фیزیономію, рѣзко отличающую его повсюду отъ суда присяжнаго, и что одни и тѣ же коронные судьи дѣйствуютъ совершенно различно, смотря по тому, имъ или присяжнымъ засѣдателямъ приходится разрѣшать дѣло по существу. Наиболѣе рѣзко выступаютъ эти характеристическія черты въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ, какъ въ Варшавскомъ и Закавказскомъ судебныхъ округахъ, вовсе не существуетъ присяжныхъ засѣдателей. Рѣшаясь прослѣдить указанныя черты, намѣтити, какое вліяніе оказываетъ на дѣятельность нашихъ судовъ отсутствіе присяжныхъ,—я не имѣю въ виду исчерпать весь богатый матерьялъ, какой можетъ представить разработка даннаго вопроса во всѣхъ его деталяхъ. Будучи далекъ отъ намѣренія критиковать дѣятельность какихъ-либо опредѣленныхъ судовъ или судей, я не стану указывать на дѣла, изъ которыхъ мною почерпнуты тѣ или другіе выводы. Было бы нетрудно пополнить эти пробѣлы ссылками на казуистику и, такимъ образомъ, быть можетъ, избѣжать упре-

¹⁾ Въ видѣ исключенія можно указать на статью Н. В. Муравьева «Къ вопросу о судѣ присяжныхъ»; журн. гр. и уг. пр. 1881, кн. 2, стр. 52. Но статья эта рассматриваетъ единственно дѣятельность судебныхъ палатъ съ сословными представителями, по закону 9 мая 1878 г.

ка въ голословности. Думаю однако, что и безъ этихъ ссылокъ наши судебные дѣятели найдутъ въ моей замѣткѣ черты, хорошо знакомыя. Впрочемъ, въ томъ-то и сила, что время, мѣсто и смѣна лицъ, играютъ второстепенное значеніе въ особенностяхъ, представляемыхъ безприсяжнымъ судомъ. При судьяхъ различнаго темперамента, направленія и развитія, — отсутствіе присяжныхъ засѣдателей неизмѣнно даетъ себя чувствовать, оказывая однородное вліяніе на всю массу дѣлъ и на всѣ стадіи процесса. Нѣсколько ближе приходится мнѣ, по необходимости, остановиться на условіяхъ, въ которыя поставлены суды Варшавскаго округа, такъ какъ именно отсутствіе присяжныхъ въ дѣлахъ и преступленіяхъ, влекущихъ за собою лишеніе или ограниченіе правъ, составляетъ главную особенность общихъ судебныхъ установленій этого округа, отличающую его отъ коренныхъ, старѣйшихъ судебныхъ округовъ.

Нелишенный интереса матерьялъ въ этомъ отношеніи представляютъ замѣтки г. Тимановскаго объ общихъ судебныхъ установленіяхъ въ Польшѣ, напечатанныя въ московскомъ Юридическомъ Вѣстникѣ ¹⁾. Указывая на недостаточную самостоятельность коронныхъ судей этого округа, преобладающее вліяніе, какимъ пользуются тамъ предсѣдатели, авторъ замѣтокъ говоритъ, что отличительными чертами въ округѣ являются халатность и беспорядочность работы, стремленія суда направлены къ возможно большому разрѣшенію дѣлъ и что при такихъ условіяхъ не можетъ быть и рѣчи о соблюденіи формъ уголовного процесса. Рѣзкость тона и полемическіе приемы, къ которымъ прибѣгаетъ авторъ означенныхъ замѣтокъ, не говорятъ въ пользу того, что ему можно вѣрить на слово. Я готовъ согласиться съ помѣщеннымъ въ журналѣ гражданскаго и уголовного права возраженіемъ ²⁾, указывающимъ, что въ этихъ замѣткахъ факты

¹⁾ Общія судебныя учрежденія въ Царствѣ Польскомъ, Юридическій Вѣстникъ за январь и іюль 1882 г. — Внутренніе судебныя порядки, тамъ же, февраль 1883 г.

²⁾ Кн. VIII за 1882 годъ, замѣтка г. Рейнке.

переданы не вполне точно, выводы поспѣшны и обобщенія слишкомъ смѣлы. Рисуя быть можетъ излишне густыми красками тѣневую сторону судовъ Варшавскаго округа, авторъ ни однимъ добрымъ словомъ не обмолвился о судебныхъ дѣятеляхъ этого округа, на долю которыхъ пришлось дѣйствовать при исключительно тяжелыхъ условіяхъ. Я думаю, что авторъ замѣтокъ не правъ въ своихъ выводахъ и обсуждалъ факты, имѣвшіеся въ его распоряженіи, безъ должнаго спокойствія, безпристрастія и достаточной тщательности. Я склоненъ думать, вопреки автору замѣтокъ, что большинство судебныхъ дѣателей Варшавскаго округа исполняетъ вполне добросовѣстно свои обязанности и заслуживаетъ полнаго уваженія. Но тѣмъ не менѣе нельзя не придать извѣстнаго значенія указаніямъ автора замѣтокъ на подмѣченныя имъ отступленія отъ формъ и обрядовъ устава уголовнаго судопроизводства. Едва ли можно объяснять эти отступленія—увеличенною подсудностью общихъ судебныхъ установленій Варшавскаго округа и происходящею вслѣдствіе этого усиленною дѣятельностью личнаго персонала судовъ. Съ одной стороны, авторъ замѣтокъ самъ сознается, что главный контингентъ дѣлъ, поступавшихъ въ общіе суды означеннаго округа, а именно дѣла частнаго обвиненія, почти не разрѣшались судами по существу, и слѣдовательно, лежа въ шкафахъ, не могли обременять эти суды. Неправильное, но весьма удобное для судей толкованіе статьи 159 улож. о наказ., весьма распространенное въ различныхъ судебныхъ округахъ, давало возможность прекращать, за нехожденіемъ, большую часть дѣлъ частнаго обвиненія, такъ какъ по полученіи дѣла въ порядкѣ, указанномъ статьями 511-й и 546-й устава уголовн. судопр. означенные суды не давали хода этимъ дѣламъ до подачи вторичной жалобы, замѣняющей, по своему содержанію, прокурорскіе обвинительный актъ и списокъ лицъ, вызываемыхъ на судебное слѣдствіе. Изъ отчетовъ Варшавскаго окружнаго суда видно, что до опубликованія состоявшагося по этому предмету 11 февраля 1880 г. опредѣленія общаго собранія кассационныхъ департаментовъ сената, такое толкованіе ст. 159 улож. дало

возможность одному этому суду изъ 4490 дѣлъ частнаго обвиненія, поступившихъ въ теченіи 1878—1880 г., прекратить за давностью нехожденія 2770 дѣлъ. По существу, за означенные три года рѣшено этихъ дѣлъ всего 273, а осталось нерѣшенныхъ къ 1881 году—1447. Ясно, что подсудность такихъ дѣлъ общимъ судамъ ни причемъ въ указываемыхъ авторомъ отступленіяхъ судовъ Варшавскаго округа отъ предписаній устава уголовного судопроизводства. Съ другой стороны, закономъ 18 мая 1882 года сохранены для Варшавскаго округа весьма незначительныя изъятія изъ общихъ правилъ о подсудности мировыхъ судебныхъ установленій, а законъ того же 18 мая 1882 года о кражахъ со взломомъ избавилъ окружные суды всѣхъ округовъ отъ массы дѣлъ. Между тѣмъ, существенныхъ измѣненій въ судебныхъ порядкахъ Варшавскаго округа отмѣтить не приходится. Независимо отъ этого, черты, подмѣченныя авторомъ замѣтокъ, не составляютъ исключительной особенности Варшавскаго округа. Въ большей или меньшей степени черты эти проявляются во всѣхъ округахъ и именно тогда, когда уголовное дѣло рѣшается по существу судьями коронными. Съ этой, отрицательной, точки зрѣнія замѣтки г. Тимановскаго и интересны. Я вѣрю, что указанныя имъ отступленія отъ законнаго порядка не выдуманы, а существуютъ въ дѣйствительности, потому, что они должны существовать вездѣ, гдѣ судъ уголовный дѣйствуетъ безъ присяжныхъ засѣдателей,—должны существовать неизбежно, ровнымъ образомъ, независимо отъ личнаго состава судей и степени добросовѣстности ихъ работы.

Едва-ли нужно останавливаться на томъ рѣшающемъ значеніи, какое имѣетъ въ уголовномъ процессѣ соблюденіе установленныхъ формъ и обрядовъ. Если, съ одной стороны, интересы государственные требуютъ, чтобы каждое преступленіе преслѣдовалось и наказывалось, то, съ другой стороны, эти интересы достигаются лишь тогда, когда преслѣдуется и наказывается дѣйствительно виновный и когда личность каждаго гражданина ограждена отъ неосновательныхъ и неправильныхъ обвиненій. Все учрежденіе судебныхъ установленій,

весь уставъ уголовного судопроизводства,—составляютъ лишь собраніе тѣхъ формъ, тѣхъ правилъ и условій, которыя законодатель признаетъ необходимыми для достиженія цѣлей уголовного правосудія. Соблюденіе этихъ формъ обусловливаетъ за приговоромъ суда силу судебного рѣшенія и задача эта настолько сложна и важна, что составители судебныхъ уставовъ отказались отъ попытки перечислить въ самомъ законѣ тѣ существенныя формы, нарушеніе которыхъ влечетъ за собою кассачію судебного производства. Интересенъ тотъ перечень существенныхъ формъ и обрядовъ уголовного процесса, который былъ предложенъ при составленіи судебныхъ уставовъ министромъ юстиціи ¹⁾. Этотъ перечень обнимаетъ собою около ста отдѣльныхъ группъ нарушеній различныхъ формъ судопроизводства. Но составители судебныхъ уставовъ справедливо нашли, что полное и точное исчисленіе всѣхъ формъ судопроизводства, ограждающихъ право судебной защиты,—невозможно, а неполное и неточное даетъ возможность прикрыть формою всякую неправду. Поэтому, для установленія этихъ формъ, для руководства судебныхъ мѣстъ въ этомъ отношеніи, потребовалось создать особое, постоянное верховное судилище, въ составѣ правительствующаго сената. И все же, несмотря на тотъ богатый, громадный матерьялъ, какой представляетъ практика кассационнаго сената съ 1876 года,—и въ настоящее время невозможно предусмотрѣть и исчислить всѣ нарушенія формъ судопроизводства, которыя лишаютъ приговоръ суда силы судебного рѣшенія.

Переходя затѣмъ къ разсмотрѣнію особенностей нашего безприсяжнаго суда, я не буду останавливаться на порядкахъ, практикуемыхъ въ распорядительныхъ засѣданіяхъ и общихъ собраніяхъ судовъ, а постараюсь лишь прослѣдить, какъ происходитъ судебное разбирательство дѣлъ, рѣшаемыхъ въ общихъ судебныхъ установленіяхъ безъ участія присяжныхъ засѣдателей, въ чемъ заключаются тѣ отступленія отъ судебныхъ уставовъ, которыя при этомъ, въ большей или мень-

¹⁾ Суд. уст., изд. госуд. канц., мотивы къ ст. 912 уст. угол. суд.

шей степени, неизбежно существуют, и какое влияние имѣютъ эти отступленія на правильное разрѣшеніе дѣла. Для этого необходимо прослѣдить весь ходъ процесса, отъ открытія судебного засѣданія въ окружномъ судѣ, до постановленія приговора по дѣлу судебною палатою, въ качествѣ апелляціонной инстанціи.

Законъ требуетъ, чтобы судебное слѣдствіе происходило публично и изустно и приговоръ о виновности или невинности подсудимаго основывался исключительно на данныхъ, обнаруженныхъ и провѣренныхъ въ установленномъ порядкѣ на судѣ.—Это основное начало процесса вполнѣ приложимо на практикѣ, когда вопросъ о виновности разрѣшается присяжными засѣдателями. Присяжные дѣйствительно знакомятся съ дѣломъ изъ того, что происходитъ въ публичномъ засѣданіи суда. Конечно, можно возразить, что присяжные несвободны отъ слуховъ и ходящихъ въ обществѣ толковъ. Это правда. Но влияние такихъ толковъ, обыкновенно неопредѣленныхъ и неоснованныхъ на изученіи дѣла, не можетъ быть сильно и блѣднѣетъ при изученіи того фактическаго матеріала, который заключается въ дѣлѣ и предлагается присяжнымъ, переработанный перекрестнымъ допросомъ и состязаніемъ сторонъ, и освѣщенный заключительною рѣчью предсѣдательствующаго. При томъ влияние слуховъ и общественнаго мнѣнія въ такой же степени возможно и на судѣ коронномъ, ибо и судьи коронные тѣ же люди, тѣ же члены общества, какъ и присяжные засѣдатели. Несравненно труднѣе коронному суду освободиться отъ влияній другаго рода, которыхъ не знаютъ присяжные засѣдатели. Судъ знакомится съ дѣломъ гораздо раньше разрѣшенія его въ судебномъ засѣданіи. При разрѣшеніи пререканій и жалобъ на слѣдователя, при обращеніи къ дослѣдованію дѣлъ, направленныхъ по статьѣ 277 уст. угол. суд., при принятіи мѣръ обезпеченія гражданскаго иска и т. д., судьи знакомятся съ дѣломъ по актамъ полицейскаго дознанія и предварительнаго слѣдствія, нерѣдко едва начатаго. Между тѣмъ взглядъ, который слагается у судьи на основаніи этого неполнаго письменнаго матеріала, не мо-

жетъ не оказать вліянія, когда впослѣдствіи тому же судѣ, приходится разсматривать дѣло въ судебномъ засѣданіи. И это вліяніе будетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе спорны были вопросы, возникавшіе при предварительномъ слѣдствіи. По дѣламъ мелкимъ, безспорнымъ, не бываетъ обыкновенно ни жалобъ, ни пререканій, и судъ знакомится съ фактами, обнаруженными предварительнымъ слѣдствіемъ, въ тотъ моментъ, когда получаетъ дѣло съ обвинительнымъ актомъ, по статьѣ 523 и 541 уст. угол. суд. Наоборотъ, ни одно серьезное дѣло, ни одно важное преступленіе, не минуетъ, на практикѣ, разсмотрѣнія суда, во время предварительнаго слѣдствія, и чѣмъ болѣе дѣло это спорно и важно, тѣмъ ближе по необходимости судъ долженъ знакомиться съ актами дознанія и слѣдствія, предрѣшая поневолѣ вопросъ о составѣ преступления, указывая направленіе изслѣдованія, оцѣнивая улики и личность обвиняемаго. Если припомнить, что весьма нерѣдко крупныя и выдающіяся дѣла разсматриваются судомъ раньше окончанія слѣдствія по нѣскольку разъ, особенно по поводу мѣры пресѣченія, принятой слѣдователемъ, то слѣдуетъ признать, что вліяніе предварительнаго обсужденія дѣла по письменнымъ актамъ дознанія и предварительнаго слѣдствія наиболѣе сильно именно въ тѣхъ дѣлахъ, гдѣ всего желательнѣе, чтобы судья приходилъ въ залу судебного засѣданія безъ всякой предвзятой мысли и вносилъ въ свой приговоръ исключительно то убѣжденіе, которое почерпнетъ изъ матеріала, разсмотрѣннаго и провѣреннаго на судѣ. Въ особенности нельзя не отмѣтить тѣхъ дѣлъ, въ которыхъ судомъ производится, въ порядкѣ, указанномъ статей 355 уст. угол. суд. освидѣтельствованіе умственныхъ способностей обвиняемаго. Чрезвычайно трудно, почти невозможно, чтобы судъ, высказавшійся по вопросу о вмѣненіи во время предварительнаго слѣдствія, отрѣшился отъ своего первоначальнаго убѣжденія. Если разъ судьи признали обвиняемаго страдающимъ умственнымъ разстройствомъ, исходъ дѣла и на судѣ можно считать предрѣшеннымъ, хотя бы и состоялось вопреки опредѣленію окружнаго суда преданіе суду, хотя бы судебное слѣдствіе освѣтило дѣло иначе

и поколебало основанія, которыя были представлены по этому предмету на слѣдствіи предварительномъ. А между тѣмъ всякій, знакомый съ тѣмъ, какъ исполняется на практикѣ обрядъ, указанный въ статьяхъ 353—355 уст. уг. суд., согласится, что это одно изъ больныхъ и самыхъ слабыхъ мѣстъ нашего уголовного процесса. Кто изъ судебныхъ практиковъ не имѣлъ случая убѣдиться, какъ мало гарантій правильности представляетъ это келейное разрѣшеніе вопроса о вѣнѣніи; какъ рѣдко врачи задаютъ себѣ трудъ тщательно изслѣдовать освидѣтельствуемаго и познакомиться съ обстоятельствами дѣла; какъ бывають они смѣлы и лаконичны въ своихъ выводахъ, когда думаютъ, что дѣло окончится въ распорядительномъ засѣданіи суда и не будетъ предано гласности. Можно возразить, что судьямъ, свидѣтельствовавшимъ обвиняемаго и вообще принимавшимъ участіе въ разсмотрѣніи дѣла во время предварительнаго слѣдствія, не слѣдуетъ поручать разрѣшеніе того же дѣла по существу на судѣ. Но независимо того, что въ силу ст. 600 уст. уг. суд. это обстоятельство не можетъ служить поводомъ къ отводу судьи, на практикѣ достигнуть этого невозможно. Большинство судовъ имѣетъ только по одному уголовному отдѣленію и притомъ всего съ 2—3 членами. Въ округахъ Тифлисской и Варшавской судебныхъ палатъ только одинъ Варшавскій окружный судъ имѣетъ два уголовныхъ отдѣленія, но при значительномъ числѣ дѣлъ, разрѣшаемыхъ въ судебныхъ засѣданіяхъ этого суда — около 3-хъ тысячъ въ годъ ¹⁾, — наличный контингентъ судей долженъ нести всю службу, а готовить составъ судей такъ, чтобы въ рѣшеніи дѣлъ по существу не участвовали тѣ изъ нихъ, которые раньше уже разсматривали дѣло, — при ежедневныхъ служебныхъ засѣданіяхъ, просто невозможно. Наконецъ, къ чему-бы это повело? Во

¹⁾ Въ 1879 г. къ 1 января оставалось нерѣшенныхъ уголовныхъ дѣлъ 1875, поступило 3461, рѣшено 3011; къ 1 января 1880 г. оставалось 2382 дѣла, поступило 3071, рѣшено 2779 (см. отчетъ Варшав. окруж. суда за 1879 г. стр. 31 и за 1880 г. стр. 33).

всякомъ случаѣ, судьи или по крайней мѣрѣ предсѣдательствующій, до судебного засѣданія, должны ознакомиться съ актами предварительнаго слѣдствія. По сложному дѣлу обыкновенно и члены суда читаютъ предварительное слѣдствіе; предсѣдательствующему это совершенно необходимо по всякому дѣлу, такъ какъ иначе онъ не можетъ руководить засѣданіемъ. Нѣкоторые предсѣдательствующіе и судьи не читаютъ дѣлъ до засѣданія, отзываясь именно тѣмъ, что должны судить исключительно на основаніи данныхъ судебного слѣдствія. Но легко себя представить, какъ въ этихъ, впрочемъ исключительныхъ случаяхъ, ведется засѣданіе, какъ правильно откладываются дѣла или, наоборотъ, слушаются несмотря на отсутствіе существенныхъ свидѣтелей, какъ предсѣдательствующій путаетъ допросы, предлагая свидѣтелю вопросы не впадѣ о такихъ фактахъ, которыхъ тотъ не знаетъ, и опуская тѣ данныя, для удостовѣренія которыхъ свидѣтель вызванъ и т. д. Путаница дѣлается невообразимою въ особенности тогда, когда предсѣдательствующій держится довольно распространеннаго порядка допрашивать свидѣтелей лично, въ нарушение 718—20 ст. уст. уг. суд., безъ предварительнаго предложенія свидѣтелю разсказать все, что ему извѣстно по дѣлу и раньше перекрестнаго допроса сторонъ. Вообще нарушеніе самыхъ существенныхъ формъ и обрядовъ процесса, къ сожалѣнію, явленіе слишкомъ частое и обыденное на нашемъ безприсяжномъ судѣ. Слѣдуетъ-ли удивляться этому? Для чего соблюдать стѣсняющія произволъ судьи формы, когда дѣло можетъ быть перенесено въ апелляціонную инстанцію, которая, все равно, будетъ разсматривать дѣло по существу и если были какіе-либо кассаціонные поводы, — исправить ихъ, устранить и покроетъ своимъ приговоромъ.

Засѣданіе открыто, допрошенъ подсудимый, читается обвинительный актъ. На судѣ съ присяжными чтеніе обвинительнаго акта имѣетъ серьезное значеніе: изъ него присяжные засѣдатели знакомятся впервые съ обстоятельствами, подлежащими провѣркѣ на судѣ, — это такъ сказать канва, по которой должно происходить судебное слѣдствіе. Для кого же

читается обвинительный актъ на судѣ безприсяжномъ? За весьма рѣдкими исключеніями, общество, неучаствующее въ самомъ сужденіи дѣлъ, не интересуется засѣданіями суда. Публика отсутствуетъ; на рядахъ пустыхъ скамеекъ, и то больше въ судахъ 1-й инстанціи, сидятъ развѣ два-три привилегированныхъ свидѣтеля по слѣдующему дѣлу, которыхъ судебный приставъ не заперъ въ свидѣтельскую комнату, или два-три „завсегдатая“ изъ кандидатовъ на даровое тюремное помѣщеніе. На бумагѣ — это судъ публичный; въ дѣйствительности—это судъ келейный, какъ суды прежняго устройства, и хотя двери залы открыты, но въ нихъ не идетъ публика, наполняющая тѣ же залы во время разбирательства дѣлъ съ присяжными. Скороговоркою, проглатывая слова и путаясь, секретарь спѣшитъ своимъ чтеніемъ. Никто его не слушаетъ: ни стороны, ни судьи, которые или читали актъ раньше или не интересуются его содержаніемъ. Въ нѣкоторыхъ изъ судовъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что обвинительные акты слишкомъ длинны, вовсе устранено чтеніе обвинительнаго акта, какъ ненужная обуза: стали читать только заголовокъ и заключительныя слова, обвинительный пунктъ. Быть можетъ суды правы въ томъ отношеніи, что обвинительные акты по дѣламъ, рѣшаемымъ безъ присяжныхъ, утративъ свое значеніе, составляютъ нерѣдко небрежно, слишкомъ многорѣчиво, въ родѣ сенатскихъ записокъ, или, наоборотъ, слишкомъ кратко, не давая понятія о фактическомъ матеріалѣ, добытомъ предварительнымъ слѣдствіемъ.

Приступлено къ производству судебного слѣдствія. Здѣсь соблюденіе процесуальныхъ формъ становится часто смѣшною и безцѣльною комедіею въ силу того обстоятельства, что акты предварительнаго слѣдствія лежатъ передъ судьями и слѣдуютъ за ними въ совѣщательную комнату. Такъ, напр., разрѣшается вопросъ о прочтеніи какого-либо документа или показанія свидѣтелей,—неявившихся или дающихъ, по мнѣнію сторонъ, показанія противорѣчащія прежнимъ, даннымъ на предварительномъ слѣдствіи. Положимъ, что судъ признаетъ, что тотъ или другой документъ, то или другое показаніе, не

могутъ быть прочитаны, какъ неподходящіе подъ условія, указанныя статьями 626, 627 и 687 уст. уг. суд. Но прежде чѣмъ постановить такое опредѣленіе, судъ по необходимости долженъ обратиться къ актамъ предварительнаго слѣдствія, прочесть то показаніе или тотъ документъ, о которомъ идетъ рѣчь, а затѣмъ прочитаннаго не вычеркнешь изъ памяти и оно должно оказать свою долю вліянія при постановленіи приговора. Весьма естественно, что, имѣя возможность ознакомиться со всѣмъ письменнымъ производствомъ, судьи привыкають снисходительно относиться къ нарушеніямъ формъ предварительнаго слѣдствія. Пусть свѣдѣнія, собранныя слѣдователемъ, необлечены въ законную форму, — какъ отказаться отъ нихъ, когда онѣ имѣются въ дѣлѣ и прочтены судьями; зачѣмъ отказывать сторонамъ въ правѣ на нихъ ссылаться? Извѣстная халатность и нарушеніе обрядовъ процесса являются неизбѣжно, а слѣдователи, зная это, съ своей стороны, смотрятъ легко на нарушеніе формы, привыкають считать ее вещь второстепенною, непрепятствующею тому, чтобы все, что ни написано слѣдователемъ, дошло по адресу, до свѣдѣнія суда. Секретари, кандидаты на судебныя должности, присутствующіе въ судебныхъ засѣданіяхъ, выносятъ изъ залы безприсяжнаго суда тоже пренебреженіе къ формамъ и обрядамъ процесса, и дѣлаются, въ послѣдствіи, слѣдователями, не пройдя той выправки, той прекрасной школы, которую даетъ процессъ съ присяжными засѣдателями. Съ другой стороны, возможность въ каждый данный моментъ справиться съ слѣдственнымъ производствомъ, приводитъ къ тому, что судьи далеко не всегда съ надлежащимъ вниманіемъ слѣдятъ за тѣмъ собственно, что происходитъ на судѣ. Вниманіе присяжныхъ постоянно напряжено, чтобы не упустить ни одного слова, ни одной черты изъ судебного слѣдствія, такъ какъ они знаютъ, что то, что не удержано ими въ памяти, пропадетъ безслѣдно. У судьи короннаго всегда остается надежда на справку съ подлиннымъ дѣломъ. Можно ли затѣмъ удивляться, что судебное слѣдствіе на безприсяжномъ судѣ изобилуетъ ссылками на предварительное слѣдствіе и что видя въ судьяхъ пренебре-

женіе въ формамъ и обрядамъ процесса и стороны привыкаютъ въ нарушенію формъ и къ небрежному исполненію своихъ обязанностей?

Крайне плачевно отражается отсутствіе присяжныхъ за-сѣдателей на судебныхъ преніяхъ. На безприсяжномъ судѣ очевидно пренія не могутъ имѣть того важнаго значенія, которое придано имъ по судебнымъ уставамъ, и это отражается какъ на существѣ, такъ и на формѣ рѣчей. Каждый, кому приходилось говорить передъ коронными судьями, знаетъ какая это тяжелая и неблагодарная задача. Усталый, равнодушный или разсѣянный взглядъ судей, краснорѣчивѣе словъ говоритъ прокурору и защитнику: все мы знаемъ, все мы сами взвѣсили и оцѣнили; ваши рѣчи совершенно лишняя трата времени. Если, тѣмъ не менѣе, рѣчь длится,—безнадежная скука на лицѣ судей, плохо скрываемое нетерпѣніе, а иногда и прямая остановка председательствующаго, заставляютъ досадливаго оратора замолчать. Весьма часто резолюція суда написана раньше, чѣмъ начались пренія и не всегда судьи считаютъ нужнымъ скрывать отъ сторонъ, которыхъ доводовъ еще не выслушали, какой постановленъ приговоръ. При такихъ условіяхъ не можетъ выработаться ни хорошій защитникъ, ни хорошій обвинитель. А между тѣмъ, на дѣлѣ, далеко не всегда то, что говорится сторонами, дѣйствительно обдуманно, взвѣшено и усвоено судьями и, конечно, никто не станетъ отрицать того рѣшающаго значенія, какое имѣютъ и должны имѣть правильное освѣщеніе и искусная группировка сыраго матерьяла, добытаго судебнымъ слѣдствіемъ, въ устахъ талантливаго, прошедшаго хорошую школу оратора.

Если нашъ безприсяжный судъ не можетъ выработать хорошаго слѣдователя, защитника и прокурора, то въ такой же степени вредно вліяетъ онъ и на самихъ судей. Хорошій председательствующій не можетъ выработаться на безприсяжномъ судѣ. Съ предварительнымъ слѣдствіемъ передъ глазами, председательствующій невольно забываетъ формы и обряды, если и зналъ ихъ прежде, такъ какъ соблюдать ихъ

не для кого и не для чего, въ виду апелляціонной инстанціи. Присяжные засѣдатели часто и справедливо жалуются, что предсѣдательствующіе въ судѣ не умѣютъ вести дѣло, не умѣютъ разъяснить имъ ихъ права и обязанности, не даютъ имъ надлежащаго руководства для разрѣшенія предложенныхъ вопросовъ и сами допускаютъ существенныя нарушенія закона. Практика кассационнаго сената представляетъ безконечную вереницу блестящихъ доказательствъ тому, какъ часты нарушенія закона судомъ и какъ далеко еще не освоились наши судьи съ формами и обрядами процесса. А между тѣмъ въѣдъ эти формы не тормазы, излишніе и ненужные, но серьезныя гарантіи правильнаго разрѣшенія дѣла, въ чемъ, конечно, никто не сомнѣвается. Если это такъ, если такъ трудно вести дѣло съ присяжными, когда несоблюденіе формъ влечетъ кассацію производства и когда на избѣжаніе кассационныхъ поводовъ обращено постоянное вниманіе суда, — то что же сказать о судѣ безприсяжномъ. Соблазнъ великъ; есть возможность обходиться безъ соблюденія формъ и онѣ въ дѣйствительности игнорируются.

Заключительная рѣчь предсѣдательствующаго, обращаемая въ присяжнымъ засѣдателямъ и представляющая для нихъ путеводную нить къ разрѣшенію спорныхъ вопросовъ дѣла, имѣетъ, въ извѣстномъ смыслѣ, образовательное значеніе для самого предсѣдательствующаго. Умѣнье сжато, точно и безпристрастно резюмировать все, происходившее во время судебного слѣдствія и преній, задача нелегкая. Поэтому заключительная рѣчь — превосходная школа для судьи, который даетъ и присяжнымъ и самому себѣ отчетъ обо всемъ, выслушанномъ на судѣ. Если бы безприсяжные судьи должны были давать такой отчетъ гласно, публично о томъ, что они вынесли изъ залы засѣданія, удаляясь въ совѣщательную комнату, какъ часто и какъ многіе изъ нихъ должны были бы удвоить свое вниманіе во время судебного слѣдствія и преній! Но заключительной рѣчи предсѣдательствующаго на судѣ безъ присяжныхъ не существуетъ и пренія въ совѣщательной комнатѣ носятъ иной характеръ. Отсюда неясность

мысли, шаткость суждений и выводовъ, справки съ предварительнымъ слѣдствіемъ и, въ концѣ концовъ, нерѣдко неправильный приговоръ.

Постановка вопросовъ—этотъ серьезный и самый трудный моментъ уголовного процесса, на судѣ безъ присяжныхъ также утрачиваетъ осязательно свое значеніе. Судьи не придаютъ важности вопросному листу, который пишутъ сами для себя и рамками котораго нерѣдко затѣмъ не стѣсняются. Правда, правительствующій сенатъ отмѣняетъ приговоры окружнаго суда по поводу неправильной постановки вопросовъ, хотя бы дѣло было рассмотрѣно затѣмъ въ апелляціонной инстанціи. Но во 1-хъ, эти немногіе случаи не могутъ измѣнить общаго теченія массы дѣлъ, которыя не доходятъ до сената въ кассаціонномъ порядкѣ, и во 2-хъ, отмѣна приговора суда по указанному поводу находится очевидно въ зависимости отъ неправильной постановки вопросовъ судебною палатою. По принятой судебными палатами практикѣ, при разрѣшеніи дѣла въ апелляціонномъ департаментѣ ставятся казенные вопросы о томъ, подлежитъ ли удовлетворенію апелляціонный протестъ или жалоба. Казалось бы, что палата обязана,—конечно въ предѣлахъ отзыва и протеста,—ставить вопросы по фактическимъ признакамъ преступленія. Если это будетъ исполняться, то сенатъ безъ сомнѣнія долженъ отмѣнять приговоры палаты, не касаясь приговоровъ 1-й инстанціи, такъ какъ палата не только вправѣ, но и обязана исправлять нарушенія, допущенныя судомъ, а затѣмъ нѣтъ логическаго и разумнаго основанія кассировать приговоръ суда по нарушенію, исправленному палатою; и вновь ставить обѣ инстанціи въ необходимость перерѣшать еще дѣло дважды по существу.

Во время хода процесса присяжные засѣдатели изолируются отъ всякихъ постороннихъ вліяній и удаляясь, вовремя перерывовъ засѣданія и для разрѣшенія поставленныхъ судомъ вопросовъ, въ комнату совѣщаній, остаются тамъ одни, подъ охраною стражи. Правительствующій сенатъ постоянно строго относится къ нарушеніямъ статьи 675 у. у. с., признавая всю важность

указанныхъ въ ней правилъ, какъ необходимыхъ гарантій правильного разрѣшенія участи подсудимаго. Совѣщательная комната коронныхъ судей не представляется настолько недоступною. Во время перерывовъ засѣданій, а иногда и при совѣщаніи судей, въ нее входятъ служащіе въ судѣ, лица, имѣющія мѣста позади судейскихъ креселъ, стороны, эксперты, защитники и т. д. Нельзя отрицать, что эти посторонніе посѣтители могутъ, болѣе или менѣе, вліять внѣ засѣданія на убѣжденіе судей. Съ другой стороны, коронные судьи не всегда могутъ освободиться и отъ вліянія канцеляріи. Вліяніе это явленіе исключительное, но вполне отвергать его существованіе невозможно. Секретарь уходитъ съ судьями въ совѣщательную комнату не всегда въ качествѣ молчаливаго слушателя и не всякій предсѣдательствующій съумѣетъ поставить секретаря на надлежащее мѣсто по отношенію къ суду.

Упрекъ, который чаще всего дѣлается нашему суду присяжныхъ,—это упрекъ въ слабой репрессіи, въ слишкомъ легкомъ и частомъ произнесеніи оправдательныхъ приговоровъ. Въ статьѣ г. Фойницкаго „объ оправдательныхъ рѣшеніяхъ присяжныхъ“, указаны весьма вѣскія соображенія, которыя должны предостеречь отъ слишкомъ поспѣшныхъ и одностороннихъ въ этомъ отношеніи выводовъ. Если присяжные засѣдатели, по официальнымъ свѣдѣніямъ министерства юстиціи, оправдываютъ среднимъ числомъ отъ 36% до 37% подсудимыхъ, то отсюда отнюдь вѣдь нельзя заключать, что оправданы *виновные*. Присяжные засѣдатели, равнымъ образомъ, неповинны въ безсиліи полиціи, въ недостаткахъ дознанія и предварительнаго слѣдствія. Присяжные засѣдатели не могутъ нести отвѣтственности за обвинительную камеру въ случаяхъ неправильнаго преданія суду. Наконецъ, нельзя дѣлать упрековъ присяжнымъ за то, что наши уголовные законы устарѣли и во многомъ глубоко расходятся съ требованіями жизни и современными взглядами на свойство и тяжесть преступленій. Вообще нельзя не замѣтить, что общіе выводы изъ цифръ, представляемыхъ судебною статистикою, къ сожалѣнію слишкомъ часто дѣлаются произвольно и поспѣшно. Цифры эти,

3

будучи собраны правильно, имѣютъ безспорно серьезное значеніе, но представляя собою голый результатъ взаимодействія цѣлаго ряда самыхъ разнородныхъ причинъ, могутъ быть поняты вѣрно только при самомъ тщательномъ изученіи всѣхъ этихъ причинъ, нерѣдко чисто мѣстнаго значенія и случайныхъ. Во всякомъ случаѣ, если остановиться на голыхъ цифрахъ о числѣ лицъ, оправдываемыхъ нашими коронными судьями въ Варшавскомъ судебномъ округѣ, гдѣ судьи замѣняютъ присяжныхъ по дѣламъ о преступленіяхъ, влекущихъ за собою лишеніе и ограниченіе правъ, то процентное отношеніе обвинительныхъ приговоровъ къ оправдательнымъ не дастъ существеннаго перевѣса въ пользу короннаго суда. Изъ издаваемого министерствомъ юстиціи свода статистическихъ свѣдѣній по дѣламъ уголовнымъ оказывается, что въ 1877 году по Варшавскому округу ¹⁾ изъ общаго числа 6050 подсудимыхъ осуждено окружными судами и Варшавскою судебною палатою 4109 человекъ, а оправдано 1941, что составляетъ 32, 24% оправданій. За то же время, въ шести судебныхъ округахъ, гдѣ дѣйствуютъ присяжные засѣдатели, изъ общаго числа 31050 человекъ, преданныхъ суду присяжныхъ, оправдано всего 11567 человекъ, т. е. 37, 25% ²⁾. По дѣламъ безъ присяжныхъ, окружными судами упомянутыхъ шести округовъ оправдано 27,75% (2232 человека изъ 8044), а судебными палатами 39,25% (438 человекъ изъ 1116), причемъ самъ сводъ дѣлаетъ оговорку въ томъ смыслѣ, что меньшій % оправданій по дѣламъ, рѣшаемымъ безъ присяжныхъ, находится въ зависимости отъ свойства и существа этихъ дѣлъ, изъ коихъ, напримѣръ, дѣла о бродяжествѣ почти не допускаютъ возможности оправданія. По всѣмъ дѣламъ означенныхъ шести округовъ, общее число оправдательныхъ приговоровъ составляетъ 35,40%, т. е. всего на 3 съ небольшимъ % выше Варшавскаго судебного округа. Къ сожалѣнію сводъ не

¹⁾ Сводъ, т. II, ч. 2, стр. 63.

²⁾ Сводъ т. I, стр. XLV; ч. 2. стр. 19.

даетъ свѣдѣній о томъ, сколько изъ общаго числа подсудимыхъ по варшавскому округу были преданы суду по обвиненію въ преступленіяхъ, влекущихъ за собою лишеніе или ограниченіе правъ и сколько подсудимыхъ по этимъ преступленіямъ было оправдано. Относительно осужденныхъ указано ¹⁾, въ какихъ наказаніяхъ они приговорены судомъ, но, равнымъ образомъ, не помѣщено свѣдѣній, по обвиненію въ какихъ преступленіяхъ, влекущихъ или невлекущихъ за собою лишеніе и ограниченіе правъ,—они были преданы суду. Такимъ образомъ, изъ вышеозначеннаго свода нельзя почерпнуть точныхъ данныхъ относительно того, каковъ ⁰/₁₀₀ оправдательныхъ приговоровъ судовъ варшавскаго округа въ тѣхъ дѣлахъ, въ которыхъ коронныя судьи замѣняютъ присяжныхъ засѣдателей и по сколькимъ изъ такихъ дѣлъ первоначальное обвиненіе падаетъ и низводится до обвиненія въ какомъ либо маловажномъ правонарушеніи, невлекущемъ за собою ограниченіе правъ и по самому свойству своему, какъ выражается сводъ, труднѣе допускающемъ полное оправданіе. Осужденныхъ съ лишеніемъ и ограниченіемъ правъ въ варшавскомъ округѣ было за 1877 годъ всего 1531 человекъ, тогда какъ безъ ограниченія правъ смирительнымъ домомъ, тюрьмою и другими низшими взысканіями, было наказано 2578 лицъ. Отсюда можно съ достовѣрностію заключить, что изъ общаго числа осужденныхъ большая доля обвинялась въ нарушеніяхъ мелкихъ, ergo, наоборотъ, изъ общаго числа оправданныхъ, по варшавскому округу, какъ и по другимъ округамъ, меньшая доля приходится на тѣ же мелкія нарушенія, а большая доля на болѣе серьезныя преступленія, подсудныя въ общемъ порядкѣ присяжнымъ засѣдателямъ. По статистическимъ свѣдѣніямъ за 1878 годъ, перевѣсь ⁰/₁₀₀ оправдательныхъ приговоровъ въ округахъ, гдѣ дѣйствуютъ присяжные, сравнительно съ варшавскимъ судебнымъ округомъ, представляется еще менѣе значительнымъ. По варшавскому округу, въ 1878 году было осуждено въ окружныхъ судахъ

¹⁾ Сводъ т. II, ч. 2, стр. 41—61.

и палатѣ 4582 человѣка, а оправдано 2361 изъ общаго числа 6943 подсудимыхъ, что составляетъ 34% оправданій. По остальнымъ шести округамъ, за тотъ же годъ, изъ общаго числа подсудимыхъ 39574, осуждено 25403 человѣка и оправдано 14171, т. е. число оправданій составляетъ 35,80% общаго числа судебныхъ приговоровъ. Въ отчетахъ варшавскаго окружнаго суда мы находимъ ¹⁾, что въ 1879 году на 100 лицъ, судившихся было 64 обвиненныхъ и 36 оправданныхъ. Сравнительно съ предъидущими годами, какъ сказано въ отчетѣ суда, число обвинительныхъ приговоровъ увеличилось. Въ отчетахъ варшавскаго суда за 1877, 1878 и 1880 года, къ сожалѣнію, не указано свѣдѣній о томъ, сколько подсудимыхъ было осуждено и сколько оправдано. За указанные годы въ отчетахъ этихъ приведено правда процентное отношеніе обвинительныхъ и оправдательныхъ приговоровъ (64% въ 1877 году, 69% въ 1878 г. и 72% въ 1880 г.), но эти цифры не выражаютъ собою дѣйствительнаго числа осужденныхъ и оправданныхъ, такъ какъ образовались вслѣдствіе произвольнаго раздѣленія поровну между обѣими категоріями смѣшанныхъ приговоровъ ²⁾. Насколько этотъ своеобразный, но невѣрный приѣмъ, уменьшаетъ количество оправданныхъ, видно изъ того, что въ 1879 году оказывалось 75% обвинительныхъ приговоровъ, вмѣсто дѣйствительной цифры 64%. Очевидно, правильною единицею для судебной статистики долженъ быть принять приговоръ оправдательный или обвинительный—состоявшійся въ отношеніи каждаго даннаго подсудимаго. Тѣмъ не менѣе и при указанномъ, невѣрномъ, уменьшающемъ дѣйствительное количество оправдательныхъ приговоровъ, приѣмъ, средній % оправданій за 4 года существованія суда оказался лишь немного менѣе (на 2%), чѣмъ по петербургскому окружному суду. Неимѣя въ своемъ распоряженіи точныхъ цифръ, я не буду долѣе останавливаться на соображеніяхъ о томъ, на-

¹⁾ Отчетъ за 1879 годъ, стр. 41.

²⁾ Отчетъ за 1880 годъ, стр. 42.

сколько въ варшавскомъ округѣ отношеніе обвинительныхъ приговоровъ къ оправдательнымъ больше по мелкимъ дѣламъ, въ сравненіи съ дѣлами, подлежащими въ другихъ судебныхъ округахъ вѣдѣнію присяжныхъ засѣдателей. Нестану также настаивать на томъ, что нигдѣ быть можетъ въ другихъ округахъ не падаетъ такъ часто на судѣ предъявленное противъ подсудимаго тяжкое обвиненіе (напримѣръ, вмѣсто кражи со взломомъ или грабежа, судъ присуждаетъ подсудимаго къ наказанію за простую кражу по мировому уставу, отвергнувъ взломъ или фактъ открытаго похищенія). Достаточно и того, полагаю, что сказано выше, чтобы согласиться, что когда нашъ безприсяжный судъ дѣйствуетъ не по мелкимъ лишь дѣламъ, простымъ по существу и влекущимъ легкія наказанія, а замѣняетъ присяжныхъ засѣдателей въ дѣлахъ серьезныхъ и сложныхъ, гдѣ убѣжденіе въ виновности подсудимаго складывается труднѣе, въ виду угрожающей ему тяжелой личной отвѣтственности, — этотъ судъ не отличается существенно отъ присяжныхъ засѣдателей числомъ обвинительныхъ приговоровъ.

Нерѣдко противниками суда присяжныхъ указывается, что коронные судьи, какъ получившіе юридическое образованіе и опытные въ дѣлахъ судебныхъ, представляютъ болѣе гарантій правильнаго разрѣшенія дѣла. Не входя въ обсужденіе того, насколько желательно установленіе для присяжныхъ засѣдателей извѣстнаго образовательнаго ценза, я весьма сомнѣваюсь, чтобы специальное образованіе и практика коронныхъ судей давали имъ возможность правильнѣе разрѣшать вопросы о виновности подсудимаго. Кому не случалось убѣждаться, что постоянное отношеніе къ темной сторонѣ жизни и замѣнутость въ своей специальности, развиваютъ извѣстную черствость сердца, узкость взгляда, буквоѣдство и невѣрное пониманіе дѣйствительной жизни. Эти свойства присущи многимъ короннымъ судьямъ. Другіе, наоборотъ, стараясь войти въ роль присяжныхъ засѣдателей, но необладая знаніемъ мѣстныхъ условій и сознаніемъ обязанности судьи свято примѣнять законъ, рѣшаютъ дѣла по душѣ и оправдываютъ под-

судимаго или произвольно измѣняютъ обвиненіе не потому, что виновность его недоказана, а исключительно потому, что наказаніе, положенное по закону за данное преступленіе, кажется имъ слишкомъ строгимъ и т. п. Знаніе законныхъ послѣдствій обвинительнаго приговора, при устарѣлости нашего уложенія о наказаніяхъ и тѣхъ узкихъ рамкахъ, въ которыя оно ставитъ судью въ отношеніи примѣненія мѣры наказанія,—дѣлаетъ положеніе коронныхъ судей нерѣдко весьма тяжелымъ. Бываютъ случаи, когда и при полной доказанности обвиненія, нельзя винить судей, рука которыхъ не поднялась подписать обвинительный приговоръ ¹⁾. Но съ другой стороны, эти случаи завѣдомаго нарушенія закона невольно прививаютъ привычку произвольнаго отношенія къ закону вообще. При этомъ произволъ и всѣ случайныя условія гораздо сильнѣе дѣйствуютъ въ судѣ коронномъ, съ одной стороны, въ виду того, что однѣ и тѣ же лица разрѣшаютъ вопросъ о виновности и опредѣляютъ наказаніе, а съ другой стороны, уже въ силу того простаго обстоятельства, что участь подсудимаго разрѣшается тремя лицами, вмѣсто двѣнадцати. Въ силу послѣдняго обстоятельства, темпераментъ, расположеніе духа, степень развитія, личныя симпатіи и антипатіи, несомнѣнно имѣютъ болѣе вѣса и вліянія на рѣшеніе въ судѣ коронномъ. Вотъ почему въ тѣхъ судахъ, гдѣ нѣтъ присяжныхъ засѣдателей, личный составъ судей имѣетъ первостепенное, рѣшающее вліяніе на отправленіе правосудія. Каждый судья, такъ сказать, на счету, каждый неудачный выборъ при замѣщеніи судейской вакансіи прямо отражается неправильностью приговоровъ и тяжело отзывается на обще-

¹⁾ Въ одномъ изъ судовъ варшавскаго округа обвинялось въ преступленіи, предусмотрѣнномъ ст. 977 ул. о нак. женщина, которая съ чужимъ видомъ перешла границу къ своей умирающей дочери и будучи задержана на возвратномъ пути, предъявила означенный видъ, причемъ тутъ же объяснила какъ было дѣло. Судъ оправдалъ подсудимую, сознавшуюся и на судѣ. При ежедневныхъ отношеніяхъ пограничныхъ жителей, связанныхъ между собою родствомъ и имущественными интересами, случаи перехода границы съ чужими видами, вообще представляются обыденными и нерѣдко объясняются весьма вѣскими, съ житейской точки зрѣнія, обстоятельствами.

ствѣ. Бываютъ составы присяжныхъ засѣдателей неудовлетворительные, но такіе случаи рѣдки, такъ какъ почти всегда баластъ безгласныхъ и непонимающихъ своего назначенія присяжныхъ составляетъ въ очередномъ спискѣ меньшинство, подчиняющееся благоразумнымъ и толковымъ руководителямъ большинства. Во всякомъ случаѣ составъ присяжныхъ засѣдателей постоянно обновляется; окончилась сессія и новыя, свѣжія силы являются на смѣну. Коронный судья, разъ назначенный, сидитъ крѣпко на своемъ посту и успѣетъ надѣлать много вреда, прежде чѣмъ будетъ устраненъ отъ должности. Нельзя не порадоваться тому, что въ послѣднее время министерство юстиціи обращаетъ болѣе вниманія на выборъ лицъ, назначаемыхъ на судебныя должности, и придаетъ надеждающее значеніе представленіямъ судебныхъ мѣстъ о кандидатахъ, избираемыхъ судомъ согласно ст. 302 учр. суд. уст. т. II ч. I изд. 1876 года.

Съ разсмотрѣніемъ дѣлъ коронными судьями, безъ участія присяжныхъ засѣдателей, тѣсно связано существованіе апелляціонной инстанціи. Составители судебныхъ уставовъ, отмѣняя безконечную вереницу инстанцій, существовавшую въ судахъ стараго устройства, нерѣшились вполне отступить отъ принципа недовѣрія къ коронному суду, на которомъ была построена прежняя система обжалованія. Возможность обжалованія судебной палатѣ существа всякаго приговора окружнаго суда, постановленнаго безъ присяжныхъ, признана была необходимою гарантіею правильнаго разрѣшенія дѣла. Горькій, долгій опытъ, тяжелая память, какую оставили по себѣ прежніе суды,—заставили составителей уставовъ искать внѣ коронныхъ судей здоровыхъ элементовъ, которымъ можно было бы довѣрить разрѣшеніе по существу важнѣйшихъ уголовныхъ дѣлъ. Такимъ элементомъ явился судъ присяжныхъ и законодатель не затруднился признать, что рѣшеніе такихъ выборныхъ судей совѣсти есть окончательное, отмѣняемое лишь въ кассационномъ порядкѣ. Хотя согласно статьѣ 818 у. у. с. и было признано нужнымъ, въ видѣ исключенія изъ этого правила, допустить пересмотръ дѣла въ другомъ составѣ

присяжныхъ, въ случаѣ единогласнаго мнѣнія суда о томъ, что осужденъ невинный,—но эта статья такъ рѣдко примѣняется на практикѣ, что законодатель очевидно не ошибся въ своемъ довѣріи къ присяжному суду. Наоборотъ, сохранивъ за короннымъ судомъ дѣла маловажныя, составители судебныхъ уставовъ не признали возможнымъ довѣрить судьямъ окончательное рѣшеніе даже и такихъ дѣлъ, невлекущихъ для подсудимаго ограниченія правъ. Повторилось такимъ образомъ явленіе, замѣчаемое повсемѣстно, гдѣ дѣйствуетъ судъ присяжныхъ. И у насъ, какъ за границею, никому въ голову не пришло предполагать, что рѣшенія присяжныхъ могутъ быть обжалованы въ апелляціонномъ порядкѣ; и у насъ, какъ за границею, признавалось неизбѣжнымъ удержаніе апелляціонной инстанціи для всѣхъ дѣлъ окружнаго суда, въ которыхъ присяжные засѣдатели участія не принимаютъ. Повсемѣстность этого явленія весьма знаменательна. Это различіе обѣихъ формъ суда, само по себѣ, должно бы предостеречь тѣхъ любителей и защитниковъ суда короннаго, которые слишкомъ скоро забыли, въ какія малопривлекательныя формы вылились суды прежняго устройства, какое печальное вліяніе оказывали, а въ значительной степени и теперь еще оказываютъ, особенности и условія нашего далеко несложившагося гражданскаго быта на судей профессиональных.

Пересмотръ дѣлъ въ апелляціонномъ порядкѣ представляетъ весьма печальную и вмѣстѣ неизбѣжную принадлежность суда безприсяжнаго. Невыгодныя стороны этого порядка чрезвычайно рѣзко выступаютъ въ Варшавскомъ судебномъ округѣ. Общее число дѣлъ, переносимыхъ въ Варшавскую судебную палату по апелляціоннымъ отзывамъ и протестамъ, достигаетъ 30% всѣхъ рѣшаемыхъ окружными судами дѣлъ и составляетъ свыше 2000 въ годъ. Необходимо прибавить, что протесты прокурорскаго надзора по причинамъ, указаннымъ ниже, составляютъ исключеніе въ массѣ дѣлъ, такъ что обжаловаемые приговоры составляютъ около *половины* всѣхъ *обвинительныхъ* приговоровъ 1-й инстанціи. Въ 1881 году въ апелляціонномъ департаментѣ означенной судебной

палаты находилось около 6000 неразсмотрѣнныхъ уголовныхъ дѣлъ и остатокъ этотъ, насколько извѣстно, не перестаетъ увеличиваться. Всякое, сколько нибудь выдающееся дѣло, непремѣнно переносится которою либо изъ сторонъ въ палату. Такимъ образомъ, въ сущности, приговоры окружныхъ судовъ утрачиваютъ всякое значеніе, пока не послѣдовало санкціи палаты. Какъ же разсматриваются въ Варшавскомъ судебномъ округѣ апелляціонныя уголовныя дѣла?

Громадное накопленіе дѣлъ вызываетъ естественнымъ образомъ крайнюю медленность. Арестантскія дѣла разрѣшаются сравнительно скоро, но тѣмъ не менѣе, со времени разсмотрѣнія дѣла первою инстанціею и до возвращенія дѣла изъ судебной палаты по разрѣшеніи апелляціи, проходитъ среднимъ числомъ отъ 2-хъ до 3-хъ мѣсяцевъ. По дѣламъ не арестантскимъ потерпѣвшіе отъ преступленія и подсудимые по цѣлымъ годамъ ждутъ очереди. Насколько извѣстно, въ палатѣ въ настоящее время еще не разрѣшено около 2000 уголовныхъ дѣлъ, переданныхъ изъ старыхъ судовъ, неговоря затѣмъ о дѣлахъ новыхъ судебныхъ установленій 1876 и слѣдующихъ по порядку годовъ; дѣламъ этимъ, при отсутствіи ходатайства со стороны заинтересованныхъ лицъ о назначеніи дня засѣданія, предстоитъ вѣроятно еще долго покониться на полкахъ палатскихъ шкафовъ, въ ожиданіи своей очереди. Такое положеніе вещей естественно плодитъ все болѣе и болѣе подачу апелляціонныхъ жалобъ, такъ какъ подсудимые, хотя бы не имѣли никакого шанса выиграть дѣло въ палатѣ, пользуются апелляціонною инстанціею какъ средствомъ оттянуть, быть можетъ на многіе годы, исполненіе приговора¹⁾. Въ теченіи этого времени тѣ же осужденные совершаютъ рядъ новыхъ преступленій. Это тѣмъ болѣе заманчиво, что въ случаѣ изобличенія и осужденія за эти новыя преступленія, прежній приговоръ покроетъ новую вину. Семь бѣдъ—одинъ отвѣтъ. Эта поговорка находитъ полное примѣненіе

¹⁾ Юридич. Вѣстн. январь 1882 г., замѣтка Тимановскаго, стр. 145.

въ Варшавскомъ судебномъ округѣ, гдѣ не переводится постановленіе приговоровъ по совокупности о различныхъ преступленіяхъ, совершенныхъ одними и тѣми же завѣдомыми злоумышленниками. Но и независимо отъ того, сколько шансовъ успѣть распродать свое имущество и бѣжать за границу, которая такъ близка и въ большей части случаевъ обезпечиваетъ бѣглецу гостепріимный пріемъ и полную безнаказанность за грѣхи, совершенные въ Россіи.

Накопленіе дѣлъ въ апелляціонномъ департаментѣ судебной палаты, вызываетъ невозможность, даже по самымъ выдающимся и серьезнымъ дѣламъ, правильной провѣрки матерьяла, на которомъ основанъ приговоръ первой инстанціи. Статья 879 у. у. с. постановляетъ, что подсудимыя и другія участвующія въ дѣлѣ лица, а также свидѣтели и свѣдущіе люди, требуются въ судебную палату лишь тогда, когда палата признаетъ это необходимымъ по собственному усмотрѣнію или просьбѣ сторонъ. Этотъ порядокъ, взятый изъ Высочайше утвержденныхъ 29 Сентября 1862 года основныхъ положеній уголовного судопроизводства (статья 101), былъ допущенъ въ виду того, что при составленіи судебныхъ уставовъ апелляціонное производство устанавливалось въ видѣ исключенія, по дѣламъ мелкимъ, невлекущимъ за собою наказанія, соединеннаго съ лишеніемъ или ограниченіемъ правъ. Составители судебныхъ уставовъ не сразу рѣшили допустить пересмотръ даже и такихъ мелкихъ дѣлъ, безъ новаго вызова на судъ подсудимыхъ и свидѣтелей. При этомъ предоставленіе судебной палатѣ права возобновлять судебное слѣдствіе по собственному усмотрѣнію или ходатайству сторонъ, было признано необходимою гарантіею правильнаго разрѣшенія дѣла, такъ какъ и въ тѣсныхъ рамкахъ апелляціонной инстанціи, какъ она создана уставами, предвидѣлись случаи, когда безъ передопроса свидѣтелей и свѣдущихъ людей, судья не въ состояніи разрѣшить своихъ сомнѣній, выработать опредѣленный взглядъ на дѣло и взять на свою совѣсть постановленіе приговора,

рѣшающаго участь подсудимаго. ¹⁾ Невыносимо тяжело положеніе членовъ Варшавской судебной палаты, которые вынуждены рѣшать дѣла самыя важныя и трудныя по однимъ письменнымъ документамъ, не видя и не слыша того, что происходило въ засѣданіи окружнаго суда. Какъ бы идеально, полно и правильно ни былъ составленъ протоколъ засѣданія, какъ бы ни старался составитель протокола передать всѣ оттѣнки свидѣтельскихъ показаній,—нужно ли говорить, что это физически немыслимо и что практика въ этомъ отношеніи слишкомъ далека отъ идеала. Протоколъ засѣданія всегда безжизненъ и мертвъ; онъ никогда не можетъ передать даже и тѣни того впечатлѣнія, какое производятъ на судѣ показанія свидѣтелей и заключенія экспертовъ. Нужно ли указывать, какъ часты случаи, когда, не видя свидѣтеля и не слыша его отвѣтовъ при перекрестномъ допросѣ сторонъ, невозможно придти къ правильному выводу о томъ, насколько показаніе его заслуживаетъ довѣрія? Въ сжатой формѣ протоколовъ судебного засѣданія показанія свидѣтелей являются еще болѣе неточными, полными недомолвокъ, искусственными и безцвѣтными, чѣмъ въ протоколахъ предварительнаго слѣдствія. Судебныхъ слѣдователей нерѣдко справедливо упрекаютъ въ томъ, что постановленія статей 409 и 458 у. у. с. на практикѣ не исполняются, что показанія обвиняемыхъ и свидѣтелей записываются „не ихъ словами“, а языкомъ самаго слѣдователя, и что протоколы допросовъ, неподписанные по неграмотности допрашиваемаго, часто изобилуютъ такими оборотами рѣчи и такими выводами, въ которыхъ допрашиваемые совершенно неповинны и которыхъ они ни сказать, ни понять, не могли. Но эти слѣдственные протоколы имѣютъ все таки большую степень достовѣренности. Все же они пишутся отъ лица самаго допрашиваемаго, передаютъ или по крайней мѣрѣ должны передавать все то, что онъ говорилъ по дѣлу; прочитываются вслухъ и скрѣп-

¹⁾ Общ. зап. 1863 г. стр. 436, объяс. зап. Гр. Блудова по проекту уголовного судопроизводства, стр. 144—147.

ляются подписями допрошеннаго, если онъ грамотенъ, и слѣдователя. Наконецъ, для окружнаго суда протоколы предварительнаго слѣдствія имѣють второстепенное, вспомогательное значеніе, въ виду провѣрки показаній на слѣдствіи судебномъ. На чемъ же должна основывать свой приговоръ судебная палата? Что остается отъ того богатаго, живаго матерьяла, который представляетъ перекрестный допросъ свидѣтелей и экспертовъ на судѣ? Въ протоколѣ засѣданія все сводится къ казенной общей фразѣ, что „допрошенный показалъ во всемъ согласно съ показаніемъ, даннымъ на предварительномъ слѣдствіи“. Эта фраза иллюстрируется правда „дополненіями и измѣненіями“, постольку, поскольку секретарь, составляющій протоколъ и обыкновенно нечитавшій предварительнаго слѣдствія, могъ замѣтить, что допрашиваемый мѣняетъ свое первоначальное показаніе. Насколько эти „добавленія и измѣненія“ произвольны, объ этомъ едва ли нужно распространяться. Если даже, въ видѣ исключенія, секретарь и просмотритъ передъ засѣданіемъ предварительное слѣдствіе, то все таки безусловно не можетъ и не имѣетъ времени изучать во всѣхъ подробностяхъ показанія, равно какъ не можетъ записать и запомнить вполне точно и то, что говорилось допрашиваемымъ на судѣ. Отсюда въ протоколахъ засѣданій не только бываютъ опущены самыя существенныя черты показанія, но искажается нерѣдко общій его смыслъ. Судебный слѣдователь, записывая показаніе, знаетъ, что дѣйствія его будутъ провѣрены на судѣ. Чины канцеляріи суда, составляя протоколъ судебного засѣданія, наоборотъ, вполне спокойны и увѣрены въ томъ, что свидѣтель не будетъ вызванъ въ судебную палату и неизобличитъ неправильнаго изложенія показанія. Правда, судьи скрѣпляютъ протоколъ своею подписью, а стороны имѣють право дѣлать на него свои замѣчанія. Судьи дѣйствительно терпѣливо исполняютъ тягостную обязанность провѣрки и исправленія безконечно длинныхъ и нерѣдко малограмотныхъ протоколовъ. Но эти исправленія быть можетъ придаютъ протоколу еще большую дѣланность и искусственность, мало исправляя

существенные его недостатки. Что не записано секретаремъ въ засѣданіи, то рѣдко бываетъ въ отмѣткахъ члена суда. Притомъ, пока протоколъ готовится въ чернѣ и поступить на просмотръ судей, проходитъ слишкомъ достаточно времени для того, чтобы подробности показаній изгладились изъ памяти, смѣшались съ впечатлѣніями, вынесенными изъ послѣдующихъ засѣданій. Замѣчанія сторонъ—явленіе исключительное и могутъ касаться только самыхъ яркихъ, выдающихся неточностей. И на основаніи этихъ то протоколовъ судебная палата должна безповоротно рѣшить участь подсудимаго.

Кстати замѣтить, что нигдѣ такъ ярко не обрисовывается, какъ въ Варшавскомъ судебномъ округѣ, ненужность обряда преданія суду, замедляющаго совершенно бесполезно и въ отягощеніе участи подсудимаго разсмотрѣніе дѣла по существу. Какъ обвинительная камера судебной палаты, такъ и апелляціонный департаментъ той же палаты, въ сущности, имѣютъ дѣло съ однимъ и тѣмъ же письменнымъ матерьяломъ. Къ чему этотъ двойной трудъ, эта трата силъ и времени, это двукратное внесеніе дѣлъ въ ту же палату, причемъ члены одного департамента признаются некомпетентными разрѣшить дѣло по существу, а члены другаго департамента, при однородныхъ условіяхъ, не видя и не слыша подсудимыхъ и свидѣтелей, рѣшаютъ безапелляціонно участь подсудимаго?

Быть можетъ мнѣ скажутъ, что если Варшавская судебная палата обременена апелляціонными дѣлами, то слѣдуетъ открыть параллельно столько апелляціонныхъ департаментовъ, чтобы получалась возможность обставить пересмотръ дѣлъ палатою тѣми гарантіями, которыя представляетъ устность уголовного процесса. Но вызовъ подсудимыхъ и свидѣтелей въ судебную палату невозможенъ не только въ силу сосредоточенія въ палатѣ огромнаго числа дѣлъ, но и потому, что подобные вызовы со всѣхъ концовъ округа, изъ дальнихъ мѣстностей, легли бы совершенно непосильнымъ бременемъ на вызываемыхъ, отрывая ихъ отъ занятій и причиняя невознагра-

димыя потерй. ¹⁾ И теперь уже бѣгаютъ суда и боятся попасть въ свидѣтели, чтобы не терять дорогаго времени въ канцеляріяхъ полицейскихъ участковъ и въ камерахъ слѣдователей, и въ особенности, чтобы не испытать удовольствія заключенія въ смрадныхъ, душныхъ свидѣтельскихъ комнатахъ суда и чистилища перекрестнаго допроса. Установить еще, кромѣ того, для человѣка, имѣвшаго несчастіе попасть въ потерпѣвшіе отъ преступленія или свидѣтели, обязанность явки въ палатскій городъ при пересмотрѣ дѣлъ апелляціонною инстанціею, значило бы окончательно отшатнуть общество отъ суда, сдѣлать большинство преступленій безгласными и сыграть какъ нельзя болѣе въ руку любителямъ темныхъ дѣлъ и личной расправы.

Съ другой стороны немыслимо, чтобы судебная палата разрѣшала апелляціонныя дѣла на мѣстахъ, назначая періодическія сессіи въ городахъ, гдѣ разрѣшалось дѣло въ первой инстанціи. Въ Варшавскую судебную палату дѣла стекаются со всѣхъ концовъ округа, непрерывно и ежедневно. Для разрѣшенія всѣхъ этихъ дѣлъ потребовались бы, независимо такого увеличенія личнаго состава палаты, которое само по себѣ не въ силахъ вынести государственный бюджетъ, громадныя издержки на устройство особыхъ для этихъ сессій помѣщеній,—такъ какъ залы засѣданій окружныхъ судовъ постоянно заняты,—на разъѣзды членовъ палаты, на вознагражденіе свидѣтелей за вторичный вызовъ въ палату и т. д.

Наконецъ, если бы и остановиться на возможности, тѣмъ или другимъ способомъ, устроить вторичный пересмотръ по существу уголовныхъ дѣлъ, хотя бы нѣкоторыхъ, наиболѣе выдающихся, сложныхъ и серьезныхъ, при условіи вторичнаго вызова подсудимыхъ и свидѣтелей и производства заново всего судебного слѣдствія,—то и тогда были бы достигнуты

¹⁾ См. указанную выше статью Н. В. Муральева въ журн. гр. и уг. пр. кн. VI за 1881 г.

лишь тѣ гарантіи правильного разрѣшенія дѣлъ, которыя представляетъ, при отсутствіи присяжныхъ засѣдателей, первая инстанція суда. Члены судебной палаты, разрѣшая дѣло при указанныхъ условіяхъ, находились бы въ томъ самомъ положеніи, что и члены окружнаго суда, постановившіе первоначальный приговоръ, съ тѣмъ однако невыгоднымъ отъ членовъ суда отличіемъ, что въ памяти свидѣтелей обстоятельства дѣла успѣли бы отъ времени изгладиться и ступенчататься. Выше указано, что тѣ гарантіи, которыя представляетъ первая инстанція суда безприсяжнаго, недостаточны, необеспечиваютъ правильности приговора. Нѣтъ основанія предполагать, чтобы отсутствіе присяжныхъ засѣдателей не отразилась точно также невыгодно и на членахъ палаты и чтобы приговоръ палаты представлялъ болѣе гарантій его правильности. Почему члены палаты могли бы правильнѣе разрѣшить дѣло, чѣмъ члены суда? Чѣмъ одни судьи лучше другихъ? Предполагается, что всякій судья компетентенъ правильно разрѣшить дѣло, а если признавать, что это составляетъ лишь привиллегію членовъ судебной палаты, то въ такомъ случаѣ лучше совсѣмъ устранить членовъ окружнаго суда отъ разрѣшенія дѣлъ. Наоборотъ, при нынѣ существующихъ условіяхъ, слѣдуетъ несомнѣнно признать, что если и представляются какія либо гарантіи правильного разрѣшенія дѣлъ, то только въ первой инстанціи.

Въ первое время по введеніи судебной реформы, Варшавская судебная палата дѣлала попытки въ тому, чтобы по арестантскимъ дѣламъ постановлять приговоры при наличности подсудимаго и по выслушаніи его объясненій. Присутствіе подсудимаго на судѣ, хотя односторонне и неполно, но все таки нѣсколько освѣщало тотъ письменный матеріалъ, на основаніи котораго приходилось палатѣ разрѣшать дѣло. Но распоряженія палаты о высылкѣ арестантовъ по апелляціоннымъ дѣламъ въ Варшаву, вызвали крайнее переполненіе центральныхъ варшавскихъ тюремъ и безъ того вмѣщавшихъ въ себѣ до 1500 заключенныхъ, т. е. вдвое противъ нормальнаго комплекта. Въ тюрьмахъ, переполненныхъ до крайнихъ

предѣловъ, появились повальные болѣзни, а пересылка арестантовъ по этапу въ Варшаву, вызвала жалобы самихъ арестантовъ. Эти обстоятельства, въ связи съ частыми побѣгами заключенныхъ во время пути, привели къ тому, что палата отказалась вскорѣ отъ первоначальной своей практики. Въ настоящее время, Варшавская судебная палата, почти по всѣмъ дѣламъ, произноситъ свои приговоры не видя не только свидѣтелей, но и самого подсудимаго, за исключеніемъ лишь дѣлъ Варшавскаго окружнаго суда, по которымъ дѣлается распоряженіе о приводѣ въ судебное засѣданіе тѣхъ арестантовъ, которые содержатся подъ стражею въ Варшавѣ.

Что же остается дѣлать апелляціонной инстанціи при такихъ условіяхъ? Отмѣна оправдательнаго приговора окружнаго суда очевидно почти немыслима, и если было нѣсколько случаевъ подобнаго рода, то они представляются рѣдкими исключеніями и при указанныхъ выше условіяхъ апелляціоннаго производства неизбѣжно производятъ тяжелое впечатлѣніе. Какъ бы оправдательный приговоръ первой инстанціи ни казался по существу дѣла неправильнымъ, прокурорскому надзору не приходится приносить протестъ, такъ какъ таковой будетъ оставленъ безъ послѣдствій. Наоборотъ, жалобы на обвинительный приговоръ имѣютъ, даже при шаткихъ и слабыхъ основаніяхъ, значительные шансы на успѣхъ. Достаточно зародиться сомнѣнію въ умѣ судьи, чтобы онъ былъ поставленъ въ необходимость оправдать подсудимаго. А какъ же не возникнуть сомнѣніямъ въ апелляціонной инстанціи, при разсмотрѣніи дѣла по письменнымъ актамъ, при невозможности возстановить и провѣрить то, что происходило на судѣ въ первой инстанціи, вдохнуть жизнь въ мертвые протоколы, разъяснить и освѣтить допросомъ свидѣтелей все, что въ нихъ опущено или изложено темно и неясно, вынести живое непосредственное впечатлѣніе о личности отсутствующаго подсудимаго и о степени достовѣрности его объясненій. Поставленные въ такое положеніе члены палаты или слишкомъ легко оправдываютъ лицъ, осужденныхъ первою инстанціею, или, переставая быть судьями, постановляютъ приго-

воры не по собственному внутреннему убѣжденію, а съ чужаго голоса, вѣрятъ на слово окружному суду и оставляютъ обвинительный приговоръ на совѣсти судей первой инстанціи.

Такъ какъ приговоры апелляціонной инстанціи основываются исключительно на письменномъ матеріалѣ, то весьма естественно въ нихъ, подобно рѣшеніямъ старыхъ судовъ, преобладаетъ такъ сказать механическій счетъ уликъ, причемъ рѣшающее значеніе имѣетъ не качество уликъ, правильно оцѣнить которое палата не въ состояніи, а ихъ количество. При этомъ данныя для приговора черпаются безразлично какъ изъ судебного, такъ и изъ предварительнаго слѣдствія. Можно даже сказать, что судебное слѣдствіе, представленное для палаты протоколомъ засѣданія, ступеньвается и блѣднѣетъ передъ болѣе полнымъ и живымъ матеріаломъ слѣдствія предварительнаго, которое получаетъ совершенно несвойственный ему по судебнымъ уставамъ вѣсъ и кладется членами палаты въ основу своего убѣжденія о виновности или невиновности подсудимаго.

Едва ли можетъ быть какое либо сомнѣніе въ томъ, что какъ полицейское дознаніе должно служить по судебнымъ уставамъ лишь матеріаломъ для возбужденія уголовного преслѣдованія, такъ и предварительное слѣдствіе имѣетъ свое специальное назначеніе: собрать данныя, необходимыя для разрѣшенія вопроса о томъ, можетъ-ли дѣло быть поставлено на судъ, можетъ-ли обвиняемый подлежать преданію суду. Затѣмъ, лишь слѣдствію судебному, произведенному публично и гласно, въ порядкѣ, указанномъ ст. 678 — 734 уст. уг. суд., законодатель придаетъ ту степень достовѣрности, которая необходима для разрѣшенія вопроса о виновности подсудимаго. Между тѣмъ, Варшавская судебная палата, при разрѣшеніи апелляціонныхъ дѣлъ, сопоставляя показанія, данныя на предварительномъ слѣдствіи съ протоколомъ судебного засѣданія, умолчаніе въ одномъ изъ этихъ протоколовъ о какомъ-либо обстоятельстве, объясняетъ нерѣдко противорѣчіемъ самыхъ показаній. Этотъ пріемъ очевидно находится въ прямой зависимости отъ того ненормальнаго положенія вещей, что судебной палатѣ, въ ка-

чествъ апелляціонной инстанціи, приходится постановлять свой приговоръ исключительно на основаніи письменныхъ актовъ. Лишенные возможности провѣрить непосредственно, допросомъ самого свидѣтеля, свои сомнѣнія относительно существа и степени достовѣрности его показанія, члены апелляціонной инстанціи невольно обращаются къ сравненію, послѣдовательно, протоколовъ дознанія, предварительнаго слѣдствія и судебного засѣданія. Въ сущности всѣ эти протоколы одинаково мало убѣдительны для апелляціонной инстанціи и если въ нихъ оказываются противорѣчія и недомолвки, то невольно въ умѣ судей долженъ возбуждаться вопросъ: отнести-ли эти недомолвки и разнорѣчія на счетъ допрошеннаго или же поставить ихъ на счетъ составителя протокола, плохо распросившаго или неточно записавшаго показаніе.

Изъ этихъ двухъ предположеній, палата, естественно, вынуждена выбрать болѣе выгодное для подсудимаго, и вотъ оказывается такой выводъ: въ одномъ изъ сличаемыхъ протоколовъ не сказано, что свидѣтелемъ удостовѣренъ такой-то фактъ, уличающій подсудимаго, слѣдовательно, помѣщеніе этого факта въ другомъ протоколѣ, доказываетъ разнорѣчіе показаній свидѣтеля, которому затѣмъ и не можетъ быть дано вѣры. Нечего и говорить, что весьма часто свидѣтели нисколько неповинны въ приписываемыхъ имъ противорѣчіяхъ и что оправдательные приговоры палаты, являющіеся результатомъ указаннаго приѣма, производятъ крайне тяжелое впечатлѣніе на судей первой инстанціи, на лицъ, участвовавшихъ въ дѣлѣ, наконецъ, вообще на общество, насколько дѣло возбуждало общественный интересъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ другихъ судебныхъ палатахъ неудобства апелляціоннаго производства не такъ ощутительны и не вызываютъ такихъ вредныхъ послѣдствій, какъ въ Варшавскомъ округѣ. Прежде всего, такъ какъ % переносимыхъ въ другія палаты дѣлъ незначителенъ, а самыя дѣла болѣею частью по существу своему крайне маловажны, то и не оказывается накопленія нерѣшенныхъ дѣлъ. Въ тѣхъ округахъ, гдѣ дѣйствуютъ суды присяжныхъ, на первый планъ высту-

паесть соображеніе о бесполезности апелляціонной инстанціи, а не о ея вредности. Но устраните присяжныхъ засѣдателей, и съ возможностью пересмотра всѣхъ дѣлъ въ апелляціонномъ порядкѣ, всѣ судебныя палаты представляютъ ту же печальную картину, какъ и Варшавская палата. Во всякомъ случаѣ, за исключеніемъ медленности, тѣ же черты, хотя и въ ослабленномъ видѣ, замѣчаются и нынѣ во всѣхъ судебныхъ палатахъ. Дѣла рѣшаются повсемѣстно безъ бытности обвиняемыхъ, неявляющихся по вызову, безъ вызова свидѣтелей, на основаніи тѣхъ же протоколовъ и письменныхъ актовъ. Исключенія, когда палата повторяетъ судебное слѣдствіе, можно пересчитать по пальцамъ. Отсутствіе гарантій правильнаго рѣшенія дѣла остается тоже и вся разница только въ томъ, что неправильное рѣшеніе дѣла, въ виду сравнительной незначительности взысканій, не такъ тяжело отзывается на подсудимомъ. Но съ другой стороны, тяжело понести безъ вины и незначительное наказаніе и въ ряду дѣлъ простыхъ, въ которыхъ нечего рѣшать даже въ тѣхъ округахъ, гдѣ дѣйствуютъ присяжные засѣдатели, суду коронному приходится рѣшать дѣла маловажныя по наказанію, но сложныя по существу, въ которыхъ положеніе палаты, обязанной постановить приговоръ по письменнымъ актамъ, крайне тяжело.

Сказаннымъ я заканчиваю свои бѣглыя замѣтки. Безпристрастное изслѣдованіе, по мнѣнію моему, приводитъ къ несомнѣнному заключенію, что нашъ безприсяжный судъ хуже присяжнаго, именно въ силу этого условія, иначе говоря, — что отсутствіе присяжныхъ засѣдателей вредно вліяетъ на отправленіе уголовного правосудія. Это вліяніе безъ сомнѣнія ощутительно въ тѣхъ округахъ, гдѣ коронныя судьи разрѣшаютъ безъ присяжныхъ лишь дѣла о преступленіяхъ маловажныхъ, обложенныхъ незначительными наказаніями. Наоборотъ, вліяніе это пріобрѣтаетъ рѣшающее значеніе, когда, какъ въ Варшавскомъ и Закавказскомъ округахъ, коронный судъ дѣйствуетъ исключительно, по всѣмъ уголовнымъ дѣламъ; когда рядомъ, какъ противовѣсъ, не существуетъ иного типа су-

довъ; когда коронные судьи обязаны брать на свою совѣсть приговоры по наиболѣе серьезнымъ и тяжкимъ преступленіямъ, гдѣ подсудимый рискуетъ каторгою и Сибирью, потерю всѣхъ своихъ правъ, какъ чловѣка и гражданина.

Д. Марковъ.

О ВОЗНАГРАЖДЕНИИ НЕВИННО КЪ СУДУ УГОЛОВНОМУ ПРИВЛЕКАЕМЫХ¹⁾.

Оправдають тебя, и отпустить домою,
Окативши ушатою помой.

Некрасовъ.

I.

Тяжелый вредъ испытываетъ лице, невинно наказываемое. Переносимыя имъ душевныя страданія, сопровождающій его позоръ общественный, образуютъ идеальную сторону такого вреда, составляющую обычный спутникъ неправильныхъ судебныхъ приговоровъ. Но, кромѣ того, вредъ отъ наказанія можетъ выражаться и въ матерьяльной формѣ, въ сокращеніи имущественной сферы наказываемаго; такой матерьяль-

¹⁾ Pufendorff, Le droit de la nature et de gens, Amsterdam, 1712 (изданіе Barbegrac'a), т. II стр. 373.

Brissot de Warville, Le sang innocent vengé, ou discours sur les réparations dues aux accusés innocents, couronné par l'academie des sciences et belles-lettres de Chalons-sur Marne, le 25 août 1781 (перепечатано въ сочиненіи Brissot, Théorie des lois criminelles, Paris 1836, т. 2, стр. 305—372).

Pastoret, Des lois pénales, Paris 1790, т. 2 ч. 4 стр. 116 и слѣд.

Bentham, Principles of penal Law. изд. Bowring'a 1843 г., vol. I.

Verhandlungen der deutschen Juristentage: XI т. I (рефераты Вальберга, Ульмана и Фалерга) и т. 2 стр. 170—208 (пренія); XII т. I стр. 46 (рефератъ Нассена), т. 2 стр. 329 (рефератъ Кастлина) и т. 3 стр. 116—153, 308—313 (пренія); XIII т. 2 стр. 259—297, 429, 430.

Heinze, Das Recht der Untersuchungshaft, Leipzig 1863.

Zucker, die Untersuchungshaft. III Abt. Prag 1879, стр. 134—147.

Geyer, въ Nord und Süd, XVIII стр. 167—184; въ Deutsche Zeit und Streit-Fragen. № 169 (über die den unschuldig angeklagten oder Verurtheilten gebührende Entschädigung), Berlin 1882; въ Gerichtssaal, т. 34 стр. 321—342.

Ullmann, въ Gerichtssaal, т. 27 стр. 81—92.

Schwarze, въ Gerichtssaal, т. 34 стр. 100—145.

Kronecker, die Entschädigung unschuldig Verhafteter, Berlin, 1883.

ный вредъ бываетъ или ущербомъ (*damnum emergens*), доказать который въ данномъ случаѣ очень трудно, или убытками (*lucrum cessans*), прямо или косвенно происшедшими отъ факта наказанія: потеря заработка, разстройство хозяйства и т. под.

Но не только окончательный судебный приговоръ имѣетъ способность причинять вредъ: то-же свойство, несмотря на всѣ послѣдовавшія улучшенія въ законодательствахъ и практикѣ, принадлежитъ и болѣе раннимъ актамъ судебно-уголовной дѣятельности. Въ большей или меньшей степени, всякое привлеченіе къ суду, особенно же если оно обращается къ столь рѣшительнымъ мѣрамъ принужденія, какъ подслѣдственное задержаніе, создаетъ на сторонѣ привлекаемаго къ суду и вредъ идеальный, нравственный, и даже вредъ имущественный. Съ подсудимостью и законъ, и еще болѣе общественное мнѣніе, соединяютъ до сихъ поръ весьма невыгодныя для подсудимаго послѣдствія, и порою достаточно побывать на скамьѣ подсудимыхъ, чтобы безповоротно утратить прежнія средства существованія и прежнее общественное положеніе. Въ другихъ случаяхъ послѣдствія не столь тяжелы, но безъ риска ошибиться можно сказать, что эта скамья на всѣхъ на ней посидѣвшихъ оставляетъ частичку позора и невыгодныхъ экономическихъ послѣдствій.

Если, такимъ образомъ, наличность вреда, какъ возможнаго послѣдствія привлеченія къ суду, едва ли можетъ быть оспариваема, то настолько-же внѣ сомнѣнія стоитъ и возможность привлеченія къ суду, и даже наказанія по судебному приговору, такихъ лицъ, которыя оказываются невинными. Примѣрами судебныхъ ошибокъ, къ сожалѣнію, богаты хроники уголовныхъ трибуналовъ всѣхъ странъ міра. Необходимость ихъ лежитъ въ несовершенствѣ человѣческихъ средствъ распознаванія истины и въ необходимости судебной дѣятельности, которая должна совершаться по возможности быстро. Ей указаны довольно тѣсные предѣлы во времени и пространствѣ, въ объемѣ матерьяла и въ способахъ какъ полученія, такъ и изслѣдованія его; при существованіи этихъ предѣловъ, вѣроятность ошибки перестаетъ быть простою случайностью и

становится достовѣрностью, которая должна быть принята во вниманіе при организаціи общественныхъ отношеній.

Разсматриваемый съ правовой точки зрѣнія, фактъ вреда порождаетъ двѣ идеи: идею *предупрежденія* и идею *вознагражденія*. Одна требуетъ совершеннаго предотвращенія вреда, или, по крайней мѣрѣ, наибольшей умѣренности въ причиненіи его. Другая направляется къ устраненію послѣдствій вреда причиненнаго. Приложимость этихъ идей, преимущественно же послѣдней изъ нихъ, къ факту вреда, отъ привлеченія къ суду невинныхъ проистекающаго, составляетъ задачу настоящаго изслѣдованія.

II.

Выше замѣчено, что ошибка неизбѣжно сопровождаетъ судебную дѣятельность. Но это—печальная, отнюдь не желательная неизбѣжность, и всѣ мѣры, направленные на возможное ограниченіе ея, составляютъ предметъ важнѣйшихъ заботъ и науки права, и законодательства.

Огромную важность имѣютъ онѣ и въ области интересующаго насъ вопроса. Устранить послѣдствія вреда, причиненнаго привлеченіемъ невиннаго къ суду уголовному, въ большей части случаевъ невозможно. Нѣтъ той цѣнности, которая могла бы выкупить душевныя страданія, начавшіяся для человѣка послѣ того, какъ за нимъ закрылись тюремные запоры; позоръ судимости, отчаяніе семьи привлеченнаго къ суду, душевныя тревоги его близкихъ и его самого, никогда и ничѣмъ не могутъ быть вполне искуплены. Оттого-то мѣры вознагражденія за вредъ, отъ привлеченія къ суду проистекающій, всегда будутъ недостаточны, всегда останется нѣчто, ими неискупленное; оттого-же мѣры предупрежденія такого вреда получаютъ здѣсь крайне важное значеніе.

Въ присвоеніи такихъ мѣръ и состоитъ задача процессуальныхъ улучшеній. Много уже сдѣлано по этому вопросу состоявшимися реформами, частью для предупрежденія неправильныхъ приговоровъ, частью для возможнаго сокращенія объема вреда, отъ привлеченія къ суду проистекающаго.

Такъ, всякое улучшеніе уголовнаго процесса имѣетъ своею задачею возможное обезпеченіе правильности судебного приговора. Этому дѣлу служатъ: гласность и устность суда, независимость судей, допущеніе сторонъ въ судебно-уголовное производство и предоставленіе имъ равноправности передъ судомъ, процессъ пересмотра судебныхъ рѣшеній и т. под. Каждая изъ этихъ мѣръ имѣетъ въ виду правильность суда, и несомнѣнно, что совокупностью ихъ вѣроятность неправильнаго приговора, осуждающаго невиннаго, значительно уменьшается. При томъ, не только вѣроятность окончательнаго приговора, но даже вѣроятность самого привлеченія: къ суду, надлежащимъ образомъ функционирующему, неосновательныя обвиненія найдутъ доступъ въ несравненно меньшей степени, чѣмъ къ трибуналу произвола, дѣйствующему въ четырехъ стѣнахъ канцеляріи и безъ участія сторонъ.

Помимо этого, цѣлый рядъ правилъ, составляющихъ характеристическую черту новаго судебного порядка, стремится къ возможно большому смягченію тѣхъ мѣропріятій, которыя принимаются противъ подсудимаго до осужденія его. Пытка и все на нее намекающее, отмѣнены; условія привлеченія къ суду точно указываются въ законодательствѣ; тоже стремленіе къ точности замѣчается въ указаніи условій примѣненія отдѣльныхъ мѣръ слѣдственнаго принужденія, напр. привода, личнаго задержанія и т. под.; законодатель стремится въ самомъ обществѣ расшатать взглядъ на привлеченіе къ суду какъ на нѣчто позорное, избѣгая давать позорящія названія мѣстамъ подслѣдственнаго заключенія, предоставляя заключеннымъ въ нихъ права, въ которыхъ онъ отказываетъ наказываемымъ. Все это, въ совокупности, значительно уменьшаетъ идеальный вредъ, отъ привлеченія къ суду происходящій, устанавливая раздѣльность между судимостью и карой, и устраняя отъ первой тотъ позоръ, который сопровождаетъ вторую.

Несмотря, однако, на всѣ эти улучшенія, случаи осужденія невинныхъ продолжаютъ заноситься въ судебныя хроники и самое привлеченіе къ суду остается еще крайне тя-

желымъ лишеніемъ для привлекаемаго. Вполнѣ предупредить вредъ, насъ интересующій, оказывается невозможнымъ. Для идеи вознагражденія за него остается еще весьма достаточное мѣсто.

III.

Въ ранніе эпохи исторіи процесса, проникнутые идеями состязательности, всего естественнѣе было обязанность вознагражденія возложить на отдѣльныхъ лицъ, по винѣ которыхъ состоялось привлеченіе къ суду или даже наказаніе невиннаго. Въ такой постановкѣ, рассматриваемая обязанность получаетъ характеръ *личной ответственности* виновнаго передъ потерпѣвшимъ, которая мыслима въ двухъ формахъ: а) какъ отвѣтственность частнаго лица, и б) какъ отвѣтственность должностныхъ лицъ.

Частныя лица, отъ вины которыхъ можетъ произойти вредъ привлеченія къ суду, суть: обвинитель, доноситель и свидѣтели.

Строго состязательный процессъ, переходящій въ исковой ¹⁾, возлагаетъ на обвинителя, при неудачномъ для него исходѣ дѣла, отвѣтственность по тѣмъ же началамъ, какъ на истца процессъ гражданскій. Свойственная человѣческому уму идея уравниенія, побуждала его даже грозить обвинителю, на случай неудачи, весьма тяжкими личными лишеніями, иногда по правиламъ тальона. Но по мѣрѣ того, какъ въ уголовный процессъ проникаетъ публичное начало, владущее рѣзкую грань между уголовнымъ и гражданскимъ производствомъ, такое перенесеніе правилъ гражданско-процессуальной отвѣтственности на уголовныхъ обвинителей, становится невозможнымъ. Государственный интересъ наказанія виновныхъ требуетъ, чтобы частныя лица по возможности охотно принимали на себя обязанности обвинителя; для этого необходимо возможное

¹⁾ Исковая форма соответствуетъ частному началу гражданского процесса; построенный на публичномъ началѣ процессъ уголовный можетъ представлять или смѣшеніе процессуальныхъ функций, или раздѣленіе ихъ; въ первомъ случаѣ, форма его слѣдственная, розыскная, во второмъ—состязательная, обвинительная.

ограниченіе риска отвѣтственности, сведеніемъ ея къ предѣламъ вины, доказанной на сторонѣ обвинителя. Этимъ соображеніемъ руководится и наше законодательство, предлагающее правила объ отвѣтственности частныхъ лицъ какъ въ законахъ гражданскихъ (ст. 644, 665 т. X ч. 1 св. зак.), такъ и въ уставѣ уголовного судопроизводства (ст. 32, 121, 780—783).

По законамъ гражданскимъ, отвѣтственность условливается доказанною по суду уголовному виновностью въ преступленіи или проступкѣ, причинившемъ вредъ и убытки. Правило это одинаково для всѣхъ частныхъ лицъ, отъ дѣяній коихъ произошелъ вредъ, въ какомъ бы качествѣ въ процесѣ они ни фигурировали. Уставъ 20 ноября дополняетъ его, замѣняя условіе уголовной вины условіемъ недобросовѣстности, а для доносителя, т. е. лица, отъ преступленія не потерпѣвшаго и доводящаго о немъ до свѣдѣнія власти, уставъ создаетъ отвѣтственность даже при условіи неосмотрительности. Предѣлы отвѣтственности въ уставѣ, такимъ образомъ, намѣчаются гораздо шире, и для рѣшенія этого вопроса вводится процедура, несравненно болѣе быстрая. Но понятіе „недобросовѣстности“, впервые введенное уставомъ, не получило въ немъ достаточной опредѣлительности, что дало судебной практикѣ поводъ къ черезъ-чуръ узкому его толкованію. Особенно неумѣстно переносить на это новое въ нашемъ правѣ понятіе, остатки устарѣвшей теоріи формальныхъ доказательствъ, лишь по недосмотру сохранившіеся въ ст. 941 улож. о наказ. относительно ложнаго доноса ¹⁾. Нельзя признать правильнымъ и стремленіе судебной практики опредѣлить понятіе недобросовѣстности тѣми признаками, которые требуются закономъ для понятія ложнаго доноса: послѣдній есть преступленіе, строго караемое, первая-же есть дѣятельность, вызывающая только гражданско-правовыя послѣд-

¹⁾ Ст. 941 улож. Доносъ не признается лживымъ и сдѣлавшій его не подвергается наказанію, когда въ разныхъ судахъ были различныя о справедливости или несправедливости извѣстія приговоровъ.

ствія. Ложный доносъ есть завѣдомо лживое обвиненіе чловѣка передъ органами судебной власти въ наказуемомъ дѣяніи; недобросовѣстность обвиненія есть понятіе, несравненно болѣе широкое. Законъ (ст. 782 уст. уг. суд.) относитъ къ нему не только искаженіе обстоятельствъ происшествія, не только дачу ложныхъ показаній и подговоръ къ тому другихъ, но и всякое употребленіе обвинителемъ иныхъ незаконныхъ или *предосудительныхъ* средствъ. Оно можетъ относиться или къ содержанію обвиненія, подобно ложному доносу, или къ мотивамъ его, или, наконецъ, къ тѣмъ способамъ, которые были выбраны обвинителемъ; недобросовѣстнымъ можетъ быть и обвиненіе, которое обвинитель предполагалъ правильнымъ, если для поддержанія его онъ прибѣгнулъ къ предосудительнымъ средствамъ или предъявилъ его по предосудительнымъ мотивамъ, не имѣя въ своихъ рукахъ достаточныхъ данныхъ виновности обвиняемаго. Это новое понятіе нашего законодательства можно сблизить съ древнимъ запрещеніемъ русскаго права, относившимся къ людямъ, которые, поклепомъ предъявляя большіе иски, мирятся на малыхъ суммахъ. Въ толкованіи его желательно видѣть какъ можно меньше формализма, такъ чтобы отвѣтственность обвинителя передъ обвиняемымъ была въ дѣйствительности не рѣдкимъ исключеніемъ, а общимъ правиломъ, непримѣнимымъ тогда лишь, если обвинитель докажетъ, что возбужденное имъ уголовное преслѣдованіе хотя и оказалось несостоятельнымъ, но было имъ предъявлено и ведено добросовѣстно.

Отмѣтимъ наконецъ и крайнюю шаткость нашей судебной практики по вопросу объ уголовной отвѣтственности недобросовѣстнаго обвинителя. Въ началѣ кассационная практика держалась того взгляда, что оправданный подсудимый имѣетъ право преслѣдовать обвинителя, признаннаго недобросовѣстнымъ, искомъ о клеветѣ; затѣмъ, съ рѣшенія 1875 года, по дѣлу Сизаго (№ 572), устанавливается иной взглядъ, по которому недобросовѣстные обвинители могутъ подлежать уголовному преслѣдованію не иначе какъ по закону о ложномъ

доносѣ, въ порядкѣ публичнаго обвиненія; впрочемъ и послѣ этого появлялись рѣшенія, высказывавшіяся за болѣе ранній взглядъ (1875 по дѣлу Шарова, 1875. № 660 по дѣлу Векустинскаго и др.). Едва ли, *во первыхъ*, можетъ подлежать сомнѣнію, что преслѣдованіе обвинителя въ уголовномъ порядкѣ, можетъ имѣть мѣсто и безъ предварительнаго признанія его судомъ за обвинителя недобросовѣстнаго: ни законы о клеветѣ, ни законы о ложномъ доносѣ, не вводятъ этого требованія; вопросъ о недобросовѣстности въ уголовномъ процессѣ поднимается обыкновенно подсудимымъ, которому въ моментъ разбирательства его дѣла важно очиститься отъ подозрѣнія, и этимъ главнымъ интересомъ покрываются всѣ прочіе, какъ второстепенные; за заботой объ оправданіи себя, находясь въ тяжеломъ душевномъ положеніи, онъ можетъ и не вспомнить о принадлежащемъ ему правѣ требовать признаніе обвиненія недобросовѣстнымъ; отъ этого, конечно, не можетъ уничтожаться преступность дѣйствій обвинителя, законы уголовные нарушившаго. *Во вторыхъ*, въ лживомъ, недобросовѣстномъ обвиненіи заключаются два нарушенія: нарушение частнаго права обвиняемаго и нарушение публичнаго права государственнаго, преступленіе противъ судебной его власти. Оно представляется преступленіемъ противъ личной чести, осложненнымъ квалифицирующимъ вину обстоятельствомъ учиненія дѣянія передъ лицомъ судебной власти. Согласно такой юридической природѣ лживаго обвиненія, основнымъ, главнѣйшимъ предметомъ его долженъ быть признанъ частный интересъ, которому не можетъ быть отказано въ защитѣ подъ тѣмъ лишь предлогомъ, что виновный вмѣстѣ съ тѣмъ нарушилъ и интересъ публичный. Между тѣмъ, рѣшеніе по дѣлу Сизаго, запрещающее преслѣдованіе лживаго обвинителя по законамъ о клеветѣ, дѣлаетъ такіе отказы неизбежными сплошь и рядомъ. Въ лживомъ обвиненіи можетъ не быть всѣхъ признаковъ ложнаго доноса, напр. по содержанію обвиненія, въ разныхъ судахъ могли состояться различные приговоры; и, тѣмъ не менѣе, дѣяніе можетъ отвѣчать всѣмъ требованіямъ клеветы, какъ завѣдомо ложнаго

обвиненія въ поступкѣхъ, противномъ правиламъ чести. А очевидно, то лишь обстоятельство, что клевета учинена передъ лицомъ судебной власти, не можетъ превращать ее въ дѣяніе безразличное, ненаказуемое. По всѣмъ приведеннымъ соображеніямъ необходимо признать, что преслѣдованіе за лживое передъ судомъ обвиненіе допускается независимо отъ того, было или нѣтъ такое обвиненіе признано недобросовѣстнымъ, причемъ преслѣдованіе это, по усмотрѣнію потерпѣвшаго, можетъ основываться или на законахъ о клеветѣ, или на законахъ о ложномъ доносѣ, а не исключительно на послѣднихъ.

Гражданскіе законы даютъ право иска всякому лицу, понесшему вредъ или убытки отъ противозаконнаго задержанія; уставъ уголовнаго судопроизводства говоритъ только объ оправданномъ. Но едва ли желательно толковать, какъ поступаетъ сенатская практика (в. р. 1875 № 660 по дѣлу Векустинскаго), это выраженіе ограничительно, буквально, понимая подъ нимъ только лицъ, о которыхъ состоитъ оправдательный по существу дѣла судебный приговоръ. Во первыхъ, рѣчь въ данномъ случаѣ идетъ о недобросовѣстномъ или противозаконномъ привлеченіи къ суду, вознагражденіе за которое по праву должно принадлежать потерпѣвшему и тогда, когда дѣло оканчивается освобожденіемъ его отъ суда, напр. вслѣдствіе давности, примиренія, помилованія; лице, примирившееся со своимъ обидчикомъ и несмотря на то привлекающее его къ суду, очевидно въ такой же мѣрѣ неправильно нарушаетъ гражданскіе интересы привлекаемаго, какъ и лице, взводящее обвиненіе на совершенно къ дѣлу нечастнаго. Между тѣмъ, при ограничительномъ толкованіи ст. 780 и слѣдующихъ устава, всѣ такіе случаи нельзя было бы обнимать правилами ихъ. Во вторыхъ, если дѣло прекращается по судебному опредѣленію, но безъ приговора, то тѣмъ самымъ устанавливается, что обвиненіе столь несостоятельно, что для устраненія его даже нѣтъ надобности въ подробномъ судебномъ изслѣдованіи дѣла; но странно было бы ставить въ болѣе привилегированное положеніе обвинителей,

предъявляющихъ наиболѣе неосновательныя обвиненія, за то только, что неосновательность ихъ обнаружилась раньше суда. Нельзя, впрочемъ, не сознаться, что въ пользу ограничительнаго толкованія сената существуетъ сильный аргументъ, лежащій въ буквѣ закона; ст. 780 и слѣдующія устава помѣщены въ главѣ его, названной „о порядкѣ постановленія и объявленія приговоровъ“, и ничего подобнаго имъ не содержится въ постановленіяхъ о предварительномъ слѣдствіи или преданіи суду. Этотъ доводъ весьма важенъ, но абсолютная сила за нимъ едва ли можетъ быть признана. Въдѣ постановленія о мѣрахъ пресѣченія обвиняемымъ способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда помѣщены нашимъ уставомъ въ раздѣлѣ „о предварительномъ слѣдствіи“, а между тѣмъ мѣры эти примѣнимы и по окончаніи предварительнаго слѣдствія. Ст. 302—305 уст. уг. суд. содержатъ въ себѣ рядъ весьма важныхъ правилъ, примѣнимыхъ и къ дѣламъ, по которымъ предварительнаго слѣдствія не производится. Жалобы на дѣйствія судебного слѣдователя, какъ разъяснено и сенатомъ, приносятся и разсматриваются въ порядкѣ, ст. 491—509 уст. уг. суд. опредѣленномъ, и тогда, когда по дѣлу состоялось уже преданіе суду или когда дѣло находится въ палатѣ, въ качествѣ обвинительной камеры. Эти и многіе другіе случаи, которые могли бы быть приведены нами, доказываютъ съ очевидностью, что систематическое толкованіе, къ уставу уголовного судопроизводства, страдающему отсутствіемъ правильной системы, было бы весьма опасно примѣнять во всей его строгости, и что потому, постановленія, въ ст. 780—784 содержащіяся, могутъ имѣть мѣсто и независимо отъ оправдательнаго приговора. Во всякомъ случаѣ желательно, чтобы право признанія обвинителя недобросовѣстнымъ принадлежало не только суду при окончательномъ разборѣ дѣла, но также обвинительной камерѣ и даже судебному слѣдователю.

Обвинитель и свидѣтели отвѣчаютъ за вредъ, отъ привлеченія къ суду происходящій, при условіи доказанной на судѣ уголовной вины или недобросовѣстности; рамки отвѣт-

ственности доносителя, т. е. лица, отъ преступленія не потерпѣвшаго, нѣсколько шире: онъ отвѣчаетъ и за неосмотрительность; „нѣтъ никакого основанія, замѣчали составители судебныхъ уставовъ, освобождать *въ какомъ бы то ни было случаѣ* частнаго доносителя отъ обязанности вознаградить оправданнаго подсудимаго за вредъ и убытки, причиненные возбужденіемъ противъ него уголовнаго преслѣдованія“.

Переходимъ затѣмъ къ отвѣтственности *должностныхъ* лицъ. Существенное различіе по этому вопросу представляютъ системы англійская и континентальная.

По англійскому праву, должностныя лица, выступающія въ процессъ въ качествѣ обвинителя или полицейскаго чиновника, подвергаются отвѣтственности въ весьма широкомъ размѣрѣ; формы ея примѣненія двояки: или, во первыхъ, судъ назначаетъ ее при постановленіи оправдательнаго приговора по уголовному дѣлу; или, во вторыхъ, она осуществляется въ порядкѣ особаго гражданскаго процесса. Только въ сравнительно новое время появились попытки установить предѣлы такой отвѣтственности. Статутъ Георга II (Georg. 2 cap. 44) опредѣлилъ, что констебли не отвѣчаютъ за дѣйствія, совершенныя во исполненіе судебного приказа (warrant) и въполнѣ съ нимъ согласныя. Статутомъ лорда Сельборна 1873 года, который ввелъ въ Англіи государственныхъ обвинителей (director of public prosecution), отвѣтственность ихъ передъ обвиняемыми ограничена условіемъ доказанной ихъ вины.

Должностныя лица, фигурирующія въ процессъ въ качествѣ судей, по англійскому праву равнымъ образомъ несутъ отвѣтственность за вредъ, происшедшій отъ неправильнаго назначенія мѣръ судебного принужденія. Законодательство и практика по этому предмету, ограждая судей отъ неосновательныхъ исковъ, которые могли бы лишить ихъ возможности отправлять судебныя функціи, вмѣстѣ съ тѣмъ даютъ частнымъ лицамъ обширную защиту противъ недобросовѣстныхъ дѣйствій судей. Въ виду этого, отвѣтственность судей различается смотря по тому, вытекаетъ ли она изъ распоряженій, входящихъ въ ихъ юрисдикцію (within their jurisdiction), или выхо-

дящихъ за ея предѣлы (without jurisdiction). Въ первомъ случаѣ судьи отвѣтственны лишь за дѣйствія, учиненныя злоумышленно, безъ разумнаго и достаточнаго основанія (maliciously and without reasonable and probable cause); во второмъ случаѣ судья отвѣчаетъ за всякое дѣйствіе, причинившее вредъ. По толкованію мѣстной практики, различіе отвѣтственности условливается не тѣмъ, имѣлъ-ли судья общую юрисдикцію по данному роду дѣлъ, а тѣмъ, принадлежала-ли ему спеціальная юрисдикція по данному дѣлу, право принятія данной мѣры относительно опредѣленнаго лица. Такъ, признаны отвѣтственными по неимѣнію юрисдикціи: судья, который, не выслушавъ лично обвинителя, по дѣлу о тѣлесномъ поврежденіи, ему подсудномъ, подписалъ приказъ о задержаніи обвиняемаго для представленія ему отвѣта; судьи, по словесному распоряженію которыхъ былъ задержанъ обвиняемый, вслѣдствіе того, что они забыли подписать приказъ о задержаніи. Къ этой же категоріи отнесены слѣдующіе случаи, заимствуемые нами изъ Палея. ¹⁾

„Судья не имѣетъ права задержать лице, хорошо ему извѣстное, для отвѣта по словесному обвиненію въ нарушеніи (misdemeanor) безъ производства правильнаго изслѣдованія. Въ одномъ случаѣ, частное лице добровольно находилось въ камерѣ; когда оно пожелало удалиться, то судьи остановили его, сказавъ, что у суда имѣется дѣло о немъ, подлежащее разсмотрѣнію; такимъ образомъ оно было задержано на 20 минутъ, но какъ только обвиненіе было сформулировано, то оказалось, что оно имѣетъ предметомъ своимъ незначительное нарушеніе (misdemeanor), ²⁾ а потому обвиняемому предоставлено было удалиться; по принесенному имъ иску, лордъ Тептерденъ высказался, что судьи должны отвѣчать за насиліе и противозаконное задержаніе, ибо прежде чѣмъ сдѣлать свое распоряженіе они должны были ознако-

¹⁾ Paley Law and Practice of summary convictions. London 1866. стр. 450 и слѣд.

²⁾ За misdemeanors подслѣдствнаго задержанія не полагается.

миться съ обвиненіемъ, въ надлежащей формѣ предъявленнымъ“.

„Равнымъ образомъ, судья не имѣетъ права задерживать кого либо за нарушеніе мира, кромѣ только лично имъ видѣннаго, иначе какъ выслушавъ въ установленной формѣ доказательства обвиненія. Поэтому, отвѣтственнымъ за убытки былъ признанъ судья, который, встрѣтивъ на улицѣ констебля, ведущаго къ нему пьянаго, приказалъ задержать его до завтра въ полицейскомъ помѣщеніи; при разсмотрѣніи этого случая было признано, что судья или долженъ былъ воротиться въ камеру и выслушать констебля, или же вовсе не вмѣшиваться въ это дѣло, предоставивъ констеблю обратиться къ другому судѣ“.

„По одному изъ статутовъ Георга III опредѣлены взысканія съ держателей и кучеровъ публичныхъ каретъ за неправильную ѣзду, причемъ прибавлено, что тѣмъ же взысканіямъ подвергается кучеръ, который откажется назвать свое имя или имя и адресъ держателя. Случилось, что одинъ изъ кучеровъ совершилъ проступокъ, предусмотрѣнный этимъ статутомъ, въ присутствіи мирового судьи, и для того, чтобы скрыть имя хозяина, закрылъ своимъ тѣломъ номеръ кареты; тогда судья остановилъ лошадей, собственноручно стащивъ кучера съ его мѣста, и такимъ образомъ узналъ номеръ кареты; дѣйствія судьи признаны были вредоносными, дающими право иска“.

Съ такимъ ригоризмомъ проводится въ англійской практикѣ правило объ отвѣтственности судей. На предъявленіе къ нимъ иска установленъ 6-ти мѣсячный срокъ, за мѣсяцъ до истеченія котораго судѣ должна быть представлена записка о предполагаемомъ предъявленіи иска, съ означеніемъ истца, его повѣреннаго и того суда, въ который искъ представляется. Мировымъ судьямъ предоставлено возражать противъ разсмотрѣнія иска въ судѣ графства (County Court), и тогда онъ можетъ слушаться лишь въ Вестминстерѣ. Отвѣтственность распространяется на весь вредъ и всѣ убытки,

составляющіе естественное послѣдствіе состоявшагося распоряженія.

Совершенную противоположность англійскому процессу составляетъ французскій, гдѣ, подъ вліяніемъ широкаго развитія инквизиціонныхъ началъ, отвѣтственность за привлеченіе къ суду должностныхъ лицъ вообще и судей въ частности имѣетъ крайне тѣсныя границы. Такъ, *prise à partie* судей по французскому уставу гражданскаго судопроизводства (art. 505) допускается только: 1) въ случаѣ злаго умысла, обмана или вымогательства при производствѣ слѣдствія или при постановленіи рѣшенія; 2) въ нѣкоторыхъ специальныхъ случаяхъ, именно означенныхъ буквою закона, или 3) въ тѣхъ случаяхъ, когда законъ особо оговариваетъ отвѣтственность судей съ возложеніемъ на нихъ вреда и убытковъ; и 4) въ случаѣ отказа въ правосудіи. Неосновательность задержанія, примѣненнаго въ порядкѣ уголовнаго процесса, не принадлежитъ, по французскому законодательству, къ числу случаевъ, дающихъ право иска ¹⁾).

Въ германскихъ закоподательствахъ, судьи признаются отвѣтственными за всякій вредъ, причиненный ихъ противозаконными по службѣ дѣйствіями. Въ одномъ изъ нихъ, саксонскомъ, существовало даже специальное правило объ имущественной отвѣтственности судей за неправильное задержаніе. Но, по свидѣтельству Фоллerta, въ теченіи 23 лѣтъ своего существованія оно не было примѣнено ни разу: толкованіе этого правила было далеко отъ англійскаго ригоризма, и отвѣтственность признавалась непримѣющею мѣста не только тогда, когда судья могъ доказать право примѣненія такой мѣры въ опредѣленномъ дѣлѣ, но во всѣхъ случаяхъ существованія на сторонѣ его общаго права примѣненія такой мѣры.

Тѣ же черты замѣчаются и у насъ. Прежнее законодательство наше ограничивало отвѣтственность судей условіемъ доказанной на судѣ уголовной ихъ вины; оставленіе въ по-

¹⁾ Helié, *Traité*, IV, стр. 95 и слѣд.

дозрѣніи было недостаточно ¹⁾). Уставы 20 ноября распростра-
нили отвѣтственность на всякую недобросовѣстность должност-
ныхъ лицъ, но и въ этомъ, болѣе широкомъ объемѣ, право
иска къ нимъ имѣютъ по буквѣ закона только подсудимые *оправ-*
данные, и притомъ, искъ ведется въ особомъ порядкѣ, весьма
льготномъ для отвѣтчика. До какой степени мало, по прежнему
законодательству, можно было рассчитывать на признаніе су-
дей отвѣтственными даже за неправильное задержаніе, пока-
зываетъ слѣдующій случай изъ нашей прежней практики. Кро-
левецкій уѣздный судъ, въ качествѣ суда гражданскаго, рас-
порядился о задержаніи подъ стражею отвѣтчика Тесленко,
подъ предлогомъ дерзкихъ отвѣтовъ и неприличнаго передъ
судомъ поведенія. Общее собраніе сената, признавъ, что рас-
поряженіе о задержаніи Тесленко сдѣлано было не въ по-
рядкѣ, установленномъ для сего въ законахъ, нашло, однако,
что при этомъ „слѣдуетъ обратить особенное вниманіе на то,
въ чемъ именно заключалось нарушеніе означеннаго порядка.
Въ семъ отношеніи соображеніе обстоятельствъ настоящаго дѣла
съ 209 ст. 2 ч. X т. показываетъ, что преступленіе Тесленко
(замѣтимъ, вовсе небывшее предметомъ изслѣдованія въ по-
рядкѣ суда уголовнаго), какъ заключавшееся въ обманѣ Со-
ломки (истца), при заключеніи мирового акта, по произво-
дящейся между ними гражданской тяжбѣ, относится къ числу
тѣхъ, указываемыхъ означенною статьею, обстоятельствъ, ко-
торые, какъ открывшіяся во время производства граждан-
скаго дѣла, хотя и подлежатъ суду уголовному, но не прежде
однакоже, какъ по совершенномъ въ послѣдней инстанціи
окончаніи суда гражданскаго. Но гражданское дѣло Тесленко
съ Соломкою производилось въ томъ же уѣздномъ судѣ, ко-
торый, какъ судъ уголовный, сдѣлалъ распоряженіе о до-
просѣ и арестованіи Тесленко; слѣдовательно, *право уѣзднаго*
суда на это распоряженіе, какъ учрежденія, совмѣщавшаго
въ себѣ судъ и уголовный и гражданскій, *существовало, и*

¹⁾ Ритиковъ Рожковъ, Сборникъ рѣшеній общаго собранія первыхъ 3 депар-
таментовъ, г. IV стр. 721.

засимъ, вина уѣзднаго суда заключалась только въ томъ, что онъ возбудилъ вопросъ и началъ судъ о преступленіи, возникшемъ изъ дѣла гражданскаго, преждевременно, т. е. прежде чѣмъ былъ совершенно оконченъ судъ гражданскій, каковую вину точно также нельзя безусловно подводить подъ 390 ст. улож. о наказ. (изд. 1857 г., 348 изд. 1866 г.), говорящую о случаяхъ арестованія безъ всякаго на то права ¹⁾.”

Но прежнее законодательство по интересующему насъ вопросу представляло и нѣкоторыя преимущества передъ новымъ, реформированнымъ. Такъ, во 1-хъ, оно предписывало высшимъ мѣстамъ, по долгу службы, возбуждать вопросъ о медленности производства и такимъ образомъ значительно облегчало полученіе вознагражденія не только за невинное привлеченіе къ суду, но и за невинную продолжительность задержанія; во 2-хъ, обязательное возбужденіе этого вопроса высшимъ судомъ, преимущественно сенатомъ, значительно облегчало подсудимаго и должно было содѣйствовать ускоренію рѣшенія такого вопроса, ибо у высшаго суда находился весь необходимый для того матерьялъ. Эта послѣдняя надежда не оправдывалась только благодаря общимъ недостаткамъ прежняго процесса; но предоставленіе самому суду уголовному разрѣшать вопросъ о вознагражденіи за убытки, отъ привлеченія къ суду понесенные, могло-бы функционировать гораздо успѣшнѣе въ процесѣ реформированномъ.

Личная отвѣтственность, условливаясь противозаконностью или недобросовѣстностью привлеченія къ суду, имѣетъ весьма широкій объемъ. Она обнимаетъ весь вредъ и убытки, отъ привлеченія къ суду понесенные. Согласно закону 9 февраля 1865 г., вошедшему въ примѣчаніе къ ст. 677 т. X ч. 1, по продолженію 1876 года, „если по жалобѣ обиженной стороны доказано будетъ, что закрытіе какого либо заведе-

¹⁾ Обязанность членовъ суда вознаградить Тесленко за убытки, отъ ареста имъ понесенные, была признана сенатомъ потому только, что къ нимъ примѣнена 1 ч. 348 ст. улож. о нак. (по изд. 1866 г.), ибо арестъ послѣдовалъ безъ соблюденія установленныхъ на то правилъ. *Ратьковъ-Рожновъ*, Сборникъ, I, дѣло № 15

нія, фабрики или завода, а равно и производство обыска или выемки, сдѣлано было неправильно, то лица, по распоряженію коихъ сіе послѣдовало, отвѣтствуютъ за *всякій вредъ и убытокъ*, такимъ дѣйствіемъ причиненный“. На судей, постановившихъ неправильный приговоръ о наказаніи, сверхъ вознагражденія потерпѣвшаго за вредъ и убытки, возложено особое въ пользу его денежное взысканіе, напоминающее собою германскую буссу, отъ 100 до 600 руб. при осужденіи невиннаго къ наказанію уголовному и отъ 10 до 60 руб. при присужденіи его къ наказанію исправительному (ст. 678 г. X ч. I зак. гражд.).

Подобно частнымъ лицамъ, должностныя лица, по уставу уголовного судопроизводства, отвѣчаютъ лично за себя. Государство не беретъ на себя за нихъ отвѣтственности и въ случаѣ ихъ несостоятельности, какъ принято въ нѣкоторыхъ частяхъ Германіи (Саксонія, Виртембергъ), какъ практикуется и у насъ въ случаяхъ преступленій по службѣ, учиненныхъ должностными лицами кредитныхъ установленій. По иску, предъявленному къ государственному банку Дараганомъ, билеты котораго, ввѣренныя банку, оказались похищенными однимъ изъ чиновниковъ послѣдняго, государственный совѣтъ нашелъ: „что вкладчикъ ввѣрилъ свои капиталы банку, а не чиновникамъ, которые, какъ агенты банка, принимали отъ него тѣ вклады; посему банкъ, а не чиновники его, долженъ отвѣтствовать за цѣлость вкладовъ и за всѣ послѣдствія отъ нарушенія установленныхъ правилъ при передачѣ ихъ другимъ лицамъ, если таковыя нарушенія будутъ дѣйствительно доказаны. Затѣмъ если бы, вслѣдствіе сего, съ банка были присуждены въ пользу вкладчика какія либо суммы, то уже самъ банкъ могъ бы взыскивать ихъ съ своихъ чиновниковъ, упущенія или злоупотребленія коихъ довели его до отвѣтственности“. Но совершенно аналогичное положеніе существуетъ и въ случаѣ злоупотребленій должностныхъ лицъ по привлеченію къ суду. Свою свободу, свои имущественные интересы, свою честь, обвиняемый довѣряетъ не чиновникамъ, производящимъ слѣдствіе и судъ,

а государству; при злоупотребленіи должности, чиновники отвѣчаютъ передъ государствомъ, государство передъ потерпѣвшимъ. Такая *замѣняющая* отвѣтственность государства за должностныхъ лицъ лежитъ въ природѣ вещей.

IV.

Но затѣмъ естественно возникаетъ второй вопросъ: помимо отвѣтственности замѣняющей, не слѣдуетъ-ли признать на сторонѣ государства и *самостоятельную* отвѣтственность за вредъ, понесенный невинно отъ привлеченія къ суду или даже отъ неправильнаго наказанія? Вѣдь этотъ вредъ, требуемый во имя интересовъ цѣлаго государства, можетъ послѣдовать и безъ опредѣленной вины какого-либо частнаго или должностнаго лица; и однако, отсутствіе виновника не дѣлаетъ еще самого потерпѣвшаго виновникомъ понесеннаго имъ вреда. Если при желѣзнодорожномъ движеніи случилось несчастье, то правительство принимаетъ на себя или возлагаетъ на желѣзнодорожное общество обязанность вознаградить потерпѣвшаго, не справляясь съ тѣмъ, произошло-ли несчастье отъ доказанной вины какого-либо служащаго. Но не большее-ли еще несчастье—неправильный приговоръ, и не существуетъ-ли юстиція, подобно желѣзнодорожному движенію, для интересовъ всего гражданскаго общества? Когда для какой-либо общей цѣли государство нуждается въ моемъ клочкѣ земли и отчуждаетъ его отъ меня путемъ экспроприаціи, оно вознаграждаетъ меня; почему же невознаградимыми должны быть отчужденія благъ, несравненно болѣе для меня важныхъ—свободы, чести, здоровья,—также требуемыхъ отъ меня во имя цѣлей общаго? Не слѣдуетъ-ли, напротивъ, признать, что общество въ этомъ случаѣ становится должникомъ невинно къ суду уголовному привлеченнаго и должно вознаградить его за вредъ, отъ того происшедшій?

Какъ реакція громкимъ злоупотребленіямъ инквизиціоннаго процесса, эта мысль съ особенною энергіею была выставлена гуманитарными теоріями энциклопедистовъ. Первенство въ провозглашеніи ея принадлежитъ Пуфендорфу, который,

опираясь на то, что подслѣдственное заключеніе не есть наказаніе, смѣло выводилъ отсюда обязанность вознагражденія за оное (*on doit l'en dédommager*) и необходимость зачета его въ наказаніе. Участъ невинно осужденныхъ интересовала лучшіе умы конца XVIII стол., и могучій духъ реформы проявилъ себя какъ въ отдѣльныхъ мемуарахъ, писавшихся и подававшихся французскому королю въ защиту ихъ ¹⁾, такъ и въ общей постановкѣ этого вопроса въ литературѣ. Уже въ 1777 году экономическое общество Берна, въ Швейцаріи, назначило премію въ 1200 фр. за лучшее сочиненіе по темѣ: „изготовить и редактировать полный планъ уголовного законодательства, по слѣдующимъ тремъ рубрикамъ: 1) о преступленіяхъ и соотвѣтственныхъ имъ наказаніяхъ; 2) о существѣ и силѣ доказательствъ и уликъ; и 3) о способахъ уголовного изслѣдованія, такъ, чтобы мягкость наказанія и процесса соединялась съ непремѣнностью быстрой и примѣрной репрессіи, и чтобы гражданское общество имѣло возможно большія гарантіи“. Эта премія, которую Вольтеръ, пополнивъ 50 ливрами изъ своего кошелька, назвалъ „премією справедливости и человѣчности“, была присуждена Глобигу и Густеру, но на нее состязались и многіе французы, между прочимъ будущій жирондистъ Бриссо-де Варвиль и еще крупнѣйшая знаменитость революціоннаго террора, Марать ²⁾.

Затѣмъ, въ 1780 году академія наукъ и художествъ въ Шалонѣ-на-Марнѣ предложила премію на тему: „о способахъ смягченія уголовныхъ законовъ Франціи безъ вреда для общественной безопасности“, а въ слѣдующемъ году та-же академія предложила другую тему, еще ближе относящуюся къ интересующему насъ вопросу: „каковы по началамъ естественнаго права лучшіе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, наименѣе обременительные для общества способы вознагражденія гражданъ, привлечен

¹⁾ Esmein, *Histoire de la procédure criminelle en France*, Paris 1883, стр. 391 и слѣд.

²⁾ О сочиненіи его Esmein отзывается: «cet ouvrage est d'une rare médiocrité», а. с. стр. 382.

ныхъ прокуратурою къ суду и признанныхъ невиновными?“ И въ этомъ состязаніи принималъ участіе Бриссо-де-Варвиль, получившій премію за свой трудъ ¹⁾. Главнѣйшую часть его составляетъ указаніе тѣхъ процессуальныхъ реформъ, которыя необходимы для предупрежденія неправильныхъ приговоровъ и для устраниенія ненужной жестокости. Какъ въ немъ, такъ и въ трудахъ его конкурентовъ (*de la Madeleine*) и современниковъ (*Pastoret*), вопросъ о вознагражденіи за неправильно понесенное наказаніе обращаетъ на себя преимущественное вниманіе, но параллельно съ тѣмъ указывается и на необходимость вознагражденія за вредъ, отъ привлеченія къ суду вообще и въ частности отъ слѣдственнаго задержанія происходящій. Они различаютъ вредъ идеальный и матеріальный. За первый требуется идеальное вознагражденіе — возстановленіе чести; одинъ изъ конкурентовъ Бриссо, *de la Madeleine*, рекомендуетъ одѣть оправданнаго въ праздничную одежду, повязавъ его бѣлой лентой, на которой прикрѣпить медаль или крестъ съ надписью: „признающая невинность“, на одной сторонѣ, а на другой — корона изъ двухъ пальмовыхъ вѣтокъ, съ обозначеніемъ дня постановленія оправдательнаго приговора ²⁾. Нѣсколько позже Пасторе, отдавшій рѣшительное предпочтеніе идеальному вознагражденію передъ матеріальнымъ, писалъ: „я бы желалъ, чтобы день возстановленія обвиняемаго въ общественномъ мнѣніи (*réhabilitation des accusés*) былъ днемъ праздника или триумфа. Посвященный этому народный праздникъ былъ бы однимъ изъ лучшихъ новѣйшихъ учрежденій, равнаго которому не нашлось-бы во всемъ древнемъ мірѣ“ ³⁾. Что касается матеріальнаго вознагражденія, то XVIII вѣкъ относится къ нему съ патриціанскимъ презрѣніемъ и отводитъ ему второстепенное мѣсто ⁴⁾. Даже когда

¹⁾ *Brissot de Warville, Le sang innocent vengé.*

²⁾ *Geyer, Zeit und Streitfragen* № 169 стр. 10.

³⁾ *Pastoret, Des lois pénales, Paris 1790, т. II стр. 119, 120.*

⁴⁾ *Pastoret, в. с. стр. 119. «Les dédommagements honorifiques sont en général infiniment préférables chez un peuple qui est beaucoup plus sensible à l'honneur qu'à la fortune».*

оно признавалось, то условія ему ставились крайне тѣсныя. Всѣхъ шире понималъ ихъ Бриссо, который настаивалъ на имущественномъ вознагражденіи не только бѣднѣйшихъ, но и зажиточныхъ подсудимыхъ ¹⁾; Пасторе, напротивъ, видѣлъ необходимость въ денежномъ вознагражденіи только тогда, когда подсудимый, по болѣзненному состоянію своему или по неважному общественному положенію, принадлежалъ къ числу нуждавшихся въ немъ бѣдняковъ. По Бриссо, уплачивать это вознагражденіе обязано государство, что возможно въ двоякой формѣ: или уплатою денегъ изъ суммъ, собранныхъ налогами и пошлинами, или освобожденіемъ оправданнаго, на нѣкоторое время, отъ платежа налоговъ. По Пасторе, напротивъ, денежное вознагражденіе, въ значительной части своей, должно уплачиваться изъ взысканія, налагаемаго на доносчика, въ остальной-же части покрывается изъ государственнаго казначейства; противъ освобожденія отъ налоговъ Пасторе приводитъ тотъ аргументъ, что „доставленіе справедливости одному не должно быть бременемъ или несправедливостью для другихъ гражданъ“. Но и Бриссо спѣшитъ сдѣлать весьма существенную оговорку въ своей теоріи вознагражденія. Замѣтивъ, что вознагражденъ долженъ быть всякій вредъ, причиненный неправильнымъ привлеченіемъ къ суду, онъ продолжаетъ: „меня, безъ сомнѣнія, признали-бы апологистомъ преступленія и порока, если бы я не установилъ различія, существующаго между обвиняемыми, и не указалъ бы на необходимость различенія въ самыхъ послѣдствіяхъ такого привлеченія. Безъ него предлагаемый мною проектъ былъ-бы непрактиченъ или опасенъ для общества. Въ самомъ дѣлѣ, благодаря исконному пороку своей организаціи ²⁾, новѣйшія государства переполнены толпа-

¹⁾ Однимъ изъ основаній въ пользу денежнаго вознагражденія ихъ Бриссо указывалъ необходимость, въ которую были поставлены подсудимые того времени, подкупомъ чиновниковъ добывать средства своего оправданія *Brissot* в. с. II, стр. 365, 366.

²⁾ Слѣдь теорій Гуссо.

ми членовъ-паразитовъ, неимѣющихъ стремленія къ честному труду, который могъ бы дать собственность. Они называются гражданами, но не исполняютъ обязанностей гражданина; въ благотѣльныхъ вліяніяхъ общества они не принимаютъ участія; именно по отношенію къ нимъ чувствуется справедливость поговорки: нѣтъ правъ—нѣтъ и обязанностей. Существа этого класса не знаютъ никакихъ принциповъ (*lieux*), по отсутствію въ томъ ихъ интереса; и именно изъ этого класса лицъ, брошенныхъ на произволъ судьбы и потому доступныхъ разврату, выходятъ большею частью наши тяжкіе преступники, на злодѣянія и полную испорченность которыхъ постоянно указываютъ для оправданія чрезмѣрныхъ жестокостей нашихъ уголовныхъ законовъ. “И вотъ, людямъ этого бездомнаго, порочнаго, преступнаго класса, неимѣющихъ ни собственности, ни положенія, живущихъ slučajемъ и преступленіемъ, Бриссо совершенно отказывалъ въ вознагражденіи за вредъ и убытки, причиненные привлеченіемъ ихъ къ суду и даже неправильнымъ приговоромъ, возставая лишь, и по отношенію къ нимъ, противъ неумѣстныхъ жестокостей процессуальнаго законодательства ¹⁾).

Идея государственнаго вознагражденія изъ Франціи тогда же перенесена была въ Италію и Англію.

Крупнымъ представителемъ ея въ Италіи XVIII вѣка былъ Филанджіери; его мнѣнія по этому вопросу весьма близки къ мыслямъ, которые мы уже встрѣчали во Франціи. И онъ обращаетъ главнѣйшее вниманіе на улучшеніе уголовного процесса, подвергая безпощадному анализу несовершенства инквизиціоннаго порядка. И онъ, подобно Бриссо и Пасторе, говоря о вознагражденіи, имѣетъ въ виду только случаи судебного оправданія подсудимаго. Институтъ вознагражденія разсматривается имъ съ точки зрѣнія обвинительнаго процесса, возвратъ къ которому имъ настоятельно рекомендуется. „Въ случаѣ оправданія, говоритъ онъ ²⁾), было-ли обви-

¹⁾ Brissot-de-Warville, l. c. II стр. 351 и слѣд.

²⁾ Filangieri, La scienza della legislazione, 22 глава отдѣла объ обви-

неніе предъявлено публичнымъ или частнымъ обвинителемъ, законъ не можетъ отказать подсудимому, который долженъ былъ принести свой миръ и свое спокойствіе въ жертву интересамъ общественнаго порядка, въ вознагражденіи за такую жертву; мало того, если онъ подвергся невыгодамъ, издержкамъ и опасностямъ процесса не по ошибкѣ, а по злоумышленію обвинителя, то онъ долженъ быть *отомщенъ* за понесенныя лишенія“. Отсюда—два различные пути, принадлежащіе подсудимому: процессъ объ убыткахъ и процессъ о клеветѣ. „Для того, чтобы доставить ему только вознагражденіе за убытки, неважѣмъ заводить новаго уголовного дѣла. Если я неумышленно причинилъ кому либо вредъ, законъ не наказываетъ меня, но присуждаетъ къ вознагражденію. Я свободенъ отъ упрековъ совѣсти, но можетъ ли совѣсть освободить меня и отъ вознагражденія за вредъ? Если даже обвинитель имѣлъ нѣкоторые основанія полагать, что привлекаемый имъ къ суду на самомъ дѣлѣ виновенъ въ преступленіи, тѣмъ не мѣнѣе, послѣ состоявшагося оправданія доказанная этимъ ошибка обвинителя становится хотя и не преступленіемъ, но причиною вреда, подлежащаго вознагражденію. Но примѣнимо ли это начало и къ обвинителю публичному? Слѣдуетъ-ли при оправданіи привлеченнаго имъ къ суду лица, даже при отсутствіи всякой съ его стороны вины, возлагать на него обязанность покрыть причиненные убытки изъ *собственнаго имущества*? Не будетъ-ли это мѣрою, которая свяжетъ его въ осуществленіи его служебныхъ обязанностей? Не становится-ли ошибка болѣе извинительною со стороны лица, которое обязано быть обвинителемъ по долгу службы? Законы Рима до такой степени ограждали должностныхъ лицъ, выступавшихъ обвинителями *ex officio*, что даже въ случаяхъ клеветы не подвергали ихъ наказанію. Въ другомъ мѣстѣ нашего труда мы представили уже возраженія

нительномъ процессѣ. У насъ подъ руками нѣмецкій переводъ этого отдѣла, изданнаго Пале въ 1849 г., въ Берлинѣ, подъ заглавіемъ: Gaetano Filangieri, über den Anklageproceß und das Geschwornen-Gericht.

• противъ этого правила, но не думаемъ, однако, чтобы на такихъ обвинителей было справедливо возлагать обязанность вознагражденія за убытки, если съ ихъ стороны не было клеветы, а лишь неумышленная ошибка. Для огражденія публичныхъ обвинителей отъ опасности отвѣта въ случаяхъ такого рода, мы предлагаемъ учредить особую кассу вознагражденія за убытки, которая была бы предназначена для возмѣщенія убытковъ, причиненныхъ неправильными, но не злоумышленными обвиненіями со стороны публичныхъ обвинителей. Поразительно, въ самомъ дѣлѣ, что до сихъ поръ не подумали объ учрежденіи столь необходимой кассы. Юстиція повсюду имѣетъ фонды для оплаты содержанія своихъ служителей; почему же бы ей не завести такихъ фондовъ и для искупленія ошибокъ, ими учиненныхъ? Далѣе Филанджіери переходитъ къ случаямъ злоумышленного неправильнаго обвиненія, давая здѣсь потерпѣвшему особый искъ о клеветѣ, одинаковый какъ для частныхъ, такъ и для публичныхъ обвинителей.

Изъ сказаннаго видно, что устами Филанджіери говорило тоже всѣхъ увлекавшее движеніе реформы, которому подчинялись Бриссо и Пасторе. Но мысли его имѣли несравненно большее практическое значеніе, благодаря тосканскому герцогу Леопольду I, который отвелъ имъ мѣсто въ изданномъ имъ тосканскомъ уголовномъ уложеніи 1786 года. Этотъ памятникъ законодательства, славный какъ первая въ Европѣ попытка отмѣны смертной казни, впервые на страницы закона вноситъ и идею государственнаго вознагражденія невинно къ суду уголовному привлеченныхъ. Тосканское уложеніе, подлѣ идеальнаго вознагражденія оправданныхъ, которому отводится важнѣйшее мѣсто, заботится и объ имущественномъ ихъ вознагражденіи, учреждая для того по совѣту Филанджіери особую кассу, которая предназначалась для возмѣщенія убытковъ: 1) лицъ, отъ преступленій потерпѣвшихъ и 2) подсудимыхъ, судомъ оправданныхъ (§ 46). Вознагражденіе послѣднихъ и размѣръ его предоставлялись усмотрѣнію суда. Примѣру тосканскаго уложенія послѣдовали уложеніе

сипилянское, проект уголовного уложенія португальскаго 1861 г. и законодательства 19 кантоновъ Швейцаріи ¹⁾); но за этими исключеніями, матерьяльное вознагражденіе невинно къ суду уголовному привлеченныхъ остается неизвѣстнымъ прочимъ законодательствамъ.

Въ Англіи, идея государственнаго вознагражденія подсудимыхъ оправданныхъ нашла не менѣе талантливаго послѣдователя въ лицѣ Бентама, но мысли его практическихъ результатовъ до сихъ поръ не дали. Правда, еще въ 1808 году, подъ прямымъ вліяніемъ Бентама, сэръ Самуиль Ромпль внесъ въ палату общинъ билль, которымъ предполагалось возложить на судъ обязанность, при постановленіи каждаго оправдательнаго приговора, ставить себѣ и разрѣшать вопросъ, заслуживаетъ-ли оправданный вознагражденія. Но это предложеніе вызвало горячія пренія; противъ него указывалось, что мѣра эта приведетъ къ противному англійской конституціи различію оправдательныхъ приговоровъ, по которымъ допущено вознагражденіе, отъ такихъ же оправдательныхъ приговоровъ, по которымъ вознагражденія не допущено. Ромпль взялъ свое предложеніе обратно для исправленія, но этимъ и былъ повонченъ поднятый имъ вопросъ ²⁾.

Законодательства и литература XIX в. всѣхъ крупныхъ государствъ Европы представляютъ картину опасливаго отношенія къ вопросу о вознагражденіи матерьяльномъ, между тѣмъ какъ идеальное вознагражденіе за это время успѣло значительно созрѣть и пустило уже глубокіе корни въ правосознаніе культурныхъ народовъ. Во Франціи, при обсужденіи государственнымъ совѣтомъ проекта нынѣ дѣйствующаго устава, предлагалось ввести государственное вознагражденіе невинно осужденныхъ; „но — говоритъ Фостенъ Эли — предложеніе это было устранено изъ опасенія, чтобы эта

¹⁾ Geyer, Zeit und Streitfragen, стр. 11 и 15. въ Швейцаріи вознагражденіе также опредѣляется по усмотрѣнію суда.

²⁾ О позднѣйшей попыткѣ въ Англіи, тоже неудачной, см. Bonneville de Marsangy, De l'amélioration des lois criminelles II, 596 и слѣд.

мѣра не повела къ вопросу о вознагражденіи всѣхъ оправданныхъ подсудимыхъ, а частью и потому, что принципъ юридической отвѣтственности государства за вредъ, отъ судебной ошибки происшедшій, признанъ былъ спорнымъ¹⁾. Изъ французскихъ писателей новаго времени, за матеріальное вознагражденіе оправданныхъ высказался между прочимъ Бонневиль-де-Марсанжи, который, впрочемъ, отказывалъ въ немъ подсудимымъ, невинность которыхъ не установлена въ точности судомъ уголовнымъ, а также тѣмъ, которые поведеніемъ и образомъ жизни ввели судебную власть въ ошибку и сдѣлали примѣненіе этой мѣры необходимымъ. Такимъ образомъ, право на вознагражденіе, согласно Марсанжи, обуславливается отсутствіемъ процессуальной вины и полною невинностью по обвиненію. Но въ этой постановкѣ идея вознагражденія встрѣчаетъ противниковъ и въ средѣ французскихъ юристовъ, которые опасаются, что такая мѣра поведетъ къ совершенно неправильному раздѣленію оправдательныхъ приговоровъ²⁾.

Равнымъ образомъ и въ германскихъ государствахъ въ теченіе XIX ст. идеальное вознагражденіе невинно къ суду уголовному привлеченныхъ значительно оскрѣпло, но по вопросу о матеріальномъ вознагражденіи до послѣдняго времени сдѣлано было очень мало. Только виртембергскій уставъ уголовного судопроизводства постановлялъ: „осужденному, невинность котораго доказана, выдается изъ казны вознагражденіе за вредъ, невинно имъ понесенный, при чемъ казна имѣетъ право требовать возврата уплаченнаго съ виновныхъ въ неправильномъ осужденіи должностныхъ лицъ“ (art. 484 abs. 2). Новые уставы австрійскій 1873 года (§ 360) и германскій 1877 года (§ 411) говорятъ лишь о правѣ оправ-

¹⁾ Helie, Traité de l'instruction criminelle, по парижскому изданію 1867 г. т. VIII стр. 541. Вторично вопросъ этотъ дебатировался во французской палатѣ въ 1863 году, см. Garraud. Précis стр. 610.

²⁾ Garraud, Précis de droit criminel, p. 651: à moins donc d'établir des acquittements de deux sortes, ce qui paraît difficile, sinon impossible, on ne peut songer à faire condamner l'Etat à des dommages-intérêts pour les préjudices qu'il a causés au détenu acquitté.

даннаго требовать напечатанія оправдательнаго приговора, совершенно умалчивая не только о вознагражденіи его за понесенное наказаніе, но и о возвратѣ ему судебныхъ издержекъ ¹⁾).

Но еще ранѣе изданія германскаго устава, вопросъ о матеріальномъ вознагражденіи невинно къ суду уголовному привлеченныхъ, сталъ предметомъ въ высшей степени оживленнаго обмѣна мыслей между германскими юристами. Честь почина его постановки принадлежитъ Гейнце, который, въ сочиненіи своемъ: *das Recht der Untersuchungshaft* (Leipzig, 1865), высказался за государственную обязанность вознагражденія всякаго лица, лишеннаго свободы на предварительномъ слѣдствіи, съ двумя лишь оградиченіями: 1) если обвиняемый самъ сдѣлалъ что либо именно съ цѣлью вызвать или продолжить лишеніе свободы, напр. явился съ повинной при отсутствіи вины, и 2) если обвиняемый уклонялся отъ суда и тѣмъ сдѣлалъ необходимымъ задержаніе его. Затѣмъ, этотъ вопросъ сдѣлался предметомъ горячихъ преній на трехъ послѣдовательныхъ сѣздахъ германскихъ юристовъ: ганноверскомъ 1873 года (XI сѣздъ), нюрнбергскомъ 1874 года (XII) и зальцбургскомъ 1876 года (XIII сѣздъ). На двухъ первыхъ сѣздахъ пренія оставались безъ всякихъ результатовъ, и только зальцбургскій сѣздъ рѣшилъ подвергнуть голосованію и принялъ предложеніе Жака и Штенглейна, гласившее: „въ случаѣ оправданія или прекращенія преслѣдованія, за понесенное задержаніе назначается вознагражденіе, если только примѣненіе подслѣдственнаго задержанія или продолженіе его не вызвано по собственной винѣ обвиняемаго во время производства дѣла“. — Въ тоже время вопросъ этотъ обсуждался юридическою литературою, и высказанныя по нему мнѣнія сводятся къ тремъ группамъ. Одни требовали государствен-

¹⁾ Германскій уставъ, въ § 499 содержитъ общее правило, коимъ суду представляется принять на счетъ казны произведенныя подсудимымъ по дѣлу издержки, которыя признаны необходимыми. Кромѣ того, § 501 его, на неосмотрительнаго доистина возлагаетъ всѣ издержки, отъ доноса послѣдованіе.

ж. гр. и уг. пр. кн. v 1883 г.

наго вознагражденія за подслѣдственное лишеніе свободы по правовымъ основаніямъ (Rechtsgründe), сближая его съ экспропріаціей имущества (Вальбергъ, Жакъ, Гейеръ), или съ вознагражденіемъ свидѣтелей (Вальбергъ), или съ зачетомъ подслѣдственного задержанія въ наказаніе, при постановленіи обвинительнаго приговора (Гейнце). Другіе, отказываясь признать за государствомъ строго-юридическую обязанность вознаграждать предварительно задержаннаго, брали однако идею государственнаго вознагражденія подъ свою защиту, какъ мѣру человеколюбія, гуманности (Billigkeit); нынѣ въ Германіи это направленіе наиболее распространено; за него подалъ свой весьма авторитетный голосъ и саксонскій юристъ Шварце. Наконецъ, въ такой странѣ какъ Германія, гдѣ каждое мнѣніе стремится въ печатному станку, въ литературѣ не могли не высказаться и взгляды діаметрально противоположные, которыми государственное вознагражденіе отрицается въ самомъ принципѣ. „Нѣсколькихъ мѣсяцевъ со дня введенія въ дѣйствіе подобнаго закона—говорятъ представители этого направленія—будетъ совершенно достаточно для того, чтобы теперешняя весьма скромная агитація въ пользу государственнаго вознагражденія, смѣнилась бурнымъ общественнымъ движеніемъ противъ него“ ¹⁾. Но это отрицательное направленіе относится лишь къ вознагражденію за подслѣдственное задержаніе, вовсе не касаясь вопроса о вознагражденіи за невинно понесенное наказаніе.

Результатомъ изложеннаго обмѣна мыслей было предложеніе депутатовъ Филипса и Ленцмана, внесенное въ прошломъ (1882) году въ германскій парламентъ. Оно требуетъ дополненія §§ 413 и 499 германскаго устава уголовнаго судопроизводства слѣдующими правилами:

§ 413. „Если, вслѣдствіе возобновленія уголовнаго дѣла на основаніи п. 5 § 399 сего устава ¹⁾, послѣдовалъ оправ-

¹⁾ Кронекер, die Entschädigung unschuldig verhafteter, стр. 25.

²⁾ Этотъ пунктъ предусматриваетъ возобновленіе дѣла вслѣдствіе открытія новыхъ обстоятельствъ, свидѣтельствующихъ о невинности осужденнаго или о понесеніи имъ по судебной ошибкѣ наказанія свыше мѣры содѣяннаго, такъ что

дательный приговоръ, то оправданному должно быть дано изъ государственнаго казначейства вознагражденіе, какъ за понесенное наказаніе, такъ и за иной вредъ, причиненный ему уголовно-судебнымъ производствомъ. Требованіе о вознагражденіи признается неумѣстнымъ, если обвинительный приговоръ умышленно вызванъ поведеніемъ самого подсудимаго. Размѣръ вознагражденія опредѣляется свободнымъ усмотрѣніемъ суда, по обсужденіи обстоятельствъ дѣла“.

§ 499. „Сверхъ того ¹⁾), оправданному или освобожденному отъ преслѣдованія, по ходатайству его, можетъ быть опредѣлено изъ государственнаго казначейства вознагражденіе за подслѣдственное задержаніе и всякій иной вредъ, понесенный имъ отъ уголовно-судебнаго производства. Ходатайство о вознагражденіи недопускается, если подсудимый поведеніемъ своимъ умышленно вызвалъ уголовно-судебное производство. Размѣръ вознагражденія опредѣляется свободнымъ усмотрѣніемъ суда, по оцѣнкѣ всѣхъ обстоятельствъ дѣла“.

Обращаясь затѣмъ къ Россіи, мы и въ нашемъ отечествѣ находимъ прочную почву для постановки и дальнѣйшаго развитія вопроса о государственномъ вознагражденіи невинно къ суду уголовному привлекаемыхъ. Но нельзя не отмѣтить, что прежнее законодательство свода было богаче относящимися къ нему постановленіями, чѣмъ новое законодательство судебныхъ уставовъ. Въ сводѣ мы находимъ слѣдующіе институты, заслуживавшіе быть сохраненными и на будущее время, при нѣкоторомъ лишь ихъ видоизмѣненіи:

1) *Публикованіе невинности*. На основаніи ст. 516 и 706 т. XV ч. 2 изд. 1857 г., должностнымъ лицамъ, преданнымъ суду съ публичнымъ о томъ оглашеніемъ, въ случаѣ

предложеніе Филиппа и Ленцмана не обнимаетъ случаевъ возобновленія вслѣдствіе открытія подлога въ документахъ (п. 1), лжесвидѣтельства (п. 2), злоупотребленій по службѣ со стороны судей, присяжныхъ или шэффеновъ п. 3) и отмѣны рѣшенія гражданскаго суда, признаннаго преюдиціальнымъ для уголовного дѣла (п. 4).

¹⁾ § 499 постановляетъ о правѣ суда возратить подсудимому судебныя издержки, имъ понесенныя, и признанныя необходимыми для дѣла.

оправданія предоставлялось право *требовать* повсемѣстнаго о томъ публикованія, которое производилось печатными указами отъ тѣхъ департаментовъ или общихъ собраній сената, въ коихъ дѣла о сихъ лицахъ окончательно разсмотрѣны. Эта мѣра носитъ явный характеръ идеальнаго вознагражденія подсудимаго за вредъ, отъ гласнаго привлеченія его къ суду имъ понесенный.

2) *Зачетъ времени судимости въ службу.* „Кто—постановляла о должностныхъ лицахъ ст. 704 т. XV ч. 2 изд. 1857 г.—признанъ будетъ по суду невиннымъ, тому зачитается время нахожденія подъ судомъ и слѣдствіемъ въ дѣйствительную службу“. Наконецъ,

3) выдача должностнымъ лицамъ, находившимся подъ слѣдствіемъ и судомъ, опредѣленной части ихъ служебнаго содержанія, съ тѣмъ, что при полномъ оправданіи такое лицо получало право и на остальную часть содержанія, временно удержаннаго. Эти двѣ послѣднія мѣры, сохранившія силу и донынѣ (ст. 1122 уст. уг. суд. изд. 1876 г.), направлены были не только къ идеальному, но и къ матерьяльному вознагражденію невинно къ суду уголовному привлеченнаго.

Конечно, въ указанныхъ институтахъ нашего прежняго законодательства есть весьма слабая сторона: они относились только къ должностнымъ лицамъ, забывая прочую массу подсудимыхъ; они имѣли характеръ привилегіи, неумѣстной въ дѣлахъ суда. Но задача всякой реформы состоитъ въ выясненіи того, что въ существующихъ привилегіяхъ представляется разумнымъ и въ возведеніи этого разумнаго изъ исключенія въ общее правило. Къ сожалѣнію, составители судебныхъ уставовъ по интересующему насъ вопросу, не пошли этимъ путемъ и названнымъ институтамъ свода не дали дальнѣйшаго развитія. Первый изъ нихъ, публикованіе невинности, совершенно упраздненъ ими, по разъясненію практики на томъ основаніи, что, со введеніемъ гласности уголовного процесса, каждый оправданный самъ можетъ озаботиться о напечатаніи судебного при-

говора ¹⁾. Это объясненіе, однако, мало убѣдительно и преж-
нее законодательство несомнѣнно давало болѣе правильное
рѣшеніе вопроса: важно то именно, что само правительство
брало на себя опубликованіе приговора, видѣло въ этомъ
свою обязанность и исполненіемъ ея стремилось вознаградить
оправданнаго за идеальный вредъ, отъ привлеченія къ суду
и оглашенія этого факта происшедшій. Введеніе гласности
процеса само по себѣ еще не устраняетъ необходимости
такой мѣры, какъ доказываетъ и германскій уставъ уголов-
наго судопроизводства, гарантирующій оправданному подсу-
димому напечатаніе, по просьбѣ его, оправдательнаго приго-
вора, по распоряженію канцлера. Двѣ остальные затѣмъ мѣры,
извѣстныя своду, сохранены и уставомъ, но въ прежнемъ
значеніи привиллегій.

Обобщеніе этого частнаго правила, нынѣ составляющаго
привиллегію немногихъ, требуется общественнымъ мнѣніемъ
нашего отечества. Мы не имѣемъ, правда, возможности со-
слаться на литературную разработку этого вопроса, которая у
насъ еще, къ сожалѣнію, и не начиналась. Но мы имѣемъ воз-
можность указать на нѣчто большее, на фактъ глубокаго
убѣжденія въ необходимости придти на помощь къ подсуди-
мымъ оправданнымъ,—убѣжденія, выразившагося не только въ
словѣ, но и въ дѣлѣ. Человѣкъ пера и судейской тоги, всю
свою жизнь энергическаго труда съ огромною пользою посвя-
тившій служенію общему дѣлу правосудія, оставившій имя,
которое съ почетомъ и глубокимъ уваженіемъ произносится
русскими юристами, Николай Андреевичъ Буцковскій, всѣ
свои сбереженія, такимъ полезнымъ трудомъ скопленныя,
завѣщалъ „въ неприкосновенный фондъ благотворительности
для первоначальнаго пособія, въ предѣлахъ С.-Петербургской
судебной палаты, тѣмъ по суду оправданнымъ, которыхъ
невинность окажется очевидною, а не признанною только по
неполности уликъ, и тѣмъ осужденнымъ, которые впали въ
преступленіе по несчастному для нихъ стеченію обстоя-

¹⁾ Сборникъ Ратькова-Рожнова, IV, № 897.

тельствъ, и для которыхъ своевременная помощь можетъ быть спасительнымъ средствомъ къ обращенію ихъ на путь честной жизни“. Одинъ изъ видныхъ сотрудниковъ по составленію судебныхъ уставовъ, Николай Андреевичъ, своимъ гуманнымъ взглядомъ разглядѣлъ слабую ихъ сторону и поторопился, по мѣрѣ силъ своихъ, пополнить пробѣлы, ими оставленный.

Этотъ высокій примѣръ не остался единичнымъ. Какъ часто у насъ, и въ столицѣ, и въ отдаленныхъ захолустьяхъ, едва-ли не съ самаго перваго дня дѣйствія новаго суда, присяжные засѣдатели, оправдавъ подсудимаго, раскрывали свои, порою весьма тощіе кошельки и старались дать ему посильную помощь для облегченія вреда, отъ привлеченія къ суду имъ понесеннаго! Въ странѣ, гдѣ общество по своему почину протягиваетъ руку помощи оправданному, гдѣ оно не словомъ только, а самымъ дѣломъ заявляетъ убѣжденіе въ неполнотѣ законодательства по этому предмету, вопросъ о государственномъ вознагражденіи достаточно созрѣлъ для законодательной его постановки. Запросъ на удовлетворительное разрѣшеніе его у насъ предъявляютъ: и судья, достигшій высшихъ ступеней магистратуры, и скромный крестьянинъ, временно исполняющій обязанности правосудія, въ качествѣ присяжнаго засѣдателя. При существованіи такихъ фактовъ, мы можемъ даже не завидовать богатой литературной разработкѣ интересующаго насъ вопроса, которую имѣетъ Западъ. Они драгоценнѣе, убѣдительнѣе цѣлаго ряда монографій, которыми обогатилась Германія, цѣлаго ряда преній, происходившихъ на сѣздахъ ея юристовъ. Но именно эти факты съ настоятельностью взываютъ къ русской юриспруденціи, чтобъ она потрудились надъ вопросомъ о государственномъ вознагражденіи невинно къ суду уголовному привлеченныхъ, доставивъ возможно болѣе полный матерьялъ для его скорѣйшаго разрѣшенія.

(до слѣдующаго №).

И. Фойницкій.

О НЕДОСТАТКАХЪ НАШИХЪ ГРАЖДАНСКИХЪ ЗАКОНОВЪ

І ч. X. т.

(Продолженіе).

ВТОРОЙ РАЗДѢЛЪ.

О СУЩЕСТВѢ И ПРОСТРАНСТВѢ РАЗНЫХЪ ПРАВЪ НА ИМУЩЕСТВО.

Второй раздѣлъ, озаглавленный „о существѣ и пространствѣ разныхъ правъ на имущество“, далеко не удовлетворяетъ той цѣли, для которой, по мысли составителей X т., онъ предназначенъ служить. Отсутствие всякой системы и послѣдовательности, составляетъ первый, главнѣйшій недостатокъ этого раздѣла. Мы находимъ его подѣленнымъ на семь слѣдующихъ главъ: 1) о правѣ собственности, 2) о правѣ собственности неполномъ, 3) о правѣ собственности общемъ, 4) о правѣ земской давности, 5) о правѣ по обязательствамъ, 6) о правѣ вознагражденія за понесенные вредъ и убытки и 7) о правѣ судебной защиты по имуществамъ. И такъ, вмѣсто того, чтобы въ этомъ раздѣлѣ дать надлежащее понятіе о вещныхъ правахъ, составители I ч. X т. и здѣсь также установили правила о существѣ каждаго изъ видовъ имущественныхъ правъ, спутавъ при этомъ имущественныя права вообще, съ способами ихъ охраненія и приобрѣтенія. — Мы разсмотрѣли уже 1-й раздѣлъ 2 книги и видѣли, что тамъ именно и должны быть даны общія понятія о существѣ и пространствѣ разныхъ правъ на имущество, такъ какъ и самый раздѣлъ озаглавленъ „о разныхъ родахъ имущества“. Однако такихъ общихъ понятій въ 1-мъ раздѣлѣ не дано и

даже основное дѣленіе имуществъ на наличныя и долговыя не выяснено надлежащимъ образомъ. Между тѣмъ, если бы, придерживаясь системы графа Сперанскаго, ¹⁾ составители Х. т. приняли за исходную точку, дѣленіе имуществъ на наличныя и долговыя, то въ 1-мъ раздѣлѣ мы имѣли бы общія опредѣленія о существѣ и пространствахъ разныхъ правъ на имущество, такъ какъ гражданское право, кромѣ семейнаго, исчерпывается двумя родами или классами имущественныхъ правъ: вещными или наличными и обязательственными или долговыми. Такая безсистемность однако могла бы до нѣкоторой степени быть оправданной, если бы покрайней мѣрѣ во 2-мъ раздѣлѣ были даны только общія и надлежащія понятія о существѣ и пространствахъ разныхъ правъ на имущество и пополнены тѣ пробѣлы, которые были замѣчены нами въ 1-мъ раздѣлѣ. Но ничего подобнаго мы не находимъ и въ этомъ раздѣлѣ. Если имущественныя права только и могутъ быть подѣлены на вещныя и обязательныя, то сообразно этому и 2-й раздѣлъ могъ быть подѣленъ только на двѣ главы; при чемъ одна глава должна была дать общія понятія о существѣ и пространствахъ вещныхъ правъ, а другая—о существѣ и пространствахъ обязательственныхъ правъ. Между тѣмъ, мы видимъ, что 2 раздѣлъ раздѣленъ на семь главъ, изъ которыхъ нѣкоторыя содержатъ правила, неимѣющія ничего общаго съ существомъ имущественныхъ правъ. Такъ, 4-я глава трактуетъ о правѣ земской давности. Но развѣ земская давность является имущественнымъ правомъ? Очевидно нѣтъ. Она есть лишь фактъ, поражающій извѣстное право; все равно какъ передача движимаго имущества есть простой фактъ, порождающій, при наличности извѣстныхъ условій, право на переданное имущество. Такимъ образомъ, земская давность создаетъ условія, при которыхъ фактическое отношеніе по имуществу принимаетъ правовой характеръ, а потому она, составляя лишь способъ приобрѣте-

¹⁾ Гр. Сперанскій: «Объяснительная записка содержанія и расположенія свода законовъ гражданскихъ» въ архивѣ Калачева за 1869 г. кн. 2.

нія имущественныхъ правъ, не можетъ и входить въ понятіе существа и пространства правъ на имущество. — Затѣмъ, въ 6-й главѣ говорится о правѣ вознагражденія за понесенные вредъ и убытки, какъ будто бы о самостоятельномъ имущественномъ правѣ. Между тѣмъ, имущественныя права бываютъ только вещныя и обязательныя, а слѣдовательно о правѣ вознагражденія можно было говорить не въ особой главѣ, а въ отдѣленіи главы о вещныхъ или объ обязательственныхъ правахъ, смотря по тому, къ какому изъ этихъ родовъ правъ отнести его. Наконецъ, въ 7-й главѣ говорится о правѣ судебной защиты, какъ объ особомъ видѣ имущественныхъ правъ. Между тѣмъ понятіе о правѣ вообще, неразрывно связано съ понятіемъ судебной защиты. До тѣхъ поръ пока извѣстное отношеніе по имуществу представляется безразличнымъ въ глазахъ общественной власти, оно является простымъ фактомъ, который, чтобы стать правомъ, долженъ быть поставленъ подъ судебную охрану. Поэтому, судебная защита является не правомъ, а однимъ изъ условій, при которомъ извѣстное фактическое отношеніе признается за правовое. Но кромѣ такого неудачнаго раздѣленія 2-го раздѣла на семь главъ, мы находимъ, что установленныя въ этихъ главахъ правила, представляются также неудовлетворительными. Такъ, говоря въ 1-й главѣ, 2-го раздѣла о правѣ собственности, составители X т. несъумѣли дать надлежащаго понятія о существѣ этого права и создали 420 ст., которая лишена всякаго юридическаго достоинства (о чемъ мы скажемъ болѣе подробно впослѣдствіи). Указавъ затѣмъ, что право собственности на всякое имущество заключаетъ въ себѣ и право на всѣ его произведенія, составители X т. этимъ самымъ только намекнули на право приращенія (*jus accensionis*) на произведеніе имущества, не установивъ по этому предмету надлежащихъ правилъ. Равнымъ образомъ, содержатся только скудныя указанія относительно права приращенія на предметы, которые естественно или искусственно присоединяются къ собственности и то относительно одного недвижимаго имущества; о правѣ такого приращенія въ отно-

шеніи движимости нѣтъ даже и намека. Такимъ образомъ, понятіе о правѣ собственности получается не только неполнѣе, но и обрывочное, такъ какъ не выяснено существенное его свойство—право приращенія. Точно также неудовлетворительны всѣ шесть отдѣленій, на которыя раздѣлена 2-я глава, 2-го раздѣла, 2-й книги. Первое отдѣленіе этой главы излагаетъ правила о правѣ участія въ пользованіи и выгодахъ чужаго имущества, какъ объ одномъ изъ видовъ неполнаго права собственности. Такой порядокъ изложенія мы не можемъ признать правильнымъ. Право собственности складывается изъ правъ владѣнія, пользованія и распоряженія. Совокупность всѣхъ этихъ правъ даетъ намъ право собственности полное; выдѣленіе одного изъ нихъ производитъ право собственности неполное. Равнымъ образомъ, каждое изъ этихъ правъ (владѣніе, пользованіе), составляя составную часть права собственности, является такимъ образомъ подъ видомъ неполнаго права собственности. Чтобы охарактеризовать надлежащимъ образомъ юридическую природу права собственности, надлежало отъ правилъ, данныхъ въ 1-й главѣ, о правѣ собственности вообще, перейти къ разсмотрѣнію слагаемыхъ права собственности, т. е. разсмотрѣть сперва право владѣнія, потомъ право пользованія и наконецъ право распоряженія и только затѣмъ дать правила о вещномъ сервитутномъ правѣ. Таковъ естественный и логическій порядокъ распределенія матеріала. Между тѣмъ первое отдѣленіе 2-й главы говоритъ о вещномъ сервитутномъ правѣ подъ именемъ права участія въ пользованіи и выгодахъ чужаго имущества. При этомъ, въ этомъ отношеніи, восемь статей отводится (434—441) такъ называемому праву участія общаго. Между тѣмъ этотъ родъ сервитутовъ установленъ для общественной пользы и давать подробныя правила о немъ естественнѣе всего въ уставѣ путей сообщенія, но никакъ не въ гражданскихъ законахъ, имѣющихъ дѣло съ частною выгодою, частною пользою, которыя должны быть только согласованы съ общественнымъ интересомъ. Въ этомъ отношеніи кодексъ Наполеона (650 ст.) и гражданское уложеніе Итальянскаго коро-

левства (534 ст.) совершенно основательно не даютъ никакихъ правилъ относительно сервитутовъ, касающихся общественнаго интереса, ссылаясь лишь на спеціальныя законы и инструкціи по этому предмету. Затѣмъ, открывая 1-е отдѣленіе 2-й главы 483 статью, составители Х т. не потрудились дать общаго опредѣленія о правѣ участія въ пользованіи и выгодахъ чужаго имущества. Вслѣдствіе этого произошло то, что вещное сервитутное право смѣшано съ однимъ изъ видовъ пользованія чужимъ имуществомъ, ¹⁾ о которомъ говорится во 2-мъ отдѣленіи 2-й главы, подъ именемъ права угодій въ чужомъ имуществѣ. Какъ извѣстно, вещныя сервитуты устанавливаются не въ пользу лица, а въ пользу имѣнія, почему сервитутное право является повинностью, упадающею на землю одного собственника, для употребленія и пользы другаго собственника ²⁾. Но та или другая повинность, возлагаемая на имущества, представляетъ одинъ изъ видовъ права пользованія. Такого различія нашъ законъ не проводитъ и говорить сряду сперва о вещныхъ сервитутахъ, а затѣмъ, во второмъ отдѣленіи, о правѣ угодій въ чужихъ имуществахъ, т. е. о правѣ пользованія, отдѣльномъ отъ права собственности, или такъ называемомъ личномъ сервитутѣ. Далѣе и относительно вещныхъ сервитутовъ въ 1-мъ отдѣленіи даны самыя отрывочныя правила. Здѣсь не проводится никакого различія между сервитутами, установленными закономъ и сервитутами, создаваемыми волею частныхъ лицъ. О способѣ приведенія сервитутовъ въ дѣйствіе и ихъ прекращенія также не содержится никакихъ указаній. Идея произвола, на которую мы

¹⁾ С. И. Зарудный: «Гражданское уложеніе Итальянскаго королевства», ч 2, стр. 9 и 10.

²⁾ Профессоръ К. Кавелинъ даетъ несовсѣмъ удачное опредѣленіе по этому предмету. Онъ говоритъ, что сервитутное право устанавливается *въ пользу какого нибудь лица*, въ качествѣ собственника извѣстнаго имущества, и, вмѣстѣ съ послѣднимъ, переходитъ отъ одного собственника къ другому («Права и обязанности по имуществамъ и обязательствамъ» изд. 1879 г. стр. 106). *Если оно устанавливается въ пользу лица*, то слѣдовательно это лицо можетъ передать его въ другія руки, удержавъ имѣніе за собою. Если же оно связано съ имѣніемъ, то оно устанавливается въ пользу имѣнія, а не лица.

указали прежде, какъ на характерную черту нашихъ гражданскихъ законовъ, въ сервитутномъ правѣ отодвигаетъ на задній планъ идею общественнаго интереса. Составители X т., вмѣсто установленія законныхъ сервитутовъ, предоставили устанавливать эти сервитуты волѣ частныхъ лицъ, давъ только нѣсколько несвязанныхъ между собою, отрывочныхъ правилъ по этому предмету.

Затѣмъ, 2-е отдѣленіе 2-й главы содержитъ въ себѣ правила о правѣ угодій въ чужихъ имуществахъ. Это право угодій, несоставляя сервитутнаго права, является однимъ изъ видовъ права пользованія, а потому его слѣдовало разсмотрѣть совмѣстно съ правилами, содержащимися въ 5-мъ отдѣленіи 2-й главы „о правѣ владѣнія и пользованія, отдѣльномъ отъ права собственности“. Третье отдѣленіе „о правѣ собственности въ заповѣдныхъ наследственныхъ имѣніяхъ“ и 4-е отдѣленіе, о правѣ собственности въ имѣніяхъ, жалуемыхъ подъ именемъ маіоратовъ въ западныхъ губерніяхъ“ должны быть, по нашему мнѣнію, исключены изъ гражданскихъ законовъ. Цѣль учрежденія заповѣдныхъ и маіоратныхъ имѣній, чисто политическая. Перенесены они къ намъ изъ Германіи, гдѣ они пустили глубокіе корни и стоятъ въ связи съ политическимъ значеніемъ родоваго дворянства. У насъ только въ 3-мъ изданіи свода законовъ появились правила о заповѣдныхъ и маіоратныхъ имѣніяхъ ¹⁾, но въ первыхъ двухъ изданіяхъ свода (1832 и 1842 г.г.) и въ предыдущихъ законодательныхъ памятникахъ не содержится относительно ихъ ни малѣйшаго указанія. Учрежденія эти имѣютъ чисто сословный характеръ и, какъ справедливо замѣтилъ К. П. Побѣдоносцевъ ²⁾, въ смыслѣ гражданскомъ, они оказываются вредными, потому что даютъ возможность частному лицу установить особый наследственный законъ для своего имѣнія и

¹⁾ 16 іюля 1845 г. П. С. З. № 19202 Высочайше утвержденное положеніе о заповѣдныхъ наследственныхъ имѣніяхъ и 6 декабря 1842 г. П. С. З. № 16297 Высочайше утвержд. положеніе объ имѣніяхъ, жалуемыхъ на правѣ маіоратовъ въ губерніяхъ отъ Польши возвращенныхъ.

²⁾ К. Побѣдоносцевъ: «Курсъ гражданского права», ч. 1 изд. 2, стр. 418—422.

сосредоточить на одномъ членѣ рода все матеріальное благосостояніе, оставляя прочихъ членовъ въ бѣдности. Ни во французскомъ, ни въ итальянскомъ кодексахъ ничего подобного не содержится и это вполне основательно, такъ какъ гражданскій законъ даетъ или общія правила для всѣхъ вообще гражданъ, или частныя постановленія, вызываемыя особенностями данной мѣстности. Говорить же о привилегіяхъ отдѣльныхъ лицъ въ гражданскихъ законахъ не представляется достаточнаго основанія. Пятое отдѣленіе 2-й главы содержать въ себѣ правила о правѣ владѣнія и пользованія, отдѣльномъ отъ права собственности, причемъ законъ не даетъ общихъ опредѣленій права владѣнія и пользованія, такъ что не представляется возможности установить различіе между этими правами по своду. Далѣе, о существѣ правъ и обязанностей владѣльцевъ и содержателей, а равно и объ отношеніи ихъ къ собственникамъ не содержится никакихъ указаній. Самое раздѣленіе пятого отдѣленія на два параграфа является страннымъ. Такъ, 1-й параграфъ озаглавленъ: „положенія общія“. Отсюда слѣдуетъ, что 2-й параграфъ будетъ содержать спеціальныя правила о правѣ владѣнія и пользованія какъ движимыми, такъ и недвижимыми имуществами; но вмѣсто того во 2-мъ параграфѣ говорится лишь объ отдѣльномъ пользованіи движимыми имуществами. Затѣмъ, объ отдѣльномъ пользованіи недвижимымъ имуществомъ и объ отдѣльномъ владѣніи тѣмъ и другимъ непостановлено никакихъ правилъ. Третья глава „о правѣ собственности общемъ“ раздѣлена совершенно неудачно на два отдѣленія, изъ которыхъ первое говоритъ о правѣ собственности общемъ въ имуществахъ нераздѣльныхъ, а второе, о правѣ собственности въ имуществахъ, подлежащихъ раздѣлу. На основаніи такого раздѣленія на два отдѣленія, можно заключить, что правила, содержащіяся въ 1-мъ отдѣленіи, спеціально относятся къ имуществамъ нераздѣльнымъ, а правила 2-го отдѣленія—къ имуществамъ, подлежащимъ раздѣлу. Между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ, правила, заключающіяся въ 545, 546 и 547 ст. 1-го отдѣленія, повторяются въ 554 ст.; затѣмъ, пра-

вило, содержащееся въ 548 ст. 1-го отдѣленія, повторяется въ сущности въ 555 ст. 2-го отдѣленія. И такъ, оказывается, что для одной 549 ст., правило которой не повторяется во 2-мъ отдѣленіи, составители X т. подѣлили 3-ю главу на два отдѣленія и въ обоихъ отдѣленіяхъ нѣсколько разъ повторяли одно и тоже. Съ практической точки зрѣнія право общаго владѣнія, какъ въ раздѣльныхъ, такъ и нераздѣльныхъ имуществахъ, удобнѣе всего рассмотреть совмѣстно, такъ какъ никакой существенной разницы въ томъ и другомъ случаѣ не существуетъ. Четвертая глава говоритъ о правѣ земской давности. Такое заглавіе этой главы не можетъ быть признано правильнымъ, такъ какъ земская давность является не правомъ, а лишь фактомъ, служащимъ однимъ изъ условій образованія права. Содержащіяся въ этой главѣ постановленія о земской давности, какъ мы убѣдимся впослѣдствіи, крайне несостоятельны. Приобрѣтательная давность смѣшана съ давностью исковой, при чемъ для той и другой установленъ одинъ 10 лѣтній срокъ и обѣ обставлены одними и тѣми же условіями. Въ 5-й главѣ даны правила о правѣ по обязательствамъ, при чемъ не указаны отличительныя свойства обязательственного права отъ вещнаго, такъ что вмѣсто выясненія существа и юридической природы обязательственного права, излагаются неумѣстно и при томъ въ отрывочномъ видѣ правила о дѣйствіи обязательствъ, о чемъ спеціально говорится въ IV книгѣ 1 ч. X т. При этомъ глава эта содержитъ всего пять статей, изъ которыхъ первыя двѣ (559 и 570 ст.) составляютъ извлеченіе изъ 1528 и 1536 ст., находящихся въ 4-й книгѣ объ обязательствахъ по договорамъ; затѣмъ, три остальные статьи (571, 572 и 573) не имѣютъ никакого юридическаго значенія. Шестая глава содержитъ правила о правѣ вознагражденія за понесенные вредъ и убытки. Раздѣлена она на два отдѣленія, изъ которыхъ первое даетъ правила о вознагражденіи общественномъ ¹⁾).

¹ Первое отдѣленіе было раздѣлено на два параграфа, изъ которыхъ второй заключалъ въ себѣ правила о вознагражденіи за грѣбостныхъ людей и вообще

Правила по этому предмету, касаясь общественного интереса, не могутъ составлять предмета гражданскаго права, а должны быть помѣщены въ уставѣ путей сообщенія. Въ этомъ отношеніи французскій (545 ст.) и итальянскій (438 ст.) гражданскіе кодексы совершенно основательно не даютъ правилъ отчужденія собственности на общественную пользу, отсылая къ специальнымъ законамъ по этому предмету. Второе отдѣленіе 6-й главы содержитъ въ себѣ правила о вознагражденіи частномъ (609—689 ст.). Изобиліе правилъ нисколько не уменьшаетъ неясности, сбивчивости и противорѣчія въ постановленіяхъ, касающихся вознагражденія частнаго. Тутъ мы видимъ смѣшеніе правилъ, опредѣляющихъ характеръ и юридическую природу права владѣнія, какъ составнаго элемента права собственности, съ правилами объ обязательствахъ, вытекающихъ изъ полу-договора, проступка и полу-проступка. Последняя 7-я глава, 2-го раздѣла, о правѣ судебной защиты по имуществамъ содержитъ въ себѣ всего 6 статей (690—695 ст.), которыя при томъ лишены всякаго юридическаго значенія.

Таковы, въ общихъ чертахъ, недостатки 2-го раздѣла, 2 книги 1 ч. X т.

Теперь перейдемъ къ подробному разсмотрѣнію установленныхъ въ этомъ раздѣлѣ правилъ.

Какъ мы сказали, 1-я глава, 2-го раздѣла даетъ или крайней мѣрѣ должна была дать правила о правѣ собственности. Открывается она 420 ст., которая имѣетъ цѣлью опредѣлить существо и юридическую природу права собственности. Но кромѣ канцелярской неумѣлости, въ редакціи 420 ст. замѣчается еще неопредѣленность и сбивчивость. Въмѣсто того, чтобы опредѣлить собственность какъ право владѣнія, пользованія и распоряженія имуществомъ по своему усмотрѣнію, подлежащему ограниченію лишь въ точно

за имущества, отходящія изъ частнаго владѣнія въ казну по судебнымъ опредѣленіямъ. Этотъ параграфъ (594—608 ст.) съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права выброшенъ изъ 1 ч. X т.

указанныхъ въ законѣ случаяхъ, составители X т. дали самое тяжеловѣсное и неудобопонятное опредѣленіе. Они изложили 420 ст. слѣдующимъ образомъ: „кто, бывъ первымъ пріобрѣтателемъ имущества, по законному укрѣпленію его въ частную принадлежность, получилъ власть, въ порядкѣ гражданскими законами установленномъ, исключительно и независимо отъ лица посторонняго владѣть, пользоваться и распоряжаться онымъ вѣчно и потомственно, доколѣ не передастъ сей власти другому, или кому сія власть отъ перваго ея пріобрѣтателя дошла непосредственно или чрезъ послѣдующія законныя передачи и укрѣпленія: тотъ имѣетъ на сіе имущество право собственности“. И такъ оказывается, что отличительная черта права собственности на имущество заключается во власти собственника *вѣчно и потомственно* владѣть, пользоваться и распоряжаться этимъ имуществомъ. Такимъ образомъ можно предположить, что имущества, подлежащія скорой порчѣ и тлѣнію и всѣ вообще потребляемыя вещи, не могутъ быть предметомъ права собственности. Но такой выводъ очевидно несообразенъ съ юридическою природою права собственности, предметомъ которой являются всѣ вещи, подлежащія гражданскому обороту и могущія быть предметомъ частнаго обладанія. И такъ, вѣчное и потомственное владѣніе, пользование и распоряженіе, не составляетъ существеннаго и всегда необходимаго признака права собственности. При томъ самое слово *вѣчное* какъ то странно звучитъ въ гражданскихъ законахъ—временныхъ по своей природѣ и неимѣющихъ дѣла съ какими бы то ни было вѣчными и неизмѣнными явленіями. Затѣмъ, второй существенный признакъ права собственности по 420 ст. заключается въ томъ, чтобы имущество досталось собственнику въ частную принадлежность по законному укрѣпленію. Но имущество можетъ стать собственностью даннаго лица, будучи пріобрѣтено незаконнымъ способомъ: получающій лихвенные проценты все таки является собственникомъ ихъ, хотя пріобрѣлъ ихъ вопреки закона; выигравшій въ запрещенныя игры деньги, становится собственникомъ ихъ, если онъ ихъ получилъ отъ

проигравшаго; присвоившій себѣ вещь и продержавшій ее у себя въ теченіи 10 лѣтъ, становится собственникомъ по нашимъ законамъ и т. п. Примѣровъ можно привести не мало, гдѣ собственность приобрѣтается не посредствомъ, а помимо законнаго укрѣпленія; слѣдовательно, невозможно выставить за существенный признакъ права собственности законное укрѣпленіе имущества въ частную принадлежность. Кромѣ того, самое понятіе объ укрѣпленіи не можетъ быть приложимо къ имуществу, получаемому въ собственность на основаніи права приращенія. Право собственности на всякіе искусственные и естественные плоды, получаемые отъ нашего имущества, приобрѣтаются помимо всякаго укрѣпленія. Наконецъ, понятіе о независимости и исключительности владѣнія, пользованія и распоряженія имуществомъ, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть приписано праву собственности. Понятіе объ общественной жизни никакъ нельзя связать съ какою бы то ни было независимостью и исключительностью права частнаго лица, входящаго въ составъ общественнаго организма. Взаимное столкновеніе интересовъ всѣхъ членовъ общества вызываетъ необходимость взаимнаго ограниченія, сообразнаго съ цѣлью общежитія. Самое право, какъ мѣра нашей свободы въ обществѣ, неразрывно связано съ понятіемъ о нашей зависимости и нашемъ ограниченіи. Государственныя и общественныя повинности, которыя упадаютъ на имущество, разнаго рода ограниченія собственности со стороны закона—указываютъ, что независимость и исключительность владѣнія, пользованія и распоряженія, не входитъ даже въ понятіе о правѣ собственности. Кассационный сенатъ, которому приходилось неоднократно разъяснять смыслъ 420 ст., обошелъ молчаніемъ указанныя нами несообразности въ опредѣленіи существа права собственности по нашему закону. Онъ сдѣлалъ лишь небольшое добавленіе къ 420 ст., пояснивъ, что право собственности есть право исключительнаго господства надъ вещью въ предѣлахъ закона (сборн. рѣш. за 1868 г. № 25, за 1871 г. № 1219 и др.).

Какъ видно изъ 2, 3 и 4 примѣчаній къ 420 ст., права
ж. гр. и уг. пр. кн. V 1883 г. 7

собственности литературной, художественной, музыкальной и право на изобрѣтеніе, выдѣляются изъ права собственности на остальное имущество, такъ какъ предметомъ своимъ имѣютъ не вещь, а дѣйствія другихъ лицъ. Большія ограниченія, которымъ подвергается это право, ставящія его какъ бы на рубежѣ между публичнымъ и частнымъ правомъ, вызываются условіями общежитія и идеею общественнаго интереса. Существо самого права представляется далеко не тождественнымъ ни съ вещными, ни съ обязательственнымъ правомъ ¹⁾. По своей юридической природѣ, право это едва ли можетъ быть названо собственностью, такъ какъ въ порядкѣ своего возникновенія, перехода по наслѣдству, отчужденія и прекращенія, оно значительно отличается отъ всякаго другаго права на имущество.

Первое примѣчаніе къ 420 ст. свидѣтельствуетъ объ отсутствіи точной терминологіи въ 1 ч. X т., указывая на то, что право собственности иногда называется правомъ вотчиннымъ, иногда крѣпостнымъ, а иногда вѣчнымъ и потомственнымъ владѣніемъ. Подобное обозначеніе одного и того же предмета разными названіями, усиливаетъ только путаницу понятій, которая и безъ того велика, благодаря безсистемности и несвязности постановленій 1 ч. X т. Кромѣ того, самое названіе права собственности—правомъ крѣпостнымъ, крайне неудачно, такъ какъ существующій нынѣ крѣпостной порядокъ укрѣпленія правъ касается не только однихъ вещныхъ правъ, именно правъ на недвижимое имущество, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ, и правъ обязательственныхъ (заемныя обязательства съ обезпеченіемъ займа недвижимымъ имуществомъ и договоръ найма въ случаѣ, указанномъ 1703 ст.). Затѣмъ, названіе права собственности правомъ вѣчнаго и потомственного владѣнія также неудачно, такъ какъ потомственное владѣніе составляетъ иное право, которое значительно разнится отъ права собственности (напр. право потомствен-

¹⁾ В. Спасовича: «Права авторскія и контрафакція», изд. 1865 г.

наго владѣнія городскою или казенною землею). Наконецъ, названіе права собственности вотчиннымъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда оно касается недвижимаго имущества, является неудовлетворительнымъ уже потому, что оно не обнимаетъ собою всѣхъ вещныхъ правъ. По нашему мнѣнію, или слѣдуетъ всѣ вообще вещныя права назвать вотчинными, какъ это предлагаетъ К. П. Побѣдоносцевъ ¹⁾ и тогда не будетъ двойственности названій, или же совершенно выбросить терминъ „вотчинное право“, если только онъ обнимаетъ собою понятіе о правѣ собственности на недвижимое имущество.

421 и 422 ст. совершенно неумѣстно помѣщены въ этой главѣ, задача которой дать правила о существѣ права собственности вообще, а не говорить объ имуществѣ по отношенію къ лицамъ, которымъ оно принадлежитъ, такъ какъ объ этомъ предметѣ надлежало дать правила во 2-й главѣ, 1-го раздѣла, 2 книги 1 ч. X т.

423 ст. содержитъ опредѣленіе полного права собственности. Статья эта говоритъ: „право собственности есть полное, когда въ предѣлахъ, закономъ установленныхъ, владѣніе, пользованіе и распоряженіе соединяются съ укрѣпленіемъ имущества въ одномъ лицѣ или въ одномъ сословіи лицъ, безъ всякаго посторонняго участія“. Прежде всего, нельзя не замѣтить, что право собственности, во всей его полнотѣ, редакторы X т. опредѣлили въ 420 ст. и давать какія либо нныя правила по этому предмету совершенно излишне, такъ какъ это значить въ разныхъ статьяхъ говорить объ одномъ и томъ же предметѣ. Но быть можетъ редакторы желали пояснить несовсѣмъ ясное и удачное опредѣленіе, данное въ 420 ст.? Въ такомъ случаѣ составленіемъ 423 ст. они совершенно недостигли цѣли. Какой смыслъ имѣетъ выраженіе: „когда. . . владѣніе, пользованіе и распоряженіе имуществомъ соединяются съ укрѣпленіемъ имущества въ одномъ лицѣ“. . . ? Полагаемъ, что едва ли можно отыскать

¹⁾ К. Побѣдоносцевъ; „Курсъ гражданскаго права“, ч. 1.

здѣсь опредѣленный смыслъ. Развѣ право владѣнія, пользованія и распоряженія имуществомъ, безъ посторонняго участія, не составляетъ само по себѣ право собственности? Къ чему нужно прибавлять еще объ укрѣпленіи имущества? Вѣдь имущество слѣдуетъ считать укрѣпленнымъ, если на него существуетъ одновременно право владѣнія, пользованія и распоряженія, такъ какъ нельзя себѣ представить, чтобы владѣніе, пользованіе и распоряженіе имуществомъ сосредоточились въ однихъ рукахъ, а укрѣпленіе этого имущества въ другихъ. Наконецъ, выраженіе: „въ одномъ лицѣ или въ одномъ сословіи лицъ“ является крайне неудачнымъ. Тутъ рѣчь идетъ не о сословіи лицъ, которое можетъ и не быть способнымъ къ приобрѣтенію имущественныхъ правъ (напр. дворянство вообще, за которымъ немислимо даже закрѣпленіе имущества), а о лицѣ юридическомъ, которое можетъ состоять и не изъ одного сословія лицъ.

424 ст. содержитъ въ себѣ правило, въ силу котораго собственникъ земли считается имѣющимъ право на все, что находится на ея поверхности и въ ея нѣдрахъ. Но правило это изложено многословно и при томъ неудачно. По редакціи 424 ст. выходитъ, что владѣльцу земли принадлежитъ и право собственности на воды, находящіяся въ ея предѣлахъ. Но во первыхъ право собственности на текущую воду немислимо, такъ какъ она допускаетъ только одно пользованіе ею, а во вторыхъ въ 406 и 434 ст. 1 ч. X т. и 358—390 ст. уст. пут. сообщ. указаны случаи, когда вода, протекающая по землѣ владѣльца, составляетъ однако государственное достояніе, а не частную собственность. Вообще, право собственности на воду владѣлецъ земли можетъ имѣть лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда вода эта находится въ запрудѣ, или такомъ вмѣстилищѣ, которое всецѣло состоитъ въ предѣлахъ даннаго владѣнія ¹⁾). Поэтому, о правѣ собственно-

¹⁾ В. Н. Лешковъ: «о примѣненіи къ спрудной водѣ требованія закона о возвратѣ имущество изъ незаконнаго владѣнія по силѣ 609 ст. 1 ч. X т.» въ Юридическомъ Вѣстникѣ за 1872 г. книги 9 и 10 стр. 35—44. А. Борзенко: „О правѣ на обсохшую въ прудѣ землю“ въ Юридическомъ Вѣстникѣ за 1882 г. № 9, стр. 126—133.

сти владѣльца земли во всѣхъ случаяхъ на воды, находящіяся въ ея предѣлахъ, не можетъ быть и рѣчи, и въ этомъ отношеніи правило, содержащееся въ 424 ст., должно быть исправлено.

425 и 431 ст. содержатъ въ себѣ правила о правѣ приращенія на произведенія имущества, причемъ однако въ нихъ неустановлено надлежащаго опредѣленія о естественныхъ и искусственныхъ, или гражданскихъ плодахъ.

426, 427, 428, 429 и 430 ст. содержатъ въ себѣ правила о правѣ приращенія на предметы, которые естественно или искусственно присоединяются къ недвижимому имуществу. Бѣдность и неудовлетворительность постановленій по этому предмету выступаетъ особенно наглядно, если мы сравнимъ въ этомъ отношеніи 1 ч. X т. съ французскимъ и итальянскимъ кодексами. Въ то время, когда правила о правѣ приращенія и то только въ отношеніи къ недвижимымъ имуществамъ, содержатся въ 1 ч. X т. лишь въ пяти статьяхъ, кодексъ Наполеона даетъ о правѣ приращенія вообще, правила въ 26 (552—577 ст.), а гражданское уложеніе итальянскаго королевства—въ 29 статьяхъ. Нашъ законъ напримѣръ ничего не говоритъ о правѣ собственника земли на всѣ возведенныя посторонними лицами на ней постройки ¹⁾). Между тѣмъ, французскій и итальянскій кодексы устанавли-

¹⁾ Наши ученые цивилисты г.г. Побѣдоносцевъ (Курсъ, ч. 1, изд. 2, стр. 217), Мейеръ (Русск. Гр. Право, изд. 5, стр. 319 и 320) и А. Поповъ (Владѣніе и его защита въ гражд. правѣ, помѣщ. въ Журн. гр. и угол. пр. за 1874 г., 4-я книга, стр. 84 и 85) утверждаютъ, что и по нашему закону установлено, будто, право собственника земли на всѣ строенія, возведенныя на ней посторонними лицами. Такое заключеніе они основываютъ на 611, 612 и 628 ст. 1 ч. X т. Но изъ точнаго смысла 611 ст. видно, что недобросовѣстному владѣльцу предоставляется право взять съ собой изъ имѣнія все устроенное имъ, съ единственнымъ ограниченіемъ, чтобы имѣніе чрезъ это не было приведено въ худшее состояніе противъ того, въ которомъ оно находилось во время завладѣнія. Если право увоза и сноса строеній предоставляется недобросовѣстному владѣльцу, то такое же право не можетъ не принадлежать и добросовѣстному владѣльцу. О какомъ же правѣ собственника имѣнія на возведенныя на его землѣ строенія посторонними лицами можетъ быть рѣчь?

ютъ, что владѣлецъ земли можетъ удержать за собою, съ уплатою лишь извѣстнаго вознагражденія, строенія, возведенныя сторонними лицами на его землѣ. Точно также въ 1 ч. X т. ничего не говорится о правѣ собственника на постройку, возведенную имъ на своей землѣ изъ чужаго матеріала. Далѣе, нашъ законъ не устанавливаетъ правила, по которому собственностью строителя признается занятая постройкою часть сосѣдней земли, если только при постройкѣ она была занята добросовѣстно, при томъ съ вѣдома и безъ возраженій со стороны сосѣда. Что касается права приращенія къ движимымъ имуществамъ (спецификація и смѣшеніе), то въ 1 ч. X т. объ этомъ не содержится никакихъ указаній.

Вторая глава „о правѣ собственности неполномъ“ открывается 432 ст., которая даетъ совершенно невѣрное опредѣленіе права собственности неполнаго. Статья эта говоритъ: „право собственности бываетъ неполнымъ, когда оно ограничивается въ пользованіи, владѣніи или распоряженіи другими посторонними, также неполными, на то же самое имущество, правами, каковы суть: 1) право участія въ пользованіи и выгодахъ чужаго имущества; 2) ...“ Такимъ образомъ оказывается, что всякое вещное сервитутное право, лежащее на правѣ собственности, дѣлаетъ это послѣднее неполнымъ. Составители X т. вѣроятно упустили изъ виду, что требованія общежитія налагаютъ на каждое имущество тѣ или другіе законные сервитуты, безъ которыхъ немислимо даже самое понятіе о правѣ собственности. При существованіи такихъ сервитутовъ, право собственности отнюдь не можетъ считаться неполнымъ. Развѣ право собственности на домъ должно считаться неполнымъ потому, что законъ, изображенный въ 445 ст., воспрещаетъ этому собственнику не лить воды, не сметать соръ, не дѣлать ската кровли на дворъ сосѣда? Или, развѣ воспрещеніе собственнику земли, при постройкѣ дома на междѣ своего двора, дѣлать окна на дворъ или на крышу своего сосѣда (446 ст.), уменьшаетъ объемъ права собственности на землю и выстроенное зданіе? Развѣ, затѣмъ, обязанность собственника земли неизменной мѣстности

не препятствовать теченію воды съ высшей, дѣляетъ право собственности его на землю неполнымъ? Въ такомъ случаѣ права собственности на недвижимое имущество существуютъ только неполное.

Давъ въ 432 ст. и трехъ примѣчаніяхъ къ ней опредѣленія права собственности неполнаго, и перечисливъ разные виды его, составители X т. подѣлили затѣмъ 2-ю главу на шесть отдѣленій, сообразно указаннымъ видамъ неполнаго права собственности.

Первое отдѣленіе заключаетъ въ себѣ правила о правѣ участія въ пользованіи и выгодахъ чужаго имущества. Согласно 433 ст. это право дѣлится на право участія общаго и на право участія частнаго. Право участія общаго разсматривается въ 1-мъ параграфѣ 1-го отдѣленія, хотя мѣсто правиламъ по сему предмету не въ гражданскихъ законахъ, а въ уставѣ путей сообщенія, уставахъ городского и сельскаго хозяйства и въ общемъ положеніи о крестьянахъ. Если затѣмъ мы просмотримъ всѣ правила 1-го параграфа, 1-го отдѣленія, то убѣдимся, что они составляютъ лишь отрывочныя постановленія, главнымъ образомъ, устава путей сообщенія (т. XII, ч. 1, 2 и 3 раздѣлы). Если бы пришлось составлять понятіе о правѣ участія общаго по тѣмъ правиламъ, которыя занесены въ гражданскіе законы, то понятіе это было бы весьма смутное. Мы полагаемъ, что такія правила заносить въ будущее гражданское уложеніе не представляется ни малѣйшаго основанія.

Второй параграфъ 2-й главы содержитъ въ себѣ отрывочныя правила о вещныхъ сервитутахъ, подъ именемъ права участія частнаго (442—451 ст.). Это одинъ изъ наиболѣе неудовлетворительныхъ отдѣловъ нашихъ гражданскихъ законовъ. Десятью статьями исчерпывается все вещное сервитутное право, тогда какъ въ кодексѣ Наполеона этому предмету посвящено 74 (637—710 ст.), а въ гражданскомъ уложеніи итальянскаго королевства—142 статьи (531—572 ст.). Но и изъ десяти статей 1 ч. X т. (442—451 ст.) двѣ, 443 и 444 ст., собственно не относятся до сервитутнаго права и

безъ всякаго ущерба для дѣла могли бы быть исключены изъ этого отдѣленія. Такимъ образомъ, остается всего восемь статей, опредѣляющихъ сервитутное право по нашимъ законамъ. Разсмотримъ же установленныя этими статьями правила.

442 ст. изложена такимъ образомъ: „владѣлецъ земель и покосовъ, въ верху рѣки лежащихъ, имѣетъ право требовать: 1) чтобы сосѣдъ запрудами не поднималъ рѣчной воды и оною не подтоплялъ его луговъ, пашней и не останавливалъ дѣйствіе его мельницы; 2) чтобы хозяинъ противоположнаго берега рѣки не примыкалъ плотины къ его берегу безъ его согласія“. Казуальный характеръ установленнаго этою статьею правила бросается въ глаза. Прежде всего, нельзя понять почему ограждается закономъ интересъ владѣльца земель и покосовъ, лежащихъ только въ верху рѣки, владѣлецъ же земель, лежащихъ въ низу рѣки не пользуется тѣми же правами. Почему напримѣръ владѣлецъ земли, лежащей въ низу рѣки, не можетъ требовать, чтобы владѣлецъ противоположнаго берега рѣки не примыкалъ плотины къ его берегу безъ его согласія? Полагаемъ, что такое право должно быть предоставлено одинаково, какъ владѣльцу земли, лежащей въ верху рѣки, такъ и владѣльцу земли, лежащей въ низу рѣки. Далѣе, изъ буквы 1 п. 442 ст. вытекаетъ, что владѣлецъ земель, лежащихъ въ верху рѣки, можетъ требовать отъ сосѣда, чтобы онъ запрудами не поднималъ рѣчной воды и не затоплялъ ею луговъ и пашней. Права же требовать отъ сосѣда, чтобы онъ не затоплялъ пастбища, усадебныя и всякія другія земли, кромѣ луговъ и пашней, 1 п. 442 ст. не предоставляет и о такомъ правѣ ничего не говорится въ остальныхъ статьяхъ 1 ч. X т., относящихся до сервитутнаго права. Равнымъ образомъ 1 п. 442 ст. даетъ право владѣльцу земли требовать, чтобы сосѣдъ не останавливалъ дѣйствіе его мельницы посредствомъ подтопа; но онъ не можетъ воспретить сосѣду затоплять дорогу, ведущую къ мельницѣ. Виною такихъ несообразныхъ выводовъ казуальный характеръ 442 ст. Понятно, что если бы было установлено общее правило, что

низменные мѣстности обязаны принимать воды, текущія естественно съ вышнихъ и что препятствовать естественному теченію этой воды побережнымъ владѣльцамъ воспрещается, то мы имѣли бы такое правило, которое разрѣшало бы не только указанные нами, но и всѣ другіе случаи столкновенія интересовъ побережныхъ владѣльцевъ земли. Тогда не пришлось бы кассационному сенату разъяснять общимъ и мировымъ судебнымъ учрежденіямъ, что затопленіе какихъ бы то ни было владѣній, лежащихъ въ верху рѣки, одинаково воспрещается будто бы, по смыслу 442 ст. и что затоплять запрудами запрещено не только мельницу, но и проѣзжую дорогу къ ней (за 1872 г. № 482, за 1873 г. № 384 и за 1875 г. № 753). Вмѣстѣ съ тѣмъ тогда немислимо было бы утверждать, какъ это дѣлаетъ сенатъ, въ рѣшеніи своемъ за 1876 г. № 152, что владѣлецъ не имѣетъ права требовать, чтобы сосѣдъ не отводилъ воду изъ находящагося въ предѣлахъ его владѣнія пруда, хотя чрезъ такой отводъ воды измѣняется теченіе выходящей изъ того же пруда воды въ каналъ, приводившей въ дѣйствіе мельницу. Дѣйствительно, всякій собственникъ воды можетъ пользоваться ею по своему усмотрѣнію, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не можетъ отклонить теченіе ея во вредъ другихъ угодій, которымъ она была полезна. Такое сервитутное право должно быть установлено въ законѣ, такъ какъ при отсутствіи его судебной практикѣ не приходится въ этомъ отношеніи руководствоваться выводами науки гражданского права, уже въ виду того, что всякое ограниченіе права собственности не предполагается, а должно быть въ точности установлено или закономъ, или волею собственника. Понятно, что въ видахъ общественнаго интереса законодатель не долженъ предоставлять только свободной волѣ частныхъ лицъ устанавливать сервитутное право, но можетъ, сообразно съ требованіями общегітїа, установить необходимыя сервитуты, какъ это сдѣлано на примѣръ въ гражданскомъ уложеніи итальянскаго королевства. Возьмемъ на примѣръ случай, встрѣтившійся уже въ нашей практикѣ и бывший предметомъ обсужденія кон-

сультации министерства юстиции въ 1869 г. Ни 442 и никакая другая статья 1 ч. X т. не обязываетъ владѣльцевъ верхней рѣки или ручья очищать ихъ отъ ила, хотя бы чрезъ то происходило ослабленіе дѣйствій ниже лежащей мельницы. А между тѣмъ, неужели же только владѣлецъ мельницы обязанъ самъ заняться очищеніемъ рѣки или ручья отъ ила, хотя отъ такого очищенія можетъ происходить выгода для всѣхъ побережныхъ владѣльцевъ? Консультация министерства юстиціи, какъ и слѣдовало ожидать, основываясь на точномъ смыслѣ закона, признала владѣльцевъ верхней рѣки необязанными участвовать въ очищеніи ее отъ ила, но едва ли возможно и въ будущемъ гражданскомъ уложеніи оставлять дѣло въ подобномъ положеніи и не возложить такую обязанность на владѣльцевъ.

443 и 444 ст., какъ мы уже сказали, не содержатъ въ себѣ правилъ касающихся сервитутнаго права, а указываютъ лишь за кѣмъ должно считаться право на мельницу, строеніе которой находится на одномъ берегу, а плотина примыкаетъ къ другому. Эти правила совершенно излишни не только въ отдѣлѣ о сервитутныхъ правахъ, но и вообще въ гражданскихъ законахъ. Уже изъ того правила, что собственникомъ строеній считается собственникъ земли, пока противное не доказано, слѣдуетъ само собою, что владѣлецъ берега, на которомъ устроено зданіе мельницы, будетъ и собственникомъ этого зданія. Притомъ 444 ст., касающаяся исключительно общественнаго интереса, не должна находить мѣста въ гражданскихъ законахъ и по этой причинѣ.

445 ст. постановляетъ: „хозяинъ дома можетъ требовать: 1) чтобы сосѣдъ не пристраивалъ поварни и печи къ стѣнѣ его дома; 2) не лилъ воды и не сметалъ сора на домъ или дворъ его; 3) не дѣлалъ ската кровли своей на дворъ его, но обращалъ оный на свою сторону, и 4) не дѣлалъ оконъ и дверей въ брандмаурѣ, отдѣляющемъ кровлю смежныхъ зданій“. Отрывочность установленнаго этою статьею правила обнаруживается немедленно, если только мы зададимъ себѣ вопросъ: можетъ ли, въ силу этой статьи, хозяинъ дома тре-

бовать, что бы сосѣдъ не пристраивалъ къ стѣнѣ его дома конюшни, ватерклозета, склада ѣдкихъ веществъ, не сбрасывалъ къ этой стѣнѣ навозныхъ кучъ, дровъ и т. п. Предполагая, что 445 ст. исчерпываетъ всѣ обязанности сосѣда къ хозяину дома, мы должны будемъ отвѣтить на заданные выше вопросы отрицательно.

446 ст. устанавливаетъ правило, въ силу котораго строящій домъ на самой межѣ своего двора, не долженъ дѣлать оконъ на дворъ или на крышу своего сосѣда, безъ согласія этого послѣдняго. Такое согласіе изъясляется посредствомъ записи, совершаемой крѣпостнымъ порядкомъ. Отсутствие общихъ руководящихъ началъ въ нашихъ законахъ, относительно сервитутнаго права, вызвало въ средѣ нашихъ юристовъ различное толкованіе 446 ст. Такъ г. Мулловъ ¹⁾, основываясь на этой статьѣ, полагаетъ, что хозяинъ дома можетъ имѣть окна на чужой дворъ, когда эти окна продѣланы имъ во время принадлежности ему двора, хотя бы при продажѣ послѣдняго онъ не выговорилъ себѣ права оставлять окна своего дома въ томъ же положеніи. Между тѣмъ профессоръ Куницынъ ²⁾ утверждаетъ, что хозяинъ дома такого права не имѣетъ и обязанъ забить окна своего дома, если только новый собственникъ двора будетъ того требовать. Такого разногласія очевидно не было бы, если бы въ законѣ, вмѣсто неудачнаго названія „право участія частнаго“, было употреблено соотвѣтствующее названіе „сервитутное право“ и вмѣстѣ съ тѣмъ дано надлежащее опредѣленіе этого права. Если сервитутное право составляетъ повинность, упadaющую на землю одного собственника, для употребленія и пользы земли другаго собственника и если притомъ оно устанавливается только или закономъ или ясно выраженной волею частныхъ лицъ, то очевидно, что существованіе повинности

¹⁾ П. Мулловъ: „Вопросы Мейера о сервитутахъ“ въ Журналѣ мин. юстиціи за 1862 г. № 7.

²⁾ А. Куницынъ: „Вопросы Мейера о сервитутахъ“ въ томъ же журналѣ за 1863 г. № 8.

одной части недвижимаго имущества въ пользу другой, пока обѣ эти части находятся нераздѣленными въ рукахъ одного владѣльца, немислимо. Одна часть двора можетъ служить для стока нечистотъ и всякихъ отбросковъ, но воль скоро она переходитъ въ руки другаго владѣльца, какимъ бы то ни было путемъ, то такой служебный ея характеръ для другой части двора не можетъ оставаться, если это прямо не уставлено при передачѣ имущества въ другія руки.

447 ст. устанавливаетъ правило, неимѣющее особаго юридическаго значенія. Въ этой статьѣ дается лишь поясненіе, что строящій домъ не на самой межѣ, имѣетъ право дѣлать окна на сосѣдній дворъ, но сосѣду предоставляется право возвести строеніе, хотя бы послѣднее и заслоняло свѣтъ оконъ, пущенныхъ на чужой дворъ. Затѣмъ, въ этой же статьѣ еще разъ предписывается не продѣлывать въ стѣнѣ дома, построеннаго на межѣ, оконъ на чужой дворъ и за неисполненіе этого предписанія устанавливается штрафъ въ пользу городскихъ доходовъ. Такое правило не должно находить себѣ мѣста въ гражданскихъ законахъ, такъ какъ подвергать штрафу за нарушеніе частнаго интереса — это значить вносить уголовный элементъ въ чисто частныя правовыя отношенія. Спрашивается, какъ долженъ поступить судъ, постановившій о забитіи на счетъ отвѣтчика оконъ, самовольно продѣланныхъ имъ на дворъ истца и присудившій вмѣстѣ съ тѣмъ отвѣтчика къ денежному штрафу въ пользу городского дохода, если затѣмъ истецъ и отвѣтчикъ помирятся между собою, или же до вступленія рѣшенія въ законную силу подадутъ просьбу о прекращеніи дѣла? Очевидно, гражданскій судъ долженъ прекратить всякое гражданское дѣло по просьбѣ сторонъ. Но какъ быть съ присужденнымъ съ отвѣтчика штрафомъ? Если это штрафъ за самовольныя дѣйствія отвѣтчика, то тогда его слѣдуетъ взыскать; но такая роль чужда задачи гражданскаго суда. Если же штрафъ за прекращеніемъ дѣла не подлежитъ взысканію, то какой смыслъ имѣетъ установленіе такого штрафа, взысканіе котораго зависить отъ произвола истца? Вторымъ примѣчаніемъ къ

447 ст. (по продолж. 1868 г.) самовольная постройка оконъ на чужой дворъ или чужую крышу признается уже проступкомъ, подлежащимъ отвѣтственности по уставу о наказ. мир. суд. (66 ст.); но тогда вмѣсто этого примѣчанія слѣдовало измѣнить 447 ст., выбросивъ изъ нея то мѣсто, въ которомъ говорится о воспрещеніи самовольно строить окна на чужой дворъ. Кромѣ того, никакъ нельзя согласиться съ тѣмъ, чтобы самовольная постройка оконъ составляла уголовный проступокъ, тѣмъ болѣе такой проступокъ, который подлежитъ отвѣтственности помимо воли потерпѣвшаго лица. Что касается затѣмъ 1-го примѣчанія къ 447 ст., то ему не мѣсто въ 1 ч. X т., а оно должно быть помѣщено въ строительномъ уставѣ.

448, 449, 450 и 451 ст. устанавливають правила о правѣ прохода и прогона скота чрезъ сосѣднія владѣнія въ случаяхъ, когда нѣтъ другаго общаго пути, причемъ при неимѣніи малыхъ дорогъ въ этихъ владѣніяхъ, предоставляется право требовать отвода такой дороги шириною въ 3 сажени (исключеніе составляетъ Крымъ). Противъ существа этихъ правилъ нельзя ничего сказать, остается только желать болѣе удовлетворительной ихъ редакціи. Кромѣ того слѣдуетъ пополнить эти правила тѣмъ, что въ случаяхъ, когда отводится новая малая дорога, владѣлецъ земли, на которой дорога эта проведена, имѣетъ право требовать соотвѣтствующаго вознагражденія за убытки.

Вотъ и всѣ правила относительно сервитутнаго права, устанавливаемаго закономъ помимо воли частныхъ лицъ. Такимъ образомъ нашъ законъ ничего не говоритъ о правѣ на водопроводъ; о правѣ на свѣтъ и на видъ даетъ правила лишь въ двухъ статьяхъ; о разстояніяхъ и пограничныхъ работахъ, требуемыхъ для нѣкоторыхъ построекъ, разкопокъ и расчистокъ, говоритъ только мимоходомъ въ одной статьѣ; объ общихъ стѣнахъ, зданіяхъ и рвахъ не даетъ никакихъ надлежащихъ правилъ; а относительно сервитутовъ, зависящихъ отъ мѣстности, даетъ лишь отрывочное и крайне неудовлетвори-

тельное правило въ 442 ст. Что же касается разнаго рода сервитутовъ, которые могутъ быть устанавливаемы на имущество волею частныхъ лицъ, то объ этомъ нѣтъ даже и намёка въ 1 ч. X т. При отсутствіи затѣмъ правилъ относительно способа приведенія въ дѣйствіе сервитутнаго права и его прекращенія, судебная практика лишена возможности правильно разрѣшить вопросъ о томъ, допускается-ли по нашимъ законамъ приобрѣтеніе и потеря сервитутнаго права по давности? Между тѣмъ вопросы эти капитальной важности и весьма часто встрѣчаются на практикѣ. Такъ, до кассационнаго сената доходили вопросы о томъ, можетъ-ли быть приобрѣтено сервитутное право (право участія частнаго) путемъ давности (за 1873 г. №№ 829, 1245 и др.)? Вопросъ этотъ разрѣшенъ сенатомъ отрицательно, на томъ основаніи, что наши законы (533 ст.) говорятъ о превращеніи владѣнія въ собственность, но нигдѣ не упоминаютъ о приобрѣтеніи посредствомъ давности владѣнія права участія частнаго. Такое разрѣшеніе вопроса хотя и соотвѣтствуетъ буквѣ закона, но не можетъ быть оправдано съ научной точки зрѣнія. Поэтому то и желательно, чтобы въ будущемъ гражданскомъ уложеніи сервитутному праву было отведено должное мѣсто.

Второе отдѣленіе 2-й главы (452 — 466 ст.) содержитъ въ себѣ правила о правѣ угодій въ чужихъ имуществахъ. Это право составляетъ одинъ изъ видовъ пользованія чужимъ имуществомъ и мѣсто его не здѣсь, а тамъ, гдѣ говорится о правѣ владѣнія и пользованія, отдѣльномъ отъ права собственности. Право это, вызванное первобытнымъ порядкомъ сельскаго хозяйства, какъ замѣтилъ еще К. А. Неволинъ ¹⁾, давно отжило свое время. Существованіе его только терпится закономъ, какъ остатокъ старины, установленіе же его вновь, запрещено еще межевою инструкціею 25 мая 1766 г. (при-

¹⁾ К. А. Неволинъ: «Полное собраніе сочиненій» т. IV, стр. 408 — 415 и К. Кавелинъ — «Права и обязанности по имуществамъ и обязательствамъ» изд. 1879, стр. 101.

мѣч. къ 438 ст.). Мы полагаемъ, что современное состояніе нашей культуры не позволяетъ болѣе удерживать въ законѣ это право угодій въ чужихъ имуществахъ.

3-е и 4-е отдѣленія 2-й главы содержатъ правила о правѣ собственности въ имѣніяхъ заповѣдныхъ и маіоратныхъ. Если по какимъ-либо видамъ государственной политики и будетъ признано полезнымъ удержать существующія правила о заповѣдныхъ и маіоратныхъ имѣніяхъ, то во всякомъ случаѣ не мѣсто имъ гражданскомъ уложеніи, которое должно имѣть дѣло не съ привилегіями небольшой группы лицъ въ государствѣ, а съ правами гражданъ, вызываемыми общими или мѣстными условіями гражданской жизни.

5-е отдѣленіе 2-й главы (513 — 540 ст.) содержитъ въ себѣ правило о правѣ владѣнія и пользованія, отдѣльномъ отъ права собственности. Неполнота и отрывочность содержащихся въ этомъ отдѣленіи правилъ бросается въ глаза. Говоря о владѣніи и пользованіи какъ о самостоятельныхъ правахъ, 1 ч. X т. не даетъ однако никакихъ указаній, чѣмъ именно отличается владѣніе отъ пользованія и что слѣдуетъ понимать подъ тѣмъ и другимъ. Между тѣмъ, прежде всего возникаетъ вопросъ, какова юридическая природа владѣнія по нашимъ законамъ. Считаютъ-ли они необходимымъ условіемъ владѣнія, какъ одного изъ видовъ неполнаго права собственности, *animus rem sibi habendi*, или же подъ владѣніемъ подразумѣваютъ всякое удержаніе вещи, съ цѣлью извлеченія изъ нея въ свою собственную пользу выгодъ? То или другое разрѣшеніе этого вопроса влечетъ за собою ту или другую постановку исковъ о возстановленіи нарушеннаго владѣнія и, кромѣ того, имѣетъ громадное значеніе для опредѣленія юридической природы правъ нанимателя на нанятое имъ имущество. Несмотря на такую важность поставленныхъ нами выше вопросовъ, яснаго и точнаго разрѣшенія ихъ 1 ч. X т. не даетъ. Отсюда происходитъ разнообразное толкованіе нашихъ законовъ о владѣніи и вслѣдствіе этого неустойчивость судебной

практики. Такъ, кассационный сенатъ, сначала, подъ владѣніемъ признавалъ удержаніе вещи, заключающее въ себѣ *animus habendi* и только въ этихъ случаяхъ считалъ возможнымъ искъ о возстановленіи нарушеннаго владѣнія (сб. рѣш. за 1870 г. № 1627). Затѣмъ онъ отказался отъ этого взгляда и призналъ, что нашъ законъ подъ владѣніемъ разумѣетъ всякое обладаніе вещью, съ цѣлью извлекать изъ нея пользу (за 1871 г. № 1093; за 1872 г. № 18 и 467; за 1873 г. № 119; за 1874 г. № 474; за 1875 г. № 123 и за 1878 г. № 234). Точно также въ средѣ нашихъ ученыхъ цивилистовъ существуетъ разногласіе по этому вопросу. Такъ г.г. Мейеръ ¹⁾ и Морошкинъ ²⁾ утверждаютъ, что 1 ч. X т., какъ и римское право, подъ владѣніемъ разумѣетъ такое обладаніе вещью, которое содержитъ въ себѣ *animus sibi habendi*; удержаніе же вещи не на себя и не на свое имя (напр. у арендатора) составляетъ простое пользованіе, неимѣющее ничего общаго съ владѣніемъ и отличающееся отъ владѣнія также какъ въ римскомъ правѣ *possessio* отличалось отъ *detentio*. Между тѣмъ г.г. Побѣдоносцевъ ³⁾ и Умовъ ⁴⁾ полагаютъ, что у насъ владѣніе подразумѣвается въ самомъ обширномъ смыслѣ, вмѣщая въ себѣ *possessio* и *detentio*. Мы склоняемся въ пользу послѣдняго мнѣнія, имѣя въ виду, что оно опирается не только на букву закона (514 ст.), но и находитъ себѣ подтвержденіе во взглядѣ графа Сперанскаго, бывшаго душою при составленіи гражданскихъ законовъ. По этому вопросу у графа Сперанскаго ⁵⁾, мы находимъ слѣдующій взглядъ: „слово собственность, въ древнихъ нашихъ законахъ и даже въ уложеніи 1649 г. не было еще употребляемо. Понятіе его вы-

¹⁾ Мейеръ. „Русское гражданское право“, изд. 5. стр. 247—255.

²⁾ Морошкинъ. „Разсужденіе о владѣніи по началамъ руссійскаго законодательства“, изд. 1837 г. стр. 77.

³⁾ Побѣдоносцевъ. „Курсъ гражданского права“ ч. 1, изд. 2, стр. 163.

⁴⁾ Умовъ. „О вліяніи отчужденія напятаго имущества на существованіе найма“ въ Юридич. Вѣстн. за 1877 г. книги 6 и 7 стр. 65—68.

⁵⁾ „Мысли графа М. М. Сперанскаго о системѣ законовъ вообще“. Въ Архивѣ Галацова за 1859 г. книга 1 стр. 17.

ражено было другими словами: отчиною, куплею, выслуженнымъ имуществомъ. Сіе понятіе о собственности противоположилось тогда помѣстьямъ, найму.... Съ уничтоженіемъ права помѣстнаго, право собственности могло быть противопоставляемо токмо праву найма, праву пользованія (*usus fructus*), и препорученію, и, сверхъ того, праву всѣмъ совокупно и никому въ особенности непринадлежащему, или праву всеобщему.... Въ самомъ дѣлѣ, имущество нанятое хотя принадлежитъ въ собственность первоначальному его владѣльцу, но въ предѣлахъ найма и доколѣ срокъ не минулъ, оно принадлежитъ также и нанимателю. Тотъ и другой имѣютъ на него право собственности, но въ разныхъ границахъ; одинъ на время и по условію, а другой навсегда, исключая однако же время найма“. Считать за недостатокъ нашего закона, что онъ не придерживается теоріи римскаго владѣнія, мы не можемъ, и видимъ въ томъ особое его достоинство. Римская теорія владѣнія могла найти свое оправданіе, когда между вещными и обязательственными правами проводилось строгое различіе. Между тѣмъ въ настоящее время, когда жизнь стерла искусственныя перегородки, опредѣляющія эти права, и указала какъ они сливаются между собою и переходятъ одно въ другое, намъ не предстоитъ надобности придерживаться понятій римскаго права. Мы видимъ, что западно-европейскія законодательства признаютъ, при извѣстныхъ условіяхъ, право нанимателя правомъ на чужую вещь (*jus in re aliena*). Этимъ самымъ они придаютъ вещный характеръ правамъ нанимателя, а слѣдовательно, пользованіе нанятымъ имуществомъ косвенно считаютъ за неполное право собственности, именно въ томъ смыслѣ, какъ понималъ его и графъ Сперанскій. По мнѣнію г. А. Попова ¹⁾ строго непреложные выводы римскаго права не позволяютъ и намъ смѣшивать владѣніе съ удержаніемъ вещи. Но непреложныхъ выводовъ въ наукѣ права вообще не существуетъ: выводы эти подсказы-

¹⁾ А. Поповъ. „Владѣніе и его защита во русскому гражданскому праву“ въ Журн. гражд. и угол. права за 1874 г., кн 4 и 5.

ж. гр. и уг. пр. кн. v 1883 г.

ваются требованіями дѣйствительной жизни, а потому и измѣняются сообразно измѣненію этихъ требованій. У римлянъ, какъ замѣтилъ еще профессоръ Кавелинъ ¹⁾, по условіямъ ихъ жизнибыта, и развились однѣ формы вещныхъ правъ на чужія вещи; у насъ же, согласно съ особенностями нашего быта, могутъ и должны развиваться другія. Поэтому мы полагаемъ, что всякое удержаніе вещи, съ цѣлью извлеченія изъ нея выгодъ въ свою пользу, составляетъ владѣніе ²⁾. Хотя 514 ст. 1 ч. X т. и тѣ источники, которые послужили основаніемъ ея (указъ сената отъ 15 іюня 1814 г. Полн. собр. зак. № 25606 и Высочайше утвержденное 1 октября 1846 г. положеніе комитета министровъ. Полн. собр. зак. № 20488) и указываютъ намъ, что такъ понимается природа владѣнія и въ настоящее время нашимъ сводомъ, но отсутствіе столь необходимаго общаго опредѣленія по этому предмету, порождаетъ указанное нами разнорѣчіе, какъ въ средѣ нашихъ ученыхъ цивилистовъ, такъ и въ судебной практикѣ.

Кромѣ отсутствія надлежащаго опредѣленія юридической природы владѣнія и пользованія, въ 5-мъ отдѣленіи 2-й главы, подъ именемъ общихъ положеній, въ 1 параграфѣ (513—533 ст.) даются не общія руководящія начала, на основаніи которыхъ получалось бы цѣлостное представленіе объ инсти-

¹⁾ К. Кавелинъ, „О неполномъ правѣ собственности по своду законовъ“ въ Журн. гражд. и торг. права за 1872 г. кн. 2. Доказавъ въ этой статьѣ, что имущественный наемъ и вообще всякое, болѣе или менѣе долгосрочное пользованіе имуществомъ, принадлежитъ къ разряду вещныхъ правъ, устанавливающихъ права на чужую вещь, профес. Кавелинъ, къ сожалѣнію, въ позднѣйшемъ своемъ сочиненіи „Права и обязанности по имуществамъ и обязательствамъ“ (стр. 102 и 104) неизвѣстно почему отказался отъ своего взгляда и утверждаетъ (не мотивируя однако ничѣмъ своего взгляда), что наемъ имущества не устанавливаетъ вещныхъ правъ на нанятое имущество (*jus in re aliena*), а является простымъ обязательствомъ.

²⁾ Желательно, чтобы будущее гражданское уложеніе наше было болѣе послѣдовательно, чѣмъ французскій и итальянскій кодексы, которые никакъ не могутъ вполне отрѣшиться отъ вліянія римскаго права при опредѣленіи юридической природы владѣнія, хотя напр. права нанимателя на нанятое имущество и считаются вещными.

тутахъ владѣнія и пользованія, какъ видовъ неполнаго права собственности, но отдѣльныя, казуальныя правила, несвязанныя надлежащимъ образомъ между собою и притомъ касающіяся исключительно одного владѣнія. Засимъ, 2-й параграфъ 5-й главы почему-то касается только отдѣльнаго пользованія движимыми имуществами, умалчивая объ отдѣльномъ пользованіи недвижимымъ имуществомъ (напр. пользованіе фруктовымъ садомъ и т. п.). Изъ содержащихся въ этомъ параграфѣ правилъ, можно сдѣлать выводъ, что удержаніе движимой вещи съ цѣлью извлеченія изъ нея всѣхъ выгодъ въ свою пользу, составляетъ не владѣніе, а пользованіе (536 и 537 ст.); опредѣлять одно и то же отношеніе къ вещи различно, только потому, что она принадлежитъ къ разряду движимаго имущества, является непослѣдовательностью. Если по отношенію къ недвижимому имуществу удержаніе съ цѣлью извлеченія изъ него всѣхъ выгодъ, составляетъ владѣніе, то точно также должно признаваться владѣніемъ такое же удержаніе движимаго имущества. Наконецъ, объ отношеніяхъ пользователя и владѣльца вещи къ собственнику ея, о взаимныхъ правахъ и обязанностяхъ ихъ другъ къ другу, не содержится въ 1 ч. X т. никакихъ указаній. Право на чужую вещь (*jus in re aliena*), куда принадлежитъ, между прочимъ, владѣніе и пользованіе, отдѣльное отъ права собственности, носитъ такой своеобразный характеръ и играетъ настолько важную роль при сколько нибудь развитомъ гражданскомъ оборотѣ, что нуждается въ наибольшей опредѣленности и точности положительнаго закона. Между тѣмъ, опредѣленности и точности правилъ относительно отдѣльнаго пользованія и владѣнія въ 1 ч. X т. мы не находимъ, и вмѣсто цѣльнаго и систематическаго отдѣла по этому предмету, мы имѣемъ только отрывочныя правила, несвязанныя даже между собою единствомъ общаго руководящаго начала. Разсмотримъ теперь эти правила въ томъ видѣ, какъ они изложены въ 5-мъ отдѣленіи 2-й главы.

Первый параграфъ 5-го отдѣленія открывается 513 ст., которая изложена такъ: „Владѣніе, когда оно соединено въ одномъ лицѣ съ правомъ собственности, есть существенная

8*

часть самого сего права, и когда оно утверждается на жалованных грамотахъ и другихъ законныхъ укрѣпленіяхъ, тогда именуется владѣніемъ вотчиннымъ, владѣніемъ вѣчнымъ и потомственнымъ“. Прежде всего, нельзя понять почему въ параграфѣ, предназначенномъ дать общія положенія относительно права владѣнія и пользованія, отдѣльнаго отъ права собственности, говорится о правѣ собственности и притомъ только на недвижимыя имущества. Вѣдь вотчиннымъ владѣніемъ, а равно владѣніемъ потомственнымъ и вѣчнымъ, согласно 1 примѣч. къ 420 ст., обозначается право собственности на недвижимыя имущества. О правѣ собственности вообще, общія положенія могли быть даны только въ 1-й главѣ, 2-го раздѣла и повторять о томъ же правѣ въ 5-мъ отдѣленіи 2-й главы — не представлялось надобности. Затѣмъ, редакция 513 ст. крайне неудовлетворительна. Изъ смысла этой статьи выходитъ, что владѣніе, соединенное съ правомъ собственности и утвержденное на законномъ укрѣпленіи, называется владѣніемъ вотчиннымъ. Здѣсь владѣніе какъ-бы проти вопологается праву собственности, тогда какъ изъ 1-го примѣчанія къ 420 ст. видно, что то и другое названіе касается одного и того же предмета; только право собственности заключаетъ въ себѣ болѣе обширное понятіе, чѣмъ вотчинное владѣніе. Затѣмъ, изъ 1-го примѣчанія къ 420 ст. можно заключить, что, будучи правомъ собственности на недвижимое имущество, вотчинное владѣніе остается таковымъ и въ томъ случаѣ, если право владѣнія выдѣлено изъ него и передано другому лицу. Между тѣмъ изъ буквы 513 ст. вытекаетъ тотъ выводъ, что право собственности будетъ именоваться вотчиннымъ владѣніемъ лишь тогда, когда оно заключаетъ въ себѣ невыдѣленнымъ и право владѣнія. Наконецъ, недостатокъ редакция 513 ст. заключается еще и въ томъ, что по буквальному ея смыслу, право собственности вообще, будучи соединено съ владѣніемъ и утверждено на законномъ укрѣпленіи, именуется вотчиннымъ владѣніемъ. Между тѣмъ, въ 1-мъ примѣчаніи къ 420 ст. категорически говорится, что подъ вотчиннымъ владѣніемъ разумѣется право собственности только на недвижимое имущество.

514 статья пытается дать опредѣленіе владѣнія, но при томъ такъ неудачно, что не получается надлежащаго понятія о существѣ и природѣ владѣнія. „Владѣніе, отдѣленное отъ права собственности и переданное другому по какому либо акту, говоритъ 514 ст., есть особое право, пространство, пожизненность или срочность котораго опредѣляется тѣмъ самымъ актомъ, которымъ оно установлено“. Такое опредѣленіе лишено всякаго юридическаго значенія и кромѣ того не можетъ быть согласовано ни съ какою теоріею владѣнія. Если владѣніе признать удержаніемъ вещи на себя (*animus rem sibi habendi*), то срочная передача его по договору со стороны собственника не можетъ имѣть мѣста. Если же (что болѣе вѣрно) подъ владѣніемъ нашъ сводъ подразумѣваетъ всякое удержаніе вещи съ цѣлью извлеченія изъ нея выгодъ въ свою пользу, то оно возникаетъ не только въ тѣхъ случаяхъ, когда собственникъ уступаетъ его другому лицу, на тѣхъ или другихъ условіяхъ, по договору или акту, но и тогда, когда помимо согласія собственника удерживается его вещь съ цѣлью извлеченія изъ нея выгодъ въ свою пользу. Такимъ образомъ, какъ ни понимать юридическую природу владѣнія, по нашему закону, существо его совершенно невѣрно опредѣлено 514 статьею.

515 ст. является также излишнею въ гражданскихъ законахъ, такъ какъ по существу не можетъ быть никакого различія, выдѣляетъ ли свое владѣніе изъ права собственности лицо физическое или юридическое (напр. казенное вѣдомство) другому лицу, также физическому, или юридическому.

516—520 ст (изъ нихъ 517—519 уже отмѣнены) указываютъ отдѣльные виды владѣнія малоимущихъ дворянъ, казны, пахотныхъ солдатъ, Новгородскаго и Старо-русскаго удѣловъ, чиновъ Иркутскаго и Енисейскаго казачьихъ конныхъ полковъ и чиновъ Забайкальскаго казачьяго войска и не имѣютъ никакого значенія для опредѣленія существа и юридической природы владѣнія.

Наиболѣе значенія имѣетъ 521 ст., если бы только она была болѣе удовлетворительно редактирована и если бы ей

предшествовало точное опредѣленіе существа владѣнія. Статья эта устанавливаетъ правило, въ силу котораго вотчинникъ, несмотря на то, что имущество его находится во временномъ отдѣльномъ владѣніи посторонняго лица, можетъ однако по своему произволу уступить или передать кому либо принадлежащее ему право собственности на это имущество, не стѣсняя тѣмъ правъ отдѣльнаго владѣнія. Этимъ правиломъ отдѣльное временное обладаніе вещью не на себя, признается однако вещнымъ правомъ (*jus in re aliena*), сохраняющимъ свою силу и съ переходомъ имущества въ другія руки. Значеніе этого правила мы разберемъ болѣе подробно при разсмотрѣніи недостатковъ постановленій 1 ч. X т., касающихся договора найма имущества.

522 ст. содержитъ въ себѣ *lex specialis*, касающійся Черниговской и Полтавской губерній. Здѣсь говорится о дареніи на случай смерти (*donatio mortis causa*). Между тѣмъ 991 ст. дареніе на случай смерти признаетъ недѣйствительнымъ и, какъ видно изъ примѣчанія къ этой статьѣ, это правило не относится только къ тѣмъ дарственнымъ записямъ, кои совершены въ Черниговской и Полтавской губерніяхъ до обнародованія свода законовъ 1842 года. Такимъ образомъ непонятно, почему 522 ст. не вычеркнута до сихъ поръ изъ свода. По своей природѣ дареніе на случай смерти, есть завѣщательное распоряженіе и какъ таковое, во всякое время можетъ быть видоизмѣнено и отмѣнено завѣщателемъ, не взирая на то, будетъ ли живо или умретъ лицо, въ пользу котораго сдѣлано это распоряженіе.

523—580 ст. указываютъ, что владѣніе бываетъ законное, но такъ какъ существо самаго владѣнія неопредѣлено въ предыдущихъ статьяхъ, то получается весьма смутное понятіе о томъ различіи, которое существуетъ между законнымъ и незаконнымъ владѣніемъ. На первый разъ даже кажется, что здѣсь идетъ рѣчь лишь о такомъ владѣніи, которое заключаетъ въ себѣ *animus rem sibi habendi*. Такъ 524 ст. говоритъ, что владѣніе признается законнымъ, когда

имущество приобретено способами, въ законахъ дозволенными. Но владѣніе можетъ имѣть мѣсто, согласно 514 ст., и тогда, когда приобретается право на удержаніе имущества, но не самое имущество, которое не перестаетъ быть собственностью другаго лица. Правила, содержащіяся въ 523—530 ст., повидимому, почерпнуты изъ кодекса Наполеона, который однако, оставаясь подъ вліяніемъ римскаго права, владѣніе опредѣляетъ, какъ удержаніе вещи на себя (2228 и 2230 ст.), т. е. требуетъ наличности *animus habendi*. Между тѣмъ, по нашему своду (514 и 521 ст.), владѣніемъ признается всякое удержаніе вещи съ цѣлью извлеченія изъ нея выгодъ въ свою пользу, а потому, сообразно съ этимъ, должны быть изложены и правила о законномъ и незаконномъ владѣніи. Кромѣ того, 529 и 530 ст., говорящія о добросовѣстномъ владѣніи, изложены такъ многословно и такъ неудовлетворительно, что лишены всякаго достоинства. Въмѣсто того, чтобы сказать, что добросовѣстное владѣніе признается во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда владѣющій приобрѣлъ право владѣнія по юридическому основанію, содержащему въ себѣ скрытый порокъ, 529 и 530 ст. даютъ казуальныя опредѣленія добросовѣстнаго владѣнія. Поэтому, если придать значеніе этимъ правиламъ и допустить, что они надлежащимъ образомъ выражаютъ мысль законодателя, то мы должны на примѣръ отнести къ числу недобросовѣстныхъ владѣльцевъ, лицъ, вступившихъ во владѣніе имуществомъ на основаніи духовнаго завѣщанія или дарственной записи, признанныхъ впослѣдствіи по суду недѣйствительными.

531 и 532 ст., говорящія о порядкѣ возстановленія нарушеннаго владѣнія, не могутъ имѣть мѣста въ гражданскихъ законахъ, такъ какъ объ этомъ должна быть рѣчь въ уставѣ гражданскаго судопроизводства. Помимо того, пояснять, что самоуправство ни въ какомъ случаѣ не дозволяется, по меньшей мѣрѣ излишне, такъ какъ разъ самоуправство карается уголовнымъ закономъ (142 ст. уст. о нак. нал. мир. суд.), оно слѣдовательно считается во всѣхъ случаяхъ дѣйствіемъ запрещеннымъ.

Затѣмъ, 533 ст., говорящая о давности владѣнія, совершенно излишня въ этомъ параграфѣ, тѣмъ болѣе, что земской давности отведено особое мѣсто, гдѣ и должны быть сгруппированы всѣ правила по этому предмету.

Наконецъ, нельзя не признать за недостатокъ 1-го параграфа 5-го отдѣленія и то, что въ немъ, повидимому, идетъ рѣчь только о владѣніи недвижимымъ имуществомъ, тогда какъ не представлялось никакого основанія умолчать о владѣніи движимостью. Если допустить, что владѣніе можетъ имѣть мѣсто только по отношенію къ недвижимому имуществу, то тогда пришлось бы признать, что движимое имущество, какъ немогущее быть предметомъ владѣнія, не можетъ быть вмѣстѣ съ тѣмъ и приобрѣтено по давности,—что, очевидно, несообразность. Отъ такой неопредѣленности правилъ, касающихся владѣнія, проистекаетъ, по нашему мнѣнію, и то, что судебныя мѣста, въ томъ числѣ и кассационный сенатъ (напр. въ рѣшеніяхъ за 1873 г. № 782, за 1874 г. № 356 и др.), признаютъ, что иски о возстановленіи нарушеннаго владѣнія могутъ имѣть своимъ предметомъ лишь недвижимое имѣніе ¹⁾. Допуская, что владѣніе движимостью предполагаетъ всегда у владѣльца право собственности, считаютъ, что владѣніе, несвязанное съ правомъ собственности, будетъ по отношенію къ движимости правомъ пользованія. Въ этомъ именно и кроется вся ошибка.

2-й параграфъ, 5-го отдѣленія, 2-й главы, содержитъ въ себѣ правила объ отдѣльномъ пользованіи движимыми имуществами и открывается 534 ст., которая постановляетъ, что движимое имущество почитается собственностью того, кто имъ владѣетъ, до тѣхъ поръ, пока противное не будетъ доказано. Это правило совершенно неосновательно занесено

¹⁾ Необходимость допустить искъ о защитѣ владѣнія движимымъ имуществомъ, по нашимъ законамъ, доказываетъ г. П. Юреневъ въ своей превосходной статьѣ: «Искъ о защитѣ владѣнія по русскимъ законамъ» въ Журналѣ гражданского и уголовного права за 1875 г. книга 2.

въ этотъ параграфъ: его мѣсто или въ главѣ о владѣніи (какъ это дѣлаетъ итальянское уложеніе 707 ст.), или же въ главѣ о давности (какъ въ кодексѣ Наполеона 2279—*En fait de meubles, la possession vaut titre*). При томъ оно должно быть изложено нѣсколько въ иномъ видѣ. Дѣло въ томъ, что здѣсь нужно пояснить, что владѣніе движимостью, по отношенію къ третьимъ лицамъ, имѣетъ значеніе правооснорованія, такъ какъ переходъ ея изъ рукъ въ руки не требуетъ никакого письменнаго акта, который замѣняется словеснымъ соглашеніемъ.

535 ст. точно также какъ 514 ст., не давая опредѣленія существа и природы права пользованія, говоритъ только, что пользованіе будетъ особымъ правомъ, если собственникъ выдѣлитъ его другому лицу по договору или иному акту; при чемъ пространство этого права будетъ опредѣляться тѣмъ самымъ договоромъ или актомъ. Такимъ образомъ, остается неразъясненнымъ, что слѣдуетъ понимать подъ пользованіемъ и чѣмъ оно отличается отъ владѣнія по нашимъ законамъ.

536 ст. содержитъ въ себѣ правила о правѣ пользованія полнымъ. Изъ этой статьи усматривается, что обладаніе движимою вещью съ цѣлью извлеченія изъ нея всѣхъ выгодъ въ свою пользу, составляетъ право пользованія полное. Между тѣмъ изъ смысла 514 и 521 ст. видно, что такое же обладаніе недвижимымъ имуществомъ составляетъ владѣніе. Почему именно одно и тоже фактическое отношеніе къ вещи, въ однихъ случаяхъ называется владѣніемъ, а въ другихъ пользованіемъ, понять нельзя, такъ какъ для этого не существуетъ никакихъ логическихъ основаній.

538, 539 ст. и приложение къ послѣдней (состоящее изъ 21 пункта) говорятъ о находкѣ. Несмотря на такое изобиліе правилъ по этому предмету, въ нихъ замѣчается отсутствіе полной опредѣленности. Кромѣ того, по существу своему, они лишены всякаго достоинства. Прежде всего, мѣсто этимъ правиламъ въ главѣ объ овладѣніи, какъ способъ приобрѣ-

тенія права способности. Хотя нѣкоторые изъ нашихъ ученыхъ цивилистовъ ¹⁾ и утверждаютъ, что пріобрѣтеніе собственности посредствомъ овладѣнія (*occupatio*) немислимо по нашимъ законамъ, потому что послѣдніе, будто бы, не знаютъ ничьихъ вещей (*res nullius*) и признаютъ вещи непринадлежащія въ собственность частнымъ лицамъ, за государственное достояніе, но такое утвержденіе очевидно основано на недоразумѣніи и неправильномъ толкованіи 406 ст. 1 ч. X т. Предметы вѣшняго міра только въ незначительномъ сравнительно количествѣ находятся въ обладаніи какъ физическихъ, такъ и юридическихъ лицъ; а между тѣмъ многія изъ нихъ могутъ входить въ кругъ гражданскаго оборота. Пока предметы, существующіе въ природѣ, не состоятъ еще въ обладаніи лица, неподвластны ему, они не составляютъ еще имущества и чтобы сдѣлаться таковымъ необходимо извѣстное усиліе лица для овладѣнія ими, для пріобрѣтенія надъ ними власти. Масса кислорода содержится въ воздухѣ, которымъ мы дышемъ, но однако же онъ, будучи не освоенъ и извлеченъ изъ воздуха въ особое помѣщеніе, не составляетъ собственности ни частныхъ лицъ, ни государства. Равнымъ образомъ, есть достаточное количество въ воздухѣ сводобной углекислоты, которая также, безъ освоенія ея является безхозяйною вещью. Но разъ извлечены кислородъ или углекислота изъ воздуха, они становятся собственностью лица освоившаго ихъ и могутъ быть названы имуществомъ, такъ какъ получаютъ извѣстную цѣнность. Точно также рыба, напримѣръ, въ морѣ. Если море и составляетъ часть государственной территоріи, согласно 406 ст., то содержимое его, въ видѣ безпрестанно текучей воды и непрерывно измѣняющагося состава морскихъ животныхъ, ни въ какомъ случаѣ не можетъ считаться состоящимъ во владѣніи государства, такъ какъ ни *corpus*, ни *animus* владѣнія, въ данномъ случаѣ, немислимы. Такимъ образомъ и тутъ только освоеніе и поимка, ставя рыбу во власть поймавшаго ее, дѣлаютъ ее пред-

¹⁾ Мейеръ: «Русское гражданское право», изд. 5, стр. 288 289 и 290.

метомъ собственности частнаго лица или его имуществомъ. Тоже самое можно сказать о перелетныхъ птицахъ, скрытыхъ въ морѣ сокровищахъ, и относительно всѣхъ тѣхъ вещей, которыя, существуя въ природѣ, до ихъ освоенія не состоятъ въ чемъ либо владѣніи и пользованіи. Поэтому совершенно правъ г. Побѣдоносцевъ, указывая въ своемъ курсѣ ¹⁾ на овладѣніе, какъ на способъ приобрѣтенія права собственности по нашимъ законамъ. Конечно и въ будущемъ гражданскомъ уложеніи овладѣніе будетъ признано однимъ изъ способовъ приобрѣтенія правъ собственности, а вмѣстѣ съ тѣмъ находка и владѣ, помѣщенные въ настоящее время въ разныхъ частяхъ 1 ч. X т., будутъ соединены въ одномъ мѣстѣ, гдѣ будутъ излагаться постановленія объ овладѣніи ²⁾. Затѣмъ, ни изъ 538, ни изъ 539 ст., ни изъ примѣчаній и приложенія къ этой послѣд-

¹⁾ К. Побѣдоносцевъ: „Курсъ гражданского права“, изд. 2, ч. 1, стр. 355—382. Того же взгляда и К. Кавелинъ (Права и обязанности по имуществамъ и обязательствамъ, стр. 78).

²⁾ Наука гражданского права, какъ извѣстно, подъ вліяніемъ римскихъ началъ, въ основаніе ученія о находкѣ по нашему мнѣнію, совершенно основательно полагаетъ овладѣніе (occupatio). Но г. И. Суворовъ въ своей статьѣ: «О находкѣ по русскимъ законамъ» (въ Журналѣ гражданского и уголовного права за 1875 г. 2 книга, стр. 145—182) утверждаетъ, что у насъ овладѣніе не можетъ служить основаніемъ для юридической конструкціи находки, такъ какъ оно, будто бы, въ виду 406 и 408 ст. 1 ч. X т. не допускается по нашимъ законамъ. Но ни 406 ни 408 ст. не говорятъ, чтобы всѣ предметы видимаго міра, несостоящіе, но могущіе состоять въ частномъ обладаніи, принадлежали государству. А если это такъ, то гдѣ же тогда искать основаніе взгляда г. Суворова? Прежде чѣмъ утверждать, что данная вещь принадлежитъ государству, нужно разрѣшить предварительно вопросъ о томъ: можетъ ли оно во всякое время осуществить свое право на нее, т. е. принадлежать ли ему *animus* и *corpus* владѣнія этой вещью. Вообще, съ развитіемъ знаній представляется большая возможность къ освоенію тѣхъ предметовъ природы (напр. кислородъ), существованіе которыхъ до того и не подвержалось человѣчеству и на которыхъ нѣтъ не могъ простираť своихъ отдѣльныхъ правъ. Въ настоящее время оккупанція имѣетъ гораздо болѣе примѣненія, чѣмъ у Римлянъ, которые знали четыре рода вещей, подлежащихъ оккупанціи. Кромѣ того, отвергнувши по нашимъ законамъ оккупанцію, на чемъ же мы будемъ основывать права нашедшаго вещь на извѣстную часть этой вещи (а въ иныхъ случаяхъ и на всю вещь) или на соответствующее вознагражденіе? Г. Суворовъ не указалъ этого, да и указать не представляется возможнымъ.

ней статьѣ, нельзя вывести надлежащаго понятія о существѣ и юридической природѣ находки. 538 ст. говоритъ, что находкою называется обрѣтеніе вещей и другихъ движимыхъ имуществъ, которыхъ владѣлецъ неизвѣстенъ. Но такое опредѣленіе нисколько не указываетъ на существенные признаки находки и можетъ быть примѣнено къ такимъ дѣйствіямъ, которыя не имѣютъ ничего общаго съ находкою. Приведемъ примѣры: идущій по улицѣ усматриваетъ около забора какую-либо вещь; хозяинъ ея ему неизвѣстенъ и слѣдовательно она для него составляетъ, по смыслу 538 ст. находку, хотя бы собственникъ не потерялъ ее, а оставилъ лишь на время, по какой-либо причинѣ. Далѣе, садовникъ, работая въ саду, усматриваетъ въ кустахъ вещь неизвѣстно кому принадлежащую, которую однако хозяинъ съ какою-либо цѣлью положилъ въ кусты. Затѣмъ, половой замѣчаетъ, что послѣ ухода посѣтителей изъ трактира, осталась неизвѣстно кому принадлежащая вещь, которую хотя хозяинъ и забылъ взять съ собою, но знаетъ гдѣ ее оставилъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ лица, замѣтившія вещи, могутъ назваться обрѣтшими ихъ, при чемъ никому изъ нихъ хозяинъ вещей неизвѣстенъ. Однако не можетъ быть никакого сомнѣнія, что въ этихъ случаяхъ нѣтъ находки. Что же слѣдуетъ понимать подъ именемъ находки? Надлежащаго опредѣленія находки мы не находимъ ни въ рѣшеніяхъ кассационнаго гражданскаго департамента правительствующаго сената (за 1869 г. №№ 73,562 и 1335, за 1870 г. № 11 и 797, за 1873 г. № 1670, за 1874 г. № 782 и т. п.), ни въ нашей юридической литературѣ. Д. М. Мейеръ, въ своемъ курсѣ русскаго гражданскаго права, даже и не пытается опредѣлить юридическую природу находки. Затѣмъ, г. Побѣдоносцевъ ¹⁾ даетъ опредѣленія находки, изъ которыхъ ни одно не можетъ быть признано удовлетворительнымъ. Опредѣлить, что находка есть вещь случайно найденная, значитъ дать еще менѣе понятія о существѣ находки, чѣмъ даетъ 538 ст. 1 ч. X т., такъ какъ случайно можно

¹⁾ Его: «Курсъ», ч. 1, стр. 378.

найти вещь не утерянную или даже забытую хозяиномъ, а положенную съ извѣстною цѣлью въ мѣсто, гдѣ она была случайно для нашедшаго усмотрѣна. Другое опредѣленіе, что находка есть вещь оставленная, забытая или потерянная хозяиномъ, безъ намѣренія скрыть или сохранить ее — также представляется неудовлетворительнымъ, такъ какъ въ немъ не обращается никакого вниманія на отношеніе лица нашедшаго къ найденной вещи. Затѣмъ и другіе цивилисты, хотя и касались существа находки по нашимъ законамъ, не дали точно также надлежащаго ея опредѣленія. Такъ, мы имѣемъ даже спеціальныя по этому предмету изслѣдованія гг. Муллова ¹⁾ Суворова ²⁾ и Пестржецкаго ³⁾, но и въ нихъ мы не усматриваемъ опредѣленія, обнимающаго собою существенные признаки, входящіе въ понятіе находки. Чѣмъ же объяснить такое отсутствіе надлежащаго опредѣленія находки по нашимъ законамъ, хотя по этому предмету писали лучшіе наши ученые цивилисты и прагматики? Только невозможностью дать такое опредѣленіе! Съ одной стороны, 538 и 539 ст., а равно примѣчанія и приложение къ послѣдней, не даютъ надлежащихъ указаній на юридическую природу находки, а съ другой — и указанія, которыя существуютъ въ гражданскихъ законахъ, противорѣчатъ нашимъ уголовнымъ законамъ, хотя единство законодательства въ одномъ и томъ же государствѣ всегда предполагается. Тогда какъ 538 статья необходимымъ условіемъ находки признаетъ обрѣтеніе вещей, хозяинъ которыхъ неизвѣстенъ, уголовный законъ (178 ст. уст. о нак. нал. мир. суд) допускаетъ находку и въ тѣхъ случаяхъ, когда хозяинъ найденной вещи извѣстенъ лицу нашедшему. Хотя г. Мулловъ въ своей статьѣ: „Кладъ и находка“ и утверждаетъ, что 538 ст. не требуетъ безусловно, чтобы хозяинъ

¹⁾ П. Муллова: „Кладъ и находка“, въ Журналѣ мин. юстиціи за 1863 г., книга 3, стр. 3—84.

²⁾ П. Суворова: „О находкѣ по русскимъ законамъ“, въ Журналѣ гражданского и уголовного права за 1875 г., книга 2, стр. 145—182.

³⁾ А. Пестржецкаго: „О находкѣ“ въ Журналѣ гражд. и уголовн. права за 1876 г., книга 1, стр. 203—217.

найденной вещи былъ неизвѣстенъ, но положенія своего ни чѣмъ недоказываетъ и такимъ образомъ отрицаетъ то, что ясно выражено въ 538 ст. Такое разнорѣчіе между собою уголовного и гражданского закона и лишаетъ возможности опредѣлить юридическую природу находки. Постановленіе гражданского и уголовного законодательства необходимо согласовать. Признаніе въ гражданскихъ законахъ возможности находки и въ тѣхъ случаяхъ, когда извѣстенъ хозяинъ найденныхъ вещей, будучи согласно съ уголовнымъ закономъ, будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ согласно съ понятіемъ находки установленнымъ наукою права и съ опредѣленіями ея западно-европейскими гражданскими кодексами. Необходимо также обратить вниманіе во 1-хъ на то, что вознагражденіе за находку въ настоящее время (особенно въ Черниговской и Полтавской губерніяхъ — 540 ст.), полагается слишкомъ значительное и что размѣръ его можетъ быть опредѣленъ по примѣру западныхъ кодексовъ не выше 10 процентовъ стоимости найденнаго; во 2-хъ, что срокъ, который опредѣляется нынѣ для поступленія находки въ собственность нашедшаго, крайне короткій (2 п. приложения къ 539 ст.) и послѣ третьей публікаціи слѣдовало-бы установить по крайней мѣрѣ двухлѣтній срокъ обожданія, какъ сдѣлано это въ итальянскомъ уложеніи (717 ст.); въ 3-хъ, что не слѣдуетъ устанавливать какого либо извѣщенія (напримѣръ военнаго начальства) о найденныхъ вещахъ, кромѣ объявленія въ мѣстной полиціи и публікаціи въ вѣдомостяхъ, и въ 4-хъ, что найденную вещь не всегда возможно оставлять во владѣніи нашедшаго, безъ надлежащаго ручательства, что найденное будетъ сохранено въ цѣлости и возвращено собственнику. Указывать болѣе подробно неудовлетворительность правилъ, изложенныхъ въ приложеніи къ 539 ст., представляется излишнимъ, такъ какъ для этого достаточно бѣглаго просмотра этихъ многословныхъ и устарѣлыхъ правилъ. При существованіи земскихъ судовъ, окружнымъ начальниковъ, палатъ государственныхъ имуществъ и отмѣненныхъ уже нынѣ, уголовныхъ законовъ, эти правила были еще мыслимы, но въ

настоящее время многое въ нихъ является анахронизмомъ. Таеъ, общіе для всѣхъ уголовные законы (179 ст. уст. о нак. нал. мир. суд.) за необъявленіе установленнымъ порядкомъ о найденныхъ вещахъ, подвергаютъ виновнаго лишь денежному взысканію; между тѣмъ 5 п. приложения къ 539 ст. говоритъ, что государственный крестьянинъ, необъявившій о находкѣ долженъ судиться какъ воръ. Но гдѣ же тѣ уголовные законы, которые признають необъявленіе находки равносильнымъ кражѣ? Ихъ нѣтъ, а слѣдовательно и правило, содержащееся въ 5 п., не можетъ имѣть примѣненія. Или напримѣръ правило, заключающееся въ 8 п. того же приложения, относительно того, что нашедшій древнія монеты и другія достопримѣчательныя вещи, получаетъ *приличную за находку награду*. Развѣ въ настоящее время можно оставлять въ такомъ видѣ гражданскій законъ? Что же это за опредѣленіе: *приличная награда*?

540 ст. говоритъ тоже о находкѣ и касается губерній Черниговской и Полтавской. По нашему мнѣнію, нельзя признать права ея на дальнѣйшее существованіе въ гражданскихъ законахъ, въ видѣ *lex specialis*, въ виду отсутствія особыхъ мѣстныхъ условій, требующихъ такого громаднаго вознагражденія за находку.

Вотъ и всѣ правила 2 - го параграфа 5 - го отдѣленія. Чтобы покончить съ 5 - мь отдѣленіемъ 2 - й главы, намъ остается сказать, что содержащіеся въ немъ правила о владѣніи настолько неполны, что въ нихъ даже нѣтъ указаній на право виндикаціи. Между тѣмъ отношеніе владѣнія къ собственности бываетъ различно. Въ однихъ случаяхъ, собственность подавляетъ владѣніе и беретъ надъ нимъ перевѣсъ, каковаго бы рода владѣніе ни было; въ другихъ случаяхъ, наоборотъ, владѣніе, становясь на мѣсто собственности, не только не уступаетъ послѣдней, но и предпочитается ей. Такимъ образомъ происходитъ различное столкновеніе собственника съ владѣльцемъ. Хотя въ принципѣ собственнику и должно бы принадлежать право отыскивать свою вещь изъ владѣнія всякаго лица, чрезъ сколько бы рукъ она ни пере-

шла, но въ виду требованій житейскаго оборота, обязательно должны быть допущены отступленія отъ этого положенія. Столкновеніе частнаго интереса съ интересомъ общественнымъ, дѣлаетъ невозможнымъ неуклонное проведеніе этого принципа въ дѣйствительности, и возлагаетъ на обязанность законодателя установить подробныя и точныя правила относительно права виндикаціи и указать въ какихъ случаяхъ право собственника отыскивать свою вещь изъ чужаго владѣнія подлежитъ ограниченію и не можетъ имѣть мѣста. Здѣсь, какъ мы уже говорили въ одной изъ нашихъ замѣтокъ ¹⁾, слѣдуетъ обратить вниманіе на различную природу вещей (относятся ли онѣ къ движимому или недвижимому имуществу) и на ту цѣль, для которой онѣ предназначены служить. Понятно, что по отношенію къ недвижимости право виндикаціи можетъ быть ограничено лишь въ случаѣ, указанномъ 1301 ст. 1 ч. X т. и ему аналогичномъ, когда одинъ сонаслѣдникъ вступаетъ въ права наслѣдства и отчуждаетъ проданное имъ въ наслѣдство имущество по истеченіи со дня публикаціи полугодичнаго срока, назначеннаго для явки наслѣдниковъ. Та широкая аналогія 1301 ст., которая допускается нашею судебною практикою, не можетъ быть признана правильною, такъ какъ она стѣсняетъ, безъ достаточныхъ законныхъ основаній, право собственника недвижимаго имущества, виндигировать его изъ всякаго посторонняго владѣнія. Недвижимость настолько тѣсно связывается съ личностью собственника и для своего перехода изъ рукъ въ руки обставлена такими формальностями, что не представляется ни малѣйшей нужды ограничивать право собственника отыскивать свое имущество изъ рукъ постороннихъ лицъ. Совершенно другое дѣло движимое имущество и въ особенности бумаги на предъявителя. Будучи предназначена служить для болѣе быстрого обращенія въ обществѣ и нестѣсненная при

¹⁾ „Практическія замѣтки по вопросамъ гражданскаго права и судопроизводства“ въ Журналѣ гражданскаго и уголовнаго права за 1882 годъ, книга четвертая, стр. 28 и послѣд. и книга шестая, стр. 1—7.

своемъ переходѣ изъ рукъ въ руки никакими формальностями, движимость, очевидно, чтобы удовлетворять своей цѣли и потребностямъ житейскаго оборота, не можетъ съ той же легкостью быть виндицируема изъ посторонняго владѣнія, какъ это допускается по отношенію къ недвижимому имуществу. Все это должно быть принято гражданскимъ закономъ во вниманіе; между тѣмъ, нацѣ Х т. не даетъ по вопросу о правѣ виндикаціи подлежащихъ правилъ и не проводитъ даже различія относительно виндицированія движимаго и недвижимаго имущества. Только въ уставѣ гражданского судопроизводства и намѣчено въ первый разъ различіе относительно права виндикаціи недвижимаго (1 п. 1180 ст.) и движимаго имущества (1061 и 1062 ст.). Поэтому, необходимо въ этомъ отношеніи пополнить пробѣлъ въ будущемъ гражданскомъ уложеніи.

Шестое опредѣленіе 2-й главы „о правѣ распоряженія, отдѣльномъ отъ права собственности“, содержитъ въ себѣ всего двѣ статьи, которыя при томъ лишены значенія. Право распоряженія является настолько тѣсно связаннымъ съ правомъ собственности, что самостоятельно выдѣленнымъ изъ него не можетъ быть ни въ какомъ случаѣ. Поэтому, удобнѣе всего дать о немъ правила въ томъ мѣстѣ, гдѣ говорится о правѣ собственности, или же разсмотрѣть его совмѣстно съ правомъ владѣнія и пользованія. Да и что можетъ быть сказано объ этомъ правѣ? Что оно, будучи соединено съ правомъ собственности, состоитъ во власти отчуждать имущество и отдавать его въ постороннее пользованіе (541 ст.), но это правило должно найти свое мѣсто при разсмотрѣніи существа и объема права собственности. Затѣмъ, говорить, что право распоряженія можетъ быть отдѣлено отъ права собственности, или по довѣренности собственника, или же на основаніи законнаго запрещенія (542 ст.), значитъ давать неточное понятіе о существѣ этого права. Довѣренностью право распоряженія не отдѣляется отъ права собственности, такъ какъ собственникъ, при существованіи повѣреннаго, нисколько не стѣсненъ въ правѣ распоряженія. Кромѣ того, повѣрен-

ный является представителем собственника и дѣйствуетъ отъ его имени и за его счетъ, а потому говорить объ отдѣленіи права распоряженія отъ права собственности, въ этомъ случаѣ, не представляется основанія. Чтобы сказать, что право распоряженія выдѣляется повѣренному со стороны собственника, нужно вмѣстѣ съ тѣмъ утверждать, что въ этомъ случаѣ объемъ правъ собственника уменьшается точно также, какъ и въ томъ случаѣ, когда онъ уступаетъ кому либо пользование своею вещью. Но ничего подобнаго не происходитъ на самомъ дѣлѣ. Затѣмъ, точно также и при наложеніи запрещенія на имущество, право распоряженія не отдѣляется какъ самостоятельное право и не переходитъ въ постороннія руки. Оно только парализуется посредствомъ запрещенія, оставаясь все таки неотдѣленнымъ отъ права собственности. Такимъ образомъ 452 статья лишена всякаго достоинства, давая правило, несогласное съ юридическою природою права распоряженія. Что касается, наконецъ, 1-го и 2-го примѣчанія къ 542 статьѣ, то по нашему мнѣнію, установленіе въ законахъ подобнаго рода примѣчаній является совершенно излишнимъ. Примѣчаніе къ статьѣ должно служить лишь поясненіемъ мысли законодателя, содержащейся въ этой статьѣ, а не быть указателемъ того, гдѣ тѣ или другія правила слѣдуетъ отыскивать. Указателемъ каждаго свода законовъ должно служить оглавленіе его и обращать въ указатели примѣчанія къ статьямъ закона, значитъ предполагать, что съ закономъ имѣютъ дѣло люди несвѣдущіе, которые безъ такихъ примѣчаній не могутъ разобраться въ немъ.

Теперь перейдемъ къ разсмотрѣнію 3-й главы „о правѣ собственности общемъ“ (543—556 ст.).

О правѣ общаго владѣнія или общаго права собственности (543 ст.), даются въ третьей главѣ правила въ четырнадцати статьяхъ. Мы указывали уже на несостоятельность раздѣленія этой главы на два отдѣленія и происходящую отъ того повторяемость правилъ по одному и тому же предмету. Право общаго владѣнія, какъ въ имуществахъ, подле-

жащихъ раздѣлу, такъ и нераздѣльныхъ, должно подчиняться одному и тому же правилу, въ силу котораго никто не можетъ быть принужденъ оставаться участникомъ общаго имущества. Въ силу этого правила, само собою разумѣется, должно быть предоставлено совершенно свободное отчужденіе всякимъ, указаннымъ въ законѣ путемъ, своей идеальной въ общемъ имуществѣ доли. Эти положенія, только съ нѣкоторыми ограниченіями, заключаются въ 548 и 549 ст. по отношенію къ имуществамъ нераздѣльнымъ и 550 и 555 ст. относительно имуществъ, могущихъ подлежать раздѣлу. Ограниченіе указанныхъ нами положеній, вошедшихъ въ упомянутыя статьи, состоитъ въ излишнемъ стѣсненіи совладѣльца при отчужденіи имъ своей доли. Это стѣсненіе, невызываемое никакою необходимостью, является въ видѣ обязанности испрашивать согласіе остальныхъ совладѣльцевъ на отчужденіе своей доли изъ общаго имущества. Оно не вызывается никакими требованіями дѣйствительной жизни и ложится тяжелымъ бременемъ на соучастника, особенно въ общемъ имуществѣ, неподлежащемъ раздѣлу. Нашъ законъ предоставляетъ совладѣльцамъ нераздѣльнаго имущества оставить долю своего участника не по той стоимости, какая ему можетъ быть предложена постороннимъ лицомъ, а по *справедливой* оцѣнкѣ (548 ст.) этой доли. Какимъ образомъ должна быть достигнута справедливость оцѣнки и кто ее производитъ, законъ этого однако не говоритъ. Затѣмъ, относительно нѣкоторыхъ нераздѣльныхъ имуществъ, какъ напримѣръ посессионныхъ горныхъ заводовъ, устанавливается еще болѣе стѣснительное правило, заключающееся въ томъ, что должно выжидать цѣлый годъ: не пожелаетъ-ли кто изъ совладѣльцевъ пріобрѣсти долю участника. Но кромѣ того, если и спустя годъ не послѣдуетъ желанія, то актъ продажи можетъ быть совершонъ лишь по истеченіи 4-хъ мѣсяцевъ послѣ новаго извѣщенія совладѣльцевъ о цѣнѣ, предложенной за долю постороннимъ лицомъ и нежеланіи ихъ оставить ее въ этой цѣнѣ за собою. Мы не находимъ серьезныхъ основаній для существованія такихъ стѣснительныхъ правилъ относительно

9.

права отчужденія своей доли изъ общаго нераздѣльнаго имущества. Установивъ такія ненужныя ограниченія въ правѣ распоряженія долею въ общемъ нераздѣльномъ имуществѣ, составители X т. непредусмотрѣли однако случая безвозмезднаго отчужденія всей своей доли или части ея. Положимъ участникъ желаетъ подарить свою долю или выдѣлить изъ нея часть своимъ наслѣдникамъ. Спрашивается, имѣютъ ли и въ этомъ случаѣ остальные совладѣльцы право требовать передачи имъ этой доли за соотвѣтственное вознагражденіе? Законъ на это не даетъ никакого отвѣта.

Право общаго владѣнія можетъ происходить или чрезъ пріобрѣтеніе нѣсколькими лицами одного общаго имущества, или чрезъ полученіе ими этого имущества по наслѣдству. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, общее владѣніе должно въ существѣ своемъ подчиняться однимъ и тѣмъ же правиламъ и подлежать въ одинаковой мѣрѣ раздѣлу, въ случаѣ, если таковой природою самаго имущества можетъ быть допущенъ. По этому предмету мы не находимъ въ X т. никакихъ указаній, а кассационный гражданскій департаментъ правительствующаго сената (сбор. рѣш. за 1871 г. № 432) высказываетъ почему то противоположный нашему взглядъ, не мотивируя его однако надлежащимъ образомъ ¹⁾.

Затѣмъ, понятіе о раздѣльности или недѣлимости, въ одинаковой мѣрѣ относится какъ къ недвижимому, такъ и движимому имуществу, а потому правила о правѣ общаго владѣнія, какъ въ имуществахъ раздѣльныхъ, такъ и неподлежащихъ раздѣлу, должны распространяться и на движимость. Казалось бы объ этомъ положеніи нечего было и говорить,

¹⁾ Что правила, содержащіяся въ 543—555 ст. I ч. X т. относятся и къ наслѣдникамъ-соучастникамъ, на это мы находимъ указанія въ 13 и 14 ст. XVII главы уложенія 1649 года полн. соб. зак. № 1). 13 и 14 ст., какъ видно, послужили источникомъ для 555 ст. I ч. X т., а между тѣмъ въ этихъ статьяхъ уложенія говорилось лишь о правѣ общаго владѣнія сонаслѣдниковъ. Вообще, въ то время о правѣ общаго владѣнія, возникаемомъ посредствомъ пріобрѣтенія совладѣльцами общаго имущества, не могло быть и рѣчи, такъ какъ, согласно 9 ст. XVII главы уложенія, вотчины могли быть пріобрѣтаемы тѣмъ, кого «по Государеву именному указу Государь пожалуетъ».

такъ оно представляется безспорнымъ, но существующія въ 393 и 394 ст. правила даютъ возможность предполагать, что право общаго владѣнія можетъ имѣть мѣсто только по отношенію къ недвижимымъ имуществамъ. Основываясь на вполне неудовлетворительной редакціи 393 и 394 ст., кассационный сенатъ (сбор. рѣш. за 1872 г. № 248) высказалъ категорически, что движимое имущество, будто бы, по закону не почитается нераздѣльнымъ. Между тѣмъ и природа движимаго имущества можетъ быть такова, что не допускаетъ дѣлимости; напримѣръ, картина, животное и вообще всякая вещь, имѣющая свою особую индивидуальность. Очевидно отсюда, что правила относительно нераздѣльнаго имущества вообще могутъ и должны найти свое примѣненіе и къ такого рода движимости ¹⁾.

Далѣе, имѣя право собственности на свою идеальную долю, каждый изъ совладѣльцевъ имѣетъ право и на тѣ выгоды или произведенія, которыя выпадаютъ на эту долю, и равнымъ образомъ несутъ въ соотвѣтствующемъ его долѣ размѣрѣ обязанности, упاداющія на все общее имущество. Соотвѣтствующія правила мы находимъ въ 545 ст. относительно нераздѣльныхъ имуществъ и 554 ст. по отношенію къ имуществамъ, подлежащимъ раздѣлу.

Такъ какъ, затѣмъ, извлеченіе выгодъ или полученія произведеній съ идеальной доли общаго имущества, для каждаго совладѣльца представляется не только затруднительнымъ, но и невозможнымъ, то очевидно имущество должно быть эксплуатируемо сообща, причемъ полученная выгода должна быть подѣлена между совладѣльцами, соотвѣтственно долѣ каждаго въ общемъ имуществѣ. Соотвѣтствующія правила мы имѣемъ для нераздѣльныхъ имуществъ въ 545 и 547 ст., а для подлежащихъ раздѣлу въ 554 ст.

Не всегда всѣ совладѣльцы общаго имущества могутъ быть согласны относительно способа и порядка эксплуатаціи,

¹⁾ К. А. Неволинъ, въ своей исторіи Россійскихъ гражданскихъ законовъ (Уолн. собр. его сочиненій т IV, стр. 22), также утверждаетъ, что къ числу нераздѣльныхъ имуществъ были относимы и относятся движимыя имущества.

тогда какъ совладѣльцевъ можетъ быть нѣсколько человѣкъ. Слѣдовательно, законъ долженъ имѣть въ виду этотъ случай и указать тотъ путь, которымъ разрѣшается возникшее между совладѣльцами несогласіе. Однако въ X т. не указывается этого пути и говорится лишь о томъ, что при управленіи имуществомъ всѣ совладѣльцы должны дѣйствовать между собою согласно. Между тѣмъ, настоятельно надлежитъ указать, что постановленіе большинства совладѣльцевъ, по отношенію къ управленію общимъ имуществомъ и къ усиленію его доходности, обязательно для несогласнаго съ нимъ меньшинства. Если же не составится большинства или если постановленіе большинства будетъ обжаловано судебной власти, то послѣдняя можетъ сама указать порядокъ распоряженія имуществомъ.

Далѣе, всякое имущество требуетъ время отъ времени необходимыхъ расходовъ для своего поддержанія и сохраненія. Безъ этихъ расходовъ немыслима надлежащая эксплуатація имущества, а потому очевидно они должны ложиться бременемъ на всѣхъ совладѣльцевъ, соразмѣрно долѣ каждого. Такого рода правилъ въ X т. неимѣется и мы знаемъ случай изъ судебной практики, гдѣ судъ отказалъ въ искѣ одного совладѣльца, предъявленномъ къ другому, о возмѣщеніи части расходовъ, употребленныхъ имъ на необходимую ремонтровку зданія, принадлежащаго, какъ истцу, такъ и отвѣтчику, въ общую собственность. Очевидно, этотъ пробѣлъ въ будущемъ гражданскомъ уложеніи долженъ быть пополненъ. Если затѣмъ поддержаніе имущества и ремонтровка его съ этою цѣлью, составляетъ обязанность всѣхъ совладѣльцевъ и даетъ право каждому изъ нихъ, произведшему эту ремонтровку на свой счетъ, требовать отъ остальныхъ возмѣщенія понесенныхъ на это расходовъ, то совсѣмъ иное слѣдуетъ сказать о томъ случаѣ, когда какой либо соучастникъ общаго владѣнія пожелаетъ сдѣлать передѣлку имущества. Хотя бы такая передѣлка и была направлена къ усиленію доходности имущества, она можетъ быть произведена не иначе, какъ съ согласія всѣхъ или надлежащаго большинства совладѣльцевъ.

Въ противномъ случаѣ расходы за такую передѣлку не могутъ быть требуемы отъ совладѣльцевъ, неизъявившихъ на то своего согласія. Такого правила мы опять не находимъ въ X т., несмотря на всю его важность.

Наконецъ въ X т. мы не находимъ также правила о томъ, что части совладѣльцевъ общаго имущества предполагаются всегда равными, пока противное не будетъ доказано; между тѣмъ, не всегда обозначается въ крѣпостныхъ актахъ доля каждаго изъ соучастниковъ общаго имущества. Въ юго-западномъ краѣ, въ особенности, изобиліе такого рода купчихъ крѣпостей, совершенныхъ нѣмцами, колонистами и выходцами изъ Царства Польскаго. Возникаютъ и могутъ въ будущемъ возникать споры между сонаслѣдниками относительно доли каждаго изъ нихъ и судъ лишенъ такого *presumptionis juris*, который, въ большинствѣ случаевъ, и соотвѣтствуетъ дѣйствительности.

И такъ, мы видимъ, что въ 3 главѣ „о правѣ собственности общемъ“, не достаетъ нѣкоторыхъ существенныхъ правилъ. Въмѣсто того въ ней содержится три статьи, которыя не имѣютъ никакого права на существованіе въ гражданскихъ законахъ. Статьи эти—551, 552 и 556. Въ 551 ст. говорится, что раздѣлъ земель, состоящихъ въ общемъ чрезполосномъ владѣніи, производится не иначе, какъ по общему согласію всѣхъ участниковъ. Нельзя понять, для чего существуетъ эта статья? Если не считать ее неимѣющею никакого значенія, то вѣдь слѣдуетъ придти къ тому выводу, что согласіе всѣхъ участниковъ общаго владѣнія на раздѣлъ, требуется при чрезполосности владѣнія, а при отсутствіи чрезполосности такого согласія ненужно. Но очевидно такой выводъ будетъ несообразенъ, такъ какъ на всякій раздѣлъ нужно общее согласіе. А если согласіе необходимо при всякомъ раздѣлѣ, то для чего тогда устанавливать правило 551 ст.? Равнымъ образомъ не предстояло надобности указывать въ 551 ст., что правила о раздѣлѣ и передѣлѣ земель сельскихъ обывателей изложены въ особомъ приложеніи къ законамъ о состояніяхъ. Такими указателями, какъ мы

говорили, служат оглавленія къ каждому своду законовъ и надо думать, что примѣняющимъ законы на практикѣ, обязательно и безъ того знать, гдѣ найти необходимое законоположеніе. Затѣмъ 552 ст. постановляетъ, чтобы соучастники общаго владѣнія просьбу свою о раздѣлѣ земли заявляли не иначе, какъ на письмѣ, съ тою цѣлью, чтобы не было сомнѣнія въ общемъ согласіи ихъ на раздѣл. Это правило крайне странно. Какъ извѣстно, раздѣлъ земель совершается, согласно 1342 ст. 1 ч. X т., не иначе какъ крѣпостнымъ порядкомъ. При совершеніи же крѣпостнаго акта раздѣла, прежде утвержденія его, необходимо изъясненіе своей воли предъ нотаріальными учрежденіями на совершеніе этого акта. Такая же воля выражается въ видѣ совершенія у младшаго нотаріуса проекта раздѣла и представленія этого проекта на утвержденіе старшаго нотаріуса. Никакого прошенія съ изъясненіемъ своего согласія не требуется отъ соучастниковъ общаго владѣнія. Если же въ 552 ст. говорится о раздѣлѣ земли, въ видѣ вымежеванія каждому своей доли, то объ этомъ можетъ быть рѣчь не въ гражданскихъ законахъ, а въ межевыхъ.

Наконецъ, 556 ст. заключаетъ въ себѣ *lex specialis* и еще разъ подтверждаетъ, что къ нашему X т. не всегда возможно примѣнить юридическую аксіому—*lex specialis derogat generali*. Въ самомъ дѣлѣ, было ли какое либо основаніе устанавливать, въ качествѣ мѣстнаго закона для губерній Черниговской и Полтавской, правило о томъ, что въ этихъ двухъ губерніяхъ каждому изъ соучастниковъ общаго владѣнія дозволяется просить выдѣла его части и уступать другому лицу, до раздѣла, право на свою долю въ общемъ имуществѣ. Видѣ мы имѣемъ такія же общія правила. Къ чему же говорить о томъ еще и въ частномъ законѣ, который имѣетъ свою цѣлью указать лишь изъятіе изъ общаго правила?

Теперь перейдемъ къ разсмотрѣнію 4-й главы, 2-го раздѣла, 2-й книги, „о правѣ земской давности“ (557—567 ст.).

К. Змировъ.

НѢСКОЛЬКО ОТДѢЛЬНЫХЪ ЗАМѢЧАНІИ НА ПРОЕКТЪ ОБЩЕЙ ЧАСТИ УЛОЖЕНІЯ О НАКАЗАНІЯХЪ

I

Проектомъ общей части уложенія о наказаніяхъ, редакціонная коммисія заслужила, безъ сомнѣнія, такую же благодарность, какая выпала на долю составителей судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 года. Уничтоженіе различія между наказаніями для лицъ привилегированныхъ и непривилегированныхъ, отмѣна тѣлесныхъ наказаній, исключеніе изъ числа наказаній конфискаціи всего имуществва и церковнаго покаянія, установленіе момента, когда преступнику забывается его прошлое, допущеніе условнаго досрочнаго освобожденія изъ мѣстъ заключенія — вотъ сколько шаговъ впередъ по пути къ разумному и гуманному устройству карательной дѣятельности государства, вотъ сколько маяковъ, которые будутъ освѣщать путь законодателя при составленіи особенной части уложенія. Но, сохранивъ смертную казнь, вопреки своему убѣжденію, что Россія могла бы вычеркнуть ее вовсе изъ списка уголовныхъ наказаній, налагаемыхъ по общимъ законамъ, коммисія не избѣгнетъ упрека въ томъ, что она относительно этого столь важнаго и едва ли не важнѣйшаго въ уголовномъ кодексѣ вопроса, не исполнила своей обязанности—начертать проектъ по своему научному убѣжденію и по крайнему разумнѣю положенія и потребностей отечества, а не взваливать бремя инициативы въ вопросѣ такой важности на государственный совѣтъ, который и безъ того можетъ измѣнить все предположенное коммисіей.

Но мы забываемъ, что комисіи непужны ни наша похвала, ни наше порицаніе, а нужны замѣчанія на отдѣльные постановленія проекта. Къ нимъ мы и приступаемъ, располагая ихъ въ порядкѣ статей проекта. Скажемъ только, что каковы бы ни были недостатки проекта,—вышеупомянутыя достоинства, къ которымъ мы прибавимъ еще краткость и незапутанность изложенія—64 статьи вмѣсто 175 дѣйствующаго уложенія—вполнѣ выкупаютъ ихъ и составляютъ для комисіи „памятникъ нерукотворный“.

Статья 1. „Никто не можетъ быть наказанъ за дѣяніе, незапрещенное.... *закономъ уголовнымъ подѣ страхомъ наказанія*“.

Законъ уголовный не знаетъ запрещеній безъ санкции, а потому достаточно сказать: „незапрещенное *закономъ уголовнымъ*“, или „незапрещенное *подѣ страхомъ наказанія*“, двухъ признаковъ не нужно, такъ какъ признаки эти сливаются.

Статья 2. Комисія, придя къ заключенію о возможности отмѣны смертной казни, представила рѣшеніе сего вопроса на благоусмотрѣніе государственнаго совѣта, а въ лѣсницу проектируемыхъ наказаній внесла и смертную казнь.

Если при обсужденіи этого вопроса будетъ обращено вниманіе на число голосовъ, то мы подаемъ свой скромный, но убѣжденный и рѣшительный голосъ за отмѣну смертной казни. Смертная казнь составляетъ зло, которое не можетъ уравниваться никакимъ преступленіемъ, потому что подвергаетъ преступника, задолго до ея исполненія, страху смерти. „Живая смерть“ называютъ приговоренные свое состояніе въ промежутокъ отъ произнесенія приговора до его исполненія. Этой живой смерти убійцы не подвергаютъ своихъ жертвъ, по крайней мѣрѣ на столь долгое время. Поэтому острота одного публициста, который сказалъ, что согласенъ на отмѣну смертной казни, но „que les assassins compensent“, не выдерживаетъ критики: убійцы убиваютъ, но не подвергаютъ смертной казни. Борьба со смертью жертвы преступленія продолжается нѣсколько минутъ, борьба со смертью приговореннаго къ ней—нѣсколько дней, иногда недѣль.

Скажутъ, неужели же можно было оставить безъ смертной казни злодѣевъ 1 марта? Мы думаемъ, что они были бы строже наказаны, еслибъ имъ была оставлена жизнь: они увидѣли бы бесплодность своего преступленія, услышали не только проклятія, но и плачъ народа по Царѣ Освободителѣ, сознали бы свою роковую ошибку и всю жизнь мучились бы раскаяніемъ. Но мы готовы сдѣлать уступку. Мы были бы счастливы, если бы уложеніе сохранило смертную казнь только для царевубійцъ. Мы твердо вѣруемъ, что Русская земля не осквернится болѣе подобнымъ злодѣяніемъ и что смертная казнь останется безъ примѣненія.

Статья 11. „Подлежать выдачѣ... иностранцы, учинившіе преступленія или проступки, хотя бы и вызванные политическими побужденіями....“ Для избѣжанія неясности и недоразумѣній, слѣдовало бы къ словамъ „преступленія или проступки“ добавить: „общаго свойства“, „общіе“ или „неполитическіе.“

Статья 13. „Смертная казнь совершается... непублично“.

Если смертная казнь будетъ сохранена за тягчайшія преступленія, она должна быть совершаема, по нашему мнѣнію, публично. Коммисія предполагаетъ, что публичность казни значительно отягощаетъ участь наказаннаго. Мы думаемъ на-противъ. Если въ тысячной толпѣ преступникъ увидитъ одно лицо, выражающее состраданіе, одну грудь, осѣняющуюся крестнымъ знаменіемъ, онъ съ большимъ присутствіемъ духа встрѣтитъ смерть. Онъ почувствуетъ, что наказаніе искупаетъ его вину, примиряетъ его съ людьми, и онъ въ послѣднюю минуту передъ смертью почувствуетъ себя вновь человѣкомъ. При томъ, въ публичности онъ долженъ видѣть гарантію правомѣрности своей казни, освященіе ея волею народа. Это особенно относится къ политическимъ преступникамъ. При ограниченіи публичности и гласности суда надъ ними, они могутъ въ непублично исполняемой смертной казни видѣть не казнь, а убійство, которое боится дневнаго свѣта. Они и ихъ соумышленники могутъ, кромѣ того, думать, что народъ сочувствуетъ ихъ преступленію.

При исполненіи казни можетъ случиться, что палачъ,

по небрежности или съ умысломъ, увеличить страданія своей жертвы, напр. дать ей сорваться съ петли и такимъ образомъ подвергнуть ее два раза казни; при публичности, такіе случаи не останутся безнаказанными, при велейности же, какъ знать, будутъ ли такіе случаи записаны въ протоколъ и поведутъ ли они ко взысканію съ виновнаго.

Наконецъ, если сохранить смертную казнь, то нужно пользоваться тѣми немногими выгодами, которые она можетъ доставить. Мы говоримъ не объ устрашеніи, выгодъ сомнительной, а объ отводѣ народной ярости, объ удовлетвореніи жажды мщенія, вызванной преступленіемъ въ народѣ, который могъ бы обратить свою самоуправную месть на невинныхъ, еслибъ не видѣлъ казни преступниковъ.

Если публичность казни можетъ создать ореолъ мученичества политическимъ преступникамъ, если зрѣлище казни дѣйствуетъ деморализующимъ образомъ на массу, то мы имѣемъ аргументомъ больше для отмѣны смертной казни.

Не могу не привести здѣсь словъ Chauffour—Kestner'a:

Si la peine de mort est juste, osez donc, comme le faisaient nos pères, l'exercer au grand jour. Si elle doit moraliser les masses, donnez leur en plein soleil ce terrible enseignement, mais si vous doutez vous même de votre oeuvre, si vous ne croyez point à l'efficacité de l'appareil du sens, pourquoi n'accordez vous pas à l'humanité une satisfaction entière? (Спасовичъ, Учебникъ уголовного права § 66).

Статья 15. „Приговоренные на срокъ свыше шести лѣтъ, по отбытіи заточенія, поселяются въ отведенныхъ для того мѣстностяхъ“.

Такъ какъ заточеніе будетъ назначаться за такіа преступления, которыя не указываютъ на позорный или безчестный характеръ лицъ, ихъ совершившихъ, и будетъ отбываться въ custodia honesta, то не слѣдовало бы соединять это наказаніе съ удаленіемъ виновнаго изъ общества.

Статья 17. „Приговоренные (къ исправительному дому) содержатся первые шесть мѣсяцевъ въ одиночномъ заключеніи“.

Одиночное заключеніе несоотвѣтствуетъ характеру нашего народа.

Слѣдовало бы ограничить одиночное заключеніе шестью недѣлями.

„Одна треть чистаго дохода отъ работъ обращается въ пользу заключенныхъ“.

Слѣдовало бы сказать: „...отъ работъ заключенныхъ обращается въ ихъ пользу“, а то можно подумать, что въ пользу заключенныхъ вообще, т. е. мѣсть заключенія.

Статья 18. „Приговоренные (къ тюрьмѣ) содержатся въ одиночномъ заключеніи, но при удостовѣреніи врача объ опасности одиночнаго содержанія для здоровья заключеннаго, управленію тюрьмы предоставляется право содержать его временно *съ другими* заключенными“.

Во первыхъ, съ какими другими, если всѣ будутъ содержаться въ одиночномъ заключеніи и если такое удостовѣреніе будетъ только объ одномъ?

Во вторыхъ, тюрьма есть меньшее наказаніе, чѣмъ исправительный домъ, а между тѣмъ въ послѣднемъ одиночное заключеніе будетъ продолжаться только шесть мѣсяцевъ, а въ тюрьмѣ оно можетъ продолжаться годъ или два. Такимъ образомъ уменьшеніе наказанія можетъ повести къ отягощенію участи преступника. Въ тюрьмѣ одиночное заключеніе должно бы продолжаться не болѣе мѣсяца.

Статья 21. „Находящіеся на поселеніи.. могутъ получить... разрѣшеніе оставить обязательное для нихъ мѣстопробываніе“.

Слѣдуетъ добавить: „и имъ можетъ быть дозволено возвращеніе въ Европейскую Россію“.

Это весьма важное нововведеніе слѣдуетъ побольше отгѣлнить, яснѣе выразить, такъ сказать, подчеркнуть, иначе оно останется мертвою буквою.

Статья 22. Мы не видимъ причины, почему условное досрочное освобожденіе не допущено для приговоренныхъ къ тюрьмѣ, напр. на срокъ свыше полугода?

Статья 23. „Уплата денежной пени можетъ быть отсрочена или разсрочена....“ Слѣдуетъ прибавить: „судомъ“,

иначе можно подумать, что это право принадлежит органам, исполняющим приговоръ.

Статья 32. „Отъ поднадзорнаго отбирается.... заявленіе о мѣстѣ, въ которомъ онъ предполагаетъ жительство. Въ случаѣ уклоненія поднадзорнаго отъ такого заявленія....“

Слово „поднадзорнаго“ слѣдуетъ замѣнить словами: „подлежащаго надзору“, такъ какъ надзоръ учреждается лишь по освобожденіи изъ заключенія.

„Поднадзорному при освобожденіи изъ заключенія выдается путевой билетъ...“

Слѣдуетъ обозначить, кѣмъ изготовляется такой билетъ и что неизготовленіе онаго не можетъ служить причиною къ задержанію отбывшаго наказаніе, послѣ срока его заключенія.

„Переѣздъ въ другое мѣсто жительства или временная отлучка могутъ быть разрѣшены высшею губернской властью“.

При дальности нашихъ разстояній и неудовлетворительности въ отдаленныхъ губерніяхъ путей сообщенія, слѣдовало бы допустить разрѣшеніе поднадзорнымъ временныхъ отлучекъ мѣстной полицейскою властью.

Статья 36. Въ объясненіи къ этой статьѣ сказано:

„Наличность разумѣнія обусловливаетъ примѣненіе къ виновному глухонѣмому наказанія, въ законѣ назначеннаго.... Подвергать... глухонѣмыхъ тѣмъ же наказаніямъ, какія назначаются для несовершеннолѣтнихъ... не представляется достаточно оснований“.

Мы, напротивъ, находимъ болѣе справедливымъ постановленіе бельгійскаго кодекса 1867 года, по которому относительно глухонѣмыхъ каждый разъ должно ставить вопросъ о разумѣніи и при утвердительномъ отвѣтѣ на него примѣнять къ нимъ тѣ же наказанія, какъ и къ несовершеннолѣтнимъ.

Глухонѣмому недоступенъ міръ звуковъ, онъ не знаетъ „могущества пѣснопѣнія“, ему непонятенъ языкъ чувства и поэтому онъ никогда не можетъ проникнуть въ чужую душу, не можетъ постичь и своей:

„Die Seele spricht mir Polyhymnia aus“.

Не понимая человѣческой души, онъ не можетъ любить человѣка, не можетъ питать жалости къ нему. Вслѣдствіе своего недостатка и негуманнаго отношенія людей, въ особенности дѣтей, къ обиженнымъ природой существамъ, онъ скрытенъ, раздражителенъ, золъ. Эти качества онъ, впрочемъ, раздѣляетъ съ другими уродами, на примѣръ съ горбатыми, которые поэтому также должны вызывать снисхожденіе судьи. Но для горбатаго достаточно уменьшенія наказанія въ порядѣ, установленномъ ст. 53 проекта, при правѣ судьи усматривать смягчающія вину обстоятельства въ личности подсудимаго. Для глухонѣмаго же такого уменьшенія наказанія недостаточно. Какъ бы онъ ни былъ развитъ, даже еслибъ онъ лишился слуха уже въ зрѣломъ возрастѣ, онъ совершаетъ преступленіе не при тѣхъ условіяхъ, при которыхъ совершаетъ таковое человѣкъ, обладающій всѣми пятью чувствами. При убійствѣ, можетъ быть мольбы жертвы, ея крики отчаянія, заставили бы его почувствовать жалость и недовершить преступленія, но онъ не слышитъ никакой мольбы, никакихъ криковъ и совершаетъ преступленіе. При кражѣ, можетъ быть какой нибудь шорохъ заставилъ бы его обратиться въ бѣгство, ничего не похитивъ; благодаря своему недостатку онъ совершаетъ кражу.

При обсужденіи этого вопроса мы, такъ же какъ и въ вопросѣ о смертной казни, избѣгаемъ приводить въ пользу нашего мнѣнія доводы, уже исчерпанные литературой. Но не можемъ здѣсь не указать, въ подтвержденіе нашего мнѣнія, на авторитетъ *профессора Таганцева*, который, въ своемъ курсѣ русскаго уголовного права (§ 70), признаетъ вышеприведенную, рекомендуемую нами, систему бельгійскаго кодекса „совершенно правильно“.

Статья 37. Въ этой статьѣ слѣдуетъ постановить, что малолѣтніе, недостигшіе десяти лѣтъ, вовсе не судятся. По буквальному смыслу этой статьи можетъ быть привлеченъ къ суду грудной младенецъ!

Статья 38. Эту статью слѣдовало бы помѣстить въ главѣ шестой, о замѣнѣ и смягченіи наказаній. Непонятно, почему о замѣнѣ наказаній малолѣтнему, отъ десяти до семнадцати лѣтъ, трактуется въ главѣ четвертой, замѣна же наказанія для несовершеннолѣтнихъ, отъ семнадцати до двадцати одного года, отнесена къ шестой главѣ.

„Малолѣтніе отъ десяти до семнадцати лѣтъ не подлежатъ.... въ тюрьмѣ они содержатся....“

Слѣдуетъ сказать: „учинившіе преступленіе въ возрастѣ отъ десяти до семнадцати лѣтъ не подлежатъ..... въ тюрьмѣ недостижшіе семнадцати лѣтъ содержатся....“

Статья 45. „Покушеніе почитается обстоятельствомъ уменьшающимъ наказаніе....“ Редакція неудачная! Подсудимый судится именно за покушеніе. Судимое дѣяніе не можетъ быть обстоятельствомъ, уменьшающимъ наказаніе. Слѣдовало бы выразиться, какъ выражаются мотивы: „Недовершеніе преступнаго дѣянія почитается....“

Статья 53, п. 1. „Если за судимое дѣяніе опредѣленъ низшій предѣлъ наказанія—(суду предоставляется) уменьшить наказаніе до низшаго, установленнаго закономъ размѣра онаго“.

Комиссія понимаетъ эту статью такъ, что если напр. въ законѣ, за какое либо дѣяніе пазначена каторга, не ниже 10 лѣтъ, то въ случаѣ наличности обстоятельствъ, уменьшающихъ виновность, судъ можетъ назначить каторгу до 5 лѣтъ; въ случаѣ назначенія въ законѣ тюрьмы не ниже 3-хъ мѣсяцевъ—тюрьму до 2-хъ недѣль.

Изъ редакціи закона такое толкованіе не слѣдуетъ и можно опасаться, что суды будутъ толковать этотъ законъ такъ, что если въ законѣ назначено наказаніе не ниже 10 лѣтъ каторги, то судъ и не можетъ назначить ниже 10 лѣтъ каторги. Слѣдовало бы этотъ законъ редактировать какъ нибудь иначе. Мы не предлагаемъ редакціи, потому что думаемъ, что 1 п. 53 ст. могъ бы быть опущенъ со всѣмъ а суду предоставлено, во всякомъ случаѣ, переходить

къ низшему роду наказанія въ порядкѣ, установленномъ 2 п. той же статьи.

Пунктъ 2. Почему отъ смертной казни можно перейти къ заточенію, а отъ каторги нельзя?

Выходитъ, что выгоднѣе судиться за дѣяніе, подвергающее смертной казни, чѣмъ за дѣяніе, обложенное безсрочной каторгой.

Статьи 56 и 58. Если при совокупности и въ особенности при повтореніи обнаруживается, что подсудимый обратилъ извѣстнаго рода преступную дѣятельность въ привычку или ремесло, то судъ долженъ бы имѣть право не только увеличивать размѣръ наказанія, но и переходить къ высшему роду наказаній, а при обращеніи въ ремесло кражи—назначить прямо поселеніе. При дѣйствующемъ уложеніи случается, что какой нибудь конокрадъ по ремеслу, судится въ третій или четвертый разъ; очевидно, что арестантскія отдѣленія дѣлаютъ его только безвреднымъ на время содержанія въ нихъ, исправить его они не могутъ; случается, что онъ самъ проситъ сослать его въ Сибирь, говоря, что здѣсь онъ не можетъ обратиться къ честной жизни, не находя, по выпускѣ изъ арестантскихъ отдѣленій, работы; но присяжные признаютъ его заслуживающимъ снисхожденія и судъ не можетъ назначить ему другаго наказанія, какъ тѣ же арестантскія отдѣленія, тогда какъ такой субъектъ долженъ быть какъ можно скорѣе удаленъ изъ общества. Было бы печально, если бы и при новомъ уложеніи судъ не былъ въ состояніи освобождать общество навсегда отъ завѣдомыхъ воровъ, въ особенности конокрадовъ по ремеслу. Пока судъ этой возможности имѣть не будетъ и не будетъ пользоваться ею въ широкихъ размѣрахъ, будутъ повторяться случаи жестокаго самосуда надъ конокрадами.

Статья 60. Эта статья вводитъ новый видъ давности, давность приговора. Намъ кажется, что это нововведеніе можетъ дать поводъ ко многимъ злоупотребленіямъ, къ умышленному со стороны подсудимаго затягиванію слѣдствія и суда. При слѣдствіи обвиняемый можетъ указывать на свидѣтелей, по обстоя-

тельствамъ существеннымъ, живущихъ въ одной изъ отдаленныхъ губерній; свидѣтеля тамъ не найдутъ; тогда подсудимый скажетъ, что освѣдомился, что свидѣтель этотъ живетъ въ противоположномъ концѣ Россіи. Такъ пройдутъ годы въ безплодной перепискѣ. Затѣмъ дѣло назначено къ слушанію въ судѣ. При легкости, съ какою у насъ врачи, даже слушающіе, выдаютъ свидѣтельства о болѣзни, подсудимый и благопріятствующіе ему свидѣтели могутъ не являться въ судъ безчисленное множество разъ, не рискуя подвергнуться послѣдствіямъ неявки безъ законныхъ причинъ. Такъ дѣло можетъ быть дотянуто до истеченія давности, особенно при нарушеніяхъ, при которыхъ для этого требуется истеченія только двухъ лѣтъ. Тутъ возможна прямая насмѣшка надъ правосудіемъ.

Статья 62 п. 1. „Если жалоба подана, *хотя и до наступленія срока давности*, но по истеченіи шести мѣсяцевъ.....“

Подчеркнутыя нами слова излишни.

Случается, что потерпѣвшій не подаетъ жалобы потому, что слѣдствіе возбуждено *ex officio*, напр. по обвиненію въ нанесеніи тяжкой раны; но присяжные признаютъ рану легкою, между тѣмъ потерпѣвшій уже пропустилъ срокъ для подачи жалобы. Для такихъ случаевъ нужно въ п. 1-му прибавить слова: „за исключеніемъ случая, когда слѣдствіе законно начато помимо жалобы“.

Статья 64. „Всемиловитѣйше даруемое общее помилованіе или смягченіе участи осужденныхъ распространяется лишь на преступныя дѣянія, въ манифестѣ означенныя“.

Это само собою разумѣется. Слова эти могутъ быть вычеркнуты изъ проекта.

„Право на вознагражденіе за вредъ и убытки, причиненные преступнымъ дѣяніемъ, непогашается помилованіемъ“..

Слѣдуетъ добавить: „и подлежитъ дѣйствію давности, гражданскими законами установленной“. А то можетъ возникнуть сомнѣніе, подлежитъ ли это право дѣйствію давности, установленной уложеніемъ о наказаніяхъ, или же оно погашается давностью, установленною гражданскими законами.

О. Лихтенштадтъ.

II.

I. *Ст. 22.* Ст. 22 проекта общей части уложения вводит новое начало досрочного освобождения приговоренных къ исправительному дому преступниковъ, причемъ во второй части этой статьи указывается, что если освобожденные до истечения опредѣленнаго приговоромъ срока наказанія будутъ замѣчены въ нарушеніи особыхъ установленныхъ для нихъ правилъ, то они возвращаются въ мѣста заключенія и время пребыванія на свободѣ незасчитывается имъ въ срокъ наказанія. Соглашаясь вполне съ гуманнымъ началомъ, вводимымъ редакторами проекта, о возможности досрочного освобождения арестантовъ, я не могу признать правильной и цѣлесообразной вторую часть разбираемой статьи проекта. По моему мнѣнію, одно изъ двухъ: или арестантъ исправился, или нѣтъ; если арестантъ еще неполнѣ исправился, то не слѣдуетъ его освобождать до истечения срока назначеннаго ему по суду наказанія; если же тюремная администрація находитъ, что арестантъ настолько хорошаго поведения, что признается возможнымъ освобожденіе его до срока, то нѣтъ никакого основанія создавать для исправившагося преступника особое положеніе и ставить его въ полную зависимость отъ администраціи, такъ какъ за всякое новое преступленіе, которое могъ бы совершить освобожденный до срока преступникъ, онъ подлежитъ суду наравнѣ со всеми прочими свободными гражданами. Къ тому же въ проектѣ не указано вовсе, каковой власти предоставлено будетъ право разрѣшенія вопроса о нарушеніи освобождаемыми арестантами установленныхъ для нихъ правилъ; если подобное право будетъ предоставлено администраціи, то неизбѣжнымъ по-

слѣдствіемъ такого порядка вещей будетъ полный произволъ низшихъ полицейскихъ должностныхъ лицъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что высшая полицейская власть не имѣетъ никакой физической возможности знать о поведеніи освобождаемыхъ арестантовъ, принадлежащихъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, къ самому низшему слою общества; такимъ образомъ, аттестація въ поведеніи освобождаемыхъ арестантовъ будетъ вполне зависѣть отъ урядниковъ и околадочныхъ надзирателей; между тѣмъ намъ всѣмъ извѣстны нравственныя качества этихъ низшихъ полицейскихъ должностныхъ лицъ. Освобожденный до срока арестантъ, поставленный въ полную зависимость отъ урядника, для достиженія хоть сколько нибудь сноснаго положенія, долженъ сдѣлаться рабомъ этого урядника, а такія отношенія, въ которыя ставитъ законодатель двухъ лицъ, неминуемо должны дѣйствовать самымъ развращающимъ образомъ на обѣ стороны. Законодатель долженъ стремиться не къ созданію такихъ щекотливыхъ положеній, а напротивъ, къ устраненію ихъ и къ поставленію всѣхъ свободныхъ гражданъ въ зависимость отъ равнаго для всѣхъ и нелицепріятнаго суда. Такимъ образомъ, если будетъ сохранена вторая часть 22 ст. проекта, то арестантъ, заслужившій хорошимъ поведеніемъ освобожденіе до срока изъ мѣста заключенія, но несъумѣвшій послѣ освобожденія поладить съ урядникомъ, очутится въ гораздо худшемъ положеніи, нежели арестантъ дурнаго поведенія, такъ какъ можетъ случиться, что вслѣдствіе происковъ низшихъ полицейскихъ должностныхъ лицъ, первый долѣе будетъ находиться въ положеніи лица, отбывающаго наказаніе, нежели второй.

Въ мотивахъ къ разсматриваемой статьѣ проекта, редакторы не приводятъ соображеній, на основаніи которыхъ они пришли къ установленію въ новомъ законѣ правила о возможности прекращенія досрочнаго освобожденія, а ссылаются лишь на примѣры иностранныхъ государствъ; но приводимые редакторами примѣры не могутъ служить основаніемъ для примѣненія этого начала и у насъ, въ Россіи, такъ какъ положеніе полиціи за-границей имѣетъ мало общаго съ тѣмъ

положеніемъ, въ которомъ находятся русская полиція и администрація.

II. *Ст. 24.* Ст. 24 проекта говорить о замѣнѣ неуплаченной денежной пени арестомъ, причемъ установлено, что замѣна эта опредѣляется судомъ въ слѣдующей соразмѣрности: пеня до 25 рублей замѣняется арестомъ до одной недѣли; пеня отъ 25 до 100 рублей—арестомъ отъ одной недѣли до одного мѣсяца; пеня отъ 100 до 500 рублей—арестомъ отъ одного до двухъ мѣсяцевъ; пеня отъ 500 до 1000 рублей—арестомъ отъ двухъ до трехъ мѣсяцевъ; а пеня свыше 1000 рублей—арестомъ отъ трехъ до шести мѣсяцевъ. Подобные краткіе сроки ареста, по моему мнѣнію, будутъ служить прямымъ поощреніемъ къ совершенію тѣхъ нарушеній уставовъ казеннаго управленія, которыя влекутъ за собою большіе денежные штрафы. Въ пограничной полосѣ губерній Привислинскаго края, почти всѣ жители поголовно занимаются контрабандой и уменьшать сроки замѣняющихъ денежныхъ пеней наказаній, значило бы содѣйствовать еще большому развитію этого промысла, наносащаго существенный вредъ государственной казнѣ. Контрабандный промыселъ устроенъ такимъ образомъ, что лица состоятельныя, занимающіяся контрабандой, лишь издали наблюдаютъ за дѣйствіями лицъ, нанимаемыхъ ими для веденія этого промысла; самое же водвореніе контрабандныхъ товаровъ производится крестьянами-бобылями, неимѣющими никакого имущества и состоящими на жалованьи у болѣе богатыхъ людей. Такимъ образомъ, если замѣняющія денежные пени наказанія будутъ столь незначительны, какъ это предлагается редакторами проекта, то лица, ведущія контрабанду en gros, всегда въ состояніи будутъ вознаграждать тѣ наказанія, которымъ будутъ подвергаться ихъ агенты, а казна ни въ какомъ случаѣ не получитъ причитающейся ей денежной пени. Въ настоящее время, когда законодатель въ ст. 84 улож. о нак. и 1234 устава гражд. судопр. угрожаетъ лицу, водворяющему контрабанду на сумму болѣе 300 рублей, тюремнымъ заключеніемъ на время отъ шести мѣсяцевъ до пяти лѣтъ, бывають случаи, что

контрабандиры выдаютъ своихъ состоятельныхъ руководителей-хозяевъ и казна вознаграждаетъ хотя отчасти наносимый ей контрабандой матеріальный вредъ; съ принятіемъ-же предлагаемыхъ проектомъ замѣняющихъ наказаній, едва-ли будетъ хоть одинъ случай, когда контрабандиръ добровольно укажетъ хозяина водворяемыхъ товаровъ, такъ какъ угрожающее -ему наказание настолько слабо, что его легко перевести на деньги и даже на деньги, весьма небольшія. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ для крестьянина-бобыля что-либо значить, если его продержатъ мѣсяцъ подъ арестомъ, особенно въ зимнее время, когда никакихъ полевыхъ работъ нѣтъ; такое заключеніе ничего кромѣ выгоды принести ему не можетъ: онъ будетъ имѣть даровое помѣщеніе, его будутъ безмездно кормить, въ большей части случаевъ лучше, чѣмъ онъ привыкъ ѣсть и, наконецъ, онъ будетъ заниматься работами по своему выбору и чистый доходъ отъ этихъ работъ цѣлкомъ обращается въ его пользу (ст. 19 проекта). Но быть можетъ самолюбіе крестьянина будетъ страдать, если онъ будетъ содержаться подъ арестомъ, и ему будетъ стыдно передъ своими согражданами? Но какой-же стыдъ можетъ испытывать крестьянинъ, попавшій за водвореніе контрабанды подъ арестъ, если онъ знаетъ, что почти всѣ его однодеревенцы занимаются этимъ промысломъ, а въ самомъ арестѣ онъ встрѣтитъ другихъ своихъ однодеревенцевъ, которые ранѣе его туда попали. Наказаніе должно непремѣнно причинять извѣстную сумму страданія и соотвѣтствовать объему причиненнаго преступленіемъ вреда, въ противномъ случаѣ наказаніе никакой пользы приносить не будетъ, а государство будетъ нести совершенно непроизводительный расходъ на содержаніе мѣстъ заключенія. Высказанное редакторами проекта соображеніе, что примѣненіе тюремнаго заключенія къ нарушеніямъ уставовъ казеннаго управленія вызвало-бы очевидное несоотвѣтствіе между преступленіемъ и наказаніемъ, не можетъ быть признано правильнымъ, такъ какъ, напротивъ того, очевидно, что человѣкъ, похищающій хотя-бы изъ обитаемаго строенія какую-либо вещь, стоимостью въ 1 рубль,

причиняетъ менѣе вреда обществу, нежели тотъ человѣкъ, который по ремеслу занимается водвореніемъ контрабанды на значительныя суммы. Равнымъ образомъ, и для физической неприкосновенности гражданъ представляетъ несравненно большую опасность контрабандиръ, нежели похититель, ломающій замки. Опытъ указываетъ намъ, что контрабандиръ, для защиты водворяемой имъ контрабанды, рѣшается на самыя страшныя убійства и въ пограничной полосѣ иногда происходятъ настоящія сраженія между контрабандирами и таможенною стражей. Въ виду всего изложеннаго, я прихожу къ заключенію, что непредставляется достаточныхъ оснований къ отмѣнѣ ст. 84 дѣйствующаго нынѣ уложенія и къ замѣнѣ ея мягкими мѣрами, указанными въ ст. 24 проекта.

А. Эленбогенъ.

III.

Замѣчанія по 14, 19, 22, 23, 27, 31—32 ст. проекта уложенія о наказаніяхъ.

Проектъ общей части новаго уложенія о наказаніяхъ подвергся уже столь тщательному и всестороннему разсмотрѣнію и въ имперіи и за границею, что, во избѣжаніе повтореній, я рѣшился остановиться исключительно на той формѣ вопроса, на которую меньше всего обращено было вниманіе, а именно: разсмотрѣть подлежащія статьи проекта уложенія съ точки зрѣнія исполненія наказаній, тѣмъ болѣе, что правильное ихъ разрѣшеніе предрѣшаетъ, по нашему мнѣнію, окончательные результаты практическаго осуществленія уложенія о наказаніяхъ въ общественномъ быту.

Къ ст. 14—19. Признавая основательность взгляда комисіи, что въ уложеніи должна быть означена только юридическая сущность каждаго изъ видовъ наказанія лишеніемъ свободы, не могу не обратить вниманія на указаные ею существенные элементы, а именно:

- 1) Обязательность работъ.
- 2) Ихъ публичность.
- и 3) Размѣръ вознагражденія.

ад. 1) Въ основаніе системы наказаній лишеніемъ свободы, совершенно справедливо положено стремленіе къ исправленію преступниковъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что одно изъ самыхъ важныхъ средствъ къ осуществленію этого стремленія, составляетъ *правильно организованный, полезный вообще и для арестанта посильный, осмысленный трудъ*. Сообразуясь съ видами этихъ наказаній, можно уступить трудъ двумя призаками: тяжестью и обязательностью работъ.

Тяжесть работъ зависитъ отъ самыхъ разнообразныхъ условій, между которыми и индивидуальность работника немаловажна, а потому уступить тюремный трудъ, по тяжести, нельзя въ уложеніи, но только въ надлежащихъ законоположеніяхъ, ограничиваясь въ уложеніи указаніемъ, что на каторгѣ работы должны быть тяжелыя, какъ это сдѣлалъ проектъ въ ст. 14.

Обязательность работъ исключаетъ уступленіе, ибо дозволяетъ предполагать только: исключеніе обязательности работъ, т. е. возможность ничего не дѣлать,—или разрѣшеніе заниматься работами по собственному выбору арестанта, насколько, естественно, выборъ его не противорѣчитъ тюремной дисциплинѣ,—или, наконецъ, обязательность работъ по назначенію администраціи, въ нѣкоторые или всѣ будничные дни. *Первое* предположеніе совершенно противно пенитенціарной системѣ, въ настоящемъ ея значеніи, и допустимо въ благоустроенныхъ тюрьмахъ единственно въ отношеніи столь краткосрочнаго заключенія, что и само пристроеніе заключеннаго къ работѣ оказывается едва возможнымъ. Крайнимъ предѣломъ для исключенія обязательности работъ, съ нашей точки зрѣнія, слѣдовало бы назначить трехдневное заключеніе. *Второе* предположеніе свойственно только краткосрочнымъ тюрьмамъ, при нестрогомъ въ нихъ режимѣ, и потому можетъ быть осуществимо, согласно проекту, въ арестахъ. Во всѣхъ-же прочихъ видахъ наказанія лишеніемъ свободы, необходимо при-

мѣнять послѣднее предположеніе, уступенія работы ихъ тяжестью и продолжительностью. Такъ какъ трудъ составляетъ одно изъ самыхъ важныхъ средствъ воздѣйствія на арестанта, то ограниченіе работъ только нѣкоторыми днями въ недѣлѣ не можетъ быть оправдано съ точки зрѣнія пенитенціарной системы, а потому и примѣняемо внѣ нисшихъ видовъ наказанія лишеніемъ свободы.

Вслѣдствіи того для насъ непонятно, отчего проектъ въ 15 ст. предполагаетъ дозволить заточеннымъ на срокъ не свыше шести лѣтъ, заниматься работами по ихъ выбору. Указанія въ объяснительной запискѣ (стр. 62) не содержатъ никакого оправданія этого отступленія отъ общихъ началъ, и если бы даже заточеніе признавалось наказаніемъ параллельнымъ съ каторгою, исправительнымъ домомъ и тюрьмою, то и тогда работы заточенныхъ должны быть обязательны, такъ какъ работы по выбору допускаются только при заключеніи въ арестѣ. Безчестность или небезчестность проступка виновнаго не можетъ тоже имѣть вліянія на обязательность работъ, развѣ лишь на родъ работъ, но назначеніе послѣдняго зависитъ отъ администраціи, съ единственнымъ ограниченіемъ, что работы эти не должны быть тяжкія. — Если же проектъ имѣлъ въ виду особые виды преступленій и желалъ въ заточеніи на срокъ съ 2-хъ недѣль до шести лѣтъ, видѣть исключительный видъ наказанія, то онъ долженъ былъ выдѣлить оное совершенно, а самое заключеніе на срокъ не свыше шести лѣтъ опредѣлить яснѣе и точнѣе.

ад. 2) Общественныя работы, внѣ тюремнаго помѣщенія, возможны и полезны только въ каторжныхъ тюрьмахъ, которыя предполагаются въ пустопорожнихъ, ненаселенныхъ пространствахъ, и потому, въ виду ссылки въ объяснительной запискѣ (стр. 65) на журналъ комисіи государственнаго совѣта (№ 3 стр. 20), непонятно, отчего проектъ ст. 17 предполагаетъ занимать приговоренныхъ къ заключенію въ исправительномъ домѣ общественными работами внѣ помѣщенія. Если имѣются въ виду работы земледѣльскія или огородныя и въ устроенныхъ для этого фермахъ, что по

нашему мнѣнію (въ виду многочисленности крестьянскаго населенія въ тюрьмахъ; малаго, вообще, подготовленія въ рациональному веденію хлѣбопашества; легкости и дешевизны устройства земледѣльческихъ и огородничьихъ фермъ; сбереженій на содержаніе арестантовъ, доставляющихъ своимъ трудомъ значительную долю продовольствія на свое содержаніе, — и преимущественно въ виду весьма исправительнаго вліянія осмысленнаго веденія такихъ работъ и самыхъ лучшихъ гигиеническихъ условий, какія онѣ доставляютъ), не только въ высшей степени желательно, но и необходимо, — то общественныхъ работахъ не должно быть рѣчи. Если-же предполагаются дѣйствительно общественныя работы, то для насъ непонятно, какимъ образомъ при оныхъ можетъ быть преслѣдуема цѣль исправленія, а она, однаго, лежитъ въ основаніи системы наказаній, опредѣленной въ проектѣ.

Вслѣдствіе того, мы бы полагали, что въ 17 ст. проекта слова: „Приговоренные занимаются работами въ самомъ помѣщеніи, а лица мужескаго пола и общественными работами, внѣ помѣщенія, но во всякомъ случаѣ отдѣльно отъ свободныхъ рабочихъ“, должны быть замѣнены словами:

„Приговоренные занимаются работами въ самомъ помѣщеніи или въ устроенныхъ для сего фермахъ“.

ад. 3) Вопросъ о томъ, имѣетъ-ли арестантъ право на вознагражденіе за свой трудъ во время пребыванія въ тюрьмѣ, можетъ быть рѣшаемъ различно. Руководствуясь общимъ экономическимъ началомъ, что трудъ вознаграждается, можно-бы полагать, что и трудящійся арестантъ имѣетъ право на заработокъ. Соображая однаго, что наказаніе есть лишеніе или ограниченіе извѣстныхъ правъ, въ которыхъ можетъ быть отнесено и право на заработки; что зарабатывающій на свободѣ долженъ на свои заработки содержаться, между тѣмъ арестантъ получаетъ полное содержаніе на счетъ казны, и потому справедливо, чтобы онъ своимъ трудомъ покрывалъ хотя часть издержекъ на свое содержаніе въ тюрьмѣ; что тюремный трудъ и тюремное производство всегда оплачи-

вается несравненно дешевле, чѣмъ производство свободное, и по затрудненію сбыта, издержкамъ на транспортъ и пр. приносить очень незначительный чистый доходъ; что много исполняемыхъ арестантами въ тюрьмахъ работъ не можетъ быть рассчитано на чистый личный доходъ и вообще чистый доходъ можетъ быть получаемъ только отъ проданныхъ издѣлій арестантовъ; что расчетъ чистаго дохода, получаемаго отъ труда каждаго арестанта, вызываетъ весьма сложное счетоводство, которое указываетъ или самую ничтожную сумму заработковъ, или-же обременяетъ тюремное производство новыми издержками; соображая, наконецъ, что такой расчетъ вызываетъ постоянныя недоразумѣнія между арестантами и производящею расчетъ администраціею, и подрываетъ то довѣріе, которое является самымъ первымъ условіемъ нравственнаго вліянія тюремной администраціи на арестантовъ, — вопрошь этотъ слѣдуетъ рѣшить отрицательно.

Отказавшись отъ выдачи арестантамъ заработковъ полностью или въ извѣстной долѣ, мы не только не отрицаемъ, но даже считаемъ необходимымъ выдавать арестантамъ *денежныя награды* за ихъ трудъ, обуславливая оныя хорошимъ поведеніемъ. Такія награды имѣютъ двойную цѣль:

а) дать арестанту возможность собрать во время пребыванія въ тюрьмѣ хотя незначительную сумму на первыя потребности послѣ оставленія тюрьмы, до пріисканія подходящаго заработка;

в) весьма существенное пенитенціарное средство для поощренія въ трудолюбію и хорошему поведенію.

Денежныя награды устраняютъ всѣ практическія затрудненія при расчетѣ и опредѣленіи заработковъ; могутъ быть уступены не только сообразно продуктивной силѣ арестанта, но и другимъ пенитенціарнымъ условіямъ и указаніямъ; при правильномъ веденіи тюремной продукціи не обременять бюджета казны, а могутъ доставлять арестантамъ:

а) возможность помогать своей семьѣ, оставшейся на свободѣ;

б) собрать необходимую на первых порахъ, послѣ выпущенія изъ тюрьмы, сумму для пріисканія мѣста или, вообще, средствъ къ существованію.

Вслѣдствіе сказаннаго, мы бы полагали, что вопросъ о вознагражденіи за трудъ арестантовъ долженъ быть вполне исключенъ изъ уложенія, а разработанъ какъ одно изъ пенитенціарныхъ средствъ награжденія за трудъ и хорошее поведеніе арестантовъ—въ тюремномъ уставѣ.

Во всякомъ случаѣ, мы думаемъ, что выраженіе: „чистаго дохода отъ работъ“, причинить неимовѣрныя затрудненія на практикѣ, заведетъ громадное счетоводство, постоянныя недоразумѣнія между арестантами и производящими расчетъ, и, во многихъ случаяхъ, лишитъ возможности достигнуть указанныхъ выше цѣли выдачи денежныхъ наградъ, преимущественно первой. Кромѣ того, выраженіе „чистый доходъ“ неясно; имѣется-ли въ виду вычетъ изъ полученной за продукты суммы только стоимости матеріала и порчи употребленныхъ для выдѣлки инструментовъ, или и подходящую долю содержанія веркфюрера, или же и содержаніе работника, и въ какомъ объемѣ?

Становясь на почву проекта, для насъ непонятно: отчего заточенные на срокъ не свыше шести лѣтъ, паравнѣ съ содержимыми подъ арестомъ, должны получать полный чистый доходъ отъ ихъ работъ, заточенные на срокъ свыше 6 лѣтъ— $\frac{2}{3}$ дохода, заключенные въ тюрьмѣ только — $\frac{1}{2}$, въ исправительномъ домѣ только — $\frac{1}{3}$, а каторжники не должны получать ничего? Если заточеніе, по словамъ объяснительной записки, является наказаніемъ, параллельнымъ съ каторгою, исправительнымъ домомъ и тюрьмою, то и вознагражденіе за трудъ должно быть тоже соразмѣрное. Столь значительная привиллегія заточенныхъ, даже приговоренныхъ на срокъ свыше 6 лѣтъ, въ сравненіи съ заключенными въ тюрьмѣ и съ каторжниками, не можетъ быть оправдана; — облегчать же строгость наказанія долею признаваемого заработка, нѣтъ никакой возможности.

Мы полагаемъ, что вознагражденіе за трудъ вообще, оставляя въ сторонѣ требованія пенитенціарной системы, должно сообразоваться:

а) съ производительностью работъ;

б) съ потребностями выходящаго изъ тюремнаго заключенія, вызываемыми затрудненіями въ его общественномъ положеніи, вслѣдствіе того, что онъ отбылъ извѣстнаго рода наказаніе;

в) съ продолжительностью заключенія;

г) со строгостью наказанія.

Итогъ этихъ условій долженъ состоять въ предоставленіи возможности трудолюбивому арестанту получить при выходѣ изъ тюрьмы соотвѣтственную сумму на первыя его потребности, а при долгосрочномъ заключеніи и на обзаведеніе себя на свободѣ такъ, дабы онъ честнымъ трудомъ могъ зарабатывать на свое содержаніе. Опредѣлить подробности надлежаще можно только въ тюремномъ уставѣ; если же было-бы признано необходимымъ поставить норму въ самомъ уложеніи, то, выражая полную сумму въ 1, слѣдовало бы содержаниемъ въ арестѣ, въ виду краткосрочности, признать 1, содержаниемъ въ тюрьмѣ и заточеніи до 2-хъ лѣтъ — $\frac{1}{2}$, содержаниемъ въ исправительномъ домѣ и заточеніи до 6 лѣтъ — $\frac{1}{3}$, содержаниемъ въ заточеніи свыше шести лѣтъ — $\frac{1}{4}$, а каторжникамъ — $\frac{1}{6}$.

Лишеніе каторжниковъ права на заработки, или, по нашему мнѣнію, на денежныя награды, въ виду признанія этого права за другими осужденными, для насъ вполнѣ непонятно. Въ объяснительной запискѣ (стр. 62) говорится объ обзаведеніи поселяемымъ каторжниковъ; признается, вслѣдствіи того, необходимымъ дать имъ возможность существованія по отбытіи наказанія на каторгѣ. Не правильнѣе-ли, признавая за ними, наравнѣ съ другими, право на заработки, (мы всегда даемъ преимущество денежнымъ наградамъ), обезпечить имъ возможность обзавестись послѣ отбытія каторги на свои мѣдные гроши; вѣдь это сильно подѣйствуетъ на ихъ нравственное исправленіе, освободить казну отъ большей части произ-

водительныхъ издержекъ, а обществу доставить людей, которые будутъ содержаться на свои сбереженія и свой трудъ, а не на подаванія, хотя-бы и казенныя. Обзаведеніе, о которомъ идетъ рѣчь въ объяснительной запискѣ, могло-бы быть необходимымъ только въ отношеніи престарѣлыхъ, больныхъ и, вообще, тѣхъ, которые не были въ состояніи скопить достаточной суммы сбереженій.

Къ ст. 22. Не подлежитъ сомнѣнію, что къ существеннымъ условіямъ надлежащей пенитенціарной системы принадлежитъ *условное освобожденіе*, какъ самое сильное побужденіе вести себя порочно въ тюрьмѣ, и лучшая гарантія для общественной безопасности въ томъ, что выпускаемые изъ тюрьмы, въ дѣйствительности, могутъ быть безопасно принимаемы въ общественную среду. Изъ объяснительной записки (стр. 73) видно, что редакторы проекта вполне сознавали значеніе условнаго освобожденія, и потому непонятно, отчего срокъ заключенія можетъ быть сокращаемъ только приговореннымъ къ исправительному дому на срокъ свыше трехъ лѣтъ.

Нельзя отрицать, что между лишаемыми свободы есть не мало личностей, не испорченныхъ нравственно и не требующихъ особыхъ мѣръ исправленія. Они содержатся въ тюрьмѣ для отбытія наказанія, но возвратъ ихъ въ общественную среду не представляетъ ни для нихъ, ни для общества никакой опасности. Разузнать такихъ лицъ при надлежащемъ наблюденіи можетъ только тюремная администрація, суду же очень рѣдко удастся имѣть въ виду это обстоятельство при рѣшеніи дѣла, и вслѣдствіи того сообразно опредѣлить мѣру наказанія. Кромѣ того срокъ для исправленія нуждающихся въ ономъ не можетъ быть однообразенъ, и видоизмѣняется до безконечности. Несомнѣнно только то, что для надлежащаго разузнанія личности арестанта и правильной оцѣнки его характера и нравственности, для самой даже лучшей тюремной администраціи необходимо болѣе продолжительное время. Въ виду этого мы - бы полагаемъ, что основаніемъ, по которому можно рѣшить вопросъ о крайнемъ срокѣ, съ котораго можетъ начаться прижизненіе условнаго освобожденія

нія, должно служить соображеніе, въ какой срокъ администрація тюрьмы можетъ надлежаще ознакомиться съ личностью арестанта. Намъ кажется, что одинъ годъ является совершенно удовлетворительнымъ для этой цѣли временемъ, имѣя всегда въ виду что есть субъекты, которыхъ надлежаще извѣстными доселѣ средствами вовсе нельзя разузнать. И потому мы-бы полагали, что въ ст. 22 выраженіе: „на срокъ свыше трехъ мѣтъ“ слѣдовало-бы замѣнить словами: „на срокъ свыше полутора года.“

Имѣя въ виду новизну вводимого учрежденія, желательно было-бы, до проверки результатовъ опыта, обставить осуществленіе ея требованіемъ строго мотивированныхъ ходатайствъ тюремнаго начальства объ условномъ освобожденіи и разборчивостью и особннымъ вниманіемъ главнаго тюремнаго комитета при разсмотрѣніи и опредѣленіи о такихъ ходатайствахъ.

Къ ст. 23. Опредѣленіе минимума денежной пени въ 50 коп. можетъ быть оправдано только тѣмъ, что предполагается разсрочка уплаты, но и такъ такое ограниченіе власти суда крайне нежелательно тѣмъ болѣе, что указанный минимумъ въ извѣстныхъ случаяхъ, при маловажныхъ нарушеніяхъ, можетъ оказаться слишкомъ высокимъ и несоответствующимъ винѣ въ особенности бѣдныхъ людей, приговариваемыхъ за маловажныя нарушенія.

Къ ст. 27. Признавая вполне цѣлесообразною и правильною постановку вопроса о лишеніи правъ, мы не можемъ не обратить вниманія на недоразумѣнія, могущія встрѣтиться по поводу редакціи п. п. 2 и 5. По 2 пункту рождается вопросъ: лишеніе права поступать на государственную службу распространяется-ли и на службу по вольному найму или нѣтъ? А по 5 пункту—лишеніе права быть опекуномъ или попечителемъ распространяется-ли и на собственныхъ дѣтей, а также на право быть членомъ семейнаго совѣта?

Такъ какъ поразженіе правъ относится къ сферѣ, предполагающей особое довѣріе, то, по нашему мнѣнію, по 5 пункту слѣдовало-бы расширить редакцію на исключеніе

и собственныхъ дѣтей; соображая-же, что отбывшему наказанію и такъ очень трудно снискать себѣ средства къ существованію и содержаться на свои заработки, что исполненіе обязанностей, возлагаемыхъ на вольнонаемныхъ, обыкновенно не требуетъ особеннаго къ нимъ довѣрія, и что выборъ вольнонаемныхъ всетаки зависитъ отъ непосредственнаго ихъ начальства, мы-бы полагали, что редакцію 2 пун. слѣдовало-бы сѣзуть, не лишая и эту категорію лицъ права искать мѣстъ по вольному найму, даже въ государственныхъ учрежденіяхъ.

Къ ст. 31—32. Противъ полицейскаго надзора, въ настоящемъ его значеніи, столько уже сказано, практика доказала такъ рельефно его полную бесполезность и вредность, что нельзя не удивиться, встрѣтивъ этотъ надзоръ въ проектѣ. Разсмотрѣвъ, однако, ближе статьи проекта, касающіяся этого вопроса, оказывается, что отъ нынѣшняго полицейскаго надзора въ проектѣ, къ счастью, осталось одно только названіе. Въ виду этого рождается, прежде всего, вопросъ: нельзя-ли-бы освободиться и отъ самаго названія столь порицаемаго учрежденія, и, видоизмѣняя содержаніе, нельзя-ли перемѣнить и самое названіе? Вопросъ этотъ кажется только формальнымъ, но въ житейскихъ отношеніяхъ онъ играетъ немаловажную роль, такъ какъ общество, въ которомъ отбывшій наказаніе долженъ пріискать себѣ мѣсто и средства существованія, нескоро усвоить себѣ то различіе, которое является между теперешнимъ и проектированнымъ полицейскимъ надзоромъ, что, въ свою очередь, отзовется самыми плачевными результатами и на самомъ обществѣ и на отбывшихъ наказаніе.

Мѣры, указанныя въ 32 ст., въ случаѣ учрежденія надзора въ силу 31 ст., по объяснительной запискѣ (стр. 98) имѣютъ цѣлью общественную безопасность, съ тѣмъ однако, чтобы и интересы поднадзорнаго не были оставлены безъ вниманія. Коммисія, справедливо, эти послѣдніе интересы желаетъ возложить на особые учрежденія, а именно: общества

попеченія о выпущенныхъ изъ мѣстъ заключенія, но эти общества могутъ правильно дѣйствовать въ томъ только случаѣ, когда всякіе слѣды полицейскаго надзора надъ покровительствуемыми, отбывшими наказаніе, исчезнуть, или, точнѣе высказавъ, когда примѣненіе и исполненіе полицейскаго надзора предоставится правленіямъ этихъ обществъ. Въ виду сего, учрежденіе надзора должно послѣдовать по выслушаніи заключенія правленія патронатства, если отбывающій наказаніе объявилъ желаніе подвергнуться его покровительству и общество приняло его подъ свою опеку; во всякомъ случаѣ, права и обязанности по надзору должны быть переносимы на правленіе общества патронатства, въ каждомъ случаѣ, если поднадзорный состоитъ подъ опекою общества патронатства. Не подлежитъ сомнѣнію, что полицейскій надзоръ составлялъ доселѣ одно изъ самыхъ важныхъ препятствій для возникновенія и надлежащаго развитія обществъ патронатства, а также, что безъ учрежденія такихъ обществъ, у отбывшихъ наказаніе нескоро будутъ средства добиться возможности пріискать себѣ подходящія мѣста и сдѣлаться честными тружениками въ общественномъ быту. Такъ какъ достиженіе послѣдней цѣли для общественной безопасности необходимо, такъ какъ самое лучшее даже устройство тюремъ не принесетъ ожидаемыхъ результатовъ, если отбывшій наказаніе встрѣчаетъ на свободѣ непреодолимые препятствія для честнаго труда и достаточнаго заработка на свое содержаніе, то необходимо устранить эти препятствія возникновенія обществъ патронатства, и, по возможности, облегчить отбывшимъ наказаніе пріисканіе себѣ средствъ честнымъ трудомъ зарабатывать на свое содержаніе, что, въ нѣкоторой мѣрѣ, можетъ быть достигнуто указанными выше способами. Предоставленіе-же указанныхъ правъ обществамъ патронатствъ, не представляетъ ни затрудненій, ни опасностей, ибо заслушаніе заключенія правленія общества высшею губернскою властью, вмѣстѣ съ мнѣніемъ мѣстнаго тюремнаго управленія, незатруднительно, а представители обще-

ства патронатства, управляющіе его дѣлами, исполнѣ достаточно гарантируютъ правильное исполненіе правъ и обязанностей по надзору.

В. Микляшевскій.

(Проф. имп. варш. университета)

**КРАТКІЯ ЗАМѢЧАНІЯ НА ПРОЕКТЪ ОБЩЕЙ ЧАСТИ
РУССКАГО УГОЛОВНАГО УЛОЖЕНІЯ ¹⁾.**

§ 1.

Такъ какъ въ этой статьѣ вовсе не имѣется въ виду устранить всѣ спеціальныя карательныя законы прошедшаго и будущаго, то она представляется слишкомъ узкою. Слѣдовало бы сказать приблизительно такъ: „Никто не можетъ быть наказанъ за дѣяніе и т. д. Равнымъ образомъ никто не долженъ быть приговариваемъ за дѣяніе, воспрещенное этимъ уложеніемъ, къ наказанію иному, чѣмъ то, которое въ немъ установлено“.

¹⁾ Замячанія эти, при нижеслѣдующемъ письмѣ, адресованы на имя члена редакціонной комисіи Николая Степановича Таганцева, какъ составителя проекта общей части новаго уголовнаго уложенія, и сообщены послѣднимъ, съ согласія автора, въ переводѣ С. М. Латышева.

Мюнхень, 22 января 1883 г.

Многоуважаемый Коллега.

Примите мою глубокую благодарность за сообщеніе проекта общей части русскаго уголовнаго уложенія съ относящимися къ нему мотивами. Съ живымъ интересомъ ознакомился я съ этими работами. Я не опасаясь встрѣтить съ чьей либо стороны противорѣчія, утверждая, что мотивы къ проекту представляютъ замѣчательную по ясности, опредѣлительности и основательности работу; подобный трудъ можетъ лишь возвысить уваженіе къ представителямъ науки уголовнаго права въ Россіи. Немногіе юристы западной Европы могли бы ожидать, что у васъ въ настоящее время могъ быть выработанъ проектъ въ такой степени, какъ вашъ, свободный отъ всякаго пристрастнаго отношенія и предвзятыхъ идей, тѣмъ болѣе, что невозможно отрицать того, что неблагоприятныя условія, возрастаніе преступленій, разгорѣвшіяся политическія страсти и взаимная ненависть національныхъ контрастовъ, значительно поколебали у васъ традиціи гуманности въ области уголовнаго права.

Охотно исполняя желаніе вашей комисіи, я представляю на ваше обсужденіе нѣкоторыя свои критическія замѣчанія. Я однако напередъ оговариваюсь, что постараюсь во всѣхъ отношеніяхъ соблюдать умеренность. Я намѣренъ, прежде

ст. 6.

Пунктъ 1-й я предложил бы измѣнить въ томъ смыслѣ, что законъ не распространяется не только на уголовныя дѣянія, учиненныя въ Финляндіи, но и на тѣ также, которыя подлежатъ сужденію въ Финляндіи, что напр. имѣтъ практическое значеніе, если финляндецъ совершаетъ преступленіе въ заграницію и затѣмъ возвращается въ Финляндію. Теперь же остается сомнительнымъ, какою законъ долженъ быть примѣненъ въ подобномъ случаѣ финляндскимъ судомъ.

Пунктъ 2. Было бы желательно внести въ проектъ постановленіе касательно того, должно ли обычное право инородцевъ получить примѣненіе, въ качествѣ личнаго права, только къ лицамъ, принадлежащимъ къ этимъ племенамъ, или же, въ территоріальномъ смыслѣ, и къ русскимъ и европейцамъ, проѣзжающимъ чрезъ мѣстности, на селенныя инородцами.

ст. 10.

Статью эту слѣдовало бы лучше перенести въ учрежденіе судебныхъ установленій или же въ законъ о введеніи въ

всего, выдѣлять изъ сферы моей критики троякаго рода предметы: Во 1-хъ, я долженъ принять въ соображеніе, что передо мной лежить переводъ; замѣчанія относительно текста и формулировки опредѣленій были бы поэтому совершенно безполезны. Во 2-хъ, не надо забывать того, что нѣкоторые постановленія проекта, напр. постановленія о ссылкѣ, какъ наказаніи, могутъ найти себѣ оправданіе въ тѣхъ особенныхъ условіяхъ, въ которыя поставлена Россія, тогда какъ въ примѣненіи къ западной Европѣ подобныя постановленія должны были бы вызвать возраженія. По этой причинѣ я воздержусь отъ выраженія своего мнѣнія по такимъ постановленіямъ вашего проекта, которыя, какъ я предполагаю, коренятся въ особенномъ характерѣ фактическихъ условій Россіи. Въ 3-хъ, я отказываюсь входить въ разсмотрѣніе такихъ спорныхъ вопросовъ, которые, судя по указаніямъ въ объяснительной запискѣ, были уже всесторонне разсмотрѣны комиссіею. Мои замѣчанія будутъ, слѣдовательно, касаться тѣхъ только мѣстъ проекта, содержаніе которыхъ могло бы въ послѣдствіи сдѣлаться предметомъ новаго обсужденія. Впрочемъ, я охотно готовъ, если того пожелаетъ комиссія, сообщить свое мнѣніе по отдѣльнымъ, точно сформулированнымъ вопросамъ. Само собою разумѣется, что я вамъ предоставляю дѣлать изъ моихъ замѣчаній какое угодно употребленіе, хотя бы даже вы приговорили ихъ къ ссылкѣ въ корзину для ненужныхъ бумагъ. Мною руководитъ единственно желаніе оказать услугу моему русскому собрату по профессіи, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, содѣйствовать дѣлу гуманнаго законодательства.

дѣйствіе новаго уложенія. Эвентуально, на случай сохраненія ея на этомъ мѣстѣ, слѣдовало бы указать:

1) которому изъ двухъ консуловъ,—консулу мѣстожителства преступника или мѣста совершенія дѣянія,—должно быть отдаваемо предпочтеніе, или оба они компетенты,

2) что консулъ по отношенію къ проступкамъ и нарушеніямъ въ правѣ примѣнять вашъ законъ и въ томъ случаѣ, если русскій, послѣ учиненія имъ преступнаго дѣянія въ Россіи или заграницею, въ Европѣ, избираетъ своимъ мѣстожительствомъ Востокъ; этимъ могли бы быть избѣгнуты неудобства, сопряженныя съ пересылкою виновнаго. Въ виду возрастающихъ сношеній съ Персією, такое поставленіе было бы полезно.

Ст. 11—12.

Хотя въ существѣ можно одобрить то, что право выдачи будетъ регулируемо законами (какъ напр. въ Бельгіи и т. д.), но не слѣдуетъ забывать, что въ Бельгіи исполнительная власть, въ смыслѣ конституціоннаго государственнаго права, должна быть ограничена въ заключеніи договоровъ о выдачѣ. Эта точка зрѣнія, какъ мнѣ кажется, пока вовсе нежелательна для Россіи, тѣмъ болѣе, что въ настоящее время международное право выдачи преступниковъ еще находится въ переходной стадіи своего развитія. Если уголовный судья въ Россіи не будетъ призванъ къ участию въ разсмотрѣніи иностранныхъ требованій о выдачѣ, то можно бы посовѣтовать выбросить вовсе изъ закона совершенно неустановившееся понятіе политическаго преступленія. Существованіе въ законѣ такого понятія легко можетъ вызвать въ присяжныхъ ложное представленіе о томъ, что и съ точки зрѣнія вашего государства, политическое преступленіе заключаетъ въ себѣ меньшую степень виновности, чѣмъ преступленіе общее, что, по мнѣнію моему, представляется неправильнымъ. Если однако, вопреки этимъ возраженіямъ признано будетъ нужнымъ не выдѣлять постановленія о выдачѣ преступниковъ въ самостоятельный законъ и сохранить ихъ въ самомъ уголовномъ кодексѣ, то можно бы посовѣтовать включить въ послѣдній дополнитель-

ное постановленіе о томъ, что русскіе не подвергаются смертной казни, если по закону того государства, которымъ они будутъ выданы, подлежащее дѣяніе не могло бы повлечь за собою смертной казни. Въ пользу такого рода постановленія нельзя привести никакихъ юридическихъ основаній, но за него много говорятъ соображенія уголовной политики.

Ст. 13.

Непубличному совершенію смертной казни должно отдать преимущество, но только слѣдовало бы, для отклоненія подозрѣнія относительно возможности совершенія тайныхъ казней, узаконить присутствованіе при казни понятыхъ.

Ст. 14.

Въ томъ предположеніи, что коммисія не упустила изъ виду тѣхъ возраженій, которыя высказывались во французской литературѣ, противъ выраженія: „travaux forcés les plus pénibles“, я ограничусь только неоднократно уже дѣлавшимся относительно этого указаніемъ, что едва ли слѣдуетъ (во 2 ч. статьи) *тяжесть* каторжныхъ работъ возводить на степень ихъ характерическаго признака. Если понимать эту *тяжесть* въ объективномъ смыслѣ, то въ такомъ случаѣ слѣдуетъ допустить (подобно тому, какъ это сдѣлано относительно одиночнаго заключенія въ ст. 18) изъятія, во вниманіе къ состоянію здоровья субъекта; если же, напротивъ того, понимать *тяжесть* субъективно, сообразуясь съ личными качествами тѣхъ индивидовъ, отъ которыхъ требуется чрезвычайное напряженіе силъ, то тѣмъ самымъ вводится начало индивидуализированія, каковое, повидимому, устраняется статьею 14-ю.

Эвентуально надлежало бы, по аналогіи съ ст. 18, сказать, что отъ тяжелыхъ работъ должны быть освобождаемы, на основаніи медицинскаго свидѣтельства, тѣ осужденные, здоровье или состояніе силъ которыхъ позволяетъ только употребленіе ихъ для легкихъ работъ.

Ст. 19.

ч. 2. Право заниматься по собственному выбору мог-

ло бы привести къ неудобствамъ въ сферѣ управленія. Предпочтительнѣе, мнѣ казалось бы, внести постановленіе, аналогичное съ существующимъ въ англійскомъ законодательствѣ, по которому судья рѣшаетъ, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, должно ли назначить осужденному родъ занятій, соотвѣтственно его состоянію, или же можно предоставить выборъ занятій его усмотрѣнію (напр. по отношенію къ образованнымъ осужденнымъ. Засимъ, я бы предложилъ одно нововведеніе, имѣющее, на мой взглядъ, важное значеніе. По аналогіи съ разсрочкою въ платежѣ денежной пени, въ ст. 23 ч. 2, судѣ надлежало бы предоставить право позволять отбываніе по частямъ также и кратковременныхъ наказаній лишеніемъ свободы такимъ образомъ, чтобы, въ интересѣ матеріальнаго благосостоянія и сельскаго хозяйства, наказаніе лишеніемъ свободы могло быть прерываемо на время жатвы. По отношенію къ аресту слѣдовало бы, сверхъ того, сдѣлать возможнымъ отбываніе его по частямъ полу-днями, такъ чтобы заключеніе приходилось на ночное время. Подобная мѣра принесла бы пользу трудолюбивымъ работникамъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, понизила бы стоимость небольшихъ тюремъ, такъ какъ ночныя кельи могутъ быть меньшей величины.

Ст. 24.

Я предлагаю, по соображеніямъ уголовной политики, чтобы судѣ было предоставлено позволять тѣмъ изъ осужденныхъ, которые заслуживаютъ снисхожденія, отработывать денежные штрафы, къ уплатѣ которыхъ они оказались несостоятельными, посредствомъ добровольно производимыхъ работъ въ пользу государства и общины. Наибольшая экономія въ наказаніяхъ лишеніемъ свободы обязательна; въ той же мѣрѣ слѣдуетъ падать и чувство чести бѣднаго человѣка.

Ст. 33.

Статья эта заслуживаетъ одобренія, но слѣдовало бы выразить въ законѣ, что всякой просьбѣ о восстановленіи правъ, должно быть даваемо движеніе и, кромѣ того, указать кому будетъ принадлежать рѣшеніе вопроса. Будетъ ли это дѣломъ

судебной власти, администраціи, или актомъ Высочайшей милости.

Ст. 34.

Такъ какъ столичныя газеты у насъ мало читаются низшими классами въ провинціи, то предпочтительнѣе является, какъ способъ опубликованія, вывѣшиваніе официальнаго объявленія въ общинѣ, по мѣсту жительства осужденнаго, по крайней мѣрѣ въ сельской общинѣ.

Ст. 36.

Ч. 2. Очень хорошо!

Ст. 41.

Я не усматриваю въ опредѣленіи необходимой обороны одного существеннаго признака, именно *наличности* (Gegenwärtigkeit) противозаконнаго нападенія; при отсутствіи такого признака, присяжные слишкомъ часто будутъ произносить оправдательные вердикты. Превышеніе предѣловъ необходимой обороны должно бы только тогда оставаться безнаказаннымъ, если лицо дѣйствовало подъ вліяніемъ страха, смущенія, опрометчивости или испуга. Но и въ другихъ случаяхъ превышенія власти слѣдуетъ признавать наличность смягчающаго наказаніе обстоятельства.

Ст. 45.

Ч. 2 заслуживаетъ полнаго одобренія.

Ст. 47.

Alinea 4-е, объ освобожденіи отъ наказанія соучастниковъ, отказавшихся принимать дальнѣйшее участіе въ преступномъ дѣяніи и употребившихъ своевременно всѣ зависѣвшія отъ нихъ мѣры для его предотвращенія, заслуживаетъ полнаго одобренія. Слѣдовало бы также принять въ уваженіе дѣятельное раскаяніе, выразившееся въ донесеніи виновнымъ подлежащему установленію о имъ содѣянномъ, прежде обнаруженія дѣянія.

Ст. 49.

Принятіе во вниманіе несовершеннолѣтія заслуживаетъ полнаго одобренія. Я бы сдѣлалъ еще одинъ шагъ впередъ,

назначивъ меньшее наказаніе и тѣмъ, которые, въ качествѣ домашнихъ или состоящихъ подъ родительскою властью, оказали главѣ семейства требуемое имъ преступное содѣйствіе (по аналогіи съ прикосновенностью).

Францъ фонъ Гольцендорфъ.

(Профессоръ мюнхенскаго университета .

ЗАМѢТКИ

ДѢЛО Г. САВИЦКАГО.

Въ IV книгѣ нашего журнала за 1881 годъ, мы сообщили первыя свѣдѣнія о прискорбномъ случаѣ преслѣдованія члена Екатеринбургскаго суда И. К. Савицкаго. Хотя, затѣмъ, дѣло это было окончательно рѣшено сенатомъ въ декабрѣ 1881 года, но лишь спустя годъ съ лишнимъ мы получили возможность имѣть копію рѣшенія. Значеніе дѣла г. Савицкаго для всего судебнаго вѣдомства, не только въ качествѣ странички прошлаго, но и для грядущихъ его судебъ, побуждаетъ насъ ознакомить читателей, въ подлинникѣ, съ важнѣйшими документами законченнаго производства, а именно: 1) апелляціонной жалобой подсудимаго; 2) рѣчью его защитника; 3) окончательнымъ рѣшеніемъ сената.

Апелляціонная жалоба.

Въ концѣ 1878 года, т. е. по прослуженіи 4-хъ лѣтъ членомъ Екатеринбургскаго окружнаго суда, подъ вліяніемъ пѣлаго ряда происходившихъ на моихъ глазахъ фактовъ изъ жизни этого суда, я пришелъ къ выводу,—правильному или неправильному, это отчасти видно и теперь, отчасти же покажетъ будущее,—что *принципъ коллегиальности въ судахъ* падаетъ, и на его счетъ возвышается предсѣдательская супрематія, при условіяхъ, далеко не всегда соотвѣтствующихъ законнымъ, что вмѣстѣ съ тѣмъ законная реакція противъ этого явленія весьма слаба. а пути ея пресѣкаются иногда большинствомъ меньшинству внѣ законнаго порядка. такъ что это меньшинство, а тѣмъ болѣе отдѣльные члены коллегіи лишаются

возможности не только въ полной мѣрѣ отправлять возложенныя на нихъ закономъ и чувствомъ долга обязанности, но и оставить въ дѣлахъ слѣды тѣхъ препятствій, которыя имъ ставятся: слѣды, по которымъ хоть въ послѣдствіи, напримѣръ при ревизіи, можно было бы составить себѣ вѣрное понятіе о томъ, что и какъ именно дѣлается, въ дѣйствительности, въ извѣстномъ судѣ.

Придя къ такимъ выводамъ и замѣчая, что нѣкоторые факты повторяются систематически, что реакціи противъ нихъ и отъ властей, стоящихъ внѣ суда, не предвидится, что пользованіе законными способами протеста противъ рѣшенія большинства обрисовывается въ невыгодномъ свѣтѣ только самихъ протестующихъ, какъ нарушителей видимаго лада, я остановился на мысли, что необходимо вызвать серьезное вниманіе надлежащихъ властей къ описаннымъ явленіямъ, путемъ оглашенія ихъ предъ этими властями, въ узаконенномъ порядкѣ.

Я рѣшился написать на судъ жалобу, хотя я зналъ и знаю, что нѣкоторые изъ описываемыхъ въ моей жалобѣ явленій повторяются и въ другихъ судахъ, и уже могутъ дать матеріалъ для нѣкоторыхъ обобщеній, достойныхъ оглашенія путемъ печати; но я избралъ путь жалобы, а не печатнаго оглашенія потому, что мнѣ не хотѣлось оставить безнаказанными посягательства на личныя мои права, и хотѣлось, чтобы *омазка общественной* предшествовала *омазка по началству*, способная вызвать болѣе скорыя и непосредственныя мѣры исправленія описываемыхъ мною не порядковъ, не подрывая довѣрія въ обществѣ къ судамъ. Словомъ, хотѣлъ поставить сначала предъ правительствующимъ сенатомъ вопросъ, вызванный жизнью судовъ: можно ли продолжать службу въ судахъ, держась на чисто легальной почвѣ, безъ потачекъ, послабленій и умаленія правъ, или лучше просить объ освобожденіи отъ службы тому, кто не обладаетъ готовностью на каждомъ шагѣ дѣлать уступки, не установленныя закономъ, для того, чтобы въ судахъ былъ видимый ладъ и во славу идеи о предсѣдательской непогрѣшимости?

Тогда было время оживленныхъ надеждъ на сенатъ, въ которомъ, по закону ^{12/22} Іюня 1877 года, для дѣлъ надзора за судами Высочайше учреждено было особое соединенное присутствіе. Я мечталъ, что моя жалоба вызоветъ принятіе мѣръ надзора именно въ отношеніи описываемыхъ мною не порядковъ, что она вызоветъ, быть можетъ, ревизію суда. Съ другой стороны, тогда еще не было

произнесено съ судейскаго кресла печатное слово осужденія порядкамъ новыхъ судовъ. Я не считалъ себя въ правѣ быть первымъ ихъ порицателемъ. Много позже моей жалобы, болѣе меня авторитетный судья И. П. Закревскій, нынѣ прокуроръ Казанской судебной палаты, переводя на русскій языкъ брошюру Планенберга о прусской магистратурѣ, первый высказалъ завѣтную фразу „пора перестать говорить о судахъ и судьяхъ русскихъ въ маниловскомъ тонѣ.“ Я тоже не въ маниловскомъ тонѣ написалъ свою жалобу, полагая, что долгъ судьи называть настоящими именами все то, что, по его мнѣнію, составляетъ отступленіе отъ „порядка и правды.“ Жалобу, уже написанную, я долго еще не отправлялъ и отправилъ только тогда, когда убѣдился, что дальнѣйшее молчаніе невозможно. Предвидѣлся пересмотръ всего особаго наказа суда въ духѣ ослабленія гарантій отдѣльных членовъ. Было и прошло благополучно обзрѣніе дѣлопроизводствъ суда чрезъ старшаго предсѣдателя Н. М. Окулова и именно послѣ него затѣя пересмотра особаго наказа начала приводиться въ исполненіе.

Переписанную жалобу я отправилъ, снабдивъ ее введеніемъ, гдѣ просилъ отнестись къ матеріалу, въ ней изложенному, съ тѣмъ вниманіемъ, котораго заслуживаетъ не моя личность, можетъ быть не интересы одного суда, а надлежащій порядокъ въ судебныхъ мѣстахъ, основанныхъ на принципѣ коллегіальности, равенствѣ правъ членовъ коллегіи и правъ внутренняго самонадзора и самоуправления, коимъ грозитъ опасность обратиться на практикѣ въ ничто. Какова моя жалоба—видно изъ ея содержанія. Соединенное присутствіе признало мои указанія незаслуживающими *вниманія* и жалобу оставило безъ послѣдствій. Затѣмъ отъ меня оно потребовало объясненія. Я его далъ и, ссылаясь уже не на одну мою жалобу, а и на другіе факты изъ жизни Екатеринбургскаго окружнаго суда, извѣстные присутствію изъ другихъ источниковъ, утверждалъ, что, обращая вниманіе правительствующаго сената на извѣстные порядки въ судѣ, описывая ихъ отъ начала до конца, въ послѣдовательномъ ихъ развитіи, и давая имъ тѣ названія, которыхъ они, по моему взгляду, заслуживали, я исполнилъ только долгъ откровенности по отношенію къ правительствующему сенату, какъ мѣсту начальственному надъ судами. Но соединенное присутствіе сената, вѣроятно, этого не признало, и предало меня суду за жалобу.

Первая половина исхода моей жалобы окончательна и безпово-

ротна. Она уже составила собою извѣстный прецедентъ, значеніе котораго не замедлитъ обнаружиться въ будущемъ. Вторая половина исхода вызвала судебное дѣло, по которому я приношу въ настоящее время апелляціонную жалобу.

6-го Іюня сего года, Казанская судебная палата, въ составѣ старшаго предсѣдателя Н. М. Окулова, членовъ: Э. Ф. Нагулла и П. Л. Глобо-Михаленко, приговоромъ своимъ признала меня виновнымъ въ томъ, что я, *состоя членомъ Екатеринбургскаго окружнаго суда* и жалуюсь правительствующему сенату на различные, по мнѣнію моему, неправильныя дѣйствія, допущенныя въ 1878 г. и предшествующихъ годахъ нѣкоторыми лицами, въ составѣ суда состоящими, помѣстилъ въ этой жалобѣ, подписанной 14 января 1879 года, нѣсколько выражений, имѣющихъ, какъ по буквальному ихъ значенію, такъ и по цѣли ихъ помѣщенія, оскорбительное для тѣхъ лицъ значеніе. Подведя мою виновность подъ опредѣленіе статьи 283 улож. о нак., признавъ наличность обстоятельствъ, указанныхъ въ 5 п. 134 ст. улож., признавъ и то, что я руководствовался „желаніемъ направить дѣлопроизводство суда къ лучшему, по моему мнѣнію, результатамъ,“ Палата, тѣмъ не менѣе, присудила меня къ аресту на гауптвахтѣ на 14 дней. Такова, пока еще временная, вторая половина исхода моей жалобы.

Если бы я позволилъ себѣ руководствоваться чисто личными чувствами досады по этому поводу, то я могъ бы не жаловаться—это мое право—и оставить на совѣсти судей, постановившихъ приговоръ 6 Іюня, послѣдствія его, какъ прецедента въ лѣтописяхъ втораго десятилѣтія новыхъ судебныхъ учреждений. Дать просторъ этому личному чувству было бы вполне законно и извинительно. Обсудить, не состоитъ ли лучшій исходъ изъ извѣстнаго положенія именно въ худшемъ изъ возможныхъ исходовъ, личное дѣло каждаго подсудимаго. Если у суда есть право покарать то у подсудимаго, сознающаго себя невиновнымъ, есть не менѣе важное иногда право—нарочно потерпѣть наказаніе, при явной ошибочности приговора, хотя бы изъ фанатическаго желанія закрѣпить за судьями ихъ ошибку и сдѣлать ее непоправимою.

Какою бы малою извѣстностью я ни пользовался, я не могу не сознавать, что я и мое дѣло кое кому извѣстны и интересны, и, съ нѣкоторой точки зрѣнія, было бы можетъ быть внушительнѣе, если бы прецедентъ, создаваемый приговоромъ Казанской палаты, если ему суждено повторяться, былъ связанъ на первый

разъ съ именемъ судьи Савицкаго, какъ подсудимаго, нежели съ какимъ либо другимъ именемъ. Заслужить названіе русскаго Планенберга цѣною двухнедѣльнаго ареста—лично для меня не было бы худшимъ исходомъ той роли, которую я взялъ на себя, описавъ не публичныя, а интимныя порядки въ судахъ въ своей жалобѣ по начальству. Но, уступая личному чувству досады теперь же, я былъ бы не правъ, не правъ менѣе всего въ отношеніи судей, постановившихъ приговоръ: они знали, что дѣлали; всѣ нужныя объясненія были имъ даны мною. Но я былъ бы не правъ предъ судебнымъ сословіемъ и обществомъ, если бы не протестовалъ еще разъ и не воспользовался еще разъ тѣми гарантіями, которыя принадлежатъ не лично мнѣ, Савицкому, а мнѣ, какъ судѣ и полноправному члену общества. Я былъ бы не правъ и предъ правительствующимъ сенатомъ, не доведи еще разъ до его свѣдѣнія—какіе прецеденты грозятъ водвориться въ бытѣ судей новыхъ судовъ, путемъ преданія ихъ суду и самаго суда, подобнымъ образомъ, какъ это было въ дѣлѣ моемъ, Савицкаго.

Вотъ почему я приношу апелляціонную жалобу, прося заранѣе извиненіе за ея подробности, обусловливаемая невозможностью говорить вскользь о предметахъ, которые я считаю важными, и невозможностью прибыть лично въ Петербургъ ко времени слушанія моего дѣла.

I.

Я уже имѣлъ честь изложить въ частной моей жалобѣ, отправленной изъ Казанской судебной палаты въ правительствующій сенатъ 5 мая сего года за № 6715, что я преданъ соединеннымъ присутствіемъ правительствующаго сената суду Казанской *Палаты* совершенно незаконно, такъ какъ, будучи обвиняемъ въ проступкѣ, предусмотрѣнномъ 283 ст. улож., я подсуденъ просто *окружному суду*, ибо особая подсудность должностныхъ лицъ обусловливается не тѣмъ, что во время совершенія извѣстнаго преступленія они носили мундиръ и получали жалованье, а тѣмъ,—относится-ли преступленіе, въ которомъ они обвиняются, къ разряду преступленийъ по должности или нѣтъ. Въ этомъ отношеніи, состоявшееся 30-го сентября 1880 года въ соединенномъ присутствіи сената опредѣленіе о преданіи меня суду *палаты*, не могло и не должно было стѣснять составлявшаго обвинительный актъ прокурора въ направленіи дѣла въ окружный судъ, разъ въ выводахъ обвини-

тельнаго акта *онъ* обвинялъ меня только въ томъ, что прямо предусмотрѣно 283 ст. улож., т. е. въ проступекъ противъ порядка управленія. Разномысліе прокурорскаго надзора со всякаго рода начальствомъ обвиняемыхъ возможно и ст. ¹⁰⁸⁴/₁₀₉₆ устава угол. суд., признающая окончательно обязательными по вопросамъ о преданіи суду должностныхъ лицъ только опредѣленія гражданскаго кассационнаго департамента, а не соединеннаго присутствія, по продолженію 1879 г. не отмѣнена.

Еще менѣе обязательно было постановленіе соединеннаго присутствія для палаты, какъ я уже указывалъ въ своей частной жалобѣ. По моему мнѣнію, палата должна была возвратить дѣло, какъ не подсудное ей, прокурору, а прокуроръ, если не находилъ въ моихъ дѣйствіяхъ проступка по должности, обязанъ былъ дать дѣлу ходъ своимъ собственнымъ обвинительнымъ актомъ, безъ всякихъ ссылокъ на постановленіе начальственнаго присутствія правительствующаго сената, или разномысліе свое съ тѣмъ присутствіемъ представить на усмотрѣніе гражданскаго кассационнаго департамента по ст. ¹⁰⁸⁴/₁₀₉₆ уст. угол. суд.

Я буду имѣть честь указать дальше на важное для меня значеніе описанной неправильности въ привлеченіи меня къ суду. Теперь же ссылаясь на частную мою жалобу, я заявляю просьбу о томъ, чтобы, если правительствующій сенатъ, по уголовному кассационному департаменту признаетъ, что палата приняла къ своему производству дѣло ей неподсудное, *приговоръ палаты и обвинительный актъ уничтожить, и дѣло возвратить прокурору, отъ котораго оно въ палату поступило.*

При такомъ исходѣ, который могъ бы послѣдовать и раньше, если бы судебной палатѣ было угодно пріостановиться слушаніемъ дѣла по полученіи моей частной жалобы, разсмотрѣніе дальнѣйшихъ частей апелліаціи моей будетъ уже ненужно. А такой именно исходъ, хотя меня можетъ быть и судили бы вторично, былъ бы въ высшей степени полезенъ, какъ прецедентъ. Преданіе суду лицъ судебного вѣдомства *сенатомъ*, хотя и въ спеціальному его присутствіи, порождаетъ смуту въ взглядахъ многихъ лицъ этого вѣдомства. Имъ кажется, что постановленіе соединеннаго присутствія — нѣчто большее, чѣмъ обыкновенное постановленіе всякаго другаго начальства о преданіи суду (вѣрнѣе *о разрѣшеніи судить*) его подчиненнаго.

Послѣдствіемъ этого бываетъ, что прокуроры, получивъ постановленіе сената, иногда не составляютъ даже обвинительнаго акта (такъ было въ дѣлѣ моего товарища, члена суда Іолшина, судившагося въ прошломъ году, которому вмѣсто копій обвинительнаго акта послали копію съ *указа* соединеннаго присутствія о преданіи его суду) а если обвинительный актъ и составляютъ, то ужь отнюдь не отступая при этомъ отъ выраженій, приведенныхъ въ постановленіи, цитать, въ немъ сдѣланныхъ, и даже ошибокъ, въ немъ допущенныхъ, считая неприкосновеннымъ все, что находится въ постановленіи, исходящемъ изъ *сената*.

Такъ было и въ моемъ дѣлѣ, гдѣ въ обвинительномъ актѣ процитированы 283 и 347 ст. улож.; приписываемыя мнѣ оскорбительныя выраженія переданы съ тѣми же существенными пропусками, которые допущены и сенатомъ, и даже фамиліи оскорбленныхъ будто бы мною судей одинаково исковерканы (Костенко вмѣсто Клименко). Даже на судѣ обвинявшій меня товарищ прокурора палаты аргументировалъ такъ, что употребленные мною (Савицкимъ) выраженія уже признаны оскорбительными правительствующимъ сенатомъ... И аргументъ этотъ, судя по приговору, имѣлъ успѣхъ. Въ свою очередь палата, ссылаясь на указъ сената, нѣкоторыхъ выраженій, имъ подробно разобранныхъ, и не обсуждала. Не спорю, что авторитетъ сената—статья очень важная, но неменѣе важны и другіе принципы, которые положены въ основаніе отправленія правосудія по судебнымъ уставамъ Императора Александра II: отдѣленіе властей административной отъ чисто судебной, судебной отъ обвинительной, призванной обвинять по совѣсти, а не по приказу, и, наконецъ, гарантіи самихъ подсудимыхъ. Соединенное присутствіе сената, когда оно передаетъ суду судей, т. е. разрѣшаетъ преслѣдованіе ихъ обвинительной власти судебнымъ порядкомъ, пользуется властью административною, такою, какою пользуется губернское правленіе, предающее суду становыхъ приставовъ: постановленія его по этому предмету не имѣютъ обязательности рѣшеній кассационнаго сената и ни замѣнить обвинительныхъ актовъ, ни служить для нихъ непрекаемымъ основаніемъ, не должны и не могутъ. А если прокуроры и суды полагаютъ иначе, то уголовному кассационному департаменту слѣдуетъ поставить предѣлъ такому недоразумѣнію, разъяснивъ надлежащій порядокъ, при которомъ возстановлены были бы поименованные принципы и гарантіи подсудимыхъ, нынѣ значительно ослаблен-

ные. Неправильности существующаго порядка привлеченія къ отвѣтственности судей врядъ-ли дойдутъ до свѣдѣнія уголовного кассационнаго департамента инымъ путемъ, какъ путемъ жалобъ подсудимыхъ. Судебнымъ мѣстамъ одно слово: „Сенатъ“ импонируетъ иногда до степени устраненія всякихъ разсужденій. Въ иномъ мѣстѣ я разберу вопросъ этотъ теоретически, здѣсь же приведу перечень того, какъ отразился описываемый мною порядокъ въ моемъ дѣлѣ. Въ немъ все предрѣшилъ сенатъ, т. е. начальство, власть административная: и то, что меня будутъ судить въ палатѣ; и то, что будутъ судить безъ предварительнаго слѣдствія; и то, что при дѣлѣ будетъ только моя жалоба, и не будетъ сопровождавшихъ ее документальныхъ приложений, о возвратѣ которыхъ я просилъ, подавая объясненіе; и то, что мой проступокъ должностной, благодаря припискѣ къ ст. 283-й еще 347 ст. улож. о наказ.; однимъ словомъ, порѣшена вся матеріальная и юридическая подготовка дѣла, хотя оно ничего должностнаго въ себѣ не заключаетъ. И все это принято къ руководству и исполненію, и прокурорскимъ надзоромъ и палатою, безапелляционно; такъ, въ опредѣленіи своемъ отъ 21 апрѣля 1881 г., палата, разсматривая мое указаніе на неподсудность дѣла, прямо говоритъ: „подсудность этого дѣла установлена опредѣленіемъ правительствующаго сената, отъ 30 октября 1880 года“, забывая, что соединенное присутствіе—необвинительная камера, а начальственное присутствіе, квалифікація которымъ проступка необязательна, безусловно, даже для прокурора. Можно-ли удивляться, что такіе взгляды господствуютъ среди высшихъ лицъ судебного вѣдомства—это вопросъ посторонній, но нельзя забывать, что въ основаніи господствующихъ недоразумѣній лежитъ авторитетъ сената, того его присутствія, которое властно предавать суду судей и прокуроровъ.

Можетъ быть скорѣе было бы удивительно, еслибы замѣчались противоположныя явленія, если бы, напримѣръ, по моему дѣлу, прокуроръ сказалъ, что онъ невидитъ проступка или видитъ проступокъ недолжностной; если бы, далѣе, этотъ прокуроръ нарядилъ слѣдствіе или на судѣ отказался отъ обвиненія—не было ли бы это сочтено за пререканіе съ сенатомъ? Или, если бы палата истребовала изъ соединеннаго присутствія, какъ просилъ я, приложения къ моей жалобѣ, на основаніи 368 ст. уст. угол. суд., или признала дѣло себѣ неподсуднымъ, или прекратила дѣло за давностію, признавъ, что происходившая съ 14 февраля 1879 г.

въ соединенномъ присутствіи, по полученіи инкриминируемой мнѣ жалобы, переписка о поступкѣ недолжностномъ, не прерывала теченіе давности для обвиненія меня черезъ годъ и восемь мѣсяцевъ въ этомъ поступкѣ, неоглашенномъ ранѣе ни предъ слѣдователемъ, ни предъ прокуроромъ:—не было-ли бы это сочтено за дерзостное обращеніе съ сенатомъ-же? Немогла-же, наконецъ, явиться послѣдовательно мысль и о томъ, что самое признаніе неоскорбительными выраженій, списанныхъ съ подчеркнутыхъ *съ сенатъ* мѣстъ моей жалобы, было бы, до нѣкоторой степени, неудобнымъ?

Если сдѣлать только эти предположенія по поводу описанныхъ фактовъ, то станетъ ясно, каковы, при существующемъ порядкѣ, гарантіи привлекаемыхъ къ суду судей, и не будетъ преувеличеніемъ сказать, что гарантіи эти менѣе тѣхъ, которыми пользуются предаваемые суду губернскими правленіями исправники и становые пристава. И не по одному „дѣлу Савицкаго“ можетъ это встрѣтиться и повториться, доколѣ не будетъ дано должное разъясненіе о силѣ опредѣленій, постановляемыхъ относительно преданія суду судей начальственнымъ присутствіемъ сената.

II.

Повидимому, судебная палата признала меня только виновнымъ въ преступленіи, предусмотренномъ 283 ст. улож. о нак.: но опредѣленнаго вывода изъ приговора ея я сдѣлать немогу. Вопросъ правда, былъ поставленъ одинъ: въ него, въ видѣ плеоназма, вставлена фраза: „состоя членомъ окружнаго суда“, но быть можетъ эта фраза, по мнѣнію палаты, и дѣлаетъ мое преступленіе должностнымъ въ ея глазахъ преступленіемъ? Можно думать такъ, потому что въ приговорѣ опять является 347 ст. улож. о нак. Но можно думать и иначе, если обратить вниманіе, что въ томъ же текстѣ приговора, палата признаетъ, что, подавая жалобу, въ которой заключаются оскорбительныя выраженія, я исполнялъ не служебныя, а только общія гражданскія обязанности—осуществилъ право и обязанность вѣрноподданнаго. Которое изъ двухъ предположеній вѣрно—разрѣшить сенатъ, можетъ быть, по истребованіи отъ палаты категорическаго по этому вопросу объясненія.—Такъ какъ тотъ или другой характеръ приговора для меня несовсѣмъ безразличенъ, то, въ случаѣ, если палата будетъ утверждать, что признаетъ мой проступокъ должностнымъ, я прошу правительствующій се-

нать такое изъясненіе приговора отвергнуть, въ виду слѣдующихъ соображеній:

Статья 347 улож. о нак., единственная изъ отдѣла о служебныхъ преступленіяхъ, упоминавшаяся въ дѣлѣ, предусматриваетъ случай нанесенія оскорбленій лицомъ не состоящимъ только на службѣ, а такимъ, которое было въ періодъ совершенія преступленія *при отправленіи служебныхъ обязанностей*. Относительно меня, ни отвѣтомъ на вопросъ, ни подробнымъ приговоромъ, послѣднее не установлено. Установлено только, что я состоялъ тогда членомъ окружнаго суда. Но мало-ли чѣмъ я состоялъ: я былъ тогда, напримѣръ, еще почетнымъ мировымъ судьей, членомъ общества потребителей, но не во всѣхъ же моихъ дѣйствіяхъ я былъ при отправленіи всѣхъ моихъ служебныхъ обязанностей. То, что я сдѣлалъ, жалуясь сенату, не лежало на обязанности должности моей, никѣмъ мнѣ поручено быть не могло, а составляло, по словамъ той же палаты, право и обязанность всякаго вѣрноподаннаго, а не по должности. Стало быть, при исполненіи должностныхъ обязанностей я не былъ.—Отъ признанія моего проступка недолжностнымъ, мнѣ, при обвинительномъ приговорѣ, грозитъ ²⁹⁵/400 ст. учр. суд. уст., стало быть, мнѣ же хуже; но я въ правѣ просить, чтобы мнѣ не приписывали хоть того, чего сами, по тѣмъ или другимъ причинамъ, не установили и не признали.—Но въ концѣ концовъ, палата, назначая наказаніе мнѣ, говоритъ, что именно 283 статьею — „прямую статью“ — предусматривается специальный видъ обидъ, мнѣ приписываемый. Я и возьму это за исходный пунктъ для доказательства неправильности приговора палаты по существу. Разъ въ приговорѣ первой инстанціи опредѣленъ видъ преступнаго дѣйствія, я уже имѣю право не касаться того *рода*, къ коему видъ этотъ ранѣе причисляется обвинителями; а это значительно сократить существенную часть моей апелляціонной жалобы. Мнѣ достаточно будетъ доказывать предъ второй инстанціей только то, что признаковъ проступка, караемаго по 283 ст. улож., въ дѣйствіяхъ моихъ признано быть не можетъ. Мои объясненія и въ палатѣ могли быть короче, если бы палату не вводила въ заблужденіе приписка въ обвинительномъ актѣ ст. 347 улож.

Статья 283 предусматриваетъ проступокъ, относящійся къ разряду преступленій противъ порядка управленія, исчисленныхъ въ раздѣлѣ IV уложенія о наказ., и караемый строже всякихъ простыхъ оскорбленій. Относясь безразлично какъ къ лицамъ должно-

стнымъ, такъ и не къ должностнымъ, статья эта предусматриваетъ проступокъ очевидно неслужебный, а такой, въ которомъ служебное положеніе лица въ ней виновнаго можетъ составлять собою только увеличивающее вину обстоятельство, съ чѣмъ должна быть согласна и Казанская судебная палата, приписавшая мнѣ это увеличеніе вины по 6 п. 129 ст. улож. Общія увеличивающія вину обстоятельства никогда не вліяютъ на измѣненіе вида преступленія и потому проступокъ противъ порядка управленія, въ которомъ я признанъ виновнымъ, при увеличивающихъ вину обстоятельствахъ, не можетъ черезъ это сдѣлаться проступкомъ служебнымъ. А разъ это такъ, то и преслѣдованіе за такой проступокъ не могло происходить въ томъ особомъ процессуальномъ порядкѣ, который установленъ для преслѣдованія чисто должностныхъ преступленій. До такого поступка начальству нѣтъ никакого дѣла. Вслѣдствіе этого, преслѣдованіе меня *до слушанія дѣла* должно было происходить въ общемъ порядкѣ, т. е. сенатъ, усмотрѣвшій оскорбительныя выраженія въ моей жалобѣ, долженъ былъ бы дать знать объ этомъ слѣдователю или прокурору, отъ которыхъ и зависѣло бы привлечь меня къ отвѣту или нѣтъ. *При слушаніи дѣла*, усмотрѣвъ такое свойство моего дѣянія, хотя бы во время постановки вопроса, слѣдовало признать дѣло себѣ неподсуднымъ и прекратить, или же прекратить за давностію, которая съ 14 февраля 1879 года до полученія мною копій съ обвинительнаго акта 7 апрѣля сего года давно истекла и которой не могло прервать производство переписки въ мѣстѣ для сего неуполномоченномъ. Ни того, ни другаго палата не сдѣлала и теперь я прошу объ этомъ правительствующій сенатъ, какъ апелляціонную инстанцію.

III.

По существу обвиненія меня въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 283 ст. улож., изъ приговора Казанской судебной палаты видно, что выводъ объ *оскорбительности* выраженій, мною употребленныхъ, палата дѣлаетъ изъ того, что ими умаляется достоинство лицъ, до которыхъ тѣ выраженія относились, а выводъ о *намереніи оскорбить* построенъ на томъ, что дѣйствія мои при подачѣ жалобы, по собственному моему сознанію, были строго обдуманныя, т. е. намеренныя. Но достаточно ли двухъ положеній для признанія установленнаго палатою преступленія? Я не думаю, чтобы правительствующій сенатъ призналъ ихъ достаточными. Отдѣль-

ными выраженіями моей жалобы, какъ и всей жалобой, конечно, невозвышается достоинство лицъ, на которыхъ я жаловался; жалоба не дѣлаетъ чести тому, на кого она принесена; но вопросъ въ томъ, — *это умиленіе чести и достоинства зависѣло-ли отъ выраженій моей жалобы или отъ самаго факта ея подачи и вырази-лось-ли именно въ прямо оскорбительныхъ выраженіяхъ, какъ этою требуетъ законъ?*

Съ другой стороны, я никогда не утверждалъ, что дѣйствія мои при сочиненіи и подачѣ жалобы были необдуманными. Я признаю, что это — *намѣренныя и обдуманныя дѣйствія*: но чѣмъ же устанавливается, *входилъ-ли въ мои намѣренія умыселъ оскорбить — *animus injuriandi* — который также долженъ быть доказанъ, по закону, при обвиненіи подобнаго рода?*

Для правильнаго разрѣшенія поставленныхъ вопросовъ, я, при разсмотрѣніи дѣла въ палатѣ, предоставилъ ей всѣ средства: я далъ палатѣ общее опредѣленіе оскорбленія, разъяснивъ разницу между выраженіями оскорбительными съ одной и прискорбными съ другой стороны; противопоставилъ умыслу оскорбителя умыселъ добросовѣстнаго жалобщика по праву и представилъ подробныя объясненія о мотивахъ, руководствовавшихъ мною въ подачѣ жалобы. Изъ утвержденныхъ палатою замѣчаній моихъ на протоколъ видна сущность моихъ объясненій. Мнѣ придется однако повторить и развить ихъ здѣсь подробнѣе, потому что судебная палата не приняла ихъ во вниманіе въ должной мѣрѣ, даже въ той ихъ части, которая касалась общепризнанныхъ юридическихъ положеній.

Палата предпочла моимъ объясненіямъ слѣдующія свои соображенія:

Главный мотивъ приговора тотъ, что, по мнѣнію палаты, оглашеніе неправильныхъ дѣйствій предъ установленною властью составляетъ, правда, право и обязанность вѣрноподданнаго, но указывая на *кажущуюся* неправильность дѣйствій, доноситель или жалобщикъ долженъ предоставить этой надлежащей власти, разсматривающей жалобу или донесеніе, дать дѣйствіямъ, въ ней оглашеннымъ, надлежащую характеристику и примѣнить къ нимъ то или другое названіе по закону, опредѣляющему признаки преступнаго дѣйствія. Въ другомъ мѣстѣ о томъ же говорится еще категоричнѣе — *единственно законный способъ оглашенія неправильныхъ дѣйствій есть оглашеніе предъ высшею властью событія, а*

жалобщикъ не есть вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшитель вопроса о томъ, насколько приводимое имъ событіе должно быть поставлено въ вину его совершившаго». Такова теорія палаты, и если держаться ея, то, пожалуй, я буду виноватъ кругомъ, потому что я не только регистрировалъ факты, а и описывалъ ихъ, сопоставлялъ и освѣщалъ съ внѣшней и внутренней стороны, и подводилъ подъ опредѣленія карательнаго закона. Къ счастью, однако, теорія, придуманная палатою въ этомъ дѣлѣ, ни для кого не была и не будетъ обязательной, такъ какъ она противурѣчитъ всему строю законовъ и общественной правдѣ. — Не говоря о томъ, что 283 ст. улож. имѣетъ въ виду не цензуру слога жалобы, а прямо оскорбительныя выраженія, помѣщаемыя не въ однихъ жалобахъ «вышей власти или по начальству», а во всякихъ, подаваемыхъ въ присутственныя мѣста бумагахъ, какъ актахъ болѣе или менѣе публичныхъ, т. е. и въ объявленіяхъ, подаваемыхъ въ почтовую контору, въ полицейскій участокъ и т. п., — *законы о жалобахъ по дѣламъ о преступленіяхъ и проступкахъ совершенно противурѣчаютъ палатской теоріи.* По ст. 46 уст. угол. суд. жалобщикъ *въ мировомъ судѣ* долженъ указать преступное дѣйствіе, понесенный вредъ и обвиняемое или подозрѣваемое лицо и согласно съ этою жалобой судья по ст. 91 выводитъ и предъявляетъ обвиняемому существо и основанія обвиненія; по 302 ст., жалобщикъ *въ общихъ судебныхъ учрежденіяхъ* обязанъ также указать преступное дѣяніе и причины, по которымъ взводитъ на кого либо подозрѣніе, а жалоба его въ нѣкоторыхъ случаяхъ замѣняетъ обвинительный актъ (ст. 526) и, стало быть, должна заключать (5 п. 520 ст.) опредѣленіе по закону — какому именно преступленію соотвѣтствуютъ признаки разсматриваемаго дѣянія. Законъ не боится жалобъ, считаетъ ихъ однимъ изъ средствъ возбужденія дѣятельности судовъ и только принимаетъ мѣры къ отвращенію безнаказанности прямыхъ обвиненій (ст. 307) и *ложныхъ* доносовъ. Законъ не боится даже неосновательныхъ жалобъ и прошеній, и, какъ бы предвидя, что могутъ найтись должностныя лица и учрежденія, расширяющія смыслъ 283 ст. уложенія до крайнихъ предѣловъ, до запрещенія жаловаться и разрѣшенія дѣлать только неопредѣленныя явки о событіяхъ. — въ слѣдующей затѣмъ 284 ст. постановляетъ, что за жалобы, хотя и неосновательныя, но не заключающія въ себѣ ничего прямо оскорбительнаго для мѣстъ и лицъ, на которыя онѣ приносимы, виновные не подвергаются никакимъ наказаніямъ, кромѣ исключительныхъ, постановляемыхъ въ законахъ гражданскихъ.

На практикѣ, созданной не одними правовѣдами, а и всѣми вообще дѣятелями общежитейской правды, никто точно также не держался иного взгляда, ни въ тѣ времена, когда, по выраженію Петра Великаго, „старые судьи дѣлали, что хотѣли, ибо излишнюю мочь имѣли“, ни въ судахъ, учрежденныхъ послѣ Петра Великаго, до самаго послѣдняго времени. И если бы судьямъ, постановившимъ приговоръ по моему дѣлу, предложено было указать такія жалобы, гдѣ жалобщики отказываются отъ характеристики приписываемыхъ обвиняемымъ противузаконныхъ дѣйствій, то врядъ ли они скоро отыскивали бы хоть одну такую жалобу; значитъ, никто не становился и никогда не ставилъ другихъ на тотъ путь, который, по мнѣнію казанской палаты, представляется „единственно законнымъ способомъ оглашенія неправильныхъ дѣйствій“, хотя количество жалобъ растетъ съ каждымъ годомъ.—Приводимая палатою теорія цензуры описательныхъ приѣмовъ жалобщика могла бы быть удобною и желательною только для нѣкоторыхъ чиновниковъ государства, а не для государства и всѣхъ остальныхъ его элементовъ, и прямо уничтожала бы возможность достиженія „порядка и правды“, которыхъ въ дѣйствіяхъ всѣхъ учреждений желаетъ Монаршая власть для блага *всѣхъ* подданныхъ.

Эта власть не высказывалась никогда за подобныя стѣсненія жалобщиковъ, а всякая другая власть, какъ бы она высока ни была, имѣетъ въ своемъ распоряженіи только 283 и 284 ст. уложенія и согласно съ ихъ смысломъ, а не согласно субъективнымъ только мнѣніемъ, обязана разрѣшать сомнительные случаи подачи оскорбительныхъ бумагъ. Палата ошибается, когда думаетъ, что жалобщикъ всегда долженъ предоставить именно данной высшей власти квалификацію обжалованнаго неправильнаго дѣйствія, потому что эта „высшая власть“—не всегда инстанція экспертовъ, а всегда мѣсто, связанное законами, исходящими отъ единой Высочайшей власти, отъ имени которой, а не отъ собственного имени, всякія жалобы и разрѣшаются въ предѣлахъ закона, съ возможностью обжалованія вновь и самыхъ этихъ рѣшеній, путемъ законныхъ обрядовъ апелляціи и кассаціи.

И такъ, проводимая казанскою судебною палатою *общая теорія*, что виноватымъ по 283 ст., при извѣстныхъ обстоятельствахъ, слѣдуетъ признавать всякаго, кто въ жалобѣ неограничился заявленіемъ о событіи, а характеризовалъ оное ссылкой на законъ и иными болѣе или менѣе рѣшительными описательными приѣмами,—

принята быть не можетъ, поэтому, всякое судебное мѣсто, обсуждая предъявляемое къ кому либо обвиненіе по 283 ст. уложенія, не въ правѣ ограничиться для доказательства *оскорбительности* жалобы тѣмъ, что эта жалоба сопровождалась излишними, положимъ даже рѣзкими, описательными приѣмами относительно дѣйствій лицъ, на которыхъ была принесена, а не ограничивалась однимъ перечнемъ событій.

Если палата думаетъ, что инымъ путемъ, какъ путемъ установленія подобной теоріи, невозможно объяснить преданіе меня суду соединеннымъ присутствіемъ и что оно могло состояться только при предположеніи, что это послѣднее руководствуется такою же теоріей, то и въ этомъ палата, по моему мнѣнію, ошибается на свой же страхъ, такъ какъ подобной теоріи соединенное присутствіе не высказывало, да и вообще исхода дѣла предрѣшать не могло.— Видимая необходимость прибѣгнуть во главѣ приговора къ такой теоріи, какую проводитъ палата, лучше всего указываетъ, что внѣ этой теоріи, *отдѣльными* доказательствами оскорбительности моей жалобы, по ея же мнѣнію, нѣтъ.— Точно также не можетъ быть приводима въ доказательство *оскорбительности* и неосновательность жалобы, хотя бы признанная окончательнымъ судебнымъ рѣшеніемъ, вошедшимъ въ законную силу.

Основательность или неосновательность бумаги, въ которой заключаются оскорбительныя выраженія, далеко не всегда установлена уже во время преслѣдованія оскорбителя, а для состава преступления, предусмотрѣннаго 283 ст. уложенія, совершенно безразлична; бумага эта можетъ даже не быть жалобой; слѣдовательно, и въ этомъ отношеніи, косвенно признаваемая палатою въ ея приговорѣ обстоятельство, что неправильность дѣйствій, на которыя я жаловался, была только *кажущаяся* и что жалоба моя „зорко слѣдящимъ за дѣятельностью судовъ“ сенатомъ оставлена безъ послѣдствій, какъ неосновательная, нисколько не служитъ къ уясненію вопроса объ основательности или оскорбительности моей жалобы.

Неболѣе доказываютъ оскорбительность *отдѣльными*, приводимыя палатою къ этому *доказательства*. Часть приписываемыхъ мнѣ оскорбительныхъ выраженій палата разбираетъ въ отдѣльности, отъ разсмотрѣнія другой уклоняется, ссылаясь на свою общую теорію, третьихъ не касается потому, что они подробно разобраны сенатомъ (такой аргументъ, вѣроятно, также не часто появляется въ приговорахъ судебныхъ палатъ), а въ концѣ концовъ все таки удо-

стовѣряетъ или „считаетъ достаточнымъ сказать“, что уже не нѣсколько выраженій, какъ сказано въ вопросѣ, а вся жалоба написана съ очевидною цѣлью умалить достоинство судей, на которыхъ она принесена и «не можетъ не быть признана оскорбительною», какъ будто на моей обязанности лежало доказать неоскорбительность жалобы.

Разбираемая въ отдѣльности выраженія, которыхъ я коснусь ниже, палатою признаются оскорбительными, даже по ея мнѣнію, далеко не путемъ прямыхъ выводовъ изъ ихъ содержанія, а для этого употребляются сопоставленія разныхъ мѣстъ жалобы—или съ другими мѣстами той же жалобы, болѣе ясными, или съ тезисами самой палаты, которые она почитаетъ безспорными, — на примѣръ: что всякій протоколъ, подписанный большинствомъ, служить удостовереніемъ дѣйствительныхъ, а не выдуманныхъ событій. даже тогда, когда доказывается противное; что обвиненіе судьи въ про изволѣ равно съ обвиненіемъ въ нарушеніи судейской присяги; что потачка капризу тоже, что потачка неправосудію, и т. п. Все это, можетъ быть, кое что и объясняетъ относительно взглядовъ палаты, но никакимъ образомъ ничего не доказываетъ относительно моей виновности въ оскорбленіяхъ, хотя бы при этомъ, послѣ каждаго пункта прибавлялось „признается оскорбительнымъ потому, что составляетъ умаленіе достоинства такого то или такихъ то“.

Что касается доказательствъ *намыренія оскорбить*, то въ приговорѣ и ихъ нѣтъ, кромѣ голословнаго удостовѣренія, что вмѣняемая мнѣ выраженія употреблены *не безъ намыренія* и вся жалоба написана съ очевидною цѣлью умалить достоинство председателя и трехъ судей Екатеринбургскаго суда. Полагаю, что послѣ этого правительствующій сенатъ согласится со мною, что приговоръ палаты не даетъ никакого положительнаго матеріала для сужденія о дѣлѣ, а если это такъ, если приговоромъ возложена только еще на меня обязанность доказывать отсутствіе намыренія оскорбить и отсутствіе оскорбительности въ приписываемыхъ мнѣ выраженіяхъ, то это неблагоприятный для меня трактатъ, но не обвинительный приговоръ, въ матеріальномъ смыслѣ слова.

Хотя при подобныхъ обстоятельствахъ апелляціонной инстанціи оставалось бы отмѣнить, безъ дальнѣйшихъ разсужденій, такой приговоръ, какъ незаключающій никакихъ основаній осужденія, но я, желая быть оправданнымъ не въ силу одного только этого обстоятельства, считаю своимъ долгомъ поставить вопросъ къ иредѣ-

явленному ко мнѣ обвиненію такъ же, какъ я ставилъ его и въ палатѣ, ясно и отчетливо, какъ бы никакого приговора палаты и не существовало.

Оскорбительны ли тѣ выраженія, которыя я употребилъ въ моей жалобѣ и если оскорбительны, то съ намѣреніемъ ли оскорбить оныя мною употреблены?

Чтобы рѣшить эти вопросы необходимо, прежде всего, опредѣлить понятіе *оскорбленія*. Я уже говорилъ въ палатѣ, что общепринятое опредѣленіе оскорбленія, состоящее въ томъ, что это есть выраженіе презрѣнія къ личности оскорбляемаго (или, какъ говорить палата, умаленіе чести и достоинства), нельзя считать удовлетворительнымъ. Можно питать полнѣйшее къ кому либо презрѣніе и не унизиться до оскорбленія его, и наоборотъ, оскорбить лицо, пользующееся полнѣйшимъ уваженіемъ оскорбителя.

Въ отличіе отъ приведеннаго опредѣленія я приводилъ свое, основываясь на этимологическомъ смыслѣ словъ *оскорбленіе* и *injuria*,—я опредѣлялъ его какъ умышленное обращеніе къ извѣстному лицу или объ извѣстномъ лицѣ, путемъ такихъ выраженій, которыя для него при(скорб)ны и которыя обидчикъ употребляетъ не по праву, не по достоинству, несправедливо. Подъ такое опредѣленіе подходятъ всѣ виды оскорбленій и оно, на мой взглядъ, выдерживаетъ всякую критику и устанавливаетъ границу, далѣе которой разширять это понятіе уже невозможно. Если это вѣрно, то для бытія оскорбленія необходимы: а) оскорбительныя выраженія или поступки, б) отсутствіе погашающихъ оскорбительность обстоятельствъ: права на обращеніе съ такими выраженіями относительно обиженнаго, по соображеніямъ общей справедливости, по обязанности и т. п.; наконецъ в) необходима еще умышленность (*animus injuriandi*), подъ которой, конечно, надобно разумѣть желаніе причинить обиженному *скорбь*, непріятность не по праву, или не по заслугамъ.

Если одного изъ этихъ трехъ элементовъ нѣтъ то нѣтъ и *оскорбленія*, хотя, можетъ быть, и есть весьма *прискорбный* для когонибудь случай. Въ этомъ смыслѣ я и признавалъ предъ палатою, что тѣ выраженія, которыя она считаетъ оскорбительными для предсѣдателя и членовъ Екатеринбургскаго окружнаго суда, для нихъ прискорбны и непріятны, но только не оскорбительны.

Что касается, въ частности, словесныхъ и письменныхъ оскорбленій, или отдѣльныхъ оскорбительныхъ выраженій, то нѣкоторыя

изъ нихъ, такъ называемыя ругательства, всегда бесспорно обидны.

Но относительно другихъ сужденіе объ обидности или необидности ихъ не такъ легко, и вотъ въ этихъ случаяхъ нельзя этого опредѣлить иначе, какъ подробнымъ разборомъ -- совмѣщаются-ли въ нихъ всѣ вышепоименованныя составныя части. При этомъ лучше начинать съ умысла, потому что если нѣтъ умысла, то каковы бы выраженія ни были -- оскорбленія нѣтъ.

Въ этомъ отношеніи я объяснялъ, что умыселъ у меня, когда я писалъ жалобу, былъ въ отношеніи предсѣдателя и трехъ судей Екатеринбургскаго окружнаго суда такой, чтобы вызвать противъ нихъ уголовное преслѣдованіе по 344 ст. уложенія. Былъ тотъ умыселъ, который бываетъ у каждаго добросовѣстнаго жалобщика, лица, „потерпѣвшаго отъ преступленія“, который, въ отличіе отъ *animus iurandi*, я называлъ умысломъ воздать при содѣйствіи власти должное по заслугамъ упомянутымъ лицамъ -- *animus suum cuique tribuendi*. Это я доказывалъ ссылками на текстъ и отдѣльныя мѣста самой жалобы. Умысла оскорбить у меня не было. Это я заявлялъ; но доказать какъ отрицательное обстоятельство, конечно, не могъ. Это было, слѣдовательно, голословное объясненіе мое, какъ обвиняемаго. Палата могла ему повѣрить и не повѣрить; она избрала послѣднее, хотя и при отсутствіи доказательствъ противнаго, въ прямое нарушеніе казеннаго правила: обращать сомнѣніе въ пользу подсудимаго. Я не могу даже этому особенно удивляться. Бываютъ времена, когда самый добросовѣстный поступокъ, исполненный въ недвусмысленной легальной формѣ, но болѣе или менѣе необычайный, все таки кажется еще подозрительнымъ. Бываютъ положенія, въ которыхъ не довѣряютъ даже человѣку, охотно сознающемуся въ винѣ, большей важности, и предполагаютъ, что онъ хоть менѣе виновенъ, но виновенъ именно такъ, какъ его обвиняютъ. Таково иногда положеніе судьи, преданнаго сенатомъ сужденію низшаго суда. Для меня странно, что и соединенное присутствіе и палата не соглашаются допустить, что я исполнялъ только долгъ откровенности предъ сенатомъ. Неужели въ каждомъ дѣйствіи каждаго судьи я говорю каждаго потому, что лично и поименно отдѣльные судьи сенату неизвѣстны. -- надобно уже заподозрѣвать кромѣ исполненія обязанности, еще и личный злостный мотивъ: что же тогда думать о рѣшеніяхъ такихъ подозрительныхъ судей? Неужели искреннія и довѣрчивыя, хотя и не рабѣнныя отношенія судей къ правительствующему

сенату и въ теоріи допустить нельзя, нельзя было и въ 1878 году? Неужели придется считать и въ этомъ отношеніи прецедентомъ, признакомъ времени, взглядъ, высказанный въ приговоръ Казанской судебной палаты. Для меня лично—странна невозможность сдѣлать предположеніе, что возмущаться извѣстными неправильными дѣйствіями гражданъ и судья можетъ и не взирая на лица, допустившія эти дѣйствія, съ цѣлью болѣе широкою, чѣмъ унижать словами лицъ, унижающихъ себя, по его мнѣнію, поступками; но дѣло не въ этомъ. Всякій судить, какъ можетъ, умѣетъ и находить нужнымъ: однако подозрительности судей относительно обвиняемаго должна быть граница. Эту границу въ моемъ дѣлѣ найти нетрудно: она находится тамъ, гдѣ предположенія о свойствахъ моего умысла начинаютъ переходить въ область невозможнаго.

Возможно-ли предполагать, что когда у меня созрѣла рѣшимость подать жалобу на предсѣдателя и судей Екатеринбургскаго окружнаго суда, съ прямымъ обвиненіемъ ихъ въ преступленіи, жалобу, при неосновательности которой мнѣ грозило наказаніе за ложное показаніе, далеко превышающее наказаніе за письменныя обиды, я могъ имѣть, въ видѣ дополнительнаго умысла, еще желаніе той же жалобой оскорбить кого либо путемъ прискорбныхъ для него выраженій. Я думаю, что правительствующій сенатъ не признаетъ, чтобы это было возможно относительно здравомыслящаго человѣка. Вѣдь не зналъ же я, что по моей жалобѣ изслѣдованія не будетъ, или что послѣ изслѣдованія мнѣ простятъ ложь, а привлекутъ только за выраженія.

Принося жалобу я, конечно, не доказывалъ этимъ моего уваженія къ лицамъ, которыхъ обвинялъ: я этимъ и теперь не хваплюсь. Мое обвиненіе составляло для нихъ прискорбное явленіе: но скорбь, имъ высказываемая, обуславливалась не выраженіями, въ которыхъ я ждался, а тѣмъ обвиненіемъ, которое предъявлялъ и, стало быть, о моемъ намѣреніи можно судить по обвиненіямъ, а не по выраженіямъ, употребленнымъ для ихъ описанія. Неужели можно допустить, что и въ томъ случаѣ, если бы моя жалоба была подана черезъ судъ и оглашена передъ тѣми, до кого относилась, они сами нашли бы въ ней прискорбными только тѣ выраженія, которыя счесть оскорбительными сенатъ, а не въ тысячу разъ прискорбнѣе было бы для нихъ самое обвиненіе, если они считали бы его несправедливымъ.

Но если и допустить, что у меня было два умысла, то боль-

шій изъ нихъ всецѣло поглощалъ меньшій, какъ и въ томъ случаѣ, когда при нанесеніи истязаній были умышленно произносимы истязуемому словесныя оскорбленія.

Такимъ образомъ, сравнивать мой умыселъ съ тѣмъ, что требуется для понятія объ *animus injuriandi*, возможно только сдѣлавъ равно неестественныя предположенія о двойственности умысла или о томъ, что я зналъ напередъ, что мнѣ вся жалоба, даже въ случаѣ ея лживости, простится, кромѣ злостныхъ 13-ти выраженій.

Если же того умысла, который требуется въ дѣлахъ объ оскорбленіяхъ, у меня не было; или онъ поглощался другимъ, то и непріятныя для кого либо выраженія, употребленныя мною въ видахъ этого послѣдняго, должны быть обсуждаемы въ связи съ этимъ послѣднимъ, какъ его средства, а не средства оскорбленія.

Если такъ смотрѣть на дѣло, то станетъ понятнымъ, что тѣ выраженія, которыя въ жалобѣ служатъ описательными приѣмами, не могутъ считаться оскорбительными, доколѣ относятся къ описанію противузаконныхъ событій и лежащихъ въ основаніи ихъ мотивовъ; ни одно изъ нихъ отдѣльно отъ жалобы обсуждаемо быть не можетъ; это сознаетъ и палата, признавая всю жалобу оскорбительною, изъ чего лучше всего явствуетъ неоскорбительность, даже по ея мнѣнію, отдѣльныхъ выраженій жалобы. Вся жалоба, какъ фактъ, прискорбна конечно для всѣхъ тѣхъ, на кого принесена, но всѣ отдѣльныя выраженія ея, суть составныя части жалобы, *всѣ прискорбны вмѣстѣ съ нею*. Но отъ прискорбнаго до оскорбительнаго еще далеко, а еще дальше до прямо-оскорбительнаго.

Жалуясь, я исполнилъ обязанность общегражданскую, право и обязанность вѣрноподданнаго, по словамъ самой палаты. Въ этомъ лучшее опроверженіе того, что я совершилъ проступокъ по должности; въ этомъ же опроверженіе оскорбительности изложенія жалобы, со всѣми ея выраженіями.

По праву и обязанности жалобщика я долженъ былъ называть описываемыя мною законопротивныя дѣйствія и ихъ поводы настоящими ихъ именами, ничего не умаляя и не преувеличивая, и разъ я это исполнилъ, разъ выраженія мои употреблены всѣ цѣлесообразно и нелиживы, я никого оскорбить не могъ, хотя и могъ сдѣлать лицамъ, на которыхъ жаловался, большую непріятность и выказать этимъ невысокое къ нимъ почтеніе.

Изреченіе „qui suo jure utitur nemini facit injuriam“ здѣсь уместнѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было.

Мои описательные приемы могли быть рѣзки, выводы смѣлы, доказательства недостаточны и даже вся жалоба несерьезна, но я все-таки этимъ никого не оскорблялъ.

Описательные приемы, такъ какъ въ числѣ ихъ прямо оскорбительныхъ нѣтъ, только съ стилистической точки зрѣнія, подлежали цензурѣ академіи наукъ; доказательства и выводы изъ нихъ—провѣркѣ помимо меня; несерьезность жалобы вела къ осужденію меня за мелочность, но статьѣ 283-й здѣсь нѣтъ мѣста, потому что за неосновательныя даже жалобы никто наказанію по 283 ст. не подлежитъ.

Я согласенъ, что и въ жалобѣ могутъ иногда найтись выраженія прямо оскорбительныя, напримѣръ, если жалобщикъ употребляетъ ругательныя или просто неприличныя эпитеты, рядомъ съ чьими либо фамиліями, или вноситъ цѣлыя отдѣльныя фразы, имѣющія прямо оскорбительное значеніе и несвязанныя съ общей темой жалобы. Но ничего подобнаго въ моей жалобѣ нѣтъ.

Переходя теперь, на всякій случай, къ тѣмъ отдѣльнымъ выраженіямъ, которыхъ палата касалась въ особенности, я докажу, что ни одно изъ нихъ неоскорбительно для Екатеринбургскихъ предсѣдателя и судей, даже въ томъ объемѣ, какой палата сама ставитъ для этого понятія.

Явно оскорбительнымъ и притомъ именно исключительно для предсѣдателя Екатеринбургскаго окружнаго суда, палата признаетъ то мѣсто, гдѣ говорится, что „ст. 106 наказа могла не нравиться только тому, кто пожелалъ бы ловить рыбу въ мутной водѣ—по выраженію Петра Великаго.“ Выводъ этотъ однако не такъ явенъ, чтобы обнаружиться при непосредственномъ краткомъ поясненіи. Палата дѣлаетъ его не прежде, какъ по сопоставленіи съ другими частями жалобы, изъ которыхъ яко бы явствуетъ, что выраженіе это обращено и относится къ поименованному предсѣдателю, потому что онъ разъ нарушилъ 106 статью; а затѣмъ, уподобленіе дѣйствій предсѣдателя суда, образованнаго по уставамъ 20 ноября 1864 г., дѣйствіямъ судей петровскаго времени, для палаты представляется безспорнымъ оскорбленіемъ предсѣдателя. Но такой выводъ противорѣчитъ, прежде всего, буквальному смыслу приведенной фразы, которая, если и заключаетъ въ себѣ порицаніе, то отнюдь не одному предсѣдателю Екатеринбургскаго окружнаго суда, а всякому тому

поклоннику неточности и недосказанности, которому могла не нравиться 106 ст. наказа. Въ ней вовсе не говорится именно о тѣхъ, кому статья не нравится, кто на нее соглашался, и, какъ председатель, самъ употреблялъ ее въ дѣло. а одинъ только разъ нарушилъ,—но говорится о тѣхъ, кому она не нравится въ принципѣ, кто, на мой взглядъ, недругъ точности и обстоятельности въ констатированіи слѣдовъ и судебныхъ работъ въ формѣ протоколовъ. Другими словами, порицаніе. если оно въ этой фразѣ есть, относится до многихъ. Положимъ, что кто нибудь, познакомившись съ Екатеринбургскимъ наказомъ, пришелъ къ выводу о томъ, что составленіе протоколовъ—излишняя и непроизводительная работа и уничтожаетъ, яко бы, свободу преній, и что отъ этого порядка тяготится будто бы весь судъ; спрашивается, къ кому относилась бы болѣе разбираемая фраза: къ председателю ли Бутакову или къ такому лицу? Очевидно къ послѣднему, а если это такъ, то, значить, она относилась скорѣе къ предсѣдавшему по моему дѣлу старшему председателю Окулову, которому принадлежитъ приведенный взглядъ на 106 ст. особаго наказа Екатеринбургскаго окружнаго суда, какъ это видно изъ приложенія 1-го къ этой апелляціонной жалобѣ. Такъ легко ошибиться въ отнесеніи къ опредѣленному лицу фразъ, имѣющихъ чисто описательное и безличное значеніе, потому что онѣ ни для кого прямо неоскорбительны. Прибавлю, что не считая палату экспертомъ по исторіи права, не могу согласиться, чтобы одно сравненіе петровскихъ судей съ нынѣшними, всегда имѣло оскорбительный смыслъ для послѣднихъ, а не наоборотъ.

Фраза о выдуманномъ протоколѣ, который я охотно въ другихъ мѣстахъ жалобы называю контръ-протоколомъ, признается палатой за оскорбительную потому, что „выдуманный“—синонимъ слову „ложный“. Эта слабая синонимика ничего не доказываетъ относительно оскорбительности и это понимаетъ палата, ставя съ ней рядомъ разсужденія о томъ, что если на протоколѣ значится подпись большинства участвовавшихъ въ засѣданіи, то онъ служить доказательствомъ дѣйствительныхъ, а не *выдуманныхъ* событій. Разсужденія эти могутъ вести только къ одному выводу, что документъ съ надписью протоколъ и подписями большинства присутствующихъ, нельзя уже не называть протоколомъ и что существованіе этого документа порождаетъ юридическую фикцію о томъ, что въ него записаны невыдуманные обстоятельства. Съ этимъ

никто спорить не станетъ, и я не только называю въ жалобѣ подписанный контръ-протоколъ именно протоколомъ, но даже подписать его въ качествѣ такового. Фикція же, присущая протоколу, для меня, какъ подписавшаго оный съ оговоркой, необязательна; я желалъ именно ее разрушить, доказывая въ жалобѣ неправильность составленія протокола и то, что онъ „несоотвѣтствуетъ истинѣ — умолчаніемъ о томъ, что именно въ дѣйствіяхъ предсѣдателя было противозаконнаго и несообразнаго“. Въ другихъ мѣстахъ я называю его „выдуманнѣмъ“, прибавляя „къ-то“ потому что незнаю къ-то, еще въ иныхъ мѣстахъ называю контръ-протоколомъ и называлъ бы, можетъ быть, ложнымъ протоколомъ, если бы это именно слово пришло мнѣ въ голову. И все таки въ этомъ нѣтъ и не было бы ничего оскорбительнаго, потому что именно на составленіе втораго протокола, въ видѣ невѣрнаго и для меня обиднаго, я жаловался, представляя при жалобѣ и документальный матеріалъ въ подтвержденіе жалобы.

Фразу о томъ, что немотивированная резолюція, въ извѣстныхъ случаяхъ, имѣетъ видъ произвольнаго распоряженія въ самой грубой формѣ палата относитъ къ г. Бутакову и другимъ, на основаніи сближеній съ другою частью жалобы, а оскорбительно признаетъ ее, вмѣстѣ съ какою то неизвѣстною другою, потому, — что обвиненіе судьи въ произволѣ, равно съ обвиненіемъ въ нарушеніи судейской присяги, слова которой призываютъ къ правосудію. Фразы этой, какъ ни для кого неоскорбительной и совершенно вѣрной, я назадъ не беру: она составляетъ логическое продолженіе тѣхъ разсужденій, которыя я цитирую предъ симъ, въ моей жалобѣ, изъ мотивовъ къ ст. 711-й уст. гражд. суд. Я останавливаюсь на этой части приговора палаты только для того, чтобы доказать фактическую ея невѣрность и необидительность. Стоитъ взглянуть на фразу и правительствующій сенатъ убѣдится, что это фраза — безличная, а такимъ отдаленнымъ сопоставленіемъ, какое употребляетъ палата, ее можно отнести ко всѣмъ лицамъ, фамиліи которыхъ упоминаются въ разныхъ мѣстахъ моей жалобы. Уподобленіе обвиненія — обвиненію въ нарушеніи присяги, какъ аргументъ, ничего не доказываетъ, а какъ сравненіе, слишкомъ неудачно, потому что всѣ мы произносимъ при присягѣ обѣщаніе свято хранить законы Имперіи, но за нарушеніе ихъ все-таки не отвѣчаемъ какъ за клятвопреступленіе, но даже и какъ за не-правосудіе.

Указаніе мое, что сотоварищи мои по службѣ руководствуются капризомъ при подачѣ голосовъ, палата признаетъ оскорбительнымъ для судей; это есть, по ея словамъ, умаленіе достоинства ихъ, а равно умаленіе достоинства предсѣдателя въ указаніи на то, что онъ даетъ этимъ капризамъ потачку, по словамъ палаты, „потачку неправосудію“.

Назвавъ тѣ дѣйствія, которыя палата, своимъ слогомъ, называетъ „неправосудіемъ“ (дѣло идетъ о разрѣшеніи отпуска слѣдователя), только капризомъ и потачкой, я употребилъ, оказывается, болѣе мягкія описанія, нежели обвиняющая меня палата. Мои выраженія менѣе прискорбны для лицъ, до которыхъ относятся, нежели тѣ, которыя употребила палата; выводъ, кажется, ясенъ: ни тѣ, ни другія, неоскорбительны, потому что я, какъ жалобщикъ, а палата, какъ судебное мѣсто, употребляетъ эти выраженія по праву, какъ описательные приемы, а не въ укоризну. Или палата думаетъ, что и тѣ, и другія, оскорбительны,—этого я рѣшить неумѣю. Избѣжать даже въ судебномъ приговорѣ извѣстныхъ описательныхъ приемовъ, риторическихъ фигуръ, не всегда удачныхъ и т. д. невозможно оказалось и самой палатѣ, въ дѣлѣ о неловкихъ или лишнихъ выраженіяхъ. Въ текстѣ приговора пришлось дѣлать и сопоставленіе и уподобленіе, и простой капризъ называть неправосудіемъ и указъ Петра Великаго язвительнымъ, а про сенатъ вскользь сказать, что онъ зорко слѣдитъ за дѣятельностью судовъ *новаго устройства* и т. п. Этимъ кажется лучше всего опровергнута самая палатою ея теорія о необходимости и возможности избѣгать поясненій и ограничиваться событіями въ бумагахъ о незаконныхъ дѣйствіяхъ.

О тѣхъ выраженіяхъ наконецъ, которыя составляютъ обвинительные пункты моей жалобы, палата вовсе не дѣлаетъ своего заключенія, потому что оныя подробно разобраны въ сенатскомъ указѣ, а такъ какъ въ немъ сенатъ, по поводу *выражений*, призналъ только, что за нихъ я *могу* подвергнуться ответственности, то ссылка на него, конечно, ничего не объясняетъ и оставляетъ въ приговорѣ пробѣлъ, тутъ же впрочемъ замѣняемый тѣмъ, что палата „считаетъ достаточнымъ сказать“, что вся жалоба написана съ очевидною цѣлью умалить достоинство судей и не можетъ не быть признана оскорбительной. Слѣдовательно и подробный разборъ матеріала, вошедшаго въ составъ приговора, приводитъ опять къ тому же „достаточно сказать“!

Думаю, что правительствующій сенатъ одѣлать по достоинству такую мотивировку приговора!

И вотъ, по этому приговору, за то, что жалуюсь по праву и обязанности вѣрноподданнаго на неправильныя, по моему мнѣнію, дѣйствія сослуживцевъ, я, въ этой жалобѣ, ни одно слово которой неопровергнуто, (безъ намѣренія оскорбить: о немъ нѣтъ ни слова въ утвержденномъ вопросѣ) употребилъ нѣсколько выраженій, прискорбныхъ для сослуживцевъ, будучи притомъ руководимъ желаніемъ направить дѣлопроизводство суда къ лучшимъ, по моему мнѣнію, результатамъ, палата присудила меня на гауптвахту по 283 ст. уложенія о наказаніяхъ.

Правительствующему сенату предстоитъ разрѣшить по моей аппеляціи, можно-ли утвердить такой приговоръ?

Все, что я могъ объяснить, я объяснилъ, и эта часть моей жалобы оканчивается просьбой вытребовать документы изъ соединеннаго присутствія и по нимъ опредѣлить: правъ ли я или виновать—по совѣсти.

IV.

Изъ желанія неоставить ничего недосказаннымъ и неосвѣщеннымъ изъ того, что я могу представить вниманію правительствующаго сената, жалуюсь во имя не личныхъ только гарантій, а гарантій сословія и общихъ гражданскихъ, я скажу еще нѣсколько словъ о нѣкоторыхъ процессуальныхъ нарушеніяхъ въ моемъ дѣлѣ.

Во 1-хъ) Изъ имѣющагося въ дѣлѣ прошенія моего, отъ 12 апрѣля, въ судебную палату, видно, что я еще ранѣе подачи частной жалобы на неподсудность дѣла, предварялъ о скорой ея присылкѣ, что и исполнилъ; но дѣло, назначенное къ слушанію и непредставлявшее никакой экстренности, слушаніемъ отсрочено не было (повѣстку мнѣ послали 2 апрѣля). Правда, палата и старшій ея предсѣдатель въ правѣ были счесть мою будущую жалобу неосновательною и полагать, что я желаю выиграть время; но нельзя же было быть убѣжденнымъ, что этотъ взглядъ раздѣлитъ сенатъ и что палатѣ не придется напрасно открывать засѣданіе, а мнѣ напрасно ѣхать въ Казань. Насколько мнѣ извѣстно, при подачѣ мало мальски основательныхъ жалобъ на *неподсудность*, суды и палаты не торопятся обыкновенно назначеніемъ къ слушанію дѣлъ, представляющихъ особой важности.

Во 2-хъ) Въ повѣсткѣ, которою меня вызывали (приложеніе № 2), рукою, повидимому, старшаго предсѣдателя палаты, и во всякомъ

случаѣ за его подписью, слѣлана приписка о томъ, что списки судей будутъ мнѣ выданы лишь по прїѣздѣ въ Казань. На чемъ могло быть основано такое нарушеніе моихъ правъ, я рѣшить не могу. Это значило, во всякомъ случаѣ, если предположить, что я списками судей интересовался, заставлялъ меня прїѣхать въ Казань тремя днями раньше. Я протестовалъ противъ этого надписью на второмъ экземплярѣ повѣстки; на этой надписи старшій предсѣдатель положилъ резолюцію „оставить безъ послѣдствій“, и, такимъ образомъ, даже послѣ протеста право мое продолжало быть нарушаемымъ; когда нельзя было уже думать, что я неинтересуюсь списками судей.

Въ 3-хъ) Въ томъ же прошеніи отъ 12 апрѣля, я просилъ о вызовѣ, въ качествѣ свидѣтелей, члена суда Іоулина и старшаго предсѣдателя Окулова, для доказательства того: меня ли одного поражали въ извѣстной мѣрѣ порядки и образъ дѣйствій, описываемые въ инкриминированной бумагѣ, или это, въ равной мѣрѣ, дѣлалось и съ поименованными лицами, имѣвшими случаи наблюдать порядки Екатеринбургскаго суда и объ которыхъ г. Окуловъ писалъ въ своемъ ревизіонномъ отчетѣ министру. При неизвѣстности мнѣ, есть-ли въ дѣлѣ жалоба моя — такая ссылка была необходима. Палата въ вызовѣ свидѣтелей мнѣ отказала опредѣленіемъ, состоявшимся 21 апрѣля, въ которомъ признала, что показанія гг. Іоулина и Окулова несущественны для вопроса объ оскорбительности выраженій какъ будто палатѣ предстояло рѣшить только этотъ вопросъ, а не вопросъ о моей виновности.

Въ 4-хъ) Дѣло мое производилось въ 1-мъ уголовномъ департаментѣ палаты, гдѣ предсѣдательствуетъ г. Окуловъ, тогда какъ такое же дѣло члена того же суда Іоулина, точно также обвинявшагося въ преступленіи должности, слушалось во 2-мъ департаментѣ. Я не знаю, почему это случилось, но если это неоправдывается постановленіемъ особаго наказа палаты, то и въ этомъ обстоятельствѣ я усматриваю нарушеніе моихъ гарантій, какъ подсудимаго именно отъ г. Окулова, отъ котораго зависѣло распорядиться иначе, если дѣло поступило въ 1-й департаментъ неправильно.

Въ 5-хъ) На другой день по полученіи списка судей, уже по прїѣздѣ въ Казань и, слѣдовательно, въ послѣдній день срока, я подалъ прошеніе объ отводѣ г. Окулова, какъ лица, на котораго я слѣлалъ уже ссылку, какъ на свидѣтеля. Правда, онъ буквально незначится въ спискѣ свидѣтелей — это и быть не могло, такъ

какъ предварительнаго слѣдствія непроизводилось, но апелляціонная инстанція еще могла уважить мое ходатайство. Палата оставила отводъ мой безъ послѣдствій, по буквальному смыслу закона, и именно на томъ основаніи, что предварительнаго слѣдствія по дѣлу не было. Г. Окуловъ самъ себя тоже не устранилъ и предсѣдалъ по дѣлу, въ которомъ я обвинялся въ томъ, что употребилъ оскорбительныя выраженія, протестуя въ жалобѣ противъ тѣхъ порядковъ, которые онъ одобрилъ какъ ревизоръ, и отстаивая тѣ, которые онъ оуждалъ. Это видно изъ приложенія № 1, выписки изъ сенатскаго указа по поводу донесенія г. Окулова. Думаю, что если слѣдствія не можетъ производить о своемъ сочленѣ чиновникъ того же суда (ст. ¹⁰⁸³/₁₀₉₅), то старшій предсѣдатель, резизирующий и аттестующій судей, могъ бы устраниваться отъ судейскихъ обязанностей, если онъ, по обязанности ревизора, уже высказывалъ свое мнѣніе о подсудимомъ судѣ и его отношеніяхъ къ порядкамъ, породившимъ судебное дѣло.

Можетъ быть, благодаря этому, г. Окуловъ призналъ мои указанія на одобряемые имъ безпорядки только кажущимися, а къ моему отстаиванію иныхъ порядковъ, напримѣръ протоколовъ по 106 ст. наказа, отнесся также не вполне объективно и, скорѣе съ наклонностью остаться вѣрнымъ своимъ прежнимъ взглядамъ. Если это такъ случилось, то я не виноватъ, что въ лицѣ г. Окулова произошло неформальное совмѣщеніе свидѣтеля и судьи, которое могло имѣть вліяніе на дѣло. Скорѣе на г. Окуловъ лежитъ упрекъ, что онъ, имѣя полную возможность замѣстить себя другимъ судьей, не воспользовался этою возможностью, хотя бы путемъ простаго неприбытія въ засѣданіе. Это было тѣмъ легче, что свободныхъ судей въ палатѣ и безъ г. Окулова оставалось достаточно, а я ни противъ кого другаго отвода предъявлять не былъ намѣренъ. Почему судьи въ палатѣ засѣдали только въ троѣмъ — это мнѣ кажется также необъяснимымъ, когда свободныхъ членовъ-криминалистовъ было гораздо больше; одинъ изъ нихъ, г. Траубенбергъ, засѣдалъ еще наканунѣ, другой, г. Пенчковскій, присутствовалъ въ тотъ же день при разсмотрѣніи отвода, а еще двое другихъ находились даже въ залѣ засѣданія, при слушаніи дѣла, въ качествѣ простыхъ слушателей. Кто рѣшилъ, что засѣдать будутъ только трое, я не знаю; думаю, что старшій предсѣдатель, потому что въ день выдачи мнѣ списка я его одного только видѣлъ въ департаментѣ палаты. Кто бы не рѣшилъ это, мнѣ кажется, поступилъ не-

основательно, сокративъ число присутствующихъ и не взявъ во вниманіе хотя бы того, что даже въ обремененныхъ департаментахъ сената, судебныя (апелляціонныя) дѣла слушаются въ полномъ департаментскомъ составѣ сенаторовъ.

На изложенныя обстоятельства я имѣю честь просить правительствующій сенатъ обратить вниманіе въ порядкѣ надзора и сдѣлать должное заключеніе о личныхъ дѣйствіяхъ старшаго предсѣдателя г. Окулова по этому дѣлу, въ томъ хотя бы вниманіи, что то, что случилось со мною, исполнѣ знакомымъ съ своими правами, можетъ повторяться и съ другими, въ особенности, менѣе опытными и болѣе безотвѣтными лицами.

V.

По всѣмъ изложеннымъ основаніямъ, я имѣю честь просить правительствующій сенатъ:

1) Прочитать исполнѣ ту мою жалобу, по поводу которой я обвиняюсь, и сообразить мое описаніе разныхъ фактовъ изъ дѣятельности Екатеринбургскаго суда, съ приложенными къ ней документальными доказательствами, которыя вытребовать изъ соединеннаго присутствія;

2) Признать дѣло мое подлежащимъ веденію въ общемъ порядкѣ, а потому неподсуднымъ Казанской судебной палатѣ, и приговоръ палаты уничтожить какъ состоявшійся не въ установленномъ закономъ порядкѣ;

3) въ случаѣ непризнанія моего предъидущаго ходатайства уважительнымъ, рассмотреть дѣло въ существѣ и признать меня оправданнымъ, или,

4) за давностью, отъ суда свободнымъ, и

5) рассмотреть въ порядкѣ надзора личныя въ отношеніи меня дѣйствія старшаго предсѣдателя Казанской судебной палаты, г. Окулова.

ЗАЩИТЕЛЬНАЯ РѢЧЬ В. Д. СПАСОВИЧА.

Гг. сенаторы! Дѣло Савицкаго такого рода, что если его не концентрировать, то можно о немъ говорить и часъ, и два, и десять, и бесконечно. Дѣло похоже не на рѣку, которой ручьи сливаются въ одно русло, но на пенъ старой вербы, пускающій много тонкихъ и, надобно прибавить, хилыхъ вѣтвей. Пенъ, — это первоначальная жалоба въ сенатъ, 14 января 1879 г., члена Екатеринбургскаго

суда Савицкаго, движимаго искреннею, сердечною и непритворною печалью о томъ, что принципъ коллегіальности падаетъ въ Екатеринбургскомъ судѣ, вслѣдствіе установившихся, противныхъ ей, порядковъ. Особое присутствіе сената не только оставило жалобу безъ послѣдствій, но усмотрѣло въ ней 13 пунктовъ, оскорбительныхъ для предсѣдателя суда и судей, товарищей жалобщика. По каждому изъ 13 пунктовъ Савицкій оправдывается горячо, литературно, во всякомъ случаѣ пространно, со ссылками на законы и кассационную практику. Повторять всю аргументацію указа сената, защиты Савицкаго, приговора палаты и апелліаціи, разбавляя ихъ еще водицею подсрочныхъ примѣчаній, я считалъ-бы ненужнымъ толченіемъ воды, неприводящимъ ни къ какому результату. Есть случай, когда защитѣ нужно какъ можно болѣе отождествляться съ подсудимымъ и передавать, сколько возможно вѣрно и полно, чувства его одолевавшія; есть случаи, напротивъ, (настоящій сюда принадлежитъ) когда полезнѣе, наоборотъ, отдалиться отъ подсудимаго, отнестись къ нему совершенно объективно, искать оправданій въ свойствѣ самаго поступка, отвлекая его отъ личныхъ цѣлей и побужденій, что я и постараюсь сдѣлать. Но этотъ способъ можетъ разсчитывать на успѣхъ только при особыхъ условіяхъ, только въ томъ случаѣ, если вы сами, гг. сенаторы, дѣйствуя въ качествѣ уголовного кассационнаго департамента, какъ апелліаціоннаго суда, отрѣшитесь отъ солидарности въ соединеннымъ присутствіемъ перваго и кассационнаго уголовного департаментовъ, въ его заключеніяхъ, состоявшихся 11 мая 1879 г., въ распорядительномъ засѣданіи, по дѣлу о жалобѣ Савицкаго на Екатеринбургскій судъ. Подавляющее впечатлѣніе этаго заключенія столь велико, что подчинило себя Казанскую судебную палату, которая, въ мотивахъ рѣшенія, умозаключаетъ такимъ образомъ: *сенатъ, зорко слѣдящій за порядками судопроизводства, оставилъ жалобу Савицкаго безъ послѣдствій, чѣмъ очевидно доказалъ, что событія, которая сенатъ не нашелъ даже нужнымъ подтвердить путемъ истребованія объясненій, если они и случились въ дѣйствительности, никакихъ проступковъ въ себѣ не заключаютъ.* Умозаключеніе построено такъ: удалось Савицкому вызвать со стороны сената требованіе объясненій отъ обвиняемыхъ лицъ, а еще болѣе добиться ихъ преслѣдованія. тогда онъ правъ и имѣлъ основаніе такъ дѣйствовать; не удалось, тогда онъ очевидно не правъ. Это значитъ судить о намѣреніяхъ по успѣху, оправдывать ихъ успѣхомъ и умозаключать совсѣмъ невѣрно, такъ какъ изъ того, что

сенатъ оставилъ жалобу Савицкаго безъ послѣдствій, слѣдовало умова-
ключить, что его жалобу не уважили, и только, но не слѣдуетъ заклю-
чать, чтобы подъ жалобою не скрывалось намѣреніе глубокое, можетъ
быть плохо формулированное и только ненадлежащимъ приемомъ
раскрывающее зло; и особое присутствіе не непогрѣшимое установ-
леніе и Екатеринбургскій судъ еще не идеаль и не образецъ
суда, хотя жалоба Савицкаго и оставлена безъ послѣдствій.
До кассационнаго сената доходило другое дѣло этого суда: здѣсь,
въ прошломъ году, судился членъ суда Іолшинъ, за такую же именно
мелочь, которую и подымать не слѣдовало, и онъ былъ оправданъ
департаментомъ. Я попрошу васъ, гг. сенаторы, повременить съ заклю-
ченіемъ и не становиться на точку зрѣнія Казанской судебной палаты,
относительно содержанія жалобы 14 января. Она не получила хода,
не была уважена, но оцѣнить вы ее можете и должны сами, само-
стоятельно и независимо отъ особаго присутствія; при этомъ вы
должны будете признать, если бы вы даже мысленно пришли
къ убѣжденію, что ее надо было оставить безъ послѣдствій, что
писавшій ее чловѣкъ писалъ искренно, съ убѣжденіемъ, безъ лич-
ныхъ видовъ, для пользы общаго блага, можетъ быть дурно пони-
маемаго, и что онъ дѣйствовалъ по мѣрѣ своего разумѣнія. Мнѣ неза-
чѣмъ просить васъ, -- чтобы вы не сочли вопросъ объ оскорбительно-
сти 13 отиѣченныхъ особымъ присутствіемъ фразъ, уже предрѣшен-
нымъ опредѣленіемъ и указомъ особаго присутствія 1879 г. изъ кото-
рыхъ и составленъ, прямою перенискою съ бумаги на бумагу, обвини-
тельный актъ, по которому Савицкій преданъ суду. Особое присут-
ствіе есть то начальство, которое, въ данномъ случаѣ, предаетъ слу-
жащаго суду. Преданіемъ суду вина не установлена и преданный
суду можетъ быть оправданъ, какъ то случилось съ Іолшинымъ,
товарищемъ Савицкаго, въ прошломъ году. -- И такъ, въ надеждѣ,
что правительствующій сенатъ, въ кассационномъ департаментѣ, не
сочтетъ себя связаннымъ опредѣленіемъ особаго присутствія пер-
ваго и уголовного кассационнаго департаментовъ, я, съ моей сто-
роны, отрѣшаюсь отъ солидарности съ моимъ кліентомъ и начну
съ того, что заявляю, что не стану поддерживать ту часть его жа-
лобы, въ которой онъ силится доказать, что его преступленіе, если
бы таковое и существовало, а существованіе его онъ отрицаетъ,
подходило бы только подъ 283 ст. а никакъ не подъ 347 ст. ул., то
есть что оно было бы оскорбленіемъ, нанесеннымъ въ поданной офици-
ціальной бумагѣ должностнымъ лицамъ, частнымъ лицомъ, которое,

вслѣдствіе того, что оно получило неправильное направленіе и отослано въ ненадлежащій судъ, въ палату, а не въ окружный судъ, покрылось уже давностью, болѣе чѣмъ двухлѣтнею. Я не беру назадъ этихъ возраженій, я на то не уполномоченъ, я прошу разубраться и ихъ по апелляціи Савицкаго; на мой взглядъ они недостаточно убѣдительны, потому что хотя писаніе жалобъ на товарищей опредѣленнаго суда и не входило въ кругъ судейскихъ обязанностей Савицкаго и не возлагалось на него такими-то статьями закона, но его жалоба, есть такого рода дѣловая бумага, которая, въ данномъ случаѣ, только при условіи подписанія ея не надворнымъ совѣтникомъ, а членомъ суда Савицкимъ, подлежала вѣдѣнію и разсмотрѣнію сената, возбуждала дѣятельность сената въ порядкѣ верховнаго надзора и была въ этомъ качествѣ разсмотрѣна. Когда ее писалъ Савицкій, то въ немъ прорывался, съ своимъ негодованіемъ, не только человѣкъ, но еще болѣе судья, который въ своей профессиональной дѣятельности стѣсненъ тѣмъ, что попирается дорогой его сердцу принципъ коллегіальности, составляющій одинъ изъ крѣчайшихъ устоевъ организаціи суда. Глубокое сознаніе полной проволы своихъ дѣйствій онъ сохранилъ и послѣ того, когда сенатъ, на который онъ возлагалъ свои надежды, отвѣтилъ ему преданіемъ его суду. За эту устоячивость въ убѣжденіяхъ никто не вправѣ ни претендовать къ нему, ни взыскивать,—это святая область чувствъ и убѣжденій человѣка, въ которой каждый, будь онъ администраторъ или судья, не повиненъ отчетомъ начальству. Савицкій не пошелъ на капитуляцію даже и послѣ приговора, и даже нашелъ себѣ союзниковъ: въ Журналѣ гражданскаго и уголовнаго права за 1881 годъ, кн. IV; въ тифлискихъ „Судебныхъ Отголоскахъ“ № 29 и 30; онъ, вслѣдствіе такого оглашенія своего дѣла, подвергся и полемикѣ со стороны тифлискаго Юридическаго Обозрѣнія, гдѣ его выставили въ видѣ судьи — Донъ Кихота. Вотъ это пропечатаніе жалобы 1879 года составляетъ corpus delicti и есть delictum communis juris, общегражданское преступленіе частнаго лица посредствомъ печати, диффамация или отзывъ о должностномъ лицѣ, заключающій въ себѣ злословіе и брань, хотя я долженъ сказать, что когда прочтешь это произведеніе печати, то не вѣришь что бы могла придти мысль о преступленіи посредствомъ печати, до того мы привыкли, со стороны печати, къ отзывамъ во сто разъ болѣе рѣзкимъ и рѣшительнымъ. Великое дѣло типографскій станокъ; многое подъ нимъ терпитъ бумага, чего она какъ будто

стыдиться и чурается подъ перомъ. Я васъ попрошу гг. сенаторы, на этотъ разъ мысленно поставить вопросъ такъ, какъ будто бы жалоба уже была на весь широкій свѣтъ предана гласности, а не предназначена для келейнаго разсмотрѣнія въ распорядительномъ засѣданіи соединеннаго присутствія. При такомъ взглядѣ, великія винны писавшаго бумагу будутъ умаляться, таятъ, до такихъ размѣровъ, что наибольшее, что можно будетъ усмотрѣть, *это, по 347 ст. улож., не обида, а образъ выражений, противный правиламъ пристойности*, за что полагается выговоръ, а можетъ быть и до нуля понизиться эта вина, т. е. не будетъ усмотрѣно ничего, не только оскорбительнаго, но и непристойнаго.

Рѣшившись на одну уступку и отдалившись на довольно значительное разстояніе отъ моего кліента, я сдѣлаю еще одинъ шагъ и постараюсь опредѣлить самаго Савицкаго, насколько это необходимо для уразумѣнія его жалобы.

Савицкій кончилъ курсъ медико-хирургической академіи, но съ 1862 по 1870 годъ состоялъ кандидатомъ при уголовномъ кассационномъ департаментѣ сената, гдѣ его можетъ быть нѣкоторые изъ васъ и помнить. Къ этому времени относится начало его литературныхъ связей, его сотрудничество въ разныхъ юридическихъ журналахъ. Его несчастье, можетъ быть, то, что изъ правительствующаго сената онъ вынесъ слишкомъ идеальное понятіе объ обязанностяхъ судьи, о злѣ, о правдѣ, что, можетъ быть, развилась въ немъ именно здѣсь та черта въ его характерѣ, о которой онъ говоритъ: *„всегда готовый протестовать противъ нарушеній и отсутствія порядка, хотя бы это создало мнѣ репутацію нетерпимого и беспокойнаго человека.“* Въ результатѣ, отъ совместнаго дѣйствія врожденнаго темперамента и юридическаго воспитанія, полученнаго здѣсь же, такъ сказать у главнаго алтаря святилища Оемиды, получился человекъ съ извѣстною складкою ума и характера, такую именно, какую имѣютъ во всякомъ дѣлѣ протестанты, раскольники и іересіархи, и всѣ печальники о судебныхъ порядкахъ, въ томъ смыслѣ этого слова въ которомъ употреблялъ его Некрасовъ, называя самаго себя печальникомъ о русской землѣ. Таковъ онъ есть и будетъ; его не передѣлаешь; вопросъ только въ томъ, невозможенъ ли въ судѣ человекъ съ такими качествами или возможенъ? Право, эти качества недурныя, въ особенности теперь, когда судебныя уставы значительно пообновились и духъ ихъ улетучился, а рутина, то и дѣло, что засасываетъ ихъ, и доля живаго

дѣла становится меньше и меньше. За то, что кто нибудь, не по напускному, а по искреннему чувству, очутится въ положеніи Чацкаго или Альцеста изъ Мизантропа, его еще не осуждаютъ и не вѣшаютъ. Можетъ быть, пожавъ плечами, скажутъ: чудака да и только, а можетъ быть и пожалѣютъ о томъ, что не больше на свѣтѣ такихъ чудаковъ, потому что одинъ въ полѣ не воинъ. Во всякомъ случаѣ, надо отдать должное искренности чувства, когда обращаясь къ администраторамъ — судьямъ правительствующаго сената, почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, какъ нѣкогда Лютеръ: *ich kann nicht anders*, онъ формулировалъ такимъ образомъ свое обращеніе, въ словахъ, изъ которыхъ составленъ 10 пунктъ обвинительнаго акта. *Разсуди меня съ г. Бутаковымъ, правительствующій сенатъ; иптъ, кромѣ жалобы, другаго средства, чтобы выяснитъ: можно ли продолжать службу въ судахъ, держись на чисто легальной почвѣ, безъ потачки, послабленія и умаленія правъ, или просить объ освобожденіи отъ службы тому, кто не обладаетъ готовностью на каждомъ шагѣ дѣлать уступки, неуставленныя закономъ, для того, чтобы былъ видимый ладъ и во славу идеи о судейской непогрѣшимости.* Признаюсь, что это полемическое мѣсто изображаетъ наисубъективнѣйшія чувства человѣка, который не можетъ смотрѣть, безъ энергическаго протеста, но то, что общее дѣло и благо гибнетъ отъ безпорядка; мѣсто, напоминающее послѣдній монологъ Чацкаго: „гдѣ оскорбленному есть чувству уголокъ;“ оно есть послѣднее, какое можно только выбрать, мѣсто совсѣмъ уже неподходящее къ тому, чтобы оскорбить г. Бутакова. Послѣ того, всякая исковая не естьли оскорбленіе, потому что она сводится къ тому, что разсуди меня судъ истца, человѣка праваго, съ отвѣтчикомъ, человѣкомъ неправымъ. Если считать, что сенатъ призналъ это выраженіе оскорбленіемъ для себя, отождествивъ себя послѣ отказа Савицкому, съ Бутаковымъ, то, съ другой стороны, очевидно, что отказъ-то не предвидѣлся Савицкимъ, когда писалась жалоба. Или еще одно предположеніе: особое присутствіе признаетъ обязательнымъ извѣстную долю оптимизма во взглядахъ на современное состояніе поднадзорнаго, ему подчиненнаго, района, и считаетъ, что для сената оскорбительно предположеніе: будто-бы, подъ нимъ, внизу, могутъ быть нападки, послабленія и умаленіе правъ. При всемъ моемъ уваженіи къ высокому присутствію, подчеркнувшему монологъ мизантропа, въ данномъ случаѣ, я со смиреніемъ заявляю, что для меня несовсѣмъ понятно оскорбленіе лично для предсѣдателя и членовъ

суда, въ этой пессимистической тирадѣ, которая имѣетъ значеніе болѣе общее. Какъ Чацкаго крикъ: „карету мнѣ, карету,“ не можетъ быть считаемъ оскорбленіемъ Фамусова, Скалозуба и даже всего московскаго общества, а развѣ всего своего вѣка, среди котораго пришлось ему жить, такъ и въ тирадѣ Савицкаго есть все, что хотите: протестъ противъ условій судейской жизни въ Россіи, въ концѣ 1879 года, протестъ можетъ быть безумный, можетъ быть неосновательный, во всякомъ случаѣ искренній, но не оскорбленіе отдѣльных лицъ. Если бы Фамусова и Скалозуба спросили: оскорблены-ли они словами Чацкаго, они, напротивъ того, сказали-бы въ одинъ голосъ: туда ему и дорога, карету ему, карету. Я полагаю, что таково и отношеніе къ Савицкому Екатеринбургскихъ судей. Послѣ всего сказаннаго надлежало-бы 10 пунктъ исключить.

Я полагаю, что также слѣдуетъ исключить пункты 11, 12 и 13. Савицкій замѣчаетъ весьма резонно: я въ концѣ жалобы писалъ обвинительные пункты; я былъ убѣжденъ, что мои противники виновны по 344 ст. улож. въ преступленіи, какъ должностныя лица, мѣшающія другимъ лицамъ въ отправленіи должности. Съ цѣлью, весьма опредѣленною, упечь ихъ подъ судъ, я и обвинялъ: 1) председателя Бутакова въ томъ, что онъ отступивъ отъ установленныхъ наказомъ правилъ, не только отказалъ подписать составленный секретаремъ, по его, Савицкаго, черновой, проектъ протокола, но сочинилъ самъ или чрезъ другое лицо, другой, въ которомъ намѣренно, для сокрытія слѣдовъ злоупотребленія и не правильности дѣла, иначе представилъ происходившее и этотъ новый протоколъ далъ подписать; 2) въ томъ, что получивъ представленіе Савицкаго объ исправленіи безпорядковъ, намѣренно задержалъ эту бумагу и внесъ ее въ общее собраніе суда въ отсутствіе Савицкаго и въ то время, когда, по случаю начавшихся каникулъ, въ іюнѣ, отсутствовала $\frac{1}{3}$ членовъ; 3) относительно судей Клименко, Шадурскаго и Краснофѣвцева, что они дѣйствуя съ Бутаковымъ за одно, учинили это не по незнанію, а съ намѣреніемъ: а) съ цѣлью одобрить неправильныя дѣйствія Бутакова, б) съ другой,—воспрепятствовать ему, Савицкому, осуществитъ права, принадлежащія ему по должности, слѣдовательно участвовали въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 344 ст. улож. Я дурно описалъ дѣйствія товарищей, думалъ про себя Савицкій, я можетъ быть описалъ рѣзко, мои выводы смѣлы, доказательства недостаточны, сама жалоба несерьезна, но все таки я хотѣлъ ихъ

упечь подъ судъ, а не оскорблять, изъ чего слѣдуютъ неизбѣжно слѣдующіе выводы:

1) Несомнѣнно, что Савицкій имѣлъ умыселъ, который онъ долго питалъ и который онъ осуществилъ съ полною обдуманностью, но умыселъ свойственный не оскорбленію, а лжедоносу, по 940 ст. улож. то-есть обвиненію кого бы то ни было не только въ дѣяніи, противномъ правиламъ чести, но и противозаконномъ, заявленному не окольнымъ путемъ, а прямо той власти, которая можетъ возбуждать преслѣдованіе (рѣш. по дѣлу Сизаго 1875 года, № 572). До полного состава лжедоноса недостаетъ одной маленькой черты,—завѣдомой лживости обвиненія, которая если-бы была усмотрѣна или заподозрѣна особымъ присутствіемъ, то Савицкій за это преступленіе былъ бы судимъ и судимъ съ присяжными. Но Савицкій дѣйствовалъ, какъ дѣйствуетъ прокурорская власть, въ трехъ, на каждые четыре, по крайней мѣрѣ, случаяхъ своихъ дѣйствій: сознавая обвиненіе по 344 ст. улож. недостаточно убѣдительнымъ, онъ строилъ обвиненіе и недостроивъ создалъ карточный домикъ, а не обвинительный актъ. Возникаетъ вопросъ, можно-ли для образованія состава преступленія брать изъ одного рода преступленія умыселъ и вставлять его въ другой, иной родъ; взять *animus denunciandi* и вставить этотъ *animus* въ преступленіе, гдѣ требовался *animus injuriandi* и штука готова. Дѣти забавляются такъ, я знаю, упражняясь на складныхъ кускахъ изображеній животныхъ: голову козла приставляя къ тѣлу лошади или собачью къ туловищу кота; на то и игра и забава, а въ сущности это опытъ создать нѣчто неестественное, даже противоестественное. Когда X покушался убить или обокрасть Z, то нельзя же руководствуясь только тѣмъ, что онъ хотѣлъ вообще повредить Z, приписывать ему умыселъ обидѣть Z, т. е. выразить по отношенію къ нему свое презрѣніе, котораго онъ можетъ быть вовсе не имѣлъ, а ненавидѣлъ Z и боялся; потому что такое навязываніе умысла было бы просто ложью и только: оно претитъ, какъ нѣчто прямо противное дѣйствительности.

2) Задавшись мыслью упечь товарищей подъ судъ, съ этою только цѣлью и сознавая все значеніе тяжелой борьбы, Савицкій сѣлъ писать жалобу. Чтобы вызвать преслѣдованіе, ему слѣдовало: либо а) указать статью 344, но затѣмъ описать дѣйствія юридычески, криминалистически, чтобы весь составъ преступленія определился, какъ опредѣляется преступленіе въ вопросахъ, предлагае-

мыхъ присяжнымъ. и со стороны внѣшняго дѣйствія и обстановки, и со стороны настроенія воли; либо б) ограничиться однимъ описаніемъ, настолько точно, чтобы уже было несомнѣнно, что эти дѣянія прямо такъ таки и подходятъ подъ 344 ст. Онъ избралъ послѣднее. Весь вопросъ: противозаконно ли служащему жаловаться по начальству на товарищей, за беспорядки по службѣ? Не только непротивозаконно, но даже обязательно, по множеству законовъ, чего никто не опровергаетъ. Кто осуществляетъ извѣстное право, тотъ долженъ пользоваться и средствами для его осуществленія. Одно изъ этихъ средствъ—опредѣленіе поступка, его уголовныхъ признаковъ: намеренно, изъ корыстныхъ видовъ, для сокрытія злоупотребленій и неправильныхъ дѣйствій. Всякій обвинительный актъ и всякая исковая, неподтвердившіяся на судѣ и провалившіяся, превращались бы въ обиды, обиды простыя, со стороны истца, обиды по 347, причиняемыя должностнымъ лицомъ, въ случаѣ провала обвинительнаго акта, причемъ стѣснялся бы ходъ правосудія, которое требуетъ, чтобы вещи назывались правдиво и прямо по имени: укралъ, такъ укралъ; обманулъ, такъ обманулъ. Я полагаю, что на судѣ, (а особое присутствіе есть тоже судебное мѣсто, какъ и судебная палата), незачѣмъ и не для чего деликатничать. Я полагаю, что вы первые осудите ту теорію Казанской судебной палаты, по которой жалобщикъ, представляя высшей инстанціи предосудительные факты, долженъ описать ихъ, воздерживаясь отъ ихъ квалификации и предоставить высшей власти всецѣло оцѣнку этихъ фактовъ. На это невозможное требованіе Савицкій отвѣчаетъ побѣдоносно: когда частное лицо жалуется на преступленіе по 46 и 302 ст. уст. уг. суд., то оно должно указать и дѣяніе преступное; и тѣ причины, по которымъ оно считаетъ его противозаконнымъ и преступнымъ; что эта жалоба, по 526 и 520 ст. уст. уг. суд., должна заключать даже опредѣленіе по закону, какому преступленію соотвѣтствуютъ признаки разсматриваемаго дѣянія. И въ подкрѣпленіе этого вывода я ссылаюсь на дѣло Аманова 1875 года, № 275, по которому вы рѣшили, что умышленно несправедливая жалоба на опредѣленные дѣйствія должностнаго лица, можетъ быть преслѣдуема какъ ложный доносъ, а не какъ оскорбленіе должностнаго лица.

Если, такимъ образомъ, устранены будутъ 10—13 пункты, то остаются 9 первыхъ, которые столь слабы, что разложивъ каждый изъ нихъ, много, много, если въ 1, 2 и 3 найдутся выраженія,

не то что оскорбительныя, а неумѣстныя, неприличныя, или такія, которыя можно было замѣнить менѣе колкими или и совсѣмъ обойти. Я ихъ подраздѣлю на два класса яко-бы оскорбительныхъ фразъ: одни содержатъ совершенно общія, безличныя и отвлеченныя разсужденія, которыя не только судей, но и предсѣдателя Бутакова задѣвать не могутъ, другія, хотя его задѣваютъ, но со ссылкой на положительные факты, которые надлежало бы повѣрить прежде, чѣмъ рѣшиться судить Савицкаго.

1 классъ. 1) Савицкій предпосылаетъ своимъ обвиненіямъ общія соображенія или аксіомы, въ видѣ слѣдующихъ: суды не состоятъ изъ однихъ предсѣдателей; иногда, вслѣдствіе безтактности предсѣдателя, невыгодно слагается репутація всего суда, въ ущербъ отдѣльныхъ судей, ни въ чемъ въ этомъ неповинныхъ. Эти фразы, безъ прямой связи въ жалобѣ съ Екатеринбургскимъ судомъ, такого рода, что ихъ можно примѣнить ко всякому суду, какъ афоризмъ, какъ аксіому и даже какъ назиданіе членамъ, чтобы они не бездѣйствовали, а помогали предсѣдателю безтактному, удерживали его отъ безтактныхъ дѣйствій, потому что репутацію суда они должны дорожить, какъ собственною.—

2) Незачто судить Савицкаго и по 4 пункту: если между судьями происходило разногласіе и послѣ долгаго спора дѣло рѣшено, но рѣшено резолюцію, безъ всякихъ мотивовъ, то эта резолюція имѣетъ видъ произвола, въ самой грубой формѣ. Особое присутствіе обошло самый вопросъ о правильности или неправильное немотивированнаго отказа. Сама по себѣ идея столь вѣрна, что едва ли ее можно оспаривать. Характеръ произвола имѣютъ всѣ дѣйствія, неподкрѣпленныя основаніями и резонами. Для коллегіи вообще и судовъ въ особенности, весьма существенно, чтобы всякая резолюція, сколько нибудь сложная и возбуждавшая пренія, была изложена съ изображеніемъ ея происхожденія, ея логическихъ корней и утвержденій.

3) Я теперь не могу себѣ уяснить, что оскорбительнаго въ томъ, что жалуюсь на распоряженіе въ распорядительномъ засѣданіи Екатеринбургскаго окружнаго суда, подъ предсѣдательствомъ Бутакова, въ составѣ 4 членовъ, Савицкій выразился такъ: дѣйствія этой *коллегіи*. Вся суть въ томъ, что Савицкій имѣлъ о коллегіи весьма высокое понятіе; ругать словомъ *коллегія* товарищей ему не приходилось, напротивъ того, если есть колкость, то она противоположнаго свойства, въ родѣ той: ай да судъ, ай да коллегія, т. е.

собраніе, судъ, дѣйствовалъ не по судейски и не коллегіально, потому что онъ нарушилъ законъ. Опять вопросъ о лживомъ доносѣ, а не объ оскорбленіи.

4) Наконецъ, я попрошу нѣкотораго снисхожденія, нѣкоторой пощады, для словъ Петра Великаго, для крѣпкихъ, ядренныхъ выраженій этаго великаго реформатора, для его рѣзкихъ отзывовъ о судьяхъ, которымъ бы „въ мутной водѣ рыбу ловить“. Курьезна не столько эта фраза, выхваченная изъ жалобы Савицкаго, сколько разсужденія Казанской судебной палаты, что, сама по себѣ, эта фраза ничего, но что нельзя уподоблять дѣйствіи судей нынѣшнихъ, работающихъ по уставамъ 20 ноября 1864 года, дѣйствіямъ судей времени Петра Великаго, которые были извѣстны какъ взыскатели и насильщики. Забавно то, а) что по взгляду Казанской судебной палаты только судамъ по уставамъ 20 ноября обидно сравненіе съ петровскими, слѣдовательно, соединеннымъ палатамъ оно нипочемъ; б) что смѣшано время съ человекомъ; во многихъ отношеніяхъ мы недалеко ушли отъ нравовъ петровскихъ, но нѣтъ уже того могучаго человека, котораго слово разило столь же сильно, какъ и дубина, такъ что нашего брата коробить иногда отъ этихъ словъ, какъ отъ нецензурныхъ.

2 классъ. Переходя, затѣмъ, къ пяти пунктамъ жалобы, личнымъ, я 1) устраняю пунктъ 5, чтобы покончить съ изложеніемъ неправильныхъ дѣйствій суда; всякая жалоба объ апелляціи и кассациі имѣетъ отчасти своимъ предметомъ неправильныя и даже противозаконныя дѣйствія суда; запретить употребленіе этихъ выраженій, значитъ почти что отиѣнить институты апелляціи и кассациі. 2) Пунктъ 9: „самъ предсѣдатель Бутаковъ, жаловался на насъ членовъ суда, въ Казанскую судебную палату, двумя весьма тенденціозными, секретными доношеніями“. Это не мнѣніе и не сужденіе, а просто ссылка на факты, которые неразъяснены потому, что жалобѣ Савицкаго не дано хода. А можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ донесенія Бутакова поданы и они тенденціозны; если такъ, то въ оглашеніи факта нѣтъ ничего оскорбительнаго. Притомъ факты осуждать можно, не осуждая и не умоуаключая только, исходя изъ нихъ, о лицѣ.—это первое правило судопроизводства и уголовного и гражданскаго; въ обоихъ судятся отдѣльныя незаконныя дѣйствія отдѣльныхъ лицъ, съ весьма осторожнымъ отнесеніемъ ихъ на самое лицо. 3) Это послѣднее замѣчаніе относится къ протоколу, непризнаваемому Савицкимъ, въ словахъ: „къмъ то выдуманый“. На счетъ протокола возникали два во-

проса, въ разрѣшеніи которыхъ Савицкій видимо заблуждается, что и уяснено ему особымъ присутствіемъ сената, въ 4 пун. указа отъ 11 мая. Онъ полагалъ, что каждый членъ, по желанію, можетъ составлять протоколъ о происшедшемъ, и что по этому черняку секретарь обязанъ изготovitъ протоколъ и предложить его къ подписи. Это невѣрно; изготovitеліе лежитъ, по требованію большинства, на секретарѣ, дѣлается подъ руководствомъ предсѣдателя и ограждается отъ несогласія съ дѣйствительностью правомъ всякаго подписывающаго отмѣтить, при особомъ мнѣніи, несогласіе описаннаго съ дѣйствительно происходившимъ. Слова: „къмъ то вымышленный“, со стороны Савицкаго, суть не порицаніе неизвѣстнаго числа присутствовавшихъ, а можетъ быть и всѣхъ присутствовавшихъ, но порицаніе и отрицаніе куска бумаги, какъ неизвѣстно отъ кого исходящаго и какъ несогласнаго съ дѣйствительностью, потому что проектъ протокола не читался въ засѣданіи, а очутился уже подписаннымъ и то, вѣроятно, на дому, членомъ неприсутствовавшимъ въ засѣданіи, товарищемъ предсѣдателя Клименко: слѣдовательно, существовалъ родъ стовора послѣ собранія. противъ меньшинства относительно редакціи протокола. Какъ бы то ни было, весь вопросъ въ томъ, заблуждался ли Савицкій, а не въ томъ, желалъ ли онъ оскорбить непоименованныя имъ лица, порицая протоколъ. изъ порицанія коего, окольнымъ путемъ, можно дойти до умозаключенія о порицаніи его составителей (я не могу доказать, что моя вещь въ чужомъ владѣніи, потому что владѣлецъ можетъ обидиться и сказать: такъ стало быть я ее укралъ). Наконецъ, весь анализъ 13 пунктовъ сводится къ двумъ только фразамъ, въ которыхъ, я не отрицаю, Савицкій можетъ быть и увлекся, но увлекся до выраженій игривыхъ, колкихъ, можетъ быть неумѣстныхъ, но не оскорбительныхъ. Признаки оскорбленія только тогда бы могли быть установлены, если-бы было доказано, что описываемое не происходило вовсе въ дѣйствительности, что голосованіе по вопросу объ отпускѣ Кривцова происходило не въ томъ порядкѣ, какъ описано, потому что если оно происходило въ томъ порядкѣ, то понятно, что можно было написать: а) судьи дали отвѣты, но дали ихъ по чистому капризу, а предсѣдатель потакалъ имъ, неисполняя требованій; б) лицо, отъ котораго зависитъ инициатива въ управленіи судомъ, по мнѣнію части суда, положимъ меньшинства, оазывалось забывчивымъ относительно нѣкоторыхъ своихъ обязанностей и предпочитающимъ имъ другія. Оба мѣста безупречны отно-

сительно формы; даже слово капризъ, прихоть, произволь, не есть оскорбленіе. Можно бы преслѣдовать это слово какъ клевету, но не иначе. Выводъ общій тотъ, что ни одинъ изъ 13 пунктовъ не достаточенъ для постройки на немъ обвиняющаго Савицкаго приговора.

Еще одно послѣднее сказаніе. Казанская судебная палата, недовольствуясь разборомъ 13 пунктовъ жалобы, находитъ, что не одни эти отдѣльныя фразы составляютъ намѣреніе оскорбить судей Екатеринбургскаго суда, но вся жалоба написана съ очевидною цѣлью умалить достоинство судей, на которыхъ она принесена. Съ этимъ выводомъ я никакъ не могу согласиться. Когда оскорбленъ человѣкъ-судья, то надобно же рѣшить, куда мѣтилъ оскорбитель: въ человѣка А, В, С, по поводу исполненія имъ судейскихъ обязанностей или въ самую должность общественную, съ цѣлью унижить самую функцію сборщика податей, медика, полицейскаго, или и судьи,—и то и другое возможно. Иначе, если-бы въ своей жалобѣ Савицкій дозволилъ себѣ инсинуацію про того или другаго изъ своихъ товарищей, говоря, что они ростовщики, прелюбодѣи, или нѣчто подобное, то это было-бы оскорбленіемъ не должностнаго, а частнаго лица, а что взяточникъ, то это уже было бы оскорбленіемъ человѣка-судьи. Этаго элемента, въ данномъ случаѣ, нѣтъ; члены Екатеринбургскаго окружнаго суда не явились въ Казань потерпѣвшими отъ преступленія лицами и не принимали участія въ дѣлѣ; они не откликнулись;—нельзя быть болѣе чувствительнымъ, чѣмъ они сами, посему этотъ элементъ надо исключить. Остаются два предположенія: умаленіе достоинства судьи, но оно немислимо со стороны Савицкаго, который самъ судья, слѣдовательно былъ-бы изобличенъ въ самобичеваніи, самооплеваніи. Напротивъ того, все приписываемое ему преступленіе вытекаетъ изъ того, что онъ высоко ставилъ идеалъ судьи, а своихъ товарищей считалъ недорослями до этого идеала. Чѣмъ же онъ ихъ попрекаетъ? Онъ ихъ укоряетъ не въ безчестности, а въ дѣйствіяхъ по капризу; онъ укоряетъ предсѣдателя, что онъ предпочитаетъ роль начальника, роли члена собранія; что онъ слишкомъ мало цѣнить коллегію, формы и голосованіе въ назначенныхъ для коллегіальнаго рѣшенія дѣлъ собраніяхъ. Я надѣюсь г.г. сенаторы, что вы оправдаете Савицкаго.

ПРИГОВОРЪ СЕНАТА.

1881 года декабря 8 дня. По указу Его Императорскаго Величества, уголовный кассационный департаментъ правительствующаго сената, въ судебномъ засѣданіи, въ слѣдующемъ составѣ: первоприсутствующій Н. Н. Розингъ, Н. О. Тизенгаузенъ, А. Н. Пятницкій, Н. С. Арсеньевъ, Д. С. Синеоковъ-Андреевскій, при товарищѣ оберъ-прокурора Е. Ф. де-Росси и оберъ секретарѣ М. А. Виолѣ, слушалъ дѣло по апелляціонному отзыву члена Екатеринбургскаго окружнаго суда, надворнаго совѣтника *Савицкаго*, на приговоръ Казанской судебной палаты, по обвиненію Савицкаго въ преступленіи, предусмотрѣнномъ ст. 283 и 347 улож. о наказ. Правительствующій сенатъ, въ соединенномъ присутствіи 1-го и кассационныхъ департаментовъ, 30 октября 1880 года, постановилъ: члена Екатеринбургскаго окружнаго суда, надворнаго совѣтника Ивана Клементьева Савицкаго, предать суду Казанской судебной палаты, безъ участія присяжныхъ засѣдателей, по обвиненію въ томъ, что Савицкій, жалуюсь правительствующему сенату на предсѣдателя и членовъ Екатеринбургскаго окружнаго суда и описывая дѣйствія ихъ, дозволилъ себѣ съ намѣреніемъ употребить выраженія, прямо оскорбительныя для означенныхъ предсѣдателя и членовъ суда. Выраженія эти, помѣщенныя въ жалобѣ обвиняемаго Савицкаго, подписанной 14 января и присланной въ соединенное присутствіе 1-го и кассационныхъ департаментовъ правительствующаго сената 14 февраля 1879 г., были слѣдующаго содержанія: 1) Савицкій, объясняя о заявленномъ имъ требованіи, чтобы составленъ былъ особый протоколъ въ порядкѣ, установленномъ ст. 106 наказа Екатеринбургскаго окружнаго суда, о происходившемъ въ засѣданіи общаго собранія отдѣленій суда 3-го мая 1878 г. при обсужденіи дѣла о ревизіи судебныхъ приставовъ, упомянулъ, между прочимъ, что ст. 106 нак. суда принесла пользу, внеся порядокъ, чрезъ угрозу, тому, кто вздумалъ бы нарушить ее, тѣмъ, что выходы его могутъ быть записаны и огласиться при ревизіи или иномъ подобномъ случаѣ, и при этомъ выразился: „что *ст. наказа могла не нравиться только тому, кто пожелалъ бы*, по выраженію указа Петра Великаго, *ловить рыбу въ мутной водѣ*“. 2) Далѣе, Савицкій указывая на неточное и несогласное съ составлен-

нымъ имъ проектомъ, изложеніе предъявленнаго къ подписанію его протокола по упомянутому дѣлу о ревизіи судебныхъ приставовъ, объяснилъ: что для него лично было чрезвычайно важно то, что протоколъ этотъ бросалъ тѣнь сомнѣнья въ извращеніи обстоятельствъ дѣла въ составленномъ имъ проектѣ, тогда какъ онъ вполне убѣжденъ былъ въ противномъ, и къ сему Савицкій присовокупилъ выраженіе, что „онъ не имѣлъ права отказаться отъ подписки этою, къмъ то выдуманнаго протокола, уже подписаннаго большинствомъ присутствовавшихъ 3-го мая, тѣмъ болѣе, что все, въ немъ написанное, хотя и несоотвѣтствовало изложенію его, Савицкаго, но въ дѣйствительности происходило, только было умалено, сглажено и сдѣлано невиннымъ. 3) Засимъ, Савицкій, излагая въ своей жалобѣ, что онъ составилъ представленное на имя общаго собранія опредѣленіе суда съ протестомъ по поводу вышеизложеннаго и съ указаніемъ на то, что составленный имъ проектъ протокола не былъ предъявленъ прочимъ членамъ суда, объяснилъ: что до наступленія вакантнаго времени, предсѣдатель не докладывалъ представленій его и непоказывалъ никому, а когда наступили вакаціи и наличное число судей сократилось до половины и изъ этой половины выѣхали еще на сессію—онъ, Савицкій, и Львовъ, то *предсѣдатель внесъ, 8-ю іюня, представленія его на разсмотрѣніе общаго собранія, изъ его самого,—товарища предсѣдателя Шадурскаго, вовсе не присутствовавшего 3 мая, только что вступившаго въ должность и еще незнакомаго съ наказомъ суда, другаго товарища предсѣдателя Клименко и члена суда Красноплещева; то „что произошло дайте, выразился Савицкій, относится уже не къ одному предсѣдателю суда, а къ дѣйствіямъ всей этой коллегіи“*. 4) Описывая, затѣмъ, что общее собраніе отдѣленій суда, въ упомянутомъ составѣ, постановило: представленія его, Савицкаго, оставить безъ разсмотрѣнія по журналу, т. е. безъ мотивированной резолюціи, Савицкій продолжаетъ: если по судебному дѣлу частнаго лица, предписаніе суда, выражающееся въ его рѣшеніи, не можетъ не быть мотивировано, то *тѣмъ менѣе кажется умѣстно отсутствіе мотивовъ въ резолюціи, если эта резолюція послѣдовала по случаю важнаго между судьями разногласія: тогда въ особенности немотивированная резолюція имѣетъ видъ произвольнаго распоряженія, въ самой грубой формѣ*. 5) Дальнѣйшія объясненія свои по этому же предмету жалобы, Савицкій начинаетъ словами: „чтобы покончить съ изложеніемъ неправильныхъ дѣй-

стей въ судѣ, вызванныхъ поведеніемъ председателя. въ засѣданіи 3-го мая“, по дѣлу о ревизіи судебныхъ приставовъ, мнѣ остается еще прибавить“ и т. д.: обращаясь, засимъ къ другому дѣлу, а именно: о разрѣшеніи отпуска судебному слѣдователю Кривцову, долженному въ общемъ собраніи отдѣленій Екатеринбургскаго окружнаго суда 27 мая 1878 г. и описывая происходившія по этому дѣлу пренія, окончившіяся отказомъ Кривцову въ отпускѣ, Савицкій говоритъ: „что такой отказъ явился результатомъ неправильнаго веденія преній и неисполненія правилъ подачи голосовъ, причемъ, *нѣкоторые судьи, по чистому капризу, давали на вопросы такіе отвѣты, неумѣстность которыхъ не могли не сознавать, а председатель суда давалъ потачку этимъ капризамъ*“. 7) Послѣ сего, Савицкій объясняетъ: что 25 апрѣля 1878 г. онъ входилъ въ общее собраніе отдѣленій суда съ представленіемъ о неудобствахъ принятой системы дѣлопроизводства въ этомъ собраніи и просилъ, чтобы постановлены были, въ дополненіе и разъясненіе наказа и установившихся обычаевъ, относительно порядка дѣлопроизводства, нѣкоторыя новыя правила; но общее собраніе признало, что онъ, Савицкій, не вправѣ былъ даже подать такое заявленіе, какъ неотнотившееся къ предметамъ, указаннымъ въ ст. 160 учр. суд. устан.; усматривая въ такомъ постановленіи общаго собранія суда желаніе устранить отъ дѣлъ о внутреннемъ управленіи суда, законную инициативу отдѣльныхъ членовъ его, Савицкій выразился слѣдующимъ образомъ: „если, однако, въ судебномъ, какъ и во всякомъ другомъ вѣдомствѣ, возможенъ взглядъ, что чѣмъ менѣе заботъ брать на себя, тѣмъ лучше. то все таки *нельзя встать заставить слѣдовать этому взгляду, особенно тамъ, гдѣ лицо, отъ котораго можно бы было ожидать, по преимуществу, инициативы въ управленіи судомъ (председатель)*“,—по мнѣнію другихъ лицъ той же коллегіи, хотя бы и меньшинства. — *оказывается забывчивымъ въ отношеніи лежащихъ на немъ по закону обязанностей или не въ мѣру предпочитаетъ имъ другія*“. При этомъ Савицкій поясняетъ, что у председателя суда много времени отнимаютъ, по его словамъ, возлагаемыя на него ревизіи дѣлопроизводства мировыхъ судей и общія собранія суда назначаются нерѣдко въ 10-ти—15-ти минутныя перерывы судебныхъ засѣданій. 8) Далѣе, по поводу того же предмета своей жалобы, Савицкій говоритъ: „суды состоятъ не изъ однихъ *председательствующихъ и довольно уже того, что, благодаря этимъ главнымъ*

представителямъ коллегіи, вследствие простой ихъ безтактности, нередко слагается невыгодно нравственная репутація всего суда“. 9) Описавъ столкновѣніе свое съ предсѣдателемъ суда въ 1875 г., по поводу запрещенія послѣднимъ, какъ объясняетъ Савицкій, предъявлять къ просмотру членовъ гражданскаго отдѣленія суда журналы общихъ собраній суда, Савицкій замѣчаетъ: „не члены первые начали жаловаться на предсѣдателя; онъ самъ, противопоставляя себя коллегіи, въ началѣ 1877 г. дважды пожаловался на насъ въсьхъ двумя, весьма тенденціозными секретными доноше- ніями“. 10) Далѣе Савицкій излагаетъ: въ полной мѣрѣ заслужи- ваетъ вниманія и участія то положеніе нѣкоторыхъ судей Екате- ринбургскаго окружнаго суда, въ которое они поставлены предсѣ- дателемъ и этого участія въ законномъ порядкѣ приходится искать у правительствующаго сената; нѣтъ другаго пути къ тому, чтобы выяснить „можно ли продолжать службу въ судахъ, держась на чисто легальной почвѣ безъ потячекъ, послабленій и умаленій правъ“. Наконецъ, въ заключительномъ пунктѣ своей жалобы, излагая обвиненія свои предсѣдателя и членовъ Екатеринбургскаго окруж- наго суда, Савицкій, между прочимъ, объясняетъ: 11) „что предсѣ- датель составилъ новый проектъ протокола, въ которомъ намя- ренно, изъ личнаго вида въ скрыть злоупотребленіе временемъ судей и свои неправильныя дѣйствія, упустилъ истинное описаніе сдѣлан- ныхъ имъ, Савицкимъ, заявленій;“ 12) „предсѣдатель намярено внесъ представленія его, Савицкаго, о допускаемыхъ безпорядкахъ по завѣдыванію дѣлами общаго собранія отдѣленія суда, въ отсут- ствіе его, Савицкаго, въ засѣданіи общаго собранія, состоявшее, вмѣстѣ съ нимъ предсѣдателемъ, изъ одной трети судей;“ и 13) „товарищи предсѣдателя Клименко и Шадурскій и членъ суда Красноплещевъ, принявъ участіе въ постановленіяхъ 3 и 8 іюня 1878 года, коими въ разной формѣ отклонены законныя ходатайства его, Савицкаго, сдѣлали это не по незнанію, а съ цѣлью одобрить непра- вильныя дѣйствія предсѣдателя суда. Соединенное присутствіе 1 го и кассационныхъ департаментовъ правительствующаго сената, раз- смотрѣвъ 1-го марта 1879 г., жалобу члена Екатеринбургскаго окружнаго суда Савицкаго, нашло всѣ указанія его на неправиль- ныя дѣйствія предсѣдателя и членовъ сего суда, незаслуживающими уваженія и посему жалобу эту оставило безъ послѣдствій. Бывъ пре- данъ суду Казанской судебной палаты, безъ участія присяжныхъ засѣдателей, по обвинительному акту, составленному на основаніи

опредѣленія соединеннаго присутствія 1-го и кассационныхъ департаментовъ правительствующаго сената 30 октября 1880 г. и предложенному палатѣ прокуроромъ ея 14-го марта 1881 г., Савицкій просилъ палату истребовать къ дѣлу подлинную жалобу его съ приложениями и вызвать въ качествѣ свидѣтелей: члена Екатеринбургскаго окружнаго суда Юлшина и старшаго предсѣдателя сей палаты Окулова, какъ лицъ, которымъ, одинаково съ нимъ, Савицкимъ, извѣстны порядки и образъ дѣйствій Екатеринбургскаго окружнаго суда. Палата, рассмотрѣвъ это ходатайство Савицкаго, въ распорядительномъ засѣданіи 21 апрѣля 1881 г., нашла: 1) что подлинная жалоба Савицкаго, присланная въ правительствующій сенатъ 14 февраля 1879 г., имѣется при дѣлѣ, приложения же къ ней вовсе не подлежатъ рассмотрѣнію на судѣ, такъ какъ палатѣ не предстоитъ надобности провѣрять, при производствѣ судебнаго слѣдствія по дѣлу о Савицкомъ, преданномъ суду за преступленіе, предусмотрѣнное ст. 283 и 347 улож. о нак. дѣйствительность или недѣйствительность указанныхъ въ доношеніи Савицкаго фактовъ, а лишь то, слѣдуетъ-ли или не слѣдуетъ присудить Савицкаго къ наказанію, установленному въ ст. 283 и 347 улож., за тѣ названія, которыхъ, по мнѣнію Савицкаго, заслуживаютъ перечисленные имъ въ жалобѣ дѣйствія суда и предсѣдателя, и насколько употребленные имъ выраженія могутъ быть признаны оскорбительными для суда и отдѣльныхъ его членовъ, и 2) что, равнымъ образомъ, не подлежатъ вызову въ палату, въ качествѣ свидѣтелей, члены суда Юлшинъ и старшій предсѣдатель палаты Окуловъ, хотя бы лица эти и раздѣляли мнѣніе Савицкаго о ходѣ дѣлопроизводства и порядкахъ въ Екатеринбургскомъ окружномъ судѣ, такъ какъ палата, допустивъ свидѣтельскія показанія по этому предмету, отступила бы отъ существа и предѣловъ возбужденнаго противъ Савицкаго обвиненія; посему палата постановила: ходатайство Савицкаго объ истребованіи къ дѣлу упомянутыхъ приложений къ жалобѣ его и о вызовѣ свидѣтелей,—оставить безъ послѣдствій. Наканунѣ дня слушанія настоящаго дѣла въ Казанской судебной палатѣ, а именно 5 іюня 1881 г., Савицкій, на основаніи ст. 600 пункт. 2 и 601 уст. угол. суд., заявилъ отводъ противъ участія старшаго предсѣдателя палаты Окулова въ рассмотрѣніи сего дѣла, объясняя, что считаетъ его свидѣлемъ по дѣлу, и что отказъ палаты въ вызовѣ его, въ качествѣ свидѣтеля, будетъ имъ, Савицкимъ, обжалованъ правительствующему сенату въ апелляціонномъ отзѣвѣ.

Палата, за послѣдовавшимъ постановленіемъ своимъ 21 апрѣля, объ отказѣ Савицкому въ допросѣ старшаго предсѣдателя палаты въ качествѣ свидѣтеля по настоящему дѣлу, предъявленный Савицкимъ отводъ, по опредѣленію 6 іюня 1881 г., оставила безъ уваженія. Засимъ, въ судебномъ засѣданіи того же 6 іюня, разсмотрѣвъ и обсудивъ прочитанныя на судѣ: подлинную жалобу Савицкаго, присланную въ соединенное присутствіе 1-го и кассационныхъ департаментовъ правительствующаго сената отъ 14 февраля 1879 года и указъ правительствующаго сената отъ 11 мая 1879 г., послѣдовавшій по опредѣленію сего присутствія, состоявшемуся 1-го марта того же года, и выслушавъ состязательныя рѣчи сторонъ, судебная палата нашла: что жалоба Савицкаго состоитъ изъ трехъ отдѣловъ; въ первомъ изъ нихъ Савицкій излагаетъ обстоятельства, вынудившія его обратиться въ такой формѣ въ правит. сенатъ и признанную имъ необходимость и умѣстность жалобы, при чемъ объясняетъ, что прежде, нежели писать ее, онъ долго думалъ и совѣщался съ людьми и законами; такимъ образомъ, самъ подсудимый удостовѣряетъ передъ правит. сенатомъ письменно, подтвердивъ затѣмъ и передъ палатою словесно, строгую обдуманность своего дѣйствія. Во второй части жалобы, распадающейся на два пункта. Савицкій, описывая событія, происшедшія, по его словамъ, какъ въ засѣданіи 3 мая 1878 г., такъ и послѣ засѣданія, и усматривая въ нихъ нарушеніе ст. 106 особаго наказа Екатеринбургскаго суда, выводитъ свое соображеніе: „что ст. 106 Екатеринбургскаго наказа не могла нарушить закона, вполне соответствуя употребленному въ ст. 163 учр. суд. уст. выраженію: „о каждомъ засѣданіи судебного мѣста“, и могла не нравиться только тому, кто пожелалъ бы ловить рыбу въ мутной водѣ, по выраженію указа Петра Великаго“. Эта фраза, взятая безъ сопоставленія ея съ предъидущимъ и послѣдующимъ содержаніемъ жалобы, сама по себѣ, не содержитъ оскорбительныхъ выраженій, обращенныхъ къ какой либо личности, и не могла бы быть признана палатою подходящею подъ признаки преступленія, предусмотрѣннаго ст. 283 улож., если бы самъ Савицкій, въ окончательномъ своемъ выводѣ, не указалъ, къ кому обращено имъ, просителемъ, выраженіе указа Петра Великаго. Въ этомъ выводѣ, онъ прямо ссылаясь на засѣданіе общаго собранія отдѣленій Екатеринбургскаго окружнаго суда 3 мая 1878 г., обвиняетъ предсѣдателя суда въ томъ, что самъ онъ или чрезъ другое лицо, составилъ новый проектъ протокола, въ которомъ напѣ-

ренно, изъ личныхъ видовъ скрыть злоупотребленіе временемъ суда и свои неправильныя дѣйствія, упустилъ истинное описаніе сдѣланныхъ имъ, Савицкимъ, заявленій, и этотъ новый протоколъ разослалъ для подписи присутствовавшихъ, не въ порядкѣ ихъ старшинства. При такомъ сопоставленіи двухъ мѣстъ жалобы Савицкаго, палата не можетъ не признать, что выраженія: „могла не нравиться только тому, кто пожелалъ бы ловить рыбу въ мутной водѣ“, отнесены Савицкимъ къ предсѣдателю Екатеринбургскаго суда. Прійди къ такому убѣжденію, палата признаетъ себя обязанною опредѣлить: заключается-ли въ этихъ выраженіяхъ оскорбительное значеніе? Самый текстъ указа Петра Великаго заключаетъ въ себѣ вовсе не хвалебное слово порядкамъ тогда бывшаго дѣлопроизводства, и выше цитированное выраженіе употреблено несомнѣнно въ извинительномъ смыслѣ, противъ неправосудія тогдашнихъ дѣльцевъ. Уподобленіе дѣйствій по службѣ предсѣдателя суда, дѣйствіямъ судей Петровскаго времени, нельзя не признать явно оскорбительнымъ, а слова, переписанныя изъ указа Петра I, помѣщенными съ цѣлью унизить ими служебное достоинство судебнаго учрежденія, образованнаго по уставу, 20 ноября 1864 г. Вторая фраза: «не имѣя права отказаться отъ подписи этого, кѣмъ то выдуманнаго протокола» имѣетъ еще болѣе оскорбительное значеніе. Протоколы составляются секретаремъ и вѣрность изложеннаго въ нихъ удостовѣряется подписью судей. Если на протоколѣ значится подпись большинства участвовавшихъ въ засѣданіи, то такой протоколъ служитъ удостовѣреніемъ дѣйствительныхъ, а не выдуманныхъ событій. Меньшинству дано закономъ право, подписывая такіе протоколы, съ изложеніемъ коихъ оно несогласно, прилагать свои особыя мнѣнія, и эти особыя мнѣнія, равно какъ и мнѣнія большинства, не могутъ получать прозванія выдуманныхъ. Память разныхъ людей, относительно подробностей событій, неодинакова. Въ мѣстахъ коллегіальнаго устройства необходимо было предоставить послѣднее слово большинству голосовъ, и лица, несогласныя съ этимъ большинствомъ, ограждаютъ свою отвѣтственность предъ закономъ и судейскою совѣстью, приложеніемъ особыхъ своихъ мнѣній. Но какъ большинству, такъ и меньшинству голосовъ, законъ не даетъ права поносить, несогласное съ индивидуальнымъ взглядомъ мнѣніе, выраженное на письмѣ, названіемъ выдуманнаго, синонимомъ слову: „лживый“. Такъ какъ этотъ протоколъ, какъ указываетъ самъ Савицкій, подписанъ былъ пред-

сѣдателемъ, товарищемъ предсѣдателя Клименко и членами суда Молчановымъ, Краснопѣвцевымъ и Львовымъ, то палата признаетъ, что упомянутое оскорбительное выраженіе должно быть признано обращеннымъ къ симъ лицамъ, такъ какъ за подпись свою отвѣчаетъ рукоприкладчикъ. Обсуждая, далѣе, дѣйствія своихъ сочленовъ по суду, и указывая на необходимость мотивовъ въ резолюціяхъ, по коимъ не предполагено составлять подробныя опредѣленія, Савицкій говоритъ: „что тогда въ особенности немотивированная резолюція имѣетъ видъ произвольнаго распоряженія въ самой грубой формѣ“. Самъ подсудимый указываетъ, что то, что произошло далѣе, относится уже не къ одному предсѣдателю, а къ дѣйствіямъ всей этой коллегіи, т. е. предсѣдателя суда Бутакова, товарищей предсѣдателя Клименко и Шадурскаго и члена Краснопѣвцева, какъ значится изъ дальнѣйшихъ строкъ жалобы. Такимъ образомъ, не раздѣляя взгляда вышеозначенныхъ судей на возможность допускать немотивированныя резолюціи, онъ именуетъ „произволомъ въ самой грубой формѣ“ подобное служебное дѣйствіе ихъ. Обвиненіе судьи въ произволѣ, равно съ обвиненіемъ въ нарушеніи судейской присяги, слова которой призываютъ къ правосудію. Никому изъ сочленовъ не предоставлено право изрекать такое осужденіе своимъ сотоварищамъ. Оглашеніе неправильныхъ дѣйствій предъ установленною властью составляетъ право и обязанность вѣрноподданнаго, но, указывая на кажущуюся неправильность дѣйствій, такой доноситель или жалобщикъ долженъ предоставить упомянутой власти, рассматривающей жалобу или донесеніе, дать дѣйствіямъ, въ ней оглашаемымъ, надлежащую характеристику и примѣнить къ нимъ то или другое названіе по закону. По изложеннымъ соображеніямъ, палата признаетъ и эти выраженія помѣщенными съ намѣреніемъ и оскорбительными для вышеуказанныхъ лицъ. Чтобы покончить съ изложеніемъ неправильныхъ дѣйствій въ судѣ, вызванныхъ поведеніемъ предсѣдателя, пишетъ Савицкій въ своей жалобѣ, онъ указываетъ на то, что особое мнѣніе его и двухъ другихъ членовъ оказалось никому изъ состава суда непоказаннымъ и недоложеннымъ, причѣмъ упоминаетъ и о другихъ, по мнѣнію его, непорядкахъ, допущенныхъ по дѣлопроизводству предсѣдателемъ. Въ этомъ пунктѣ жалобы, палата находитъ лишь изложеніе событій, которое ни въ чемъ не отстupaетъ отъ законной формы жалобъ, сообщеній и донесеній, могущихъ быть представленными начальству долж-

ностныхъ лицъ. Въ 2-мъ отдѣленіи своей жалобы, Савицкій, обсуждая событія, происшедшія, по его словамъ, 27 мая, указываетъ, что нѣкоторые судьи, по чистому капризу, давали на вопросы такіе отвѣты, неумѣстность которыхъ не могли не сознавать, а председатель давалъ потачку этимъ капризамъ. Указаніе, что сотоварищи Савицкаго, по званію, руководятся капризомъ въ дѣлѣ столь серьезномъ и важномъ, какъ отправленіе судейскихъ обязанностей, признается палатою оскорбительнымъ для судей. Это есть умаленіе достоинства ихъ, а равно умаленіе достоинства председателя, на котораго Савицкимъ возводится обвиненіе въ потачкѣ такому неправосудію. Выраженія, заключающіяся въ пунктахъ 7, 8 и 9 жалобы Савицкаго, составляютъ упрекъ председателю, въ забывчивости къ его обязанностямъ и тенденціозности направляемыхъ имъ доношеній. Палата уже выяснила свой взглядъ на единственно законный способъ оглашенія неправильныхъ дѣйствій, именно: оглашеніе событія передъ высшею властью. Жалобщикъ не есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, рѣшитель вопроса о томъ, насколько приводимое имъ событіе должно быть поставлено въ вину совершителю его, что, между прочимъ, доказывается и результатами настоящей жалобы Савицкаго. Правительствующій сенатъ оставилъ жалобу эту безъ послѣдствій, чѣмъ очевидно доказалъ, что событія, которыя онъ не призналъ даже нужнымъ провѣрить путемъ истребованія объясненій или другимъ способомъ, если они и случились въ дѣйствительности, никакой преступности въ себѣ не заключаютъ. Выводы Савицкаго: что председатель самъ или черезъ другое лицо составилъ новый проектъ протокола, въ которомъ намѣренно, изъ личныхъ видовъ скрыть злоупотребленіе временемъ суда и свои неправильныя дѣйствія, упустилъ истинное описаніе сдѣланныхъ имъ, Савицкимъ, заявленій,—что получивъ 27 апрѣля 1878 г. представленіе его, Савицкаго, на имя общаго собранія, намѣренно внесъ это представленіе, въ его отсутствіе, въ засѣданіе общаго собранія, состоявшее изъ одной трети судей, и что судьи, участвовавшіе въ постановленіяхъ 3 и 8 іюня, коими, въ разной формѣ, отклонены законныя ходатайства его, сдѣлали это не по незнанію, а съ цѣлью одобрить неправильныя дѣйствія председателя,—подробно разобраны правительствующимъ сенатомъ въ указѣ 11 мая 1879 года, и палата, не останавливаясь на каждомъ изъ этихъ обвиненій въ отдѣльности, считаетъ достаточнымъ сказать, что не однѣ эти подробно разобранныя фразы и періоды изъ жалобъ Савицкаго, со-

ж. гр. и уг. пр. кн. v 1888 г.

ставляют намеренное письменное оскорбление судей Екатеринбургского суда, но вся жалоба написана съ очевидною цѣлью умалить достоинство судей, на которыхъ она принесена, и не можетъ небыть признана оскорбительною. Въ виду всего вышесказаннаго, судебная палата признала подсудимаго, надворнаго совѣтника Ивана Клементьева Савицкаго, виновнымъ въ томъ, что, состоя членомъ Екатеринбургскаго окружнаго суда и жалуюсь правительствующему сенату на различныя, по мнѣнію его, неправильныя дѣйствія, допущенныя въ 1878 г. и предшествующихъ годахъ, нѣкоторыми лицами, въ составъ сего суда состоящими, онъ помѣстилъ въ этой жалобѣ нѣсколько выражений, имѣющихъ, какъ по буквальному ихъ смыслу, такъ и по цѣли ихъ помѣщенія, оскорбительное для нихъ значеніе. Переходя къ разрѣшенію вопроса о томъ, какому наказанію подлежитъ подсудимый Савицкій за это дѣяніе, палата нашла, что единственная статья, указывающая порядокъ наказанія должностныхъ лицъ за обиды при отправленіи должности, есть статья 347 улож. о нак.; въ ней сказано, что такія должностныя лица подвергаются наказаніямъ, за обиды опредѣленнымъ. Но это указаніе ст. 347 улож. вовсе не требуетъ примѣненія только статей, переименованныхъ въ уст. о нак., налаг. мир. суд. (130, 131, 132 и т. д.) и предусматривающихъ обиды. Оскорбленіе въ бумагѣ, подаваемой въ судебное или правительственное мѣсто, есть специальный видъ оскорбленій на письмѣ, который преслѣдуется вовсе не по желанію оскорбленнаго этою бумагою лица, а въ общемъ порядкѣ. Поэтому, при назначеніи наказанія должностному лицу, дозволившему себѣ, въ жалобѣ правительствующему сенату, помѣстить прямо оскорбительныя выраженія и съ намереніемъ затронуть этимъ честь и достоинство лицъ, противъ которыхъ они направлены, требуется примѣненіе лишь той прямой статьи, которая специально предусматриваетъ этотъ видъ нанесенныхъ обидъ, т. е. ст. 283 улож. о нак. При этомъ, по разъясненію правительствующаго сената (рѣшенія 1872 г. № 672 и 1878 г. № 76), безразлично, дошло ли оскорбленіе до лицъ, къ коимъ оно относилось, оскорбились или нѣтъ сіи лица, а равно и то, были ли употреблены выраженія ругательныя или поносительныя, или только не соотвѣтственныя ни принятымъ приличіямъ, ни тѣмъ отношеніямъ, въ которыхъ находятся, съ одной стороны, жалобщикъ, а съ другой—индивидуумъ жалобы. Въ статьѣ этой имѣются два рода наказаній: денежный штрафъ и арестъ. Палата, руководствуясь ст.

149 улож. о нак., дала, что членъ суда, дозволившій себѣ нарушить воспрещеніе ст. 283 улож., не можетъ быть приравненъ къ простымъ жалобщикамъ, допускающимъ подобное нарушение, часто не понимая, что слово, помѣщенное въ жалобѣ, имѣетъ глубоко оскорбительное значеніе; поэтому, изъ двухъ наказаній, палата, для члена суда Савицкаго, какъ болѣе строгое, избрала арестъ. Принимая же во вниманіе, что Савицкій раздражался кажущеюся не-правильностью дѣйствій суда и это раздраженіе вызывалось желаніемъ его направить дѣлопроизводство суда, въ коемъ онъ состоялъ, къ лучшему, по мнѣнію его, результатамъ, палата, руководствуясь 5 ц. 135 и 135 ст. улож., съ нормальной мѣры ареста, предусмотрѣнной 1 п. ст. 39 улож., полагала возможнымъ низойти на одну степень, и назначить наказаніе Савицкому по 2 степени 39 ст.— но принявъ во вниманіе 6 пун. ст. 129 улож., именно нарушеніе тѣхъ особыхъ личныхъ обязанностей въ отношеніи къ сотрудникамъ по суду, которыхъ достоинство затронуто въ жалобѣ Савицкаго, палата признала правильнымъ назначить наказаніе это въ мѣрѣ, выше низшей, именно арестъ на 14 дней, съ содержаніемъ Савицкаго подъ арестомъ, согласно ст. 59 улож., на военной гауптвахтѣ. Въ правительствующій сенатъ поступили двѣ жалобы члена Екатеринбургскаго окружнаго суда Савицкаго: частная, на постановленіе палаты о принятіи ею къ своему производству находящаго дѣла, и апелляціонная, на приговоръ палаты 6 іюня 1881 года. Въ частной жалобѣ Савицкій объясняетъ: что ст. 347 улож. о нак. примѣнена къ дѣлу неправильно, такъ какъ ему, Савицкому, не приписывается нанесеніе личнаго оскорбленія председателю и членамъ Екатеринбургскаго окружнаго суда непосредственно, а только употребленіе оскорбительныхъ для этихъ лицъ выраженій, въ бумагѣ, поданной правительствующему сенату, что составляетъ проступокъ противъ порядка управленія, предусмотрѣнный ст. 283 улож.; а за симъ, при отсутствіи обвиненія въ преступленіи по службѣ, настоящее дѣло, за силою ст. 200 устава угол. судопр., подсудно было не судебной палатѣ, а окружному суду. Въ апелляціонной жалобѣ Савицкій, въ оправданіе свое, главнымъ образомъ излагаетъ: 1) то, что онъ только рѣзко и выразительно описал нѣтимые судебные порядки въ жалобѣ своей по начальству, при этомъ онъ не состоялъ при отправленіи служебныхъ своихъ обязанностей, а слѣдовательно проступокъ его могъ быть подведенъ исключительно подъ дѣйствіе ст. 283 улож. о нак.

и такъ какъ возбужденное противъ него обвиненіе неподсудно было, при этомъ условіи, палатѣ, въ качествѣ суда первой степени, то посему, происходившая въ правительствующемъ сенатѣ, съ 14 февраля 1879 года переписка, не могла прерывать теченія давности и проситель не могъ быть привлеченъ, черезъ годъ и 8 мѣсяцевъ, къ отвѣтственности по упомянутому обвиненію, неоглашенному, прежде сего, ни передъ судебнымъ слѣдователемъ, ни передъ прокурорскою властью; и 2) что хотя подача просителемъ жалобы была строго обдуманная и намѣренная, но въ намѣреніи его не заключалось умысла на оскорбленіе; подающій жалобу обязанъ указать признаки преступнаго дѣянія, на которое имъ приносится жалоба, а слѣдовательно, не ограничиваясь однимъ перечнемъ событій, онъ обязанъ опредѣлить значеніе сего дѣянія по закону; умыселъ просителя заключался въ томъ, чтобы жалобою своею вызвать противъ предсѣдателя и трехъ членовъ Екатеринбургскаго окружнаго суда, уголовное преслѣдованіе по 344 ст. улож. и каждое изъ тѣхъ отдѣльныхъ выраженій его, которыя палата признала оскорбительными, не было обращено имъ къ предсѣдателю и членамъ суда съ намѣреніемъ нанести оскорбленіе, а употреблено было имъ только съ цѣлью описанія и поясненія тѣхъ дѣйствій сихъ лицъ, на которыя приносилась жалоба; при этомъ Савицкій возобновляетъ, въ апелляціонномъ своемъ отзывѣ, просьбу о вытребованіи изъ сое. иненнаго присутствія 1-го и кассационныхъ департаментовъ правит. сената, для разсмотрѣнія, тѣхъ документовъ, которые составляли приложенія къ его жалобѣ, и жалуется на непринятіе палатою отвода его противъ старшаго предсѣдателя палаты Окулова и неустраненіе себя симъ послѣднимъ отъ разсмотрѣнія дѣла, тогда какъ Окуловъ, ревизуя Екатеринбургскій окружный судъ, одобрялъ тѣ порядки, противъ которыхъ Савицкій возставалъ въ своей жалобѣ и такимъ образомъ заранѣе высказалъ свое мнѣніе о подсудимомъ судѣ и объ отношеніяхъ послѣдняго къ порядкамъ, породившимъ судебное дѣло; кромѣ сего, Савицкій указываетъ въ апелляціонномъ отзывѣ на то: а) что списокъ судей назначено было предъявить ему лишь по пріѣздѣ его въ городъ Казань и слѣдовательно такимъ распоряженіемъ онъ вынуждался прибыть въ г. Казань тремя днями ранѣе срока; б) что дѣло его рассматривалось въ 1-мъ уголовномъ департаментѣ палаты, тогда какъ за годъ передъ тѣмъ, подобное же дѣло, о другомъ членѣ Екатеринбургскаго окружнаго суда, слушалось во 2-мъ департа-

ментъ палаты; и в) что въ составъ присутствія палаты, по дѣлу просителя, вошли только трое судей, тогда какъ свободныхъ членовъ палаты — криминалистовъ было гораздо болѣе и двое изъ нихъ даже находились въ залѣ засѣданія въ качествѣ простыхъ слушателей. Въ заключительномъ выводѣ апелляціоннаго отзыва своего Савицкій просить: 1) сообразить жалобу его отъ 14 января 1879 г., поданную въ соединенное присутствіе 1-го и кассационныхъ департаментовъ правительствующаго сената съ приложенными къ ней документальными доказательствами, вытребовавъ послѣднія изъ соединеннаго присутствія; 2) признать дѣло его подлежащимъ разсмотрѣнію въ общемъ порядкѣ судопроизводства и на этомъ основаніи отмѣнить приговоръ о немъ Казанской судебной палаты, какъ состоявшійся не въ установленномъ законами порядкѣ; 3) если это ходатайство его не будетъ уважено, то разсмотрѣть апелляцію его по существу и признать его оправданнымъ, или за давностью свободнымъ отъ суда; и 4) разсмотрѣть, въ порядкѣ надзора, личнымъ, въ отношеніи его, дѣйствія старшаго предсѣдателя Казанской судебной палаты Окулова.

Выслушавъ докладъ дѣла и состязательныя рѣчи сторонъ, и сообразивъ апелляціонный отзывъ члена Екатеринбургскаго окружнаго суда, надворнаго совѣтника Савицкаго, съ заключающимися въ дѣлѣ свѣдѣніями, съ содержаніемъ приговора Казанской судебной палаты по сему дѣлу и съ соответствующими узаконеніями, правительствующій сенатъ, по уголовному кассационному департаменту, обратился, прежде всего, къ разрѣшенію вопроса о томъ: правильно-ли указаніе надворнаго совѣтника Савицкаго на неподсудность настоящаго дѣла судебной палатѣ, въ качествѣ суда 1-й степени, въ порядкѣ сужденія дѣлъ по преступленіямъ должности? Членъ Екатеринбургскаго окружнаго суда Савицкій обвинялся въ томъ, что онъ въ жалобѣ своей правительствующему сенату отъ 14 января 1879 г., описывая неправильныя, по мнѣнію его, дѣйствія предсѣдателя и членовъ того суда, помѣстилъ оскорбительныя для этихъ должностныхъ лицъ выраженія. Савицкій подалъ жалобу свою правительствующему сенату, какъ членъ Екатеринбургскаго окружнаго суда, именуясь этимъ званіемъ своей должности онъ подписалъ и подписалъ жалобу; самое содержаніе этой жалобы относилось къ дѣйствіямъ по службѣ, какъ Савицкаго, такъ и тѣхъ должностныхъ лицъ, въ оскорбленіи которыхъ онъ обвинялся; наконецъ, жалоба Савицкаго обращена была къ правитель-

ствующему сенату, какъ учрежденію, имѣющему высшій надзоръ за всѣми судебными установленіями и должностными лицами судебного вѣдомства Имперіи, и слѣдовательно Савицкій, подавая эту жалобу, являлся не частнымъ лицомъ, а должностнымъ лицомъ судебного вѣдомства; такимъ образомъ, обвиненіе въ оскорбленіи, нанесенномъ имъ при пользованіи правами члена судебного учрежденія, другимъ членамъ того же учрежденія, по поводу взаимныхъ ихъ дѣйствій по службѣ, несомнѣнно составляло обвиненіе въ проступкѣ, учиненномъ Савицкимъ при пользованіи его служебными правами и при отправленіи своей должности. Нанесеніе оскорбленія кому-либо должностнымъ лицомъ при отправленіи должности, предусматривается ст. 347 улож. о нак., помѣщенною въ раздѣлѣ V уложенія, о преступленіяхъ и проступкахъ по государственной службѣ, и слѣдовательно подобныя оскорбленія, наносимыя должностными лицами, принадлежатъ къ противозаконнымъ дѣяніямъ ихъ по службѣ, преслѣдуемымъ въ особомъ порядкѣ уголовнаго судопроизводства, установленномъ для сужденія дѣлъ по преступленіямъ должности, какъ это и было объяснено въ рѣшеніяхъ угол. касс. д-та 1866 г. №№ 87 и 89 по д. Калинина и Ильинскаго и 1875 г. № 444 по д. Кольченки. Въ ст. 347 улож. не заключается особаго постановленія о наказаніяхъ за оскорбленія, наносимыя должностными лицами при отправленіи должности; въ этомъ отношеніи ст. 347 ссылается на узаконенія, опредѣляющія наказанія вообще за обиду; а такъ какъ употребленіе въ бумагѣ, поданной въ судебное или присутственное мѣсто, съ намѣреніемъ, выраженій, прямо оскорбительныхъ для какого-либо должностнаго лица, составляетъ обиду, наказуемую по ст. 283 улож. о нак., помѣщенной въ раздѣлѣ IV уложенія о преступленіяхъ и проступкахъ противъ порядка управленія, въ главѣ II, объ оскорбленіяхъ и явленіи неуваженія къ присутственнымъ мѣстамъ и чиновникамъ при отправленіи должности, то посему, обвиненіе, возбужденное въ настоящемъ дѣлѣ противъ надворнаго совѣтника Савицкаго, вполне подходитъ подъ дѣйствіе ст. 283 и 347 улож. о нак., какъ это подтверждается и соответствующими сему предмету разъясненіями правительствующаго сената, въ опредѣленіи общ. собранія кассац. д-товъ 1869 г. № 23 по д. Чистякова и въ приговорѣ угол. кассац. д-та 20 декабря 1872 г. по д. Станюковича. По изложеннымъ соображеніямъ, правительствующій сенатъ приходитъ къ тому заключительному выводу, что предположеніе надворнаго совѣтника Савицкаго о непод-

судности настоящаго дѣла Казанской судебной палатѣ, въ качествѣ суда 1-й степени, и ходатайство его о признаніи этого дѣла подлежащимъ разсмотрѣнію въ общемъ порядкѣ судопроизводства, съ отиѣною, на этомъ основаніи, приговора о немъ судебной палаты, какъ состоявшагося не въ установленномъ законами порядкѣ, не могутъ заслуживать уваженія. Засимъ, не требуетъ разрѣшенія и не подлежитъ удовлетворенію ходатайство Савицкаго о прекращеніи возбужденнаго противъ него уголовнаго преслѣдованія по ст. 283 улож. о нак., на основаніи ст. 158 улож., за давностью, такъ какъ соединенное присутствіе 1-го и кассад. д-товъ правит. сената, непосредственно по выслушаніи жалобы Савицкаго отъ 14 января 1879 г., по опредѣленію 1 марта того же года, за силою ст. 1098 уст. уг. суд., изд. 1876 г., потребовало отъ него объясненіе, по поводу помѣщенныхъ имъ въ этой жалобѣ выраженій о дѣйствіяхъ предсѣдателя и членовъ Екатеринбургскаго окружнаго суда, и по разсмотрѣніи этого объясненія, 30 октября 1880 г., постановило опредѣленіе о преданіи Савицкаго суду, на основаніи ст. 283 и 347 улож. о нак. Равнымъ образомъ незаслуживаютъ уваженія и прочія указанія надворнаго совѣтника Савицкаго на судопроизводственными нарушенія въ настоящемъ дѣлѣ, а именно: а) въ истребованіи, для разсмотрѣнія, приложений къ жалобѣ его правительствующему сенату отъ 14 января 1879 г., непредставляется необходимости по причинамъ, изложеннымъ въ опредѣленіи судебной палаты 21 апрѣля 1881 г.; б) столь же правильно палата, въ этомъ опредѣленіи своемъ, устранила ходатайство Савицкаго о вызовѣ старшаго предсѣдателя ея, Окулова, свидѣтелемъ по настоящему дѣлу, авасимъ, по опредѣленію 6 Іюня 1881 г., оставила предъявленнымъ Савицкимъ, на основаніи 2 пун. ст. 600 уст. уг. суд., отводъ противъ старшаго предсѣдателя Окулова безъ послѣдствій; в) приводимыя Савицкимъ, въ апелляціонномъ его отиѣѣ, причины, по которымъ старшій предсѣдатель Окуловъ, по объясненію его, обязанъ былъ самъ устранить себя отъ разсмотрѣнія сего дѣла, не были объяснены Савицкимъ въ отводѣ, предъявленнымъ палатѣ, и не могутъ быть обсуждены правительствующимъ сенатомъ, по недостаточности къ тому данныхъ въ дѣлѣ, г) непредъявленіе Савицкому списка судей до прибытія его въ гор. Казань, не имѣетъ существеннаго значенія, какъ потому, что составъ всего вообще присутствія судебной палаты едва ли могъ быть неизвѣстенъ Савицкому, такъ и потому, что Савицкій не указываетъ въ апелляціонномъ отиѣѣ,

чтобы онъ могъ предъявить какой либо отводъ противъ другихъ членовъ палаты, судившихъ его дѣло, если бы списокъ судей высланъ былъ ему въ гор. Екатеринбургъ; наконецъ д) обвиненіе его въ преступленіи по должности, подлежало разсмотрѣнію уголовного департамента судебной палаты, т. е. составъ присутствія департамента палаты изъ трехъ судей соотвѣтствовалъ требованію ст. 140 учр. суд. установ. (265 общ. губ. учр., изд. 1876 г.). Такимъ образомъ не представляется уважительныхъ основаній къ разсмотрѣнію, въ порядкѣ надзора, согласно просьбѣ Савицкаго, личныхъ, въ отношеніи его, какъ онъ выражается, дѣйствій старшаго предсѣдателя палаты Окулова. Переходя, засимъ, къ обсужденію виновности подсудности Савицкаго въ проступкѣ, предусматриваемомъ ст. 283 и 347 улож. о нак., правительствующій сенатъ находитъ, что по общему значенію жалобы Савицкаго отъ 14 января 1879 г., по самому предмету ея и по выраженнымъ въ ней основаніямъ неудовольствія Савицкаго на описываемыя имъ дѣйствія предсѣдателя и членовъ Екатеринбургскаго окружнаго суда, нельзя допустить, чтобы Савицкій имѣлъ прямое намѣреніе оскорбить этихъ членовъ одного съ нимъ судебного учрежденія, употребленіемъ неприличныхъ о нихъ выраженій въ этой жалобѣ. Непризнаніе, однако, прямого намѣренія на оскорбленіе, не лишаетъ проступокъ, преслѣдуемый по ст. 283 ул. о нак., противозаконнаго его значенія. если виновный могъ и долженъ былъ сознавать, что выраженія, употребленныя имъ въ бумагѣ, поданной въ присутственное мѣсто, о должностныхъ лицахъ, на дѣйствія которыхъ принесена имъ жалоба, не могли не быть признаны оскорбительными (рѣш. угол. касс. д-та 1874 г. № 516, 1875 г. № 578 и 1876 г. № 235 под. Крутикова, Афонасьева и Мушниковъ); притомъ, ст. 283 улож. о нак. воспрещается употребленіе, при условіяхъ, въ этомъ законѣ предусмотрѣнныхъ, выраженій о должностныхъ лицахъ, не только по буквальному смыслу своему оскорбительныхъ, но и вообще неумѣстныхъ, неоправдываемыхъ никакою необходимостью, и неприличныхъ, т. е. несоотвѣтствующихъ ни принятымъ приличіямъ, ни тѣмъ отношеніямъ, въ которыхъ находятся между собою—лицо, употребившее эти выраженія, и тѣ лица, къ которымъ они относятся (рѣш. угол. касс. д-та 1872 г. № 1509 и 1873 г. № 76 под. Волкова и Яновича). Между тѣмъ, изъ числа выраженій, помѣщенныхъ въ жалобѣ Савицкаго, и отнесенныхъ имъ непосредственно къ дѣйствіямъ предсѣдателя и членовъ Ека-

теринбургскаго окружнаго суда, нельзя не признать неумѣстными: а) названіе „выдуманнымъ“ протокола, не вполне согласнаго, по мнѣнію Савицкаго, съ дѣйствительно происходившимъ въ засѣданіи суда; б) сравненіе немотивированной резолюціи суда съ „произвольнымъ распоряженіемъ въ самой грубой формѣ;“ в) объясненіе Савицкаго о томъ, что судьи давали мнѣнія, съ которыми онъ былъ несогласенъ, „по чистому капризу,“ а предсѣдатель „потакалъ этимъ капризамъ,“ и наконецъ г) упреки предсѣдателю суда въ „забывчивости относительно лежащихъ на немъ обязанностей,“ въ „тенденціозности доношеній его“ и „въ измѣненіи протокола изъ личныхъ видовъ“, а остальнымъ членамъ суда „въ завѣдомомъ одобреніи этихъ неправильныхъ дѣйствій“ предсѣдателя. Впрочемъ, не одни эти выраженія, но и все вообще содержаніе жалобы Савицкаго, неприличное, не только въ отношеніи членовъ суда, о которыхъ онъ ведетъ рѣчь, но вмѣстѣ съ тѣмъ и въ отношеніи правит. сената, къ которому онъ обращаетъ свою жалобу, обличаютъ опрометчивость Савицкаго въ выборѣ выраженій и неумѣнье его сдерживать себя въ рѣзкомъ объясненіи своихъ сужденій, предосудительное въ особенности для лица, носящаго званіе судьи, и обязаннаго, по этому званію своему, дѣйствовать всегда съ особенною осмотрительностью. Поэтому, правит. сенатъ не можетъ не отнестись съ безусловнымъ осужденіемъ къ проступку Савицкаго, разсматриваемому въ настоящемъ дѣлѣ; но вмѣстѣ съ тѣмъ правит. сенатъ не можетъ не признать, что надворный совѣтникъ Савицкій, при изложеніи своей жалобы, очевидно увлекся охраненіемъ принадлежащихъ ему правъ по званію судьи и желаніемъ усилить впечатлѣніе разсказа о тѣхъ дѣйствіяхъ предсѣдателя и членовъ окружнаго суда, которыми, по предположенію его, нарушались эти права. Если несомнѣнно, что на рѣшеніе высшаго суда должны вліять правдивое изложеніе предмета дѣла и основательное указаніе на составляющія предметъ жалобы ошибочныя или незаконныя дѣйствія должностныхъ лицъ, а не выраженія рѣзкія, неумѣстныя и несоотвѣтствующія достоинству справедливой жалобы, то съ другой стороны, неосторожность или опрометчивость дѣянія, объясняемая и оправдываемая, по убѣжденію суда, нѣкоторыми обстоятельствами разсматриваемаго дѣла, допускаетъ, въ исключительныхъ случаяхъ, примѣненіе къ проступку обвиняемаго лица, дѣйствія ст. 110 улож. о нак. Руководствуясь вышеприведенными соображеніями, правит. сенатъ находитъ возмож-

яму отнестись согласно этому указанію закона, и къ нимъ, въ данномъ случаѣ, надворнаго совѣтника Савицкаго: а посему, признавая Савицкаго виновнымъ въ томъ, что онъ, состоя въ должности члена Екатеринбургскаго окружнаго суда, въ жалобѣ правительств. сенату отъ 14 января 1879 г., по опрометчивости, поимѣстилъ неприличныя выраженія относительно дѣйствій председателя и нѣкоторыхъ членовъ означеннаго суда, правит. сенатъ, на основаніи ст. 347, 283 и 110 улож. о наказ., опредѣляетъ: сдѣлать члену Екатеринбургскаго окружнаго суда, надворному совѣтнику Ивану Клементьевичу Савицкому, внушеніе объ опрометчивости этого проступка его; для распоряженія объ объявленіи сего приговора Савицкому въ порядкѣ, установленномъ ст. 947 и 1128 уст. угол. суд., по мѣсту пребыванія Савицкаго (опред. общ. собр. касс. д-въ 9-го февраля 1881 г. по д. Козубскаго), Казанской судебной палатѣ, съ возвращеніемъ дѣла, послать указъ, и списокъ съ сего приговора, на основаніи ст. 1123 уст. угол. суд., явл. 1876 г., сообщить въ соединенное присутствіе 1-го и кассационныхъ департаментовъ правительствующаго сената при вѣдѣніи. Подлинный за подписаніемъ гг. сенаторовъ и скрѣпою оберъ-секретаря.

О значеніи фиктивныхъ банковыхъ операцій, проводимыхъ съ цѣлью маскированія растратъ.

Растрата чужаго движимаго имущества принадлежитъ, по нашему уложенію, къ числу преступленій, преслѣдуемыхъ въ порядкѣ публичнаго обвиненія, помимо жалобы потерпѣвшаго лица, за исключеніемъ дѣлъ о растратахъ между супругами и между родителями и дѣтьми. Растрата бываетъ двухъ родовъ: частная, совершонная частнымъ лицомъ, въ сферѣ обыкновенныхъ житейскихъ отношеній, и должностная, состоящая въ посягательствѣ лица должностнаго на имущество, вѣренное ему въ силу его служебныхъ обязанностей.

Постановленія, относящіяся къ должностной растратѣ, помѣщены въ раздѣлѣ пятомъ уложенія, въ главѣ третьей—„о противозаконныхъ поступкахъ должностныхъ лицъ при храненіи и

управленія ввѣрѣнаго имъ по службѣ имущества.“ — Хотя постановленія эти имѣютъ значеніе общихъ правилъ и, въ смыслѣ послѣднихъ, само собой разумѣется, приѣмными къ растратамъ, совершеннымъ всѣми вообще должностными лицами, въ кругу ихъ служебныхъ обязанностей,—тѣмъ не менѣе, растраты, равно какъ и другія злоупотребленія въ государственныхъ кредитныхъ установленіяхъ, предусмотрѣны особой статьей уложенія въ видѣ осужденія на упомянутыя постановленія. Вотъ эта статья:

1153. „Чиновники и должностныя лица государственныхъ кредитныхъ установленій, за преступленія и проступки по службѣ, подвергаются наказаніямъ и взысканіямъ, на основаніи общихъ правилъ, въ раздѣлѣ V сего уложенія постановленныхъ, о преступленіяхъ и проступкахъ чиновниковъ по службѣ.“

„На основаніи тѣхъ-же правилъ, сказано въ слѣдующей 1154-й статьѣ уложенія, подвергаются наказаніямъ и должностныя лица общественныхъ и частныхъ банковъ за подлоги и невѣрности въ сохраненіи ввѣреннаго имъ имущества, принятіи противозаконныхъ подарковъ, взятки и вымогательство.“

Раздѣлъ пятый уложенія заключаетъ въ себѣ постановленія о преступленіяхъ и проступкахъ по должности лицъ, состоящихъ на государственной или общественной службѣ. Поэтому, примѣненіе этихъ постановленій къ поступкамъ дѣятелей частныхъ банковъ, составляетъ исключеніе. Лица, заведующія дѣлами торговыхъ обществъ, товариществъ и компаній, за растрату ввѣреннаго имъ имущества, привлекаются къ отвѣтственности, какъ повѣренные (1199 и 1711 ст. улож. о наказ.), хотя они находятся совершенно въ такихъ-же условіяхъ службы, какъ и дѣятели частныхъ банковъ.

Постановленіе 1154 статьи, буквально въ той-же редакціи, было внесено въ проектъ уложенія 1844 года, гдѣ составляло 1522 статью. Чѣмъ было вызвано распространеніе постановленій по преступленіямъ должности на злоупотребленія въ частныхъ банкахъ, неизвѣстно. Разсматриваемая нами 1154 статья, явившаяся въ проектѣ уложенія 1844 года въ видѣ постановленія новаго, имѣетъ слѣдующее законическое поясненіе составителей проекта: „постановленія о наказаніяхъ и взысканіяхъ за преступленія по службѣ распространяются и на лица, занимающія должности въ общественныхъ и частныхъ банкахъ, на что и г. министръ финансовъ согласенъ.“ Независимо отъ такого исключительнаго зна-

ченія этой статьи, она страдает и нѣкоторой неточностью редакціи. Употребленное въ ней выраженіе: „невѣрности въ сохраненіи имущества“, представляется неяснымъ. Надо полагать, подъ „невѣрностями“ редакторы подразумѣвали всѣ вообще преступныя дѣйствія и упущенія должностныхъ лицъ общественныхъ и частныхъ банковъ, причиняющія ущербъ ввѣренному этимъ лицамъ имуществу, а слѣдовательно и растраты. Къ такому заключенію приводятъ, между прочимъ, и послѣдующія статьи уложенія.

1155. „Чиновники и должностныя лица государственныхъ кредитныхъ установленій, общественныхъ и частныхъ банковъ, за неправильныя и злонамѣренныя дѣйствія въ производствѣ ссудъ или выдачѣ вкладовъ, съ ущербомъ для того установленія, въ которомъ служатъ, подвергаются:

наказаніямъ и взысканіямъ, опредѣленнымъ въ статьѣ 354 сего уложенія, за растрату ввѣреннаго по службѣ имущества, и на основаніи сей статьи.“

1156. „За утрату бланковъ, приготовленныхъ для выдачи билетовъ на вклады, вносимые въ кредитныя установленія, лица, коимъ храненіе оныхъ ввѣрено, подвергаются, когда сіе сдѣлано по одному лишь небреженію:

денежному взысканію не свыше пятидесяти рублей за каждый бланкъ и, сверхъ того, отрѣшенію отъ должности;

а буде при семъ было какое-либо злоупотребленіе, то приговариваются сообразно съ постановленіями о растратѣ ввѣреннаго по службѣ имущества (см. ст. 354):

къ лишенію всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ, правъ и преимуществъ, и къ ссылкѣ на житіе въ Сибирь по четвертой степени 31 статьи сего уложенія.“

Если постановленія о должностной растратѣ примѣняются къ нѣкоторымъ видоизмѣненіямъ этого преступленія, усматриваемымъ въ дѣйствіяхъ должностныхъ лицъ общественныхъ и частныхъ банковъ, то постановленія эти тѣмъ болѣе примѣнимы къ прямой растратѣ этими лицами ввѣреннаго имъ имущества.

Такимъ образомъ, по нашему уложенію о наказаніяхъ, всѣ злоупотребленія вообще и растраты въ частности, совершенныя въ государственныхъ, общественныхъ и частныхъ банкахъ и кредитныхъ учрежденіяхъ другихъ наименованій, преслѣдуются на основаніи постановленій о преступленіяхъ по должности.

Должностная растрата предусмотрена 354-й статьей улож. о нак. Она имѣетъ двѣ особенности. Во -хъ) нормальное наказаніе за эту растрату, состоящее въ лишеніи всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ, правъ и преимуществъ, и въ ссылкѣ на житье въ Сибирь, или-же въ отдачѣ въ исправительныя арестантскія отдѣленія по четвертой степени 31 ст. уложенія, значительно смягчается и низводится до денежнаго штрафа и отрѣшенія отъ должности, въ случаѣ добровольнаго пополненія виновнымъ всего растраченнаго, и во 2-хъ) побѣгъ виновнаго, предпринятый въ видахъ избѣжанія ответственности за растрату, и подлогъ, совершенный съ цѣлю сокрытія растраты, влекутъ послѣдствія болѣе тяжкія, чѣмъ самая растрата.

„Если присвоившій себѣ или растратившій ввѣренное ему по службѣ казенное или частное имущество, гласитъ 359-я статья уложенія, для избѣжанія суда, учинить побѣгъ или-же составить подложные документы для сокрытія своего преступленія, то онъ, сверхъ взысканія по цѣнѣ всего имъ присвоеннаго или растраченнаго, приговаривается къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе.“

О значеніи пополненія должностной растраты мы имѣли уже случай высказать наши соображенія, въ одной изъ замѣтокъ, на страницахъ „Журнала гражданского и уголовного права“ (за 1881 г., кн. VI), по поводу вопроса о томъ, совмѣстимо-ли добровольное пополненіе растраты съ отрицаніемъ виновности. Въ настоящей замѣткѣ мы предполагаемъ сдѣлать нѣсколько указаній по предмету особаго вида подлоговъ, аналогичныхъ съ подлогами, предусмотрѣнными 359 - й статьей уложенія, и состоящихъ въ проведеніи по отчетности и дѣлопроизводству, съ соблюденіемъ всѣхъ установленныхъ формальностей, фиктивныхъ банковыхъ операцій, съ цѣлю замаскированія недочетовъ, произшедшихъ отъ хищеній.

Предварительно разсмотрѣнія этого предмета, считаемъ нелишнимъ бросить общій взглядъ на постановленіе упомянутой 359-й статьи уложенія.

Постановленіе, изложенное въ этой статьѣ, впервые появилось въ проектѣ уложенія 1844 г., въ той-же редакціи, какъ и въ настоящее время, по уложенію изданія 1866 г. Это новое постановленіе было пояснено слѣдующимъ комментариемъ составителей проекта: „здесь предназначается высшая за растрату и похищеніе

вѣреннихъ по службѣ денегъ и вещей мѣра наказанія, въ томъ случаѣ, если виновный, для избѣжанія суда, учинить побѣгъ или же употребитъ подлогъ для сокрытія своего преступленія. Сии обстоятельства увеличиваютъ вину преступника или, лучше сказать, они составляютъ новое преступленіе.“ Объясненіе это едва-ли можно назвать убѣдительнымъ. Составители проекта, очевидно, колебались даже въ опредѣленіи значенія побѣга и подлоговъ, совершаемыхъ съ цѣлью избѣжанія ответственности за должностную растрату, считая ихъ то обстоятельствами, увеличивающими лишь вину, то самостоятельными преступленіями.

Ненудежитъ сомнѣнію, что такая неопредѣленность взгляда на значеніе дѣяній, предусмотрѣнныхъ 359 статьей уложенія, даже со стороны составителей проекта, произошла отъ совѣщенія въ постановленіи двухъ разнохарактерныхъ признаковъ, въ смыслѣ обстоятельствъ равнозначащихъ. Побѣгъ обвиняемаго, безспорно, можетъ указывать, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, на большую интенсивность его злой воли, обдуманность плана дѣйствій, рѣшимость пользоваться плодами преступленія и т. п., — и съ этой точки зрѣнія можетъ, во взглядѣ судьи, рѣшающаго дѣло по существу, лишить подсудимаго права на снисхожденіе. Самъ по себѣ взятый побѣгъ, преступленія не составляетъ. Подлогъ же, напротивъ, самъ по себѣ является преступленіемъ. Поэтому, признаніе за обоими значенія обстоятельствъ, влекущихъ за собою одинаковыя послѣдствія, — до очевидности несправедливо. Затѣмъ, подлогъ, какъ преступленіе, въ связи съ другимъ противозаконнымъ дѣяніемъ, долженъ или измѣнить составъ послѣдняго, возведя его въ дѣяніе болѣе тяжкое, или же повлечь болѣе строгое наказаніе, по правиламъ о совокупности преступленій. Такимъ образомъ, подлогъ не можетъ быть отождествляемъ съ обстоятельствомъ, увеличивающимъ лишь вину, въ тѣсномъ смыслѣ, т. е. такимъ обстоятельствомъ, которое, не измѣняя состава преступленія, къ которому примкнуло, вліяетъ только на мѣру наказанія.

Хотя составители проекта высказались, въ своихъ мотивахъ, о значеніи побѣга и подлога, совершаемыхъ съ цѣлью избѣжанія ответственности за должностную растрату, нерѣшительно, признавая эти факты то обстоятельствами, увеличивающими вину, то, въ связи съ растратой, особыми преступленіями, но, въ концѣ концовъ, 382 статья проекта, перешедшая въ послѣдствіи въ разсматриваемую нами 359 ст. уложенія, была редактирована въ смыслѣ послѣдняго

изъ этихъ двухъ положеній. Предусматриваемое 359 ст. дѣяніе составляетъ особое преступленіе, состоящее изъ растраты и слѣдующихъ за ней побѣга или подлога. Это вытекаетъ изъ существа налагаемаго этой статьей наказанія, соединяющаго въ себѣ, вмѣстѣ съ отвѣтственностью уголовной, и взысканіе всего растроченнаго, что ясно указываетъ, что адѣсь опредѣлена отвѣтственность по совокупности растраты съ побѣгомъ или подлогомъ. Должностное лицо, совершившее растрату вѣреннаго ему по службѣ имущества, и затѣмъ, въ видахъ избѣжанія отвѣтственности за это дѣяніе, — побѣгъ или подлогъ, подлежитъ отвѣтственности только по 359 ст. уложенія, которая, такимъ образомъ, поглощаетъ 357 ст., специально предусматривающую разныя виды растраты.

Такая квалифікація преступнаго дѣянія можетъ вызывать на практикѣ недоразумѣнія. Не только легко представить себѣ, но очень возможны и бывають такіе случаи, когда между растратой, съ одной стороны, и побѣгомъ обвиняемаго или подлогаго, съ другой стороны, пройдетъ значительный промежутокъ времени. Растрата погасится давностью, которая, между тѣмъ, на побѣгъ или подлогъ распространяться не будетъ. Возможно также, что растрата будетъ прощена милостивымъ манифестомъ (4 и 16 ст. уст. ур. суд.), подъ который не подойдутъ, ни побѣгъ, ни подлогъ. Естественно, что въ такихъ случаяхъ, самъ собою, долженъ возникнуть вопросъ о томъ, какое значеніе слѣдуетъ придавать этимъ послѣднимъ обстоятельствамъ, оставшимся особнякомъ, за выдѣленіемъ растраты. Такъ какъ, по смыслу 359 ст., обстоятельства эти приобрѣтають особое значеніе только при наличности растраты, то въ подобныхъ случаяхъ, съ признаніемъ растраты какъ-бы несуществующей, и эти приходящія обстоятельства, казалось-бы, должны падать сами собой. Положеніе это, если оно и примѣнимо къ побѣгу, не можетъ быть распространяемо, однако-же, на подлогъ. Побѣгъ, предпринятый послѣ совершенія растраты, пожалуй, имѣетъ такое же значеніе, какъ напр., предусматриваемые 129 ст. уложенія упорное заперство, оговоръ лицъ невинныхъ и т. п. Что же касается подлога, то онъ заключаетъ въ себѣ всѣ элементы отдѣльнаго преступнаго дѣянія и, какъ совершившееся преступленіе, подлежитъ вѣщенію независимо отъ послѣдствій самой растраты. Если такъ, то является вопросъ: подъ какую статью уложенія долженъ быть подведенъ и какия послѣдствія долженъ испытывать подлогъ, совершонный съ цѣлью сокрытія растраты, которая почему-либо не подле-

жить вмѣненію? Кромѣ того, нерѣдко бываетъ, что подлогъ съ цѣлью маскированія должностной растраты, совершаетъ не лицо, сдѣлавшее растрату, а кто-либо другой, даже безъ вѣдома перваго. Спрашивается, подъ какую статью подвести дѣяніе того и другого? 359 ст. предусматриваетъ лишь тотъ случай, когда растратившій ввѣренное ему по службѣ имущество самъ совершаетъ подлогъ.

Вообще, неудачно редактированная 359 ст. уложенія имѣетъ характеръ постановленія отрывочнаго, случайнаго. Если побѣгу виновнаго, съ цѣлью избѣжанія отвѣтственности за должностную растрату, или совершенному имъ для замаскированія такой растраты подлогу, законодатель придаетъ особое значеніе, то, казалось-бы, такое-же значеніе должно быть придаваемо и другимъ мѣрамъ, предпринимаемымъ съ цѣлью обезпеченія безнаказанности за упомянутое преступленіе. Практика показываетъ, что виновные въ растратахъ, въ весьма рѣдкихъ случаяхъ рѣшаются на побѣги, прямыя-же подлоги совершаютъ лишь въ видахъ временной маскировки растраты, которая раньше или позже всегда должна обнаружиться. Затѣмъ, когда недостача растраченнаго не поддается дальнѣйшей маскировкѣ и начинаетъ давать себя чувствовать и сказываться сама собой, лица, на которыхъ должна пасть отвѣтственность за растрату, съ цѣлью затруднить возможность раскрытія этого преступленія, при изслѣдованіи его судебными властями, и вообще запутать дѣло, очень часто скрываютъ или совершенно уничтожаютъ относящіеся къ дѣлу счетный матеріалъ. Этотъ приемъ практикуется преимущественно въ кредитныхъ учрежденіяхъ. Дѣятели любого банка, чувствуя за собой вину по части употребленія въ свою пользу ввѣренныхъ имъ по службѣ денежныхъ суммъ и, поэтому, ожидающіе со дня на день предварительнаго слѣдствія и суда, скрывъ нѣкоторые изъ кассовыхъ или бухгалтерскихъ книгъ, на цѣлыя года отдаляютъ развязку дѣла. За неимѣніемъ всѣхъ книгъ, судебной власти удается произвести учетъ по операціямъ банка только путемъ колоссальнаго труда, а подчасъ приходится и совершенно отказаться отъ приведенія въ ясность всѣхъ моментовъ хищенія, въ виду невозможности достигнуть этого, именно вслѣдствіе недостачи книгъ. Такого рода мѣры со стороны виновныхъ, несомнѣнно приносятъ больше вреда интересамъ правосудія, чѣмъ побѣги или даже не особенно хитро задуманные и неудачно выполненные подлоги. Тѣмъ не менѣе, объ утайкѣ или уничтоженіи счетнаго матеріала,

ради сокрытія слѣдовъ растраты, особаго, спеціальнаго постановленія не имѣется.

Надо надѣяться, что съ изданіемъ новаго уложенія постановленія о должностной растратѣ будутъ построены на другихъ, болѣе рациональныхъ началахъ, недопускающихъ ни казуистики, ни какихъ либо несообразностей. Побѣгъ виновнаго долженъ быть со всѣмъ вычеркнутъ изъ числа преступленій, иначе, да позволено намъ будетъ сдѣлать такое сравненіе, наказаніе за побѣгъ было бы тоже самое, что судъ надъ Щедринскими пискарями. Подлоги, совершаемые съ цѣлью сокрытія растраты, слѣдуетъ разсматривать, какъ преступленія самостоятельныя, независимо отъ самихъ растратъ.

Оставаясь же на почвѣ дѣйствующихъ въ настоящее время постановленій по предмету подлоговъ, совершаемыхъ ради маскировки должностной растраты, намъ необходимо еще выяснить, въ какомъ именно значеніи употреблены въ 359 статьѣ уложенія слова „составить подложные документы.“

Такъ какъ подлогомъ считается поддѣлка только такого письменнаго матерьяла, который можетъ имѣть значеніе доказательства извѣстнаго факта или событія, то, строго говоря, не можетъ быть подлога внѣ составленія документовъ. Поддѣлка такого акта, который ничего не означаетъ и ничего не доказываетъ, т. е. не имѣетъ значенія документа, не можетъ почитаться подлогомъ. Ставъ на эту точку зрѣнія, пришлось бы признать что 359 статья предусматриваетъ всѣ вообще подлоги. Выводъ этотъ былъ бы, однако же, ошибоченъ, въ особенности въ виду предъидущей 358 статьи, въ которой сказано:

„Кто въ приходную, по казеннымъ въ управленіи его состоящимъ доходамъ, книгу, съ умысломъ запишетъ менѣе дѣйствительнаго поступившаго или же вовсе не запишетъ прихода, или въ расходной книгѣ напишетъ болѣе противъ израсходованнаго, тотъ за сіе подвергается:

денежному взысканію вдвое противъ незаписаннаго въ приходъ или излишне внесеннаго въ расходъ и, сверхъ того, лишенію всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ, правъ и преимуществъ и ссылкѣ на житье въ Сибирь или отдачѣ въ исправительныя арестантскія отдѣленія по четвертой степени 31 статьи сего уложенія“.

ж. гр. и уг. пр. кн. v 1883 г.

5

Приходо-расходная книга, въ извѣстныхъ случаяхъ, имѣетъ значеніе доказательства и, слѣдовательно, составляетъ своего рода документъ. Въ 358 ст. говорится объ умысленныхъ подлогахъ. Умыселъ всегда предполагаетъ цѣль. Записывать „менѣ дѣйствительно поступившаго или болѣе противъ израсходованнаго“ можно въ виду разныхъ побужденій, напр., съ цѣлью замаскировать недочетъ, происшедшій отъ несчастнаго случая; показать извѣстныя операціи не въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ были на самомъ дѣлѣ, и т. п., но не подлежитъ сомнѣнію, что въ большинствѣ случаевъ приемы, предусмотрѣнные 358 статьей, практикуются ради сокрытія растраты. Слѣдовательно, законъ различаетъ два вида подлоговъ, совершаемыхъ съ цѣлью маскированія должностной растраты, а именно: въ приходо-расходныхъ книгахъ и документахъ.

Если, такимъ образомъ, „подложные документы“, о которыхъ говорится въ 359 ст. уложенія, противопоставляются приходо-расходнымъ книгамъ, то, естественно, они должны быть отличаемы не только отъ послѣднихъ, но и отъ всего того счетнаго матерьяла, который имѣетъ такое же значеніе, какъ и приходо-расходныя книги.—Счетоводный матерьялъ бываетъ двоякаго рода. Онъ состоитъ: во 1-хъ) изъ записей самого приходо-расходчика и во 2-хъ) изъ разныхъ документовъ, которые подтверждаютъ дѣйствительность первыхъ. Записи самого приходо-расходчика, какъ то: книги, реестры, вѣдомости и т. п., приобретаютъ значеніе достовѣрности лишь тогда, когда они оправдываются какими-либо документами, которые поэтому и называются „оправдательными“. Само собою разумѣется, что послѣдніе имѣютъ болѣе важное значеніе, чѣмъ записи самаго подѣотчетнаго лица. Надо полагать, что 359 статья предусматриваетъ подложное составленіе именно оправдательныхъ документовъ и назначаетъ за это, въ виду важности такихъ документовъ, болѣе строгое наказаніе, чѣмъ за подложныя записи въ книгахъ. — Подъ оправдательными документами подразумѣваютъ росписки постороннихъ лицъ, письма, акты и другія бумаги разныхъ наименованій, которые, подкрѣпляя записи прихода или расхода денегъ по книгамъ, возводятъ слѣлки и операціи, изъ которыхъ вытекаютъ эти записи, въ факты, дѣйствительно совершившіеся. Подлогомъ же такихъ документовъ слѣдуетъ считать не только ихъ фальсификацію, поддѣлку въ тѣсномъ смыслѣ, но и вообще воплощеніе всякой неправды, всякой лжи, въ форму актовъ, согласно общему опредѣленію должностнаго подлога, по 362 ст. уложенія,

по которой признается подлогомъ. между прочимъ, если „кто, при отправленіи своей должности, допустить подставныхъ свидѣтелей или заочно составить актъ отъ имени отсутствующихъ, или совершить оный заднимъ числомъ или же исполнѣ или частью, съ намѣреніемъ, скроетъ истину въ докладахъ, рапортахъ, протоколахъ, журналахъ, свидѣтельствахъ, гражданскихъ или торговыхъ обязательствахъ и прочихъ какихъ-либо официальныхъ актахъ, или включить въ нихъ вымышленныя обстоятельства или завѣдомо ложныя свѣдѣнія“ Констатированіе подлоговъ въ подобнаго рода документахъ сводится на провѣрку фактовъ или событій, удостовѣряемыхъ этими документами.

Окончивъ на этомъ общія замѣчанія на постановленіе 359 ст. уложенія и обращаясь къ ближайшему разсмотрѣнію предмета настоящей замѣтки, мы должны сказать, прежде всего, что если констатированіе подлоговъ, совершаемыхъ въ видахъ сокрытія должностной растраты, не представляетъ особаго затрудненія въ дѣлахъ по преступленіямъ этого рода, допущеннымъ въ правительственныхъ установленіяхъ по разнымъ отраслямъ управленія, то этого нельзя сказать относительно такихъ преступленій, обнаруживаемыхъ въ кредитныхъ учрежденіяхъ, а тѣмъ болѣе въ общественныхъ и частныхъ банкахъ. Кредитныя учрежденія представляются весьма сложными механизмами. Дѣятельность ихъ выражается въ разныхъ операціяхъ и сдѣлкахъ чисто гражданского свойства, гдѣ иногда нелегко отличить гражданскую неправду отъ дѣянія уголовного. Съ другой стороны, въ виду означенныхъ условій, дѣятели этихъ учреждений не упускаютъ случая воспользоваться возможностью обставить свои злоупотребленія такимъ образомъ, чтобы ихъ сдѣлать неуязвимыми, съ точки зрѣнія уголовного права, или имѣть, по крайней мѣрѣ, отводъ на почвѣ преюдиціальныхъ вопросовъ. Для этого достаточно связать злоупотребленіе съ какой либо фиктивной сдѣлкой, мнимой банковской операціей, съ соблюденіемъ должныхъ формальностей, и уголовная сторона дѣла начинаетъ затемняться. Къ подобнымъ приѣмамъ дѣятели кредитныхъ учреждений прибѣгаютъ, по большей части, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда вслѣдствіе совершеннаго ими похищенія или другихъ злоупотребленій, въ кассѣ образуется дефицитъ. Это то и вызываетъ необходимость разъяснить значеніе практикуемыхъ въ такихъ случаяхъ фиктивныхъ операцій.

Возьмемъ простѣйшій и, вмѣстѣ съ тѣмъ, самый распространен-

ный способ маскированія банковыхъ хищеній. Предположимъ, что дѣятели какого либо торговаго или учетнаго банка или другаго кредитнаго учрежденія совершаютъ растрату суммъ, путемъ разновременнаго позаймствованія для своихъ надобностей денегъ изъ кассы этого учрежденія. Дефицитъ въ кассѣ, неоправданный никакими расходами на счетъ даннаго учрежденія, долженъ быть признанъ растратой и одинъ, самъ по себѣ взятый, фактъ подобнаго дефицита не могъ бы возбуждать никакихъ недоразумѣній. Но дѣло можетъ получить другую окраску, если виновные въ хищеніи, съ цѣлью замаскировать это преступленіе, проведутъ фиктивную операцію учета векселей. Какъ извѣстно, дѣятели банковъ могутъ кредитоваться въ тѣхъ же учрежденіяхъ, гдѣ состоятъ на службѣ. Это и дастъ имъ возможность совершонными ими растраты переводить на себя въ видѣ долга. Банковъ дѣлецъ, совершившій крупную растрату ввѣренныхъ ему по службѣ денежныхъ суммъ, имѣетъ полную возможность, въ ожиданіи ревизіи, войти въ стачку съ своими сослуживцами, (обыкновенно родственниками, свойствами или вообще людьми близкими, своими), учесть въ томъ же банкѣ собственные векселя на растроченную сумму и, такимъ образомъ, показать, что деньги не растрочены, а выданы ему въ ссуду. Затѣмъ, смотря по обстоятельствамъ, перевести свое имущество, какъ это сплошь и рядомъ дѣлается, на жену или родственниковъ, и сойти съ арены дѣятельности. вмѣсто похищенныхъ изъ кассы денегъ, въ портфель банка будутъ лежать ничего нестоющіе, ничѣмъ необезпеченные векселя изворотливаго дѣльца, а въ канцеляріи — составленное съ соблюденіемъ всѣхъ формальностей производство по выдачѣ ему ссуды, состоящее изъ заявленія заемщика, журналовъ и постановленій правленія банка и другихъ необходимыхъ бумагъ, наличность которыхъ будетъ констатировать дѣйствительность ссуды. Съ формальной точки зрѣнія такое производство не можетъ быть опровергаемо. Но фактъ растраты, въ виду которой описанная комбинація предпринята останется преступленіемъ и если онъ будетъ констатированъ путемъ предварительнаго слѣдствія, то послѣднему, конечно, придется остановиться и на вопросѣ о значеніи производства по учету векселей, оставшихся въ портфель банка, вмѣсто растроченныхъ денегъ. Это тѣмъ болѣе необходимо, что отъ того или другаго значенія, которое будетъ дано этому производству, можетъ зависеть судьба всего дѣла. Если учесть векселей признать дѣйствительнымъ, то тогда,

конечно, въ кассѣ не будетъ дефицита, ибо на всю сумму расходовъ имѣются оправдательные документы (въ данномъ случаѣ векселя, и такимъ образомъ фактъ растраты, хотя и констатируемый другими данными дѣла, по меньшей мѣрѣ, долженъ быть сведенъ на растрату пополненную (1 ч. 354 ст. улож. о нак.), а иногда, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, и совсѣмъ устраненъ изъ производства. Затѣмъ, если векселя въ послѣдствіи не будутъ оправданы, остается одно — признать произшедшій отъ этого недочетъ убыткомъ. Полагаемъ, что не ошибемся, если скажемъ, что такіе убытки очень и очень часто сносятся со счетовъ, преимущественно въ провинціальныхъ, захолустныхъ кредитныхъ установленіяхъ. Въ случаѣ какихъ либо подозрѣній, жалобъ и вмѣшательства властей, виновные, обыкновенно, доказываютъ дѣйствительность учета своихъ векселей и стараются свести, такимъ образомъ дѣло на почву гражданскаго взысканія. Въ порядкѣ же гражданскаго суда, хищнику, превращенному въ заемщика, грозитъ развѣ опись рухляди, которую онъ не успѣлъ перевести на чужое имя, да признаніе за нимъ, въ отдаленномъ будущемъ, несостоятельности, что его, конечно, мало смущаетъ, развѣ онъ успѣлъ припрятать что либо изъ позанимствовавшихся суммъ на черный день.

Указанный способъ маскированія банковыхъ растратъ можетъ нѣсколько видоизмѣниться и вмѣстѣ съ тѣмъ осложняетъ дѣло. Если вмѣсто векселей, подъ видомъ залога, будутъ вложены въ кассу банка, на сумму растраты, какія либо негодныя процентныя бумаги, въ родѣ акцій несостоявшагося общества, обязательствъ по неудавшемуся предпріятію и т. п., какъ это было сдѣлано въ Московскомъ ссудномъ банкѣ, по операціямъ съ докторомъ Струсбергомъ. Здѣсь, кромѣ спорнаго вопроса о дѣйствительности залога подобныхъ процентныхъ бумагъ, будетъ затемнять дѣло еще и другой вопросъ. а именно: объ обезпеченности, оказавшейся въ кассѣ, вмѣсто денегъ, макулатуры. Доказывать выгодность пріобрѣтенія тѣхъ или другихъ процентныхъ бумагъ и возможность повышения ихъ въ курсѣ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ; объяснять временное будто бы ихъ паденіе непредвидѣнной случайностью и т. д.—легче, чѣмъ возводить фиктивный залогъ въ дѣйствительный,—и судебной власти приходится преодолевать много трудностей, прежде, чѣмъ удастся выяснитъ характеръ залога негодныхъ процентныхъ бумагъ.

Еще труднѣе ориентироваться представителямъ интересовъ пра-

восудія въ тѣхъ случаяхъ, когда банковыя дѣльцы, въ видахъ замаскированія совершенной ими растраты, учтутъ векселя или заложать маклатуру отъ имени постороннихъ лицъ. А что такихъ лицъ найти нетрудно, въ этомъ едва ли можно сомнѣваться. Съ наступленіемъ несостоятельности банка, конечно, сдѣлается очевиднымъ, что тѣ лица, чьи векселя лежатъ въ портфелѣ банка, не могли пользоваться довѣріемъ; что кредитъ имъ открыть безъ основанія; что представленная отъ ихъ имени маклатура не могла быть принята въ залогъ. 1155 статья уложенія хотя и предусматриваетъ „неправильныя и злонамѣренныя дѣйствія въ производствѣ ссудъ“, но статья эта, какъ кажется, къ указаннымъ случаямъ не подходитъ. Она говоритъ о злоупотребленіяхъ по операціямъ дѣйствительныхъ ссудъ и приравниваетъ эти злоупотребленія къ растратамъ, мы же указываемъ на возможность фиктивного производства по выдачѣ мнимыхъ ссудъ, предпринятаго съ цѣлью сокрытія ранѣ совершенной растраты, т. е. такого производства, которое, по цѣли, соответствуетъ подлогу, предусмотрѣнному 359-й ст. уложенія и влекущему послѣдствія болѣе тяжкія, чѣмъ сама растрата.

Такія же комбинаціи возможны и въ кредитныхъ учрежденіяхъ, выдающихъ ссуды подъ залогъ недвижимости.

Каждый изъ дѣателей такого учрежденія, будучи своимъ человекомъ, имѣетъ совершенную возможность получить изъ него въ ссуду, подъ залогъ своего недвижимаго имущества, ровно столько, сколько имущество это стоитъ, или даже болѣе. Тогда, конечно, оно перестаетъ составлять для владѣльца ту цѣнность, какую оно имѣло для него ранѣе, до залога, ибо, въ случаѣ продажи, за погашеніемъ долга банку ничего въ пользу владѣльца не останется. При такихъ обстоятельствахъ, для него прямой расчетъ, въ случаѣ совершенія имъ растраты, перевести недостающую сумму на заложенное имъ имѣніе, въ видѣ долга по дополнительной ссудѣ, размѣръ которой, разъ она превысила уже стоимость заложеннаго имущества, для владѣльца безразличенъ. По соглашенію съ остальными дѣателями учрежденія, этого весьма легко достигнуть. Процедура по мнимой дополнительной ссудѣ будетъ продѣлана съ соблюденіемъ всѣхъ установленныхъ формальностей, какъ то: переоцѣнки имущества въ надлежащемъ порядкѣ, назначенія ссуды по журнальному постановленію и другихъ требованій. И тутъ судебнымъ дѣателямъ приходится имѣть дѣло съ фактами, подходящи-

ми, по внѣшнему виду, къ сдѣлкамъ гражданскаго свойства, но имѣющими, тѣмъ не менѣе, подкладку съ чисто уголовнымъ характеромъ.

Парафразируя извѣстную русскую пословицу, можно сказать, что преступность богата изобрѣтательностью. Дѣатели земельныхъ банковъ, совершивъ растраты ввѣренныхъ имъ денежныхъ суммъ и другихъ цѣнностей, ухищряются иногда перевести растраченное на ссуду, подъ залогъ недвижимыхъ имуществъ, не имѣя ровно ничего, что могло бы называться недвижимостью.

Для достиженія этого, достаточно, если болѣе или менѣе крупному землевладѣльцу, умышленно или случайно, будетъ выдана ссуда, превышающая стоимость закладываемаго имѣнія. Заемщикъ, при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, неурожаѣ, падежѣ скота и т. п., а иногда и по привычкѣ пожить выше средствъ, вскорѣ окажется несостоятельнымъ плательщикомъ. За невзносъ срочныхъ платежей, имѣніе будетъ назначено банкомъ въ продажу. Если это имѣніе большое и находится въ такихъ условіяхъ, что нельзя надѣяться, чтобы оно могло оправдать [выданную подъ его обезпеченіе ссуду, то, конечно, покупателей не найдется. Въ такомъ случаѣ, имѣніе должно перейти въ собственность банка. И вотъ съ этого то момента начинаются всевозможныя комбинаціи. Оставлять имѣніе за банкомъ—неудобно. Это по меньшей мѣрѣ можетъ доказывать неосмотрительность его распорядителей, выдающихъ ссуды, несообразныя съ стоимостью принимаемыхъ въ залогъ имѣній. Кромѣ того, банкъ обязанъ, въ такихъ случаяхъ, за свой счетъ, изъять изъ обращенія закладные листы на сумму долга, лежащаго на оставшемся за нимъ имѣніи и погасить (уничтожить) эти листы, такъ какъ кредитное учрежденіе не можетъ имѣть въ залогъ у себя свое собственное имущество,—сумма же выпущенныхъ имъ обязательствъ не должна превышать суммы числящихся на заложенныхъ имуществахъ ссудъ. Исполненіе этого требованія, при отсутствіи болѣе или менѣе значительныхъ свободныхъ суммъ, конечно, немислимо. Все это можетъ вызывать сомнѣнія въ благонадежности дѣлъ банка, а затѣмъ—ревизіи и всякія разоблаченія. Чтобы избѣжать этого, устраиваютъ такую комбинацію, будто имѣніе на торгахъ куплено. Найти подставнаго покупателя, конечно, нетрудно, ибо покупатель этотъ не только ничѣмъ не рискуетъ, но можетъ, нѣкоторымъ образомъ, поласкать свое тщеславіе, прослывъ владѣльцемъ крупной недвижимой собственности. Съ другой

стороны, и банкъ тоже ничѣмъ не рискуеть. Подставной владѣлецъ имѣнія не можетъ злоупотребить проявленнымъ по отношенію къ нему довѣріемъ. Несмотря на то, что по крѣпостнымъ актамъ имѣніе считается его собственностью, онъ лишень возможности осуществить свои мнимыя права, такъ какъ долгъ банку, лежащій на имѣніи, превышаетъ стоимость послѣдняго. Продать, перезаложить, сдать въ аренду или инымъ образомъ распорядиться имѣніемъ, владѣлецъ, въ силу даннаго при его залогѣ обязательства, безъ вѣдома банка не можетъ. У банка же, на всякій случай, есть въ запасѣ надежное средство парализовать всякія попытки подставнаго владѣльца злоупотребить довѣріемъ, это—предъявленіе требованія о вносѣ срочныхъ платежей по ссудѣ и недоимокъ. Мнимый владѣлецъ, конечно, не въ состояніи уплатить. Имѣніе снова будетъ назначено въ продажу и, путемъ новой комбинаціи, переведено на другое, болѣе надежное лицо.

Дѣянія подобнаго рода закономъ непредусмотрѣны. Въ изложенномъ видѣ они и не могутъ быть подведены подъ какое-либо преступленіе. Эти просто—неблаговидныя поступки, ловкіе извороты. Но они обыкновенно служатъ подготовленіемъ почвы для новыхъ и при томъ такого уже рода продѣлокъ, которыя могутъ дать мѣсто и примѣненію уложенія о наказаніяхъ. Располагая фиктивно переведеннымъ на подставное лицо имѣніемъ, дѣятели банка могутъ переводить на это имѣніе, въ видѣ долга, недочеты, происшедшіе отъ совершенныхъ ими хищеній. Подставной владѣлецъ, конечно, совсѣмъ неинтересуется тѣмъ, будетъ ли имѣніе обременено новымъ долгомъ или нѣтъ. Для него совершенно безразлично, какой бы долгъ ни числился на имѣніи; пополнять его онъ не будетъ, расходовъ никакихъ не несетъ, ничѣмъ не рискуеть. Ради добрыхъ отношеній или подъ вліяніемъ какихъ-либо другихъ побужденій такой владѣлецъ продѣлаетъ всѣ формальности, какія необходимы для полученія ссуды,—подастъ заявленіе, роспишется, гдѣ нужно, и т. п. Банкъ, вѣдь, все равно, можетъ обратить взысканіе только на заложенное имущество, потеря котораго для подобнаго владѣльца совсѣмъ нечувствительна. Съ своей стороны, дѣятели банка, для того, чтобы ссуда могла считаться дѣйствительной, выполнять всѣ необходимыя формальности, а именно: составлять надлежащіе журналы, протоколъ переоцѣнки имущества и другіе акты: сдѣлають должное представленіе въ особенную канцелярію по кредитной части и, въ концѣ концовъ, получаютъ изъ

экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ закладные листы на требуемую сумму, которые, конечно, не будутъ выданы мнимому заемщику, а останутся въ распоряженіи тѣхъ-же дѣателей банка и дадутъ имъ возможность пополнить дефицитъ, произшедшій отъ хищенія. На самомъ дѣлѣ, это будетъ не пополненіе недостающаго, а лишь его маскировка, такъ какъ по счетамъ будетъ значится выданной ссуда, которая въ дѣйствительности не выдавалась и ссудой почитаться не можетъ.

Такимъ оборотомъ, конечно, дѣла банка неоправится, точно также, какъ не могутъ они поправиться путемъ учета бронзовыхъ векселей или залога маклатуры. По фиктивной ссудѣ срочные платежи поступать не будутъ, а если устроители описанной комбинаціи и изыщутъ средства вносить ихъ, то во всякомъ случаѣ не надолго и по необходимости отдалить время окончательной развязки, для того, чтобы не было прямого перехода отъ фиктивной операціи къ несостоятельности банка. Крахъ послѣдняго, раньше или позже, неминуемъ, за невозможностью производить улаты по купонамъ отъ закладныхъ листовъ, выпущенныхъ въ обращеніе по фиктивной ссудѣ, и погашать эти листы тиражами. Дѣатели банка, конечно, все это предвидѣли. Фиктивная ссуда, не могла спасти банкъ, но за то она даетъ возможность виновникамъ краха объяснить его причину случайностью, несчастнымъ стеченіемъ обстоятельствъ. Эти тѣмъ легче, если платежи по фиктивной ссудѣ дѣйствительно нѣкоторое время ими вносились. Тогда трудно доказывать и несоразмѣрность ссуды съ стоимостью заложенного имущества, ибо акуратный взносъ платежей въ первое время, легко можетъ быть признанъ за свидѣтельство о благонадежности залога. Для объясненія же причины прекращенія платежей предложъ всегда найдется, — хотя-бы даже въ самомъ фактѣ разоблаченія допущенныхъ въ банкѣ злоупотребленій.

Подобнаго рода комбинаціи могутъ быть устраиваемы и въ другихъ видахъ. Всѣ онѣ сходны между собою въ томъ отношеніи, что въ основаніи каждой изъ нихъ лежитъ одна и та-же цѣль — показать растраченную сумму въ оборотѣ. Снесеніе недостающихъ суммъ на счетъ мнимыхъ ссудъ, составляетъ наиболѣе удобный и чаще всего практикуемый приѣмъ маскированія растратъ, совершонныхъ въ кредитныхъ учрежденіяхъ. Всѣ остальные операціи не такъ податливы въ этомъ отношеніи и не могутъ обойтись безъ прямыхъ подлоговъ. Прямой подлогъ, въ родѣ невѣрной за-

писи по книгамъ или поддѣлки документовъ, представляется средствомъ рискованнѣе и прямо ведущимъ на свамью подсудимыхъ; между тѣмъ, какъ проведеніе фиктивной ссуды, съ соблюденіемъ всѣхъ формальностей, не легко можетъ быть обнаружено, а главное подлежитъ оспариванію на счетъ дѣйствительности этой операціи.— Каждый изъ подставныхъ заемщиковъ, конечно, скажетъ, что банкъ воленъ былъ дать или не дать ему ссуду; что она состоялась потому, что ее дали, какъ это говорилъ Струсбергъ, передъ присяжными засѣдателями, по дѣлу Московскаго Ссуднаго банка. Дѣатели, проводившіе ссуду, будутъ оправдываться неблагоприятными обстоятельствами, ошибкой,—и повторять избитую фразу, что только тотъ не ошибается, кто ничего не дѣлаетъ. Судебной власти въ такихъ случаяхъ весьма трудно ориентироваться. Если же путемъ тщательнаго разслѣдованія удастся констатировать, что ссуда не получена заемщикомъ, то тѣ, кого это касается можетъ, сочтутъ себя въ правѣ сказать, что заемщикъ могъ распорядиться ссудой, какъ ему заблагоразсудится. Мало того, мнимый владѣлецъ банковаго-же имѣнія, на которое снесена фиктивная ссуда, можетъ разыграть роль даже благодѣтеля банка, объясняя, что онъ оставилъ въ его распоряженіи ссуду, съ тѣмъ, чтобы ему помочь, вывести его изъ затруднительнаго положенія. Такія объясненія, поражая прежде всего беззастѣнчивостью лицъ, отъ которыхъ исходятъ, конечно, будутъ оцѣнены судомъ по достоинству, въ случаѣ, если они, въ томъ или другомъ порядкѣ, сдѣлаются предметомъ судебного разбирательства. Насъ же интересуетъ другой вопросъ: какое значеніе съ юридической точки зрѣнія должны имѣть подобнаго рода фиктивные операціи?

Ничего и говорить о томъ, что отъ того или другаго разрѣшенія поставленнаго нами вопроса, всецѣло зависитъ формулировка обвиненій по банковымъ растратамъ, въ тѣхъ, конечно, случаяхъ, гдѣ такія операціи проведены.—Съ признаніемъ подобныхъ операцій дѣйствительными, замаскированными ими растраты должны почитаться, какъ уже упомянуто выше, пополненными, ибо недостающія суммы считаются какъ будто имѣющимися въ оборотѣ. Здравый мыслъ однако-же говорить, что это совсѣмъ не пополненіе недочета, а просто на просто фикція. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ можно считать возмѣщеніемъ растроченнаго вложеніе въ портфель банка дутыхъ обязательствъ или какой либо маклатуры; возведеніе долга на имущество, которое не въ состояніи выдержать и оправдать

этотъ долгъ? Развѣ это значитъ возвратить похищенное — перевести на свое имя чужое имущество, которое по праву должно идти въ пользу того учрежденія, суммы котораго растрачены, и затѣмъ показать недостающее долгомъ на этомъ самомъ имуществѣ?—Очевидно, что далеко нѣтъ.

Относительно послѣдняго положенія слѣдуетъ еще замѣтить, что вообще выдача ссуды подъ залогъ имѣнія, которое въ сущности должно принадлежать банку и лишь въ виду той или другой комбинаціи переведено на извѣстное лицо, безъ всякаго возмѣщенія со стороны послѣдняго стоимости имѣнія, является злоупотребленіемъ. Допустимъ даже, что переукрѣпленіе имущества будетъ дѣйствительнымъ, т. е. что дѣатели банка на самомъ дѣлѣ передадутъ оставшееся за банкомъ имущество неисправнаго заемщика въ собственность тому или другому лицу, въ обмѣнъ на принятія послѣднимъ на себя обязательства, по лежащему на этомъ имуществѣ долгу. Если, вслѣдъ за тѣмъ, новому владѣльцу будетъ выдана дополнительная ссуда подъ то же имущество, ранѣе погашенія прежней ссуды, то изъ этого можно сдѣлать слѣдующіе выводы. а) Если стоимость имущества и принятія на себя покупщикомъ обязательства представляются въ видѣ эквивалентовъ, то дополнительная ссуда будетъ подаркомъ покупщику, который, получивъ эту ссуду, ничѣмъ другимъ не отвѣчаетъ передъ банкомъ, кромѣ переданнаго ему имущества. Здравый смыслъ не могъ-бы помириться съ такимъ положеніемъ, чтобы собственникъ отдалъ извѣстному лицу свое имущество въ долгъ, подъ обезпеченіе этого имущества, а затѣмъ, ранѣе уплаты долга, — ссуду, подъ залогъ того же самаго имущества. Это все равно, что дать даромъ извѣстную сумму, ибо новый владѣлецъ можетъ возвратить прежнему его имущество и на этомъ покончить съ нимъ расчеты, оставивъ у себя полученную ссуду, въ видѣ барыша. Подобныя явленія въ сферѣ частныхъ житейскихъ отношеній, конечно, не могутъ подлежать какому-либо контролю, но если къ такимъ комбинаціямъ прибѣгаютъ воротилы банковъ, по отношенію къ ввѣреннымъ имъ имуществамъ, и успѣваютъ этимъ путемъ исторгнуть изъ кассъ этихъ учреждений извѣстныя суммы, то это должно уже почитаться злоупотребленіемъ, караемымъ въ порядкѣ суда уголовнаго. б) Если переукрѣпленное такимъ образомъ имущество, можетъ выдержать дополнительную ссуду, то тогда переходъ его къ покупщику будетъ имѣть также значеніе подарка, такъ какъ изъ самой возможности выдачи дополни-

тельной ссуды будетъ очевидно, что дѣатели банка отдали принадлежащее ему имущество постороннему лицу, безъ должнаго возмѣщенія стоимости этого имущества, въ явный ущербъ интересамъ банка. Такая продѣлка будетъ имѣть всѣ признаки растраты, конечно, если только она была послѣдствіемъ умысла.

Возвращаясь къ вопросу о значеніи операций, избрѣаемыхъ и проводимыхъ банковыми дѣльцами, съ цѣлью покрытія совершенныхъ ими хищеній, мы должны еще сказать, на основаніи только что приведенныхъ соображеній, слѣдующее. Если банковый воротило, дающій слишкомъ широкій просторъ своимъ полномочіямъ по управленію судьбами банка и своеобразно толкующій понятіе о правѣ собственности, употребить въ свою пользу находящіяся въ его распоряженіи, по званію банковаго дѣателя, суммы, а затѣмъ, получивъ возможность перевести на свое имя имущество того же банка, въ обмѣнъ на обязательства, ниже стоимости имущества, пополнить этимъ путемъ дефицитъ, то, полагаемъ, нечего и доказывать, что этотъ изворотъ будетъ равносильнъ возмѣщенію похищеннаго вновь похищеннымъ. Въ самомъ дѣлѣ: растратенное имущество банка будетъ пополнено, но чѣмъ же? — Имуществомъ, незаконно исторгнутымъ у того же банка. Дѣйствія по оборотамъ такого рода вполне подходятъ подъ понятіе дѣйствій „злонамѣренныхъ“, о которыхъ говорится въ 1155 ст. уложенія. Они касаются фактовъ дѣйствительныхъ и притомъ такихъ, въ которыхъ, въ той или другой формѣ, имѣетъ мѣсто прямое хищеніе. Изложенныя же выше сужденія о дѣйствіяхъ, предпринимаемыхъ съ цѣлью маскированія растратъ, уже совершенныхъ, касаются операций вымышленныхъ, фиктивныхъ, осуществленныхъ только на бумагѣ.

Въ уложеніи о наказаніяхъ нѣтъ статьи, которая прямо предусматривала бы злонамѣренное проведеніе фиктивныхъ банковыхъ операций, но что такія дѣйствія, по общему духу закона, должны почитаться преступными, явствуетъ изъ постановленій, касающихся аналогичныхъ преступныхъ дѣяній, какъ напр., фиктивныхъ сдѣлокъ злостнаго банкрота. Вотъ что гласитъ 1166 статья уложенія.

„Кто изъ лицъ, не принадлежащихъ къ торговому сословію, будетъ признанъ должникомъ злостнымъ, т. е. такимъ, о коемъ доказано, что онъ, впавши въ неоплатные долги, съ умысломъ, для избѣжанія платежа оныхъ, переукрѣпилъ свое имѣніе или передалъ оное безденежно въ другія руки, или же посредствомъ под-

ставныхъ ложныхъ заимодавцевъ, или инымъ способомъ, скрылъ дѣйствительно свое имѣніе или часть онаго, во вредъ неудовлетворенныхъ вполнѣ заимодавцевъ, тотъ за сіе подвергается:

лишенію всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ, правъ и преимуществъ и ссылкѣ на житье въ Сибирь или отдачѣ въ исправительныя арестантскія отдѣленія по четвертой степени 31 ст. сего уложенія“.

Такого рода дѣйствія законъ считаетъ подлогами. что видно изъ слѣдующей 1167 ст., опредѣляющей отвѣтственность лицъ „участвующихъ въ подлогахъ злостнаго должника“. Слово „подлоги“ употреблено для обозначенія дѣйствій, перечисленныхъ въ предшествующей 1166 ст., съ которой 1167 ст. имѣетъ связь, составляя ея дополненіе.

Намъ. кажется, что между преступленіемъ, предусмотрѣннымъ 1166 ст. уложенія и приведенными нами примѣрами фиктивныхъ банковыхъ операцій, имѣющихъ цѣлью сокрытіе растратъ, если не по внѣшнимъ фактическимъ признакамъ то по внутреннему содержанию, есть нѣкоторая аналогія. Какъ злостный банкротъ, такъ и банковый хищникъ, поживившись на чужой счетъ, воспользовавшись—первымъ, имуществомъ довѣрчивыхъ кредиторовъ, а послѣдній, нашедшимися въ его распоряженіи суммами банка, рассчитываютъ на фиктивныя сдѣлки и операціи, какъ на средство ввести въ заблужденіе лицъ заинтересованныхъ и показать переданнымъ или израсходованнымъ легально то, что ими скрыто или похищено.

Этимъ сопоставленіемъ мы хотимъ подчеркнуть лишь нашъ взглядъ на преступность разсматриваемыхъ фиктивныхъ банковыхъ операцій и на соотвѣтствіе ихъ—понятію о подлогахъ. Съ признаніемъ же за ними значенія подлоговъ, при ближайшемъ опредѣленіи ихъ характера, такія операціи должны быть подводимы подъ одинъ изъ подлоговъ по должности, въ силу выясненной вначалѣ особенности нашего уложенія, по которой преступныя дѣянія лицъ, служащихъ въ общественныхъ и частныхъ банкахъ, приравниваются къ преступленіямъ по должности.

Фиктивныя операціи, проводимыя съ цѣлью маскированія растратъ, какъ кажется, ближе всего подходятъ подъ подлоги, предусмотренныя 359 ст. уложенія. Основаніе къ этому мы видимъ, прежде всего, въ сходствѣ дѣяній по цѣли, которую желаютъ достигнуть лица, идущія на преступленіе, въ томъ и другомъ слу-

чаѣ. Затѣмъ, мы усматриваемъ между ними сходство и по средствамъ приведенія умысла въ исполненіе.

Проведеніе извѣстной банковской операціи требуетъ, кромѣ записей по книгамъ, составленія разныхъ документовъ, которые служатъ доказательствомъ дѣйствительности операціи и имѣютъ, поэтому, значеніе оправдательныхъ документовъ. Къ числу ихъ относятся: заявленіе лица, обращающагося въ банкъ съ предложеніемъ той или другой сдѣлки, вызывающей соотвѣтствующую банковую операцію; акты, заключающіе въ себѣ изложеніе сужденій тѣхъ изъ дѣятелей банка, которымъ поручено было рассмотреть даннаго заявленія, письменное изложеніе постановленія о томъ, въ какой мѣрѣ заявленіе лица, обратившагося въ банкъ, признано подлежащимъ удовлетворенію; росписка этого лица въ принятіи или непринятіи предложенныхъ условій и т. п. Сверхъ того, оборотъ денежныхъ суммъ по операціи, долженъ оправдываться установленными на этотъ предметъ ордерами. Если же такого рода документы будутъ умышленно составлены по операціи несуществующей, мнимой, съ цѣлью приданія ей значенія дѣйствительной, — то, какъ заключающіе въ себѣ ложь, неправду, вымышленныя обстоятельства, документы эти должны почитаться подложными. Такое значеніе будетъ имѣть наприм., производство по учету банковымъ воротилой дутыхъ векселей, предпринятое для замаскированія растраты, ибо журнальныя постановленія о принятіи къ учету этихъ векселей и о выдачѣ ссуды, ордера бухгалтеріи на кассу, росписка предполагаемаго заемщика и другія бумаги, изъ которыхъ состоитъ такое производство, будутъ удостовѣрять факты, которыхъ на самомъ дѣлѣ не было. Если дѣятели земельного банка, въ которомъ образовался вслѣдствіи хищенія дефицитъ, порѣшатъ, съ общаго согласія, снести растроченныя суммы долгомъ на имѣніе, переведенное, описаннымъ выше способомъ, на одного изъ среды тѣхъ же дѣятелей, то для достиженія цѣли имъ необходимо составить разные документы, принять нѣкоторыя дѣйствія и ходатайства, и исполнить всѣ нужныя формальности, какъ и по каждой дѣйствительной ссудѣ. Производство по проведенію такой операціи, должно заключать въ себѣ заявленіе заемщика о желаніи получить ссуду, актъ осмотра закладываемаго имѣнія, протоколъ его оцѣнки, постановленіе объ утвержденіи оцѣнки и о назначеніи ссуды. Затѣмъ — необходимо представленіе въ особенную канцелярію по кредитной части объ отпускѣ закладныхъ листовъ, на сумму назначенной и предполагае-

мой къ выдачѣ ссуды. Въ концѣ концовъ, отъ заемщика должно быть взято обязательство по ссудѣ. Такъ какъ, въ указанномъ нами случаѣ, все это продѣлывается не для того, чтобы на самомъ дѣлѣ выдать ссуду, которая, въ дѣйствительности, и не предполагается, и не можетъ быть выдана (по тому-ли, что яко-бы закладываемое имущество принадлежитъ въ сущности банку, а не подставному владельцу, по тому-ли, что оно не можетъ выдержать ссуды, — все равно), а въ тѣхъ лишь видахъ, чтобы истребованными залладными листами покрыть растрату, то такое производство, какъ касающееся мнимой, фактивной ссуды, какъ несоотвѣтствующее дѣйствительности, также должно почитаться подложнымъ.

Матерьяльная сторона подлоговъ при фиктивныхъ операціяхъ учета бронзовыхъ векселей или залога маклатуры, съ цѣлью замаскированія растраты, — очевидна. Она выражается въ ложномъ удостовѣреніи факта займа, котораго на самомъ дѣлѣ не было. Что же касается снесенія дефицита, въ видѣ ссуды на недвижимое имѣніе, въ земельномъ банкѣ, то тутъ является нѣсколько сбивчивымъ то обстоятельство, что на сумму залога получаютъ изъ экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ залладные листы, которые остаются въ распоряженіи банка и какъ-бы возмѣщаютъ убытки. Съ этой точки зрѣнія, пожалуй, можно сказать, что такія ссуды нельзя считать фактивными; что онѣ являются операціями дѣйствительными, какъ выразившіяся въ реальномъ выпускѣ залладныхъ листовъ; что если заемщикъ, выдавшій обязательство по ссудѣ, отказывается отъ послѣдней въ пользу банка, то онъ можетъ сдѣлать это по праву распоряжаться ссудой, какъ своей собственностью, и то или другое употребленіе, данное ссудѣ, не измѣняетъ значенія обязательства заемщика передъ банкомъ. Такое положеніе было бы, однако-же, ошибочнымъ. Полагаемъ, что, если потерпѣвшее лицо, у котораго похищено извѣстное имущество, снабдить похитителя средствами, въ видѣ займа подъ обязательство, для возмѣщенія причиненныхъ этимъ хищеніемъ убытковъ, то въ результатѣ выйдетъ не возвратъ похищенного, а лишь выдача виновнымъ обязательства пополнить его впослѣдствіи. Съ другой стороны, и дѣйствительнаго займа здѣсь не будетъ. Точно, также не будетъ займа и въ тѣхъ операціяхъ земельныхъ банковъ, о которыхъ мы говоримъ. Лица, принимающія участіе въ проведеніи такихъ операцій, имѣютъ въ виду не дѣйствительную ссуду, а лишь снесеніе похищенной суммы на счетъ обязательства извѣстнаго лица. Сущность,

такихъ оборотовъ состоитъ въ томъ, что дефицитъ пополняется закладными листами, будто-бы выданными въ ссуду и потому снесенными со счетовъ, подъ обязательство предполагаемаго заемщика. Въ концѣ концовъ, въ кассѣ банка, вмѣсто дефицита, будетъ обязательство, которое, при той обстановкѣ, при какой подобныя комбинаціи устраиваются, будетъ имѣть такое же значеніе, какъ и обязательства по учету дутыхъ векселей или негодныхъ процентныхъ бумагъ. Изъ сдѣланныхъ нами указаній видно, что ссуды земельныхъ банковъ, проводимыя съ цѣлью маскированія хищеній, сносятся—или на имущества, которыя не могутъ выдержать этихъ ссудъ, какъ обремененныя долгами, превышающими ихъ стоимость, почему владѣльцы не особенно смущаются возведеніемъ на нихъ новыхъ долговъ,—или на имущества, принадлежащія банку же и лишь фиктивно переведенныя на кого-либо изъ дѣателей этого учрежденія или даже на лицо постороннее. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, лица, проводящія ссуду, сознаютъ, что обязательство мнимаго защитника, какъ необезпеченное надлежащимъ образомъ, исполняться не будетъ; что оно выдается не по дѣйствительной ссудѣ, а изъ желанія показать въ расходъ то, что на самомъ дѣлѣ не расходовалось. Въ этомъ-то и состоитъ матерьяльная сторона подлоговъ въ проведеніи подобнаго рода операций. Такъ какъ подставной заемщикъ своего обязательства не исполнитъ, а истребованные изъ экспедиціи и выпущенные въ обращеніе закладные листы не будутъ надлежащимъ образомъ обезпечены, то прежній дефицитъ такъ и останется дефицитомъ, но дѣатели банка будутъ имѣть возможность утверждать, что недочетъ произошелъ не отъ ихъ хищенія, а отъ убыточной ссуды.

Возможная сбивчивость сужденій по предмету рассматриваемыхъ нами фиктивныхъ банковыхъ операций, происходитъ, главнымъ образомъ, отъ того, что, какъ мы уже замѣтили, обороты кредитныхъ учрежденій имѣютъ характеръ сдѣлокъ на почвѣ гражданского права. Если въ эти сдѣлки, какъ нибудь, проникнетъ уголовный элементъ, то онъ такъ тѣсно сплетается съ разными обстоятельствами, вытекающими изъ чисто гражданскихъ правоотношеній, что нерѣдко весьма трудно бываетъ выдѣлить его въ нѣчто самостоятельное.

Съ точки зрѣнія гражданского права, обязательство признается дѣйствительнымъ и имѣющимъ силу, разъ оно совершенно и выдано съ соблюденіемъ необходимыхъ формальностей и явилось.

какъ результатъ свободной воли контрагентовъ. Для признанія дѣйствительности заемнаго письма, нѣтъ надобности доказывать, что лицо, отъ имени котораго составлено это заемное письмо, совершило заемъ на самомъ дѣлѣ, а достаточно установить, что оно добровольно подписало означенный документъ. Но если документъ, хотя и составленный съ соблюденіемъ должнаго порядка, имѣетъ цѣлью достиженіе какихъ-либо преступныхъ замысловъ, то тутъ затрогиваются уже интересы уголовного правосудія. Это видно, между прочимъ, изъ приведенной выше 1166 ст. уложенія, карающей совершеніе сдѣлокъ, направленныхъ къ умышленному сокрытію имущества несостоятельнаго должника, во вредъ его кредиторахъ.

Сопоставленіе, на почвѣ однихъ и тѣхъ-же фактическихъ данныхъ, различныхъ положеній уголовного и гражданского права, имѣетъ послѣдствіемъ такъ называемое столкновеніе подсудностей, вызывающее необходимость предварительнаго разсмотрѣнія, въ томъ или другомъ порядкѣ, преюдиціальныхъ вопросовъ. „Когда во время производства гражданского дѣла, сказано въ 8-й статьѣ устава гражданского судопроизводства, изъ обстоятельствъ оного откроется противузаконное дѣйствіе, требующее уголовного преслѣдованія, то съ передачею сего предмета чрезъ прокурора въ уголовный судъ, производство гражданского дѣла приостанавливается, если разрѣшеніе оного зависить отъ разсмотрѣнія уголовного обстоятельства“. — „Если опредѣленіе преступности дѣянія, говорится въ 27-й статьѣ устава уголовного судопроизводства, зависить отъ опредѣленія въ установленномъ порядкѣ правъ состоянія или собственности на недвижимое имущество, или-же свойства несостоятельности обвиняемаго, то преслѣдованіе уголовнымъ судомъ не возбуждается, а возбужденное приостанавливается до разрѣшенія спорнаго предмета судомъ гражданскимъ“. Примѣненіе на практикѣ той или другой изъ приведенныхъ статей зависить отъ того, какіе интересы, въ каждомъ конкретномъ случаѣ, имѣютъ болѣе важное значеніе, такъ сказать, заслуживаютъ предпочтенія, какой элементъ является первенствующимъ, гражданского или уголовного права.

Проведеніе точной и неизмѣнной черты между интересами того и другаго права, черты которая устанавливала-бы разграниченіе, въ этомъ отношеніи, подсудностей, на началахъ полной справедливости и цѣлесообразности, составляетъ одну изъ наиболѣе трудныхъ задачъ процессуальнаго права. Быть можетъ, въ силу

того, что уголовный судъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи болѣе средствъ для успѣшнаго раскрытія истины, чѣмъ судъ гражданскій, обыкновенно признается, что всякое уголовное обстоятельство, отъ котораго могутъ зависѣть извѣстныя гражданскія послѣдствія, должно быть предварительно разсмотрѣно судомъ уголовнымъ. Правило это, весьма опредѣлительно выраженное въ извѣстной формулѣ французскаго права „le criminel tient le civil en état“ вошло въ нашъ уставъ гражданского судопроизводства (ст. 8-я) и не допускаетъ исключеній. Между тѣмъ, уголовный судъ, въ интересахъ котораго выработано упомянутое правило, на ряду съ привилегіей разрѣшать при разсмотрѣніи уголовныхъ дѣлъ и связанныя съ ними гражданскіе иски, по нашему закону, пользуется еще и нѣкоторыми уступками при столкновеніи подсудностей. Не каждое обстоятельство, подлежащее разрѣшенію на почвѣ гражданского права, и не безусловно, можетъ останавливать теченіе уголовного процесса. По смыслу приведенной 27 ст. уст. угол. суд., только споръ по вопросамъ о правахъ состоянія или собственности на недвижимое имущество или о свойствѣ несостоятельности, какъ требующій для его разрѣшенія сложнаго, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и спеціальнаго производства въ порядкѣ гражданского суда, останавливаетъ теченіе уголовного процесса. Споры по обстоятельствамъ, непоименованнымъ въ этой статьѣ, какъ напр., о правѣ собственности на движимое имущество, не могутъ быть предметомъ преюдиціального производства. Въ самомъ дѣлѣ, если воръ будетъ доказывать, что похищенные имъ вещи составляли его собственность, то здравый смыслъ скажетъ, что здѣсь совсѣмъ неуможно предварительное рѣшеніе суда гражданского, ибо данныя о принадлежности движимаго имущества тому или другому лицу, могутъ быть разсмотрѣны и по достоинству оцѣнены, безъ особаго производства и безъ ущерба интересамъ правосудія и судомъ уголовнымъ. Практика нашихъ судебныхъ установленій, по вопросу о столкновеніи подсудностей, почему-то, вышла изъ круга, начертаннаго 27 ст. уст. угол. суд., и признаетъ необходимымъ предварительное гражданское производство, сверхъ случаевъ, прямо указанныхъ въ этой статьѣ, при наличности гражданского элемента, вытекающаго изъ разныхъ другихъ правоотношеній. Едва-ли какая-либо другая статья устава угол. суд. имѣетъ такую массу разъясненій сената, какъ упомянутая 27-я статья. Разъясненія эти все больше и больше рас-

ширяють сферу преюдиціального производства. На основаніи множества рѣшеній угол. кассац. деп. правит. сената, вторичное требованіе платежа по роспискѣ, отдача въ наемъ двумъ лицамъ одного и того-же имущества, подмѣнъ вещей, взятыхъ въ залогъ, присвоеніе прикапикомъ денегъ своего хозяина и разныя другія преступныя дѣянія, нисколько независяція отъ опредѣленія правъ состоянія или собственности на недвижимое имущество или-же свойства несостоятельности, признаются подлежащими вѣдѣнію суда уголовного не иначе, какъ по рассмотрѣнію преюдиціальныхъ вопросовъ судомъ гражданскимъ (см. рѣш. за 1868 г., № 946; за 1869 г., № 245; за 1873 г., № 947; за 1874 г., № 107 и др.). Изъ смысла относящихся къ такимъ случаямъ рѣшеній сената видно, что предварительное производство суда гражданского должно имѣть мѣсто даже при отсутствіи спора (за исключеніемъ, впрочемъ, дѣлъ о подмѣнѣ заложенныхъ вещей, по которымъ сенатъ признаетъ необходимость преюдиціального производства лишь при наличности спора о тождествѣ вещей). Это создаетъ иногда положенія, съ которыми трудно мириться. Такъ, напр., по закону, вторичное требованіе платежа по роспискѣ, почитается мошенничествомъ (3 п. 174 ст. уст. о наказ. нал. мир. судьями) и, конечно, должно быть карасемо, разъ оно является фактомъ доказаннымъ. Къ чему тутъ примѣнять правило 27 ст. уст. уг. суд., вовсе некасающееся споровъ по обязательствамъ, а тѣмъ болѣе, зачѣмъ обращаться къ этой статьѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда и спора не возникаетъ? Если обвиняемый чистосердечно сознается, согласно съ обстоятельствами дѣла, въ томъ, что онъ дѣйствительно требовалъ вторично платежъ по роспискѣ, то какое тутъ можетъ имѣть значеніе предварительное разрѣшеніе судомъ гражданскимъ вопроса о первомъ платежѣ и къ чему оно?

Если къ сказанному прибавить еще, что въ массѣ рѣшеній сената по вопросу о столкновеніи подсудностей, встрѣчается много одно другому противорѣчащихъ, то легко представить себѣ, сколько на практикѣ бываетъ по этому предмету недоразумѣній. Какъ на продуктъ такого рода недоразумѣній, можно указать на извѣстное (бывшее въ свое время предметомъ газетныхъ толковъ) разногласіе властей по предмету возбужденія дѣла о злоупотребленіяхъ въ Саратовско-Симбирскомъ земельномъ банкѣ. Дѣйствительно, если оставаться на почвѣ разныхъ рѣшеній сената, то можно привести весьма много соображеній и за и противъ прекращенія этого

дѣла. вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя не замѣтить, что, вслѣдствіе столь шаткой постановки преюдиціального производства, нѣкоторыя уголовныя дѣла стушевываются и виновные избѣгаютъ должной отвѣтственности, или потому, что потерпѣвшія лица не желаютъ имѣть лишнее и подчасъ совершенно бесполезное для нихъ хожденіе въ судѣ гражданскомъ, или потому, что обвиняемые успѣваютъ войти съ ними въ сдѣлку, или, наконецъ, потому, что гражданскій судъ, основываясь на формальныхъ доказательствахъ, постановляетъ рѣшеніе, по которому уголовное обстоятельство устраняется.

Мы считали необходимымъ нѣсколько остановиться на вопросѣ о столкновеніи подсудностей, въ виду возможной зависимости постановки обвиненій, по рассматриваемымъ нами фиктивнымъ банковымъ операціямъ, отъ того или другаго взгляда на значеніе въ уголовномъ дѣлѣ гражданского элемента.

Многіе склонны думать, что, въ силу установившейся кассационной практики, значеніе операцій банка, какъ сдѣлокъ гражданскаго свойства, должно быть предварительно предметомъ разсмотрѣнія суда гражданского; что только этотъ судъ компетентенъ рѣшить, слѣдуетъ ли извѣстную операцію признать дѣйствительной или фиктивной: что если въ портфельѣ банка, вмѣсто недостающихъ въ кассѣ денегъ, окажутся яко-бы учтенные векселя одного изъ дѣятелей этого учрежденія, то вопросъ о злонамѣренности дѣйствій векселедателя можетъ имѣть мѣсто не прежде, какъ по разсмотрѣніи, въ порядкѣ гражданского суда, вопроса о состоятельности заемщика къ уплатѣ по векселямъ, ибо, если онъ въ состояніи уплатить долгъ, то въ фактѣ учета этихъ векселей никакого преступленія быть не можетъ. Взглядъ на значеніе гражданской стороны рассматриваемыхъ операцій еще сильнѣе по отношенію къ тѣмъ изъ нихъ, которыя вытекаютъ изъ залога недвижимости, практикуемаго въ земельныхъ банкахъ. Говорятъ, что оспаривать дѣйствительность залога недвижимаго имѣнія въ земельномъ банкѣ, это значитъ затрогивать вопросъ о правахъ собственности владѣльца на заложенное имущество, о чемъ, по силѣ 27 й статьи устава уголовного судопроизводства, ранѣе рѣшенія суда гражданского по этому предмету. не можетъ быть и рѣчи.

Такого рода взгляды составляютъ послѣдствіе слишкомъ уже распространительнаго толкованія 27 ст. уст. угол. суд. Согласно прямому смыслу этой статьи, зависимость преступности дѣянія отъ опредѣленія значенія сдѣлки, имѣющей характеръ займа (всѣ бан-

ковыя операціи. о которыхъ мы говоримъ, имѣютъ именно такой характеръ), не можетъ быть поводомъ къ возбужденію предварительнаго преюдиціального производства. Затѣмъ, состоятельность или несостоятельность фиктивного заемщика, не измѣняетъ характера и значенія совершеннаго имъ преступнаго дѣянія; не только состоятельный къ оправданію своихъ обязательствъ, но даже и очень богатый человѣкъ можетъ, тѣмъ не менѣе, совершать фиктивные сдѣлки, равно какъ и другія преступленія. Наконецъ, что касается фиктивныхъ залоговъ недвижимыхъ имуществъ, то едва-ли основательно ставить такіе залогъ подѣ прикрытіе правъ собственности залогодателя на означенныя имущества. Изъ приведенныхъ выше сужденій видно, да въ этомъ едва-ли и можетъ возникнуть сомнѣніе, что фиктивные залогъ совершаются иногда и дѣйствительными владѣльцами закладываемыхъ имуществъ. Законность владѣнія неисключаетъ возможности совершенія по имуществу незаконной сдѣлки.

Къ сказанному слѣдуетъ еще прибавить, что при опредѣленіи значенія гражданскаго элемента въ уголовномъ дѣлѣ, необходимо выяснить, прежде всего, причинную связь между тѣмъ и другимъ, — а именно: вытекаетъ-ли существо имѣющагося въ виду гражданскаго правоотношенія изъ наличности извѣстнаго факта, признаваемого преступнымъ, или же, наоборотъ, характеръ преступнаго дѣянія обуславливается извѣстнымъ смысломъ гражданской сдѣлки, предшествовавшей событію, возводимому въ преступленіе. Если извѣстныя гражданскія послѣдствія вытекаютъ, напр., изъ подлога въ документахъ, то, само собою разумѣется, рѣшающее значеніе въ такомъ дѣлѣ имѣетъ вопросъ о подлогѣ, подлежащій разрѣшенію суда уголовного. Напротивъ, если, напр., къ собственнику, продавшему свое недвижимое имущество, будетъ предъявлено обвиненіе въ продажѣ чужаго имущества, то судъ гражданскій долженъ предварительно разрѣшить вопросъ о правахъ продавца на спорное имущество. По этому предмету имѣется весьма пространное рѣшеніе угол. кассад. департ. прав. сената, за 1868 годъ, за № 770, по дѣлу Софіи Зонтъ. „Если преступное дѣяніе, говорится въ этомъ рѣшеніи, относится къ договору или обязательству, какъ причина къ слѣдствію, т. е., если договора или обязательства вовсе не существовало-бы безъ того преступнаго дѣянія, которымъ была нарушена свобода произвола и согласія договаривающихся лицъ, то уголовное преслѣдованіе можетъ быть возбуждено непосред-

ственно по жалобѣ потерпѣвшаго лица, на томъ основаніи, что въ этомъ случаѣ преступность дѣянія вовсе не зависитъ отъ разрѣшенія вопросовъ гражданскаго права и можетъ быть опредѣлена, согласно съ общими правилами уголовного судопроизводства, по результатамъ уголовного слѣдствія. Но если преступное дѣяніе по договору или обязательству, относится къ такому правонарушенію, о которомъ можно судить съ основательностью только по разсмотрѣнію какихъ-либо вопросовъ гражданскаго права, напр., вопросовъ о томъ: облеченъ-ли договоръ въ установленную форму, служащую законнымъ доказательствомъ его существованія; имѣетъ ли договоръ законную силу, какъ въ отношеніи принадлежности договаривающимся лицамъ тѣхъ правъ, которыя необходимы для его заключенія, такъ и въ отношеніи самихъ условій и цѣли договора; въ чемъ состоятъ, по содержанію договора, права и обязанности каждой изъ сторонъ? и т. д. -- то въ этихъ случаяхъ очевидно, что уголовное преслѣдованіе не можетъ быть возбуждено до разрѣшенія подлежащимъ, т. е. гражданскимъ судомъ, вопросовъ гражданскаго права, обусловливающихъ преступность дѣянія и виновность подсудимаго. Равнымъ образомъ, если по уголовному дѣлу обвиняемый представить доказательство, что приписываемое ему дѣйствіе не имѣетъ преступнаго характера, какъ совершенное имъ по принадлежащему ему гражданскому праву, то уголовное преслѣдованіе должно быть прекращено впредь до разсмотрѣнія въ порядкѣ гражданскаго суда спора о гражданскомъ правѣ, ибо отъ опредѣленія этого права зависитъ опредѣленіе свойства дѣянія, приписываемаго обвиняемому“.

Рѣшеніе это, принадлежащее, между прочимъ, къ числу внесшихъ распространительное толкованіе 27 ст. уст. уг. суд., „сдѣлавшихъ, по выраженію Макалинскаго, крутой переворотъ въ уголовной практикѣ“ (см. „Руководство“, ч. 1, стр. 91), въ общихъ положеніяхъ, подкрѣпляетъ и наши выводы. Если въ гражданскій судъ поступитъ спорное дѣло по фиктивной банковской операціи, хотя бы, положимъ, о томъ, считать-ли операцію дѣйствительной или нѣтъ, то въ чемъ можетъ выразиться дѣятельность этого суда? Съ формальной стороны операція обставлена совершенно удовлетворительно и *отверить ея силу и значеніе на почвѣ гражданского судопроизводства -- невозможно*. Если же будетъ заявлено, что операція проведена съ преступной цѣлью, что ея на самомъ дѣлѣ не было, составленные же по ней документы, какъ несоотвѣтству-

ющіе дѣйствительности и констатирующие вымышленный фактъ должны почитаться подложными, то суду гражданскому останется лишь примѣнить приведенную выше 8 ст. уст. гражд. суд., приставить гражданское производство и передать дѣло въ судъ уголовный.

Въ грандіозныхъ банковыхъ процесахъ, фиктивные операціи, совершонныя съ цѣлью маскированія хищеній, обыкновенно ступаютъ въ массѣ другихъ злоупотребленій, какъ, напр., по дѣлу московскаго ссуднаго банка. Такія операціи, по большей части, выставляются лишь какъ доказательства хищенія вообще, но какъ преступленія самостоятельныя — невыдѣляются; по крайней мѣрѣ, насколько это намъ извѣстно изъ тѣхъ процессовъ, съ которыми мы имѣли возможность познакомиться. Въ тѣхъ-же случаяхъ, когда по обстоятельствамъ дѣла операціи эти имѣютъ значеніе фактовъ самостоятельныхъ и слишкомъ рѣзко выдѣляются, — тамъ возможны недоразумѣнія, вредно вліяющія на судьбу дѣла. Бываютъ дѣла, вся суть которыхъ сосредоточена именно на фиктивныхъ операціяхъ. Съ устраненіемъ послѣднихъ изъ обвиненія, все остальное падаетъ само собой. Это то и побудило насъ къ составленію настоящей замѣтки.

Признавая, что фиктивные банковыя операціи, предпринятыя съ цѣлью маскированія растраты, по аналогіи, подходятъ подъ признаки преступленія, предусмотрѣннаго 359-ю ст. улож. о наказ., мы, вмѣстѣ съ тѣмъ, полагаемъ, что разсмотрѣніе этихъ операцій можетъ имѣть мѣсто непосредственно въ судѣ уголовномъ, безъ предварительнаго опредѣленія ихъ значенія судомъ гражданскимъ.

Банковыя хищенія составляютъ страшное зло послѣдняго времени — и, какъ продуктъ дѣяній людей, по большей части, интеллигентныхъ, совершенствуются. Передъ нашими глазами прошелъ цѣлый рядъ банковыхъ процессовъ, и грандіозныхъ, и меньшей важности: вереница этихъ процессовъ еще тянется; въ числѣ ихъ виднѣются такіе гиганты, какъ, напр., крахъ скопинскаго банка. Достаточно самаго поверхностнаго взгляда на процессы, чтобы отмѣтить одну выдающуюся особенность ихъ, — а именно, что способы хищеній, годъ отъ году, становятся утонченнѣе. Въ то время, какъ прежде растраты выражались недочетами и маскировались грубыми подлогами и слабыми попытками на мнимыя операціи, теперь онѣ проводятся и скрываются подъ видомъ весьма сложныхъ фиктивныхъ сдѣлокъ, а въ банкахъ, принимающихъ въ залогъ недвижи-

мость, сносятся, въ видѣ долга, на принадлежащія тѣмъ же банкамъ имущества, становясь вмѣстѣ съ тѣмъ подъ прикрытіе вопроса о правѣ собственности на эти имущества. Конечно, не уголовному законодательству бороться съ этими явленіями. Еще Императрица Екатерина II, въ своемъ знаменитомъ „Наказѣ“, сказала, что „гораздо лучше предупреждать преступленія, нежели наказывать“ (см. 240). Но, во всякомъ случаѣ, законъ уголовный не долженъ игнорировать эти явленія, какъ факты совершающіеся, а соотвѣтствуя уровню развитія даннаго народа, долженъ предусматривать всѣ тѣ преступныя дѣянія, которыя составляютъ продуктъ жизни этого народа.

При составленіи дѣйствующаго у насъ уложенія о наказаніяхъ, банковыя хищенія не имѣли того значенія, какое они имѣютъ въ настоящее время, а фиктивные банковыя операціи, вѣроятно, совсѣмъ были неизвѣстны. Поэтому, въ уложеніи и нѣтъ specialнаго постановленія о такихъ операціяхъ. Въ настоящее время, какъ мы уже сказали, ихъ приходится подводить, по аналогіи, подъ 359 ст. уложенія. Но, разъ значеніе такихъ операцій выяснилось, онѣ, думается намъ, для избѣжанія недоразумѣній, должны быть предусмотрѣны особой статьей. При этомъ, какъ дѣянія весьма опасныя для общества и государства, — убивающія кредитъ и наносящія ущербъ торговлѣ и промышленности, онѣ должны влечь за собою послѣдствія болѣе тяжкія, чѣмъ обыкновенныя подлоги. На ряду съ этимъ, правильная постановка производства при столкновеніи подсудностей, должна устранить встрѣчающіяся въ настоящее время недоразумѣнія. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, давать возможность избѣгать, на почвѣ преюдиціальныя вопросовъ, заслуженной кары тѣмъ изъ банковыхъ хищниковъ, которые успѣли совершонныя ими растраты замаскировать мнимыми займами или другими операціями. — Допустить что либо подобное было-бы тоже самое, что давать мѣсто преюдиціальнымъ вопросамъ въ томъ случаѣ, если воръ, забравшись въ чужую квартиру и похитивъ оттуда вещи ея хозяина, вздумаетъ, почему либо, оставить вмѣсто похищеннаго свою долговую росписку.

Я. Городыскій.

**ОПРЕДѢЛЕНІЕ СЕНАТА, ПО ДѢЛУ О КСЕНДЗѢ ОСИП
БѢЛЯВСКОМЪ,**

обвиняемомъ въ оскорбленіи должностнаго лица, при исполненіи послѣднимъ обязанностей службы, и въ причиненіи истязаній крестьянкѣ Козловской.

Въ общемъ собраніи 4 го, 5-го и межеваго департаментовъ правительствующаго сената 1881 г. марта 13 и 1882 г. января 15 состоялось опредѣленіе слѣдующаго содержанія:

Въ настоящемъ производствѣ соединены два дѣла: 1) о причиненныхъ по приказанію ксендза, *Осипа Бѣлявскаго*, работницѣ его, *Иозефитѣ Козловской*, противозаконныхъ и неприличныхъ истязанійхъ, соединенныхъ съ личнымъ оскорбленіемъ.

Истязанія эти нанесены женщинѣ чрезъ посредство трехъ служителей *Бѣлявскаго*, а именно: *Тумаса*, *Будрейко* и *Баранаса*, и, кромѣ того, въ присутствіи нѣкоторыхъ другихъ лицъ, въ томъ числѣ и самаго *Бѣлявскаго*. Поводомъ къ этому истязанію была пропаша въ его домѣ, 2 іюня 1874 г., подушки и двухъ шелковыхъ платковъ.

¹⁾ Печатаемое опредѣленіе получено редакціею при слѣдующемъ письмѣ сенатора С. Заруднаго, поясняющемъ смыслъ состояшагося рѣшенія.

Въ силу 1-го пункта Высочайше утвержденныхъ 20-го ноября 1864 г. правилъ для печатанія рѣшеній судебныхъ постановленій, я прошу редакцію „Журнала Гражданскаго и Уголовнаго Права“ напечатать въ журналѣ состоявшееся 13-го марта 1881 г. и 15-го января 1882 г. опредѣленіе Общаго Собранія 3-го, 5-го и Межеваго Департаментовъ Правительствующаго Сената, по дѣлу о ксендзѣ *Осипѣ Бѣлявскомъ*, обвиняемомъ въ причиненіи истязанія *крестьянкѣ Козловской*.

Мнѣ кажется, что распубликованіе этого опредѣленія будетъ весьма важнымъ воспособленіемъ во 1-хъ, при работахъ Юридическаго Общества по разсмотрѣнію новаго проекта уголовного уложенія и во 2-хъ, для возможнаго согласованія воззрѣній *старого* Пр. Сената и *новыхъ* кассационныхъ д-товъ Сената, *по вопросу о значеніи истязаній по нашему уголовному праву*.

Вотъ почему я не только препровождаю въ редакцію этотъ, по моимъ понятіямъ, весьма важный документъ, но считаю долгомъ объяснить и причины, возбудившія во мнѣ желаніе напечатать *и это письмо и это опредѣленіе* въ „Журналъ Гражданскаго и Уголовнаго Права“.

Въ газетахъ, по временамъ, появляются рѣшенія кассационныхъ д-товъ и другихъ судебныхъ инстанцій, по вопросу объ истязаніяхъ, въ конхъ излагается слѣдующая *доктрина*, которая, впрочемъ, какъ это будетъ видно изъ самаго опредѣленія Прав. Сената, не всегда соблюдается кассационными департаментами Пр. Сената.

2) Объ оскорбленіи тѣмъ же *Бѣляскимъ* должностнаго лица застѣателя *Наврозова*, при исполненіи послѣднимъ обязанностей службы.

Первое обвиненіе возникло вслѣдствіе доказаннаго по дѣлу событія, что ксендзъ *Бѣляскій* распорядился, чтобы работницѣ его *Козловской* были нанесены извѣстныя по дѣлу оскорбительныя истязанія.

Это событіе доказано положительно, и собственными признаніями прикосновенныхъ къ дѣлу лицъ, и показаніями свидѣтелей, и очными ставками *Козловской* съ дядею ея *Иохимомъ Козловскимъ* и съ *Казимиромъ Тумасомъ*. При соображеніи содержанія этихъ очныхъ ставокъ съ показаніями всѣхъ прикосновенныхъ къ дѣлу лицъ и со статьями 351—378 т. XV ч. 2 зак. о судопр. изд. 1876 г. не можетъ возникнуть никакого сомнѣнія въ томъ, что подсудимый нанесъ *Козловской* жестокія истязанія и за учиненное имъ

Эта доктрина нѣкоторыхъ кассационныхъ департаментовъ состоитъ въ слѣдующемъ:

„Правительствующій Сенатъ находитъ, что не всякое нанесеніе ударовъ розгами слѣдуетъ признавать соответствующимъ признакамъ преступленія, предусмотрѣннаго 1489 ст. уложенія. Насильственные дѣйствія этого рода тогда только могутъ быть признаны мученіями и истязаніями, указанными приведенною статьею, когда они повторялись надъ извѣстнымъ лицъ неоднократно, послѣдовательно, и въ теченіи болѣе или менѣе продолжительнаго времени, или-же когда причиненныя этими дѣйствіями мученія представляютъ вышнюю и притомъ гораздо болѣе продолжительную степень страданія, нежели при обыкновенномъ насиліи или побояхъ, и когда нанесеніе ихъ сопровождалось особою жестокостію“.

Противъ этой именно доктрины и состоялось препровождаемое мною для напечатанія опредѣленіе Общаго Собранія Сената.

Съ своей стороны, я убѣжденъ въ томъ, что старый Правительствующій Сенатъ проводитъ правильное ученіе, а новый кассационный Сенатъ, какъ это видно изъ настоящаго опредѣленія, проводитъ иногда правильное, иногда неправильное ученіе, и своимъ разнорѣчіемъ вовсе не способствуетъ возможному у насъ развитію новыхъ судебныхъ установленій.

Для того, чтобы сколько нибудь ослабить это преніяствіе, я предлагаю напечатать опредѣленіе Втораго Общаго Собранія въ вашемъ журналѣ.

Мнѣ кажется, что это можетъ вызвать юридическую критику и полемику по весьма важному вопросу, о значеніи истязанія вообще, по нашему уголовному праву, и полемика эта должна принести большую пользу при обсужденіи новаго проекта уголовного уложенія.

Послѣ изложенія опредѣленія Общаго Собранія, я почѣстилъ отъ себя нѣкоторые соображенія, въ подкрѣпленіе этого опредѣленія.

преступленіе долженъ быть подвергнутъ опредѣленному закономъ наказанію.

Спорные въ дѣлѣ вопросы не въ томъ заключаются; эти вопросы истекаютъ изъ неясности нѣкоторыхъ узаконеній уголов. судопр. (т. XV ч. 2) и уголов. права (т. XV ч. 1), и это именно обстоятельство даетъ настоящему дѣлу юридическое значеніе, заслуживающее полного вниманія общаго собранія сената.

Вопросъ, относящійся къ законамъ судопроизводства: не слѣдуетъ ли это дѣло прекратить, такъ какъ оно возникло безъ жалобы потерпѣвшаго лица, — можетъ быть разрѣшенъ только по всестороннему обсужденіи вопроса, относящагося къ уголовному праву и заключающагося въ томъ: какаѣ именно статьи улож. о нак., или статья уст. о нак. налаг. мир. суд., должна быть примѣнена къ настоящему преступному дѣянію?

Этотъ вопросъ возбуждаетъ, въ разрѣшеніи своемъ, нѣкоторыя затрудненія и требуетъ довольно серьезныхъ соображеній и выводовъ, ибо составъ преступнаго дѣянія *Бяляскаго* столь сложенъ, что едва ли можетъ быть подведенъ подъ какую либо статью улож. о наказ., составленнаго въ 1845 году. Въ дѣйствіяхъ *Бяляскаго* усматриваются: и личное оскорбленіе, и обида дѣйствіемъ, и физическое насиліе, и причиненіе истязаній, имѣвшихъ для потерпѣвшей личности послѣдствіемъ трехдневную ея болѣзнь, и самоуправство, и мщеніе за дѣйствія недоказанныя, и пытка, такъ какъ истязаніе произведено надъ ней съ цѣлью обнаружить кражу по душки и двухъ шелковыхъ платковъ и тѣлесное наказаніе женщины въ то именно время, когда она имѣла періодическую, ежемѣсячно возобновляющуюся болѣзнь, а извѣстно, что въ такое время такого рода наказанія не могутъ быть признаны ничѣмъ инымъ, какъ только истязаніемъ. Наконецъ, въ дѣйствіяхъ *Бяляскаго* обнаруживается прямое нарушеніе яснаго и положительнаго закона, воспрещающаго подвергать лицъ женскаго пола тѣлеснымъ наказаніямъ, т. е. явное нарушеніе въ высшей степени важныхъ для огражденія общественной нравственности законовъ и распоряженій правительства.

Если правда, что никогда нельзя примѣнять наказанія, не установленнаго прежде, чѣмъ совершилось преступленіе, то правда и то, что нельзя оставлять безъ соотвѣтствующаго наказанія такое преступленіе, которое заклеено и точнымъ разумомъ и буквою одного изъ важнѣйшихъ для общественнаго развитія органическихъ

законовъ (зак. 17 апр. 1863 г. смот. улож. о нак. прилож. I (къ ст. 30) изд. 1866 г. о лицахъ изъятыхъ отъ наказаній тѣлесныхъ п. 2 — Лица женскаго пола вовсе изъяты отъ наказаній тѣлесныхъ).

Въ настоящемъ положеніи нашего законодательства, у насъ нѣтъ еще такой статьи закона, которая опредѣляла-бы и съ точностью, и съ достаточною строгостію, наказаніе за совершеніе столь сложныхъ преступленій подобнаго рода.

Улож. о нак. издано еще въ 1845 г., когда вышеозначеннаго рѣшительнаго закона, ограждающаго честь женщины, еще не существовало, и потому нельзя предполагать, чтобы какая либо ст. сего улож. соединяла въ себѣ всѣ признаки и составныя части преступныхъ дѣйствій *Блжвскаго*. Однако они не могутъ быть признаны простымъ насиліемъ и быть подводимы подъ ст. 142 уст. о наказ., налаг., мир. суд.; равномѣрно нельзя ихъ признать простымъ личнымъ оскорбленіемъ, о коемъ упоминается въ ст. 1533 улож. о нак., а изъ сего слѣдуетъ, что самую ближайшую, какъ по означеннымъ въ ней признакамъ преступленія, такъ и по строгости опредѣленнаго въ ней наказанія, статью, при соображеніи съ основнымъ закономъ (ст. 65 св. зак. т. I основ. госуд. закон. изд. 1857 г.), предписывающимъ, а особенно въ высшихъ мѣстахъ, слѣдовать общему духу законодательства и держаться смысла, наиболѣе ему соотвѣтствующаго, представляетъ ст. 1489 уложенія о наказаніяхъ. Это явствуетъ изъ слѣдующихъ соображеній; насиліе въ смыслъ насильственныхъ дѣйствій, понятіе весьма обширное; оно входитъ въ составъ многихъ преступленій (напримѣръ разбой, грабежъ съ насиліемъ, изнасилованіе, лишеніе свободы и т. д.). Съ постепеннымъ развитіемъ науки права и усовершенствованіемъ уголовныхъ законодательствъ, различные виды насилія все болѣе выдѣлялись въ самостоятельныя преступленія. Соотвѣтственно этому понятіе о насиліи, какъ объ отдѣльномъ (самостоятельномъ) преступленіи, не могло не сѣзуться.

Современными учеными криминалистами и уголовными законодательствами другихъ странъ, оно отождествляется съ принужденіемъ и подъ нимъ разумѣется только *такое противузаконное принужденіе*, что либо претерпѣть, сдѣлать или перестать дѣлать, *которое не преслѣдуется какъ особое преступленіе*.

Такой именно взглядъ принять, на примѣръ, уголовнымъ уложеніемъ Германской имперіи, (§ 240). Наше законодательство не расходится существенно съ означеннымъ взглядомъ и понимаетъ

насиліе, какъ самостоятельное преступленіе, также въ довольно тѣсномъ смыслѣ. По крайней мѣрѣ, къ такому выводу приводятъ подробное разсмотрѣніе и оцѣнка всѣхъ тѣхъ *семи статей* св. зак. угол. т. XV кн. I изд. 1857 г., *которыя вошли въ составъ 142 ст. уст. о нак.,* налаг. мир. суд., именно статей 312, 2108, 2109, 2110, 2111, 2112 и 2176 т. XV кн. I изд. 1856 г. (см. сравнит. указат. Высочайше утверж. 27 декабря 1865 г. мнѣніе госуд. совѣта, о согласованіи улож. о наказ. съ уставомъ о нак., нал. мир. суд.) собр. узак. и расп. прав. 1866 г. № 99 стр. 128. Статьи же это предусматривали:

а) *самоуправство*, т. е, принятіе самовольно какихъ либо насильственныхъ мѣръ, даже и въ случаѣ оказанной несправедливости или неисполненія законныхъ требованій, если притомъ не было причинено побоевъ, ранъ, истязаній, мученій, увѣчья или смерти (ст. 312);

б) *умышленное, противозаконное, но несопровождаемое насиліемъ, удержаніе кого либо въ мѣстѣ, идѣ онъ остаться не желаетъ* (ст. 2108);

в) *нападеніе съ насиліемъ, но безъ нанесенія увѣчья, обезображенія, ранъ, побоевъ и даже личнаго оскорбленія* (ст. 2109);

г) *насильственное вторженіе въ чужое жилище, съ намѣреніемъ оскорбить или потревожить* (ст. 202, 2110—2112);

д) *насиліе для вступленія во владѣніе, хотя и по безспорному или признанному судомъ праву—недвижимымъ имѣніемъ, или для возвращенія неправильно захваченной или удерживаемой собственности, безъ нанесенія, однако, ранъ, увѣчья или иного тяжкаго поврежденія въ здоровьѣ* (ст. 2167).

Въ виду вышеизложеннаго и принимая во вниманіе, что въ источникахъ нашего законодательства не имѣется никакихъ указаній на стремленіе расширить, съ изданіемъ ст. 142 уст. о нак., область предусматриваемыхъ ею проступковъ, далѣе предѣловъ вошедшихъ въ составъ оной статей 312, 2108—2112 и 2176 т. XV кн. I изд. 1857 г., едва ли возможно сомнѣваться въ томъ, что *преступное дѣяніе Бѣлявскаго, отнюдь не можетъ быть подведено подъ понятіе простаго насилія*, о коемъ говорится въ 142 ст. уст. о нак., налаг. мир. суд.

Затѣмъ, указанное преступное дѣяніе *Бѣлявскаго* не можетъ также быть признаваемо ни проступкомъ, предусмотрѣннымъ въ стат. 135 уст. о нак., ни преступленіемъ, наказуемымъ по ст. 1538

улож. о нак. изд. 1866 г., по тому уже одному, что ст. 135 уст. о нак. помѣщена въ отд. I главы XI „объ оскорбленіяхъ чести“, а ст. 1533 улож. 1866 г. въ раздѣлѣ X, глав. VI (объ оскорбленіяхъ чести) отд. II „о непосредственныхъ личныхъ оскорбленіяхъ“, такъ какъ по обстоятельствамъ даннаго дѣла не подлежитъ сомнѣнію, что *цѣлью Бѣлявскаго, при наказаніи Козловской, было отнюдь не нанесеніе ей обиды дѣйствіемъ* (ст. 135 уст.) или личного оскорбленія, но стремленіе путемъ такого наказанія *вынудить у нея сознание въ кражѣ*. Цѣль же хотя и составляетъ общій, а не специальный признакъ преступнаго намѣренія или умысла, но, при опредѣленіи преступнаго дѣянія лица, виновнаго въ ономъ, не можетъ считаться признакомъ совершенно безразличнымъ; напротивъ, чтобы подвести извѣстное событіе подъ дѣйствіе того или другаго карательнаго закона, необходимо найти связь, соединяющую это событіе съ произведшею его злою волею: другими словами, необходимо установить, что именно виновнымъ имѣлось въ виду при совершеніи преступленія (его цѣль).

Обращаясь затѣмъ къ разсмотрѣнію вопроса о томъ, правильно ли разсматриваемое преступное дѣяніе *Бѣлявскаго* признано Ковенскою палатою уголовного и гражданского суда *истязаніемъ*, т. е. преступленіемъ, подходящимъ подъ дѣйствіе ст. 1489 улож. о нак. издан. 1866 г., необходимо въ этомъ отношеніи остановиться на слѣдующихъ соображеніяхъ:

1) Постановленіе объ истязаніяхъ и мученіяхъ впервые появилось у насъ въ уложеніи 1845 г., какъ это видно изъ объясненія къ ст. 1894 проекта означеннаго улож. (см. проектъ изд. II отд. Собств. Его Импер. Велич. канцел. 1871 г. стр. 630), составившей, безъ всякаго измѣненія въ текстѣ (относительно опредѣленія), статью 1960 улож. 1845 г., а внослѣдствіи ст. 2038 т. XV кн. I изд. 1847 г. и наконецъ статью 1589 ул. 1866 г.

Въ указанномъ объясненіи сказано, между прочимъ, что для полнаго развитія вошедшихъ въ составъ сей главы (о нанесеніи увѣчья, ранъ и другихъ поврежденій здоровью) постановленій, необходимо было прибавить точныя правила о наказаніи за *причиненіе истязаній и мученія* и нанесеніе побоевъ, и потому въ проектѣ предлагаются *особыя новыя постановленія* какъ о побояхъ, такъ и объ истязаніяхъ и мученіяхъ.

При чемъ и въ объясненіи этомъ и въ текстѣ ст. 1894 проекта (1960 ст. ул. 1845 г.) по отношенію къ побоямъ указываются

именно побои *тяжкія*, тогда какъ раздѣленія истязаній и мученій на *тяжкія* и *легкія* не сдѣлано и не имѣется никакихъ указаній на то, чтобы такое раздѣленіе въ то время предполагалось.

Равнымъ образомъ и въ послѣдующее время наши законодательные источники не представляютъ никакихъ указаній на подраздѣленіе, по нашему уголовному закону, истязаній и мученій, на *тяжкія* и *легкія*, и потому нельзя не признать правильнымъ толкованіе уголовного кассационнаго департамента, признаваго: а) что употребленное въ 1489 ст. улож. 1866 г. (1960 ст. ул. 1845 г.) выраженіе: *тяжкихъ, подвергающихъ жизнь опасности*, относится только къ побоямъ, но не къ истязаніямъ и мученіямъ; б) что такіе побои, предусмотрѣнные 1489 ст. улож. 1866 г., составляютъ одинъ изъ видовъ истязаній и мученій и было бы неправильно предполагать непременно опасность для жизни, какъ признакъ всякаго истязанія и мученія; и в) что для примѣненія 1489 ст. улож. вовсе не требуется, чтобы истязаніемъ были вызваны болѣе или менѣе важныя послѣдствія для здоровья потерпѣвшаго.

Уголовный кассационный департаментъ указалъ также на рѣзкое различіе между *истязаніями* и *оскорбленіемъ дѣйствіемъ*, различіе, доказываемое сравненіемъ между собою статей 1541 и 1542 улож. 1866 г., изъ которыхъ, по послѣдней, виновный въ самовольномъ лишеніи кого либо свободы, сопровождавшемся *истязаніями* или *мученіями* (также безъ подраздѣленія ихъ на тяжкія и легкія,) подвергается наказанію по 1489 ст. улож., тогда какъ по ст. 1541 для виновнаго въ лишеніи свободы, сопровождавшемся *оскорбительнымъ для задержаннаго обращеніемъ*, возвышаются только на одну степень наказанія, опредѣленныя въ ст. 1540 улож. (рѣшенія по дѣламъ: 1869 г. № 552—Юдина и 875—Высотскаго, 1870 г. № 603—Зубковыхъ, № 1413—князя Гуріели, 1871 г. № 84—Комаровскаго, 1874 г. № 595—Алексѣева и другія).

2) Выраженія: *мученіе* и *истязаніе*, не представляютъ собою точно опредѣлительныхъ признаковъ, такъ какъ всякое физическое насиліе болѣе или менѣе сопровождается и физическимъ страданіемъ, поэтому, при разрѣшеніи вопроса о томъ, заключаются ли въ извѣстномъ насиліи признаки истязанія, необходимы самыя тщательныя разсмотрѣніе и оцѣнка всѣхъ обстоятельствъ и обстановки каждаго даннаго преступнаго дѣянія и цѣли, которую имѣлъ въ виду преступникъ при совершеніи онаго, а также необходимо со-

ображаться и съ тѣмъ понятіемъ, которое выработалось объ истязаніяхъ и мученіяхъ въ судебной практикѣ.

Въ этомъ послѣднемъ отношеніи можно указать, для примѣра, рѣшеніе общаго собранія 4, 5 и межеваго департаментовъ правительствующаго сената 1857 г. по дѣлу о дворянинѣ, обвинявшемся въ наказаніи около 100 ударами розогъ крестьянки Кучеровой (сбор. рѣш. прав. сен. т. II ч. 3 и 4 № 1228). Въ этомъ рѣшеніи постановленномъ еще задолго до полной отмѣны тѣлеснаго наказанія для женщинъ (17 апрѣля 1863 г.), находя подсудимаго изобличеннымъ въ томъ, что *для вынужденія* отъ крестьянки Кучеровой, — надъ которою онъ не имѣлъ никакой власти, — *указанія украденнаго у него денегъ и вещей*, онъ сбѣкъ ее розгами и далъ ей около 100 ударовъ и слѣдовательно присвоенную имъ власть употребилъ для нанесенія *истязаній* неимѣвшихъ, впрочемъ, послѣдствіемъ увѣчья и тяжкихъ ранъ, правительствующій сенатъ призналъ подсудимаго подлежащимъ за означенное преступленіе, *по безнравственности и жестокости дѣянія*, тягчайшему изъ наказаній, опредѣленныхъ въ ст. 1960 улож. 1845 г. (2038 ст. т. XV ч. I изд. 1857 г. 1489 ст. улож. 1866 г.).

Но еще большее значеніе имѣетъ въ указанномъ отношеніи судебная практика позднѣйшаго времени, выразившаяся въ рѣшеніяхъ уголовного кассационнаго департамента правительствующаго сената.

Такъ, департаментъ этотъ признавалъ истязаніемъ:

- а) *стѣсненіе розгами съ цѣлью вынудить признаніе въ преступленіи*
- б) сбѣченіе розгами, хотя бы и неподвергавшее опасности жизни потерпѣвшаго и не причинившее разстройства его здоровья (см. рѣшенія 1872 г. №№ 1054 Шилова. 1228—Протопоповой, 491 Дрейера. 1873 г. № 339—Шаталова и другія):

в) *стѣсненіе розгами (13 ударовъ)*, несмотря на отсутствіе опасности для жизни или здоровья потерпѣвшаго и независимо отъ того, слѣдуетъ ли считать удары тяжелыми или легкими (1874 г. 28 сентября — Вернадоса и Телепневыхъ).

За разрѣшеніемъ на вышеизложенныхъ основаніяхъ, вопроса о наказаніи, коему подлежитъ *Бтлявскій* за его самоуправство, вопросъ о томъ, можетъ-ли это дѣло быть причислено къ числу тѣхъ, которыя возбуждаются не иначе, какъ по жалобѣ потерпѣвшаго лица, не представляетъ въ своемъ разрѣшеніи никакихъ затрудненій.

Въ пользу положительнаго разрѣшенія этого вопроса, по дѣлу приведены слѣдующія соображенія: „совершенныя надъ Козловской насильственные дѣйствія должны быть признаны соотвѣтствующими признакамъ преступленія, предусмотрѣннаго 142 ст. уст. о нак., налаг. мир. суд., а такъ какъ настоящее дѣло началось вслѣдствіе увѣдомленія губернскаго прокурора Ковенскимъ губернаторомъ, слѣдовательно, вопреки 18 ст. означеннаго устава, безъ жалобы потерпѣвшаго лица, то не было ни повода, ни основанія производить формальное слѣдствіе и судъ по дѣлу о наказаніи Козловской“.

Въ ст. 18 уст., на которую здѣсь сдѣлана ссылка, сказано:

„Проступки противъ чести и правъ частныхъ лицъ, означенныя въ ст. 84, 103, 130 — 143 и 145 — 153, подлежатъ наказанію не иначе, какъ по жалобѣ потерпѣвшихъ обиду, вредъ или убытокъ, или же ихъ супруговъ, родителей или опекуновъ, и вообще тѣхъ, которые должны имѣть попеченіе о нихъ“, а въ статьяхъ, здѣсь поименованныхъ, нѣтъ ничего общаго съ обсуждаемымъ въ настоящемъ дѣлѣ, сложнымъ по своему составу, преступленіемъ; въ каждой изъ этихъ статей говорится отдѣльно не о преступленіяхъ, уголовному суду подлежащихъ, а о разныхъ проступкахъ или нарушеніяхъ, какъ-то: о притѣсненіи судовщиковъ при снятіи груза съ судна (ст. 84), о сообщеніи другимъ заразной болѣзни (ст. 103), о нанесеніи обиды на словахъ или на письмѣ (ст. 130—132), о нанесеніи обиды дѣйствіемъ (ст. 133—135), о клеветѣ (ст. 136) и о разглашеніи сообщенныхъ въ тайнѣ свѣдѣній (ст. 137).

Наконецъ, причины, по коимъ 142 ст. не можетъ быть примѣнена къ настоящему дѣлу, изложены выше.

Отсюда ясно, что ни ст. 18 уст. о нак., налаг. мир. суд., ни другія статьи, въ ней означенныя, не могутъ быть примѣнены, въ своей отдѣльности, къ сложному преступному дѣланію, въ коемъ *Бн-ляевскій* изобличается положительно и безусловно, а такъ какъ самое дѣло началось вслѣдствіе увѣдомленія губернскаго прокурора Ковенскимъ губернаторомъ, такъ какъ оно рѣшено въ порядкѣ уголовного суда и рѣшеніе по сему дѣлу Ковенской палаты пропущено губернскимъ прокуроромъ безъ протеста, то нынѣ было бы несвоевременно возбуждать вопросъ о томъ, что оно, будто-бы, возникло безъ жалобы потерпѣвшей.

Нельзя прекращать по этой причинѣ такого дѣла еще и потому, что оно дошло уже установленнымъ порядкомъ до свѣдѣнія правительствующаго сената и въ немъ обнаружены и доказаны по за-

кону такіа преступныя дѣянія, коихъ правительствующій сенатъ не преслѣдовать не можетъ.

По второму дѣлу, объ оскорбленіи *Блѣвскимъ* должностнаго лица, засѣдателя Вилкомирскаго уѣзднаго полицейскаго управленія *Наврозова*, при исполненіи имъ обязанностей службы, общее собраніе нашло, что выставленные подсудимымъ въ свою пользу свидѣтели, неопредѣленностью и уклончивостью своихъ объясненій нисколько въ сущности не опровергають факта нанесенія *Блѣвскимъ* засѣдателю *Наврозову* оскорбленія дѣйствіемъ, удостовѣреннаго цѣлымъ рядомъ свидѣтелей, неотведенныхъ подсудимымъ отъ присяги и вполнѣ согласныхъ въ своихъ показаніяхъ.

Посему *Блѣвскій*, согласно 364 и 367 ст. 2 ч. XV т. зак. о суд. изд. 1876 г. вполнѣ изобличается въ томъ, что въ сентябрѣ 1872 г. выгонялъ изъ своей квартиры и выталкивалъ за руки засѣдателя Вилкомирскаго полицейскаго управленія *Наврозова*, производившаго дознаніе о скрывшейся *еврейкѣ Минкѣ Шапировой*.

За преступное дѣяніе это, предусмотрѣнное 285 ст. улож. о нак., *Блѣвскій*, въ виду отсутствія особо увеличивающихъ вину его обстоятельствъ, подлежитъ, согласно 2 п. 36 ст. улож., заключенію въ смиренномъ домѣ или тюрьмѣ на 8 мѣсяцевъ, каковое наказаніе однако, за силою 4 п. 152 ст., поглощается тѣмъ наказаніемъ, которому слѣдуетъ подвергнуть *Блѣвскаго* за истязаніе крестьянки *Козловской*.

По изложеннымъ соображеніямъ и на основаніи приведенныхъ узаконеній, Общее Собраніе 4, 5 и межеваго департамента правительствующаго сената опредѣляетъ: признать приведенные подсудимымъ *Блѣвскимъ* въ его прошеніи доводы къ оправданію, не заслуживающими уваженія, утвердить приговоръ Ковенской палаты уголовного и гражданскаго суда по сему дѣлу и подвергнуть *Блѣвскаго* за содѣянные имъ преступленія лишенію всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ ему, правъ и преимуществъ и ссылкѣ на житье въ Томскую губернію; на приведеніе сего въ исполненіе, согласно 453 ст. 2 ч. XV т., испросить Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе.

Подлинное подписано сенаторами и пропушено установленнымъ порядкомъ.

Въ видѣ развитія изложенныхъ въ настоящемъ опредѣленіи соображеній, можно привести еще слѣдующіе доводы:

Кромѣ приведенныхъ примѣровъ рѣшеній, нельзя не указать еще на одно дѣло, по обстоятельствамъ онаго весьма сходное съ дѣломъ о наказаніи *Бѣльскимъ* крестьянки *Козловской*. Именно: помѣщикъ Радомской губерніи *Шидловскій*, заподозрѣвъ въ похищеніи у него денегъ 10 рублей 16-лѣтнюю крестьянку, *Францишку Сукенись*, приказалъ, 9 августа 1876 г., привести ее къ себѣ въ усадьбу и, дѣлая ей разныя угрозы, требовалъ признанія въ означенной кражѣ. Когда же угрозы оказались безуспѣшными, *Шидловскій* приказалъ своему управляющему, дворянину *Сурскому*, отвести *Сукенись* въ сарай, и тамъ выстѣчь ее, дабы такимъ путемъ вынудить у нея признаніе въ кражѣ. Вслѣдствіе такого приказанія *Сукенись* и была выстѣчена въ сарай, въ который для этой цѣли призваны были *Сурскимъ* пять человѣкъ крестьянъ, разложившихъ и державшихъ *Сукенись*, и кучеръ *Сенцовскій*, наказывавшій ее ременною плетью; самъ же *Шидловскій* все время наказанія стоялъ вблизи сарая. Первоначально *Францишка Сукенись* дано было 4 или 5 ударовъ, вызвавшихъ съ ея стороны признаніе, что деньги 10 руб. похищены ею. Но когда отъ нея потребовали указать, гдѣ они спрятаны, то она отвѣчала, что ихъ не похищала. Тогда ее вновь положили и дали еще одинъ ударъ, послѣ коего она указала, что деньги передала своей родственницѣ, *Юзефѣ Сукенись*. Затѣмъ, по приказанію *Шидловскаго*, эта послѣдняя также была приведена и наказана тою же плетью, приче́мъ ей дано было 3 или 4 удара, но она въ полученіи денегъ отъ *Францишки Сукенись* не созналась. Послѣ чего *Францишка* было дано еще нѣсколько ударовъ. Означенныя дѣянія *Шидловскаго*, *Сурскаго* и другихъ, признаны были Варшавскою судебною палатою истязаніями, наказуемыми по 1489 ст. улож., и правильность этого приговора подтверждена была рѣшеніемъ уголовного кассационнаго департамента 17 ноября 1877 г.

Нѣкоторые судебные дѣятели, указывая на неопредѣленность понятія объ истязаніяхъ и мученіяхъ, на суровость наказанія по ст. 1489 улож. и на несоотвѣтствіе этого наказанія нѣкоторымъ, относительно легкимъ случаямъ (или видамъ) истязаній и мученій, даже и при пониженіи судомъ означеннаго наказанія въ предѣлахъ предоставленной ему власти, усматриваютъ въ этихъ обстоятельствахъ побудительную причину подводить причиненіе относительно легкихъ истязаній и мученій подъ дѣйствіе 142 ст. уст. о нак.

Означенныя указанія, конечно, представляются въ извѣстной степени справедливыми и справедливо также, что по иностраннымъ уголовнымъ кодексамъ, судъ, въ случаяхъ подобныхъ преступныхъ дѣяній, признаваемыхъ истязаніями и мученіями по нашему уложенію, имѣетъ болѣе простора въ выборѣ наказанія.

Такъ напримѣръ, по германскому уложенію (§ 223), въ случаяхъ тѣлеснаго поврежденія, если таковое учинено сообща нѣсколькими лицами, опредѣляется наказаніе отъ двухъ мѣсяцевъ до 5 лѣтъ тюрьмы.

По французскому кодексу (§ 311 законъ 13-го мая 1863 г.) если раны или удары или инныя насилія, или самоуправныя дѣйствія не причинили никакой болѣзни или неспособности къ личному труду, указаннаго въ ст. 309-й свойства, (т. е. свыше 20-ти дней), но такое преступное дѣяніе было совершено съ предумышленіемъ, то наказаніемъ назначается тюрьма отъ 2-хъ до 5-и лѣтъ и денежный штрафъ отъ 50 до 500 франковъ.

Но тѣмъ не менѣе, едва ли возможно признавать за русскими судьями, обязанными произносить приговоры на основаніи существующаго закона, — право обходить русскій законъ и, въ виду его строгости произвольно подводить преступления, предусмотрѣнныя извѣстными статьями уголовного уложенія, подъ дѣйствіе другихъ его статей, карающихъ преступныя дѣянія, совершенно отличныя отъ первыхъ, по ихъ составу, признакамъ и значенію.

Всѣ соображенія сіи приводятъ къ несомнѣнному убѣжденію въ томъ, что преступное дѣяніе подсудимаго подлежитъ наказанію, установленному статьею 1489 уложенія о наказаніяхъ.

Затѣмъ, необходимо принять во вниманіе, что въ дѣлѣ семъ нѣтъ ни одного повода, могущаго послужить къ облегченію участи подсудимаго; напротивъ, всѣ обстоятельства указываютъ на необходимость увеличить наказаніе на основаніи п. 2, 3, 4, 6, 7 и 10 129 ст. улож. о нак.

Такимъ образомъ, подсудимый, по званію и состоянію своему, былъ образованнѣе тѣхъ лицъ, коихъ онъ ввелъ въ преступленіе (п. 2); побужденія его были и противозаконны и безнравственны (п. 3); онъ привлекъ къ участию въ истязаніи одной женщины четырехъ батраковъ, изъ коихъ одинъ приготавлиалъ орудія, а остальные три совершали истязанія (п. 4); онъ нарушилъ особыя личныя обязанности къ женщинѣ, находившейся у него въ услуженіи (п. 6); дѣйствія его были, какъ говоритъ законъ, и жестоки,

и гнусны, и безнравственны (п. 7), а степень ихъ жестокости доказывается трехдневною болѣзнию той несчастной, которая подверглась этимъ истязаніямъ; наконецъ, при слѣдствіи и судѣ подсудимый оказывалъ неискренность и упорство въ заперательствѣ (п. 10)

При совокупности такихъ увеличивающихъ его вину обстоятельствъ, одно состояніе крайняго будто-бы раздраженія, вызваннаго случившеюся въ его домѣ кражей подушки и двухъ платковъ, по неважности своей, не можетъ служить основаніемъ къ тому, чтобы облегчить участь ксендза *Бялявскаго*, который, по совокупности обстоятельствъ дѣла, вполне заслуживаетъ скорѣе увеличенія, чѣмъ уменьшенія слѣдующаго ему по закону наказанія.

Статьи 153 и 154 улож. о нак. не могутъ служить законнымъ основаніемъ къ облегченію участи подсудимаго.

Въ ст. 153 указываются случаи, неимѣющіе съ разсматриваемымъ дѣломъ ничего общаго; въ пунктѣ 1-мъ этой статьи говорится о явкѣ въ судъ съ повинною, о полномъ чистосердечномъ признаніи и т. п., между тѣмъ какъ подсудимый уличается въ упорствѣ въ заперательствѣ; пунктъ 2-й этой статьи упоминаетъ о долговременной и безпорочной службѣ, или о какихъ либо отличныхъ заслугахъ и достоинствахъ, о чемъ въ дѣлѣ нѣтъ никакихъ свѣдѣній въ отношеніи къ подсудимому; пунктъ 3-й относится къ иновѣрнымъ (нехристіанскаго исповѣданія), а подсудимый католикъ; наконецъ 4-й п. относится къ тѣмъ, кто весьма долго находился подъ судомъ и подъ стражею, а подсудимый если и находился подъ судомъ около пяти лѣтъ, то единственно потому, что самъ онъ отъ суда уклонялся, а подъ стражею вовсе не состоялъ.

Ст. 154 говоритъ о другихъ чрезвычайныхъ случаяхъ, когда представляются особыя уваженія къ облегченію участи подсудимаго, каковыхъ въ настоящемъ случаѣ вовсе не было, и потому ясно, что эти статьи не имѣютъ къ подсудимому никакого отношенія, слѣдовательно, ни ст. 153, ни 154, не могутъ имѣть къ настоящему дѣлу рѣшительно никакого примѣненія.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ
КОММИСІОНЕРА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ТИПОГРАФІИ

И. П. АНИСИМОВА

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:
Рядомъ съ Императорскою публичною
библіотекою.

ВЪ МОСКВѢ:
на Никольской ул., въ домѣ Законо-
свасскаго монастыря.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ

Курсъ гражданского права. Соч. К. Побѣдоносцева, почетнаго члена университетовъ: Московскаго, С. Петербургскаго и Казанскаго, Часть первая. (*Вотчинныя права*). Изданіе 3-е, съ перемѣнами и дополненіями. С.-Петербургъ 1883 г. Ц. 4 руб. Часть вторая. (*Права семейныя, наследственныя и за вѣщательныя*). Изданіе 2-е, съ перемѣнами и дополненіями. С.П.Б. 1875 г. Ц. 3 руб. Часть третья. (*Договоры и обязательства*). С.П.Б. 1880 г. Ц. 3 руб.

Сборникъ иностранныхъ вексельныхъ уставовъ. С.П.Б. 1883 г. Ц. 2 р. фонъ-Іерингъ Рудольфъ. „На водку“ К. 1883 г. Ц. 50 коп.

Гр. Джаншіевъ. Страница изъ исторіи судебной реформы. Д. И. Замятинъ. М. 1883 г. Ц. 1 р. 70 к.

Мейчикъ, Д. М. Грамоты XIV и XV вв. Московскаго архива министерства юстиціи. Ихъ форма, содержаніе и значеніе въ исторіи русскаго права. М. 1883 г. Ц. 1 р. 75 к.

Устьяницкій, В. А. Дарданеллы, босфоръ и черное море въ XVIII вѣкѣ. М. 1883 г. Ц. 2 руб.

Уставъ гражданского судопроизводства для Германской Имперіи, 30 января 1877 года и законъ о введеніи его въ дѣйствіе. Переводъ И. Соболева канд. и пр. Р. 1883 г. Ц. 2 р. 50 к.

Уставъ уголовного судопроизводства для Германской Имперіи 1 февраля 1883 г. Перев. И. Соболева, канд. пр. Ц. 1 руб.

Учрежденіе судебныхъ установленій, для Германской Имперіи 1 февраля 1877 г. Перев. И. Соболева, канд. пр. Ц. 60 коп.

Цезарь Беккарія. О преступленіяхъ и наказаніяхъ. Перев. И. Соболева, канд. пр. Ц. 1 руб.

Оскорбленіе должностныхъ лицъ дѣйствиємъ, при отправленіи должности. Этюдъ по русскому праву. И. Соболева кан. пр. Ц. 75 к.

За пересылку означенныхъ книгъ прилагается по 10 коп. съ рубля.

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ НОВАЯ КНИГА:

СТРАНИЦА ИЗЪ ИСТОРИИ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ

(Д. Н. ЗАМЯТНИНЪ).

Г. ДЖАНШЕВА.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

Продается въ Москвѣ и Петербургѣ,
въ книжныхъ магазинахъ Анисимо-
ва, Мамонтова, *Новаго Времени* и др.
Складъ изданія въ Москвѣ, въ конторѣ
Русскихъ Вѣдомостей.

ОБЪ ИЗДАНИИ ЖУРНАЛА ЮРИДИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ ВЪ 1883 году.

(Годъ пятнадцатый).

Ежемесячный журнал „ЮРИДИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“ служить органомъ научной и практической юриспруденціи, въ томъ широкомъ смыслѣ этого слова, который оно получило въ послѣднее время. Въ научномъ отдѣлѣ журналъ помѣщаетъ работы по экономическому и финансовому законодательству, международному, государственному, гражданскому и уголовному праву.—Въ современномъ отдѣлѣ находятъ себѣ мѣсто: хроника русскаго законодательства, хроника гражданского и уголовного суда, земская хроника, извлеченія изъ кассационныхъ рѣшеній сената, уголовныхъ и гражданскихъ, бібліографія, разныя замѣтки и т. д.

Цѣна *восемь* рублей съ пересылкою и доставкою, безъ доставки *семь* рублей

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Москвѣ: Въ магазинахъ: А. Л. Васильева, на Страстномъ бульварѣ И. П. Анисимова, на Никольской улицѣ и Ланга, на Кузнецкомъ мосту.—*Въ С.-Петербурѣ:* въ книжномъ магазинѣ Н. П. Анисимова, рядомъ съ Императорскою Публичною Библіотекою.

За перемѣну адреса гг. подписчики благоволятъ присылать деньгами или марками *сорокъ* коп.

Экземпляры журнала за 1880 и 1881 годы высылаются по 8 руб. отдѣльныя книжки этого года по 1 руб.

Экземпляры за предыдущіе годы высылаются по 5 руб.: за 1878 годъ безъ переплета, а за прочіе годы въ переплетѣ. За годы 1871, 1872 и 1879 экземпляровъ журнала въ редакціи не имѣется.

РЕДАКТОРЫ: } *С. А. Муромцевъ.*
 } *В. М. Пржевальскій.*

Содержаніе Мартовской книги.

XXII. Очеркъ соціальнаго быта во времена Цезаря и Тацита. Георгія Колоколова. XXIII. Изъ исторіи англійской конституціи. Рудольфа Гнейста (переводъ съ нѣмецкаго). XXIV. Къ проекту уложенія о наказаніяхъ. Дм. Тальберга. XXV. Комиссія Московскаго Юридическаго Общества о проектѣ новаго Уголовнаго уложенія. XXVI. Юристъ-практикъ о проектѣ новаго Уложенія о наказаніяхъ. П. Н. Обнинскаго. XXVII. Положеніе гражданского истца въ уголовномъ дѣлѣ А. Рудановскаго. XXVIII. О правѣ профессоровъ на занятіе адвокатурою. А. Загоровскаго. XXIX. Организція народнаго продовольствія на началахъ взаимнаго земскаго страхованія. А. Тютрюмова. XXX. Новости экономической литературы. Андрея Исаева. XXXI. Изъ Одессы. Е. XXXII. Отъ Императорскаго Московскаго университета. Въ приложеніи: Протоколы засѣданій Московскаго Юридическаго Общества за 1882—1883 г. (стр. 33—48).

Въ книжныхъ магазинахъ Анисимова, „Новаго Времени“
и друг. продается:

СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ

положеній и извлеченій изъ гражданскихъ кассационныхъ
рѣшеній

Т. I, по гражданскому праву съ 1866 года по 1876 годъ
Цѣна 2 руб.

Т. II, по гражданскому судопроизводству съ 1876 года
по 1879 г. Цѣна 2 руб.

Т. III, по гражданскому праву и судопроизводству съ
1876 г. по 1879 г. Ц. 1 р.

Т. IV, по гражданскому праву и судопроизводству за
1879 годъ. Ц. 75 коп.

Т. V, по гражданскому праву и судопроизводству за
1880 годъ. Ц. 75 коп.

Составилъ Г. Вербловскій
(Членъ Воронежскаго Окружнаго Суда).

Книгопродавцамъ уступка 30%.

ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ

КАРМАННЫЙ

КАЛЕНДАРЬ ДЛЯ ПОТАРІУСОВЪ

НА 1883 ГОДЪ

составилъ Ив. Дмитревскій.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1883 Г. НА

НОВЫЙ СВѢТЪ

иллюстрированный журналъ для всѣхъ.

Годовая цѣна 4 руб. съ пересылкою и съ большой олеографич. преміею.

Въ первыхъ номерахъ помѣщенъ романъ г. Ланкенова, автора романа „Кликуша“: „Местъ туркменки“.

Олеографическія преміи:

№ 1. Большой ландшафтъ (16×11 ¹ / ₄ в.)	
№ 2. Времена года: Весна	} на каждой картинкѣ, по двѣ женщины идеальной красоты.
№ 3. ————— ————— Лѣто	
№ 4. ————— ————— Осень	
№ 5. ————— ————— Зима	
№ 6. Портретъ генерала Михаила Дмитриевича Скобелева.	
(10 ¹ / ₂ × 12 верш.)	

Изъ прошлыхъ премій:

№ 7. Портретъ Его Величества Государя Императора 10¹/₂ × 14 верш.

№ 8. Портретъ Ея Величества Государыни Императрицы 10¹/₂ × 14 верш.

№ 9. Зима на югѣ Россіи. Большой ландшафтъ (16 × 11¹/₂ верш.)

Гг. подписчикамъ предоставляется выбрать одну изъ этихъ 9 картинъ бесплатно, другіе же съ приплатою по 1 р. („Времена года“ только по 60 к.) за каждую картину.

Разсылка премій уже началась.

ПОДПИСКА принимается въ конторѣ редакціи журнала „Новый Свѣтъ“ въ Ригѣ, на Александровскомъ бульварѣ и въ книжномъ магазинѣ Императорскаго двора Э. Мелле въ С.-Петербургѣ, на Невскомъ проспектѣ.

ПРОДАЕТСЯ

ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

Систематическій сборникъ рѣшеній гражданскаго кассационнаго департамента правительствующаго сената за 1876 г.

Составили **А. Книримъ** (оберъ-прокуроръ гражд. касс. департам. прав. сената) и **Е. Ковалевскій** (товарищъ оберъ-прокурора гражд. касс. департам. прав. сената.).

Т. I. МАТЕРІАЛЬНОЕ ПРАВО. Цѣна безъ пересылки 3 р., съ пересылкою во всѣ города имперіи 3 р. 50 к.

Т. II. СУДОПРОИЗВОДСТВО. Цѣна 3 р., съ пересылкою 3 р. 50 к.

Систематическій сборникъ рѣшеній гражданскаго кассационнаго департамента правительствующаго сената за 1874 г.

Составили: **А. Книримъ** (оберъ-прокуроръ гражд. касс. депар. сената) и **Е. Ковалевскій** (товарищъ оберъ-прокурора гражд. касс. деп. прав. сената).

Т. I. МАТЕРІАЛЬНОЕ ПРАВО. Цѣна безъ пересылки 2 р. 50 к., съ пересылкою во всѣ города имперіи 3 р.

Т. II. СУДОПРОИЗВОДСТВО. Цѣна безъ пересылки 2 р. 50 к., съ пересылкою 3. р.

ПРОДАЕТСЯ

ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

НОВОЕ ИЗДАНИЕ

Уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ 1866 г. со всѣми дополненіями по 1 декабря 1881 г. съ разъясненіями по рѣшеніямъ сената по 1 іюля 1881 г. Составлено Н. С. Таганцевымъ. *Изданіе 4-е*, 1882 года. Цѣна 4 рубля.

Уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, съ дополненіями и разъясненіями по рѣшеніямъ сената и съ приведеніемъ мотивовъ. Составленъ Н. Таганцевымъ, изданіе 2-е, 1879 г. Цѣна 2 руб.

Курсъ русскаго уголовного права Н. С. Таганцева. В. 2—1878 г. 2 р.

Главный складъ изданій въ С.-П.-Б. въ книжномъ магазинѣ Стасюлевича, Васильев. остр., 2 л., д. № 7.

Примѣч. При переходѣ городскихъ подписчиковъ журнала въ иногородные и наоборотъ, высылается 1 р., а при переходѣ городскихъ подписчиковъ на кассационныя рѣшенія въ иногородные и наоборотъ 1 р. 50 к. Сверхъ того, на перепечатку адреса во всякомъ случаѣ, прилагается каждый разъ по 25 к.

8) **Жалоба** на неполученіе какой-либо книги журнала, препровождается прямо въ редакцію, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книга журнала дѣйствительно не была получена конторой. По полученіи такой жалобы редакція немедленно представляетъ въ газетную экспедицію дублировать, для отсылки съ первою почтою; но безъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы, газетная экспедиція должна будетъ прежде сноситься съ сею послѣднею и редакція удовлетворить только по полученіи отвѣта послѣдней. По распоряженію почтоваго вѣдомства жалобы должны быть сообщаемы редакціи никакъ не позже полученія слѣдующей книги журнала, иначе редакція не будетъ имѣть возможности удовлетворить подписчика высылкою новаго экземпляра.

9) Редакція не отвѣчаетъ за своевременную высылку журнала тѣмъ лицамъ, которыя подписались не въ указанныхъ въ объявленіи о подпискѣ мѣстахъ, подписныя суммы которыхъ часто передаются въ редакцію несвоевременно, а иногда и вовсе не передаются. Въ такихъ случаяхъ гг. подписчики благоволятъ обращаться съ жалобами въ то мѣсто, гдѣ они подписались.

10) Отвѣты на всякаго рода запросы гг. сотрудниковъ и подписчиковъ, редакція признаетъ для себя обязательными только въ томъ случаѣ, если для этого приложена почтовая марка.

5/10/05
И. Е. З.

Объ изданіи въ 1883 году

ЖУРНАЛА

ГРАЖДАНСКАГО И УГОЛОВНАГО ПРАВА.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно (за исключеніемъ вакантныхъ: іюля и августа), въ количествѣ 10 книгъ въ годъ, до 20 и болѣе листовъ каждая.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ:

въ С.-Петербургѣ безъ доставки . . .	8 р.
съ доставкой въ С.-Петербургѣ . . .	8 р. 50 к.
съ пересылкой въ другіе города . . .	9 р.
за-границей	12 р.
отдѣльно книга журнала	2 р.

Подписчики, желающіе получать, сверхъ того, **РѢШЕНІЯ КАССАЦІОННЫХЪ ДЕПАРТАМЕНТОВЪ СЕНАТА**, платятъ за журналъ и за рѣшенія съ доставкой въ С.-Петербургѣ и съ пересылкой въ другіе города . . 14 р. 50 к.

Рѣшенія кас. деп. сената выходятъ и рассылаются одинъ разъ въ мѣсяцъ.

Лица, несостоящія въ числѣ подписчиковъ на журналъ, могутъ подписываться въ редакціи отдѣльно на кассационныя рѣшенія по 6 руб. съ доставкой въ С.-Петербургѣ и съ пересылкою въ иные города.

Допускается разсрочка подписной платы въ слѣдующіе сроки: въ январь 3 р. съ касс. рѣш. 8 р. въ мѣя 3 р. и въ сентябрь остальная до подписной цѣны сумма. Въ случаѣ невысылки въ условленный срокъ подписной платы, дальнѣйшая доставка журнала приостанавливается и можетъ быть возобновлена не иначе, какъ по присылкѣ дополнительнаго рубля, въ возмѣщеніе расходовъ редакціи. Гг. студенты университетовъ и кандидаты на судебныя должности, удостовѣрившіе свое званіе, пользуются правомъ подписки на журналъ за половинную цѣну т.е. 4 р. 50 к.

Подписка принимается: въ конторахъ Журнала—при книжныхъ магазинахъ *Анисимова*: въ С.-Петербургѣ, рядомъ съ Публичною Библіотекою и въ Москвѣ, на Никольской улицѣ.

Гг. иногородные благоволятъ обращаться съ своими требованіями исключительно въ редакцію „Журнала Гражданскаго и Уголовнаго Права“, С.-Петербургъ, Мойка, 94.

Съ 1-го Мая по 15 Сентября, редакція открыта только по вторникамъ, отъ 10 до 4 часовъ.

Подписка на журналъ 1879, 1880, 1881 и 1882 годовъ, продолжается на тѣхъ же условіяхъ.

Оставшіяся въ незначительномъ числѣ экземпляровъ, кассационныя рѣшенія сената, продаются: гражданскаго департамента—за 1877 годъ 4 р. за 1878 годъ 4 р. включая и расходы по пересылкѣ. Кассационныхъ рѣшеній сената, а равно и журнала за другіе годы, кромѣ означенныхъ, въ редакціи не имѣется. Исслѣдованіе проф. *Кистяковскаго*—О пресѣченіи обвиняемому способѣ уклоняться отъ слѣдствія и суда, гг. подписчики могутъ получать въ редакціи по 1 р. за экз. съ пересылкою, вмѣсто 1 р. 25 к. безъ пересылки.

Редакторъ **В. Володимеровъ.**